

В. С. Крейденко

Избранное

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

В. С. Крейденко

Избранное

Санкт-Петербург
СПбГИК
2018

УДК 021
ББК 78.03
K79

Сборник статей издается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Редколлегия серии: А. С. Тургаев (главный редактор серии),
А. Ю. Русаков (ответственный редактор серии), П. Н. Базанов, В. В. Брежнева,
Г. В. Варганова, Т. В. Захарчук, М. Н. Колесникова, Д. А. Эльяшевич

Автор Крейденко Владимир Семенович,
заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор,
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Научный редактор и редактор-составитель М. Н. Колесникова
Предисловие М. Н. Колесниковой

Рецензенты:

Л. А. Кожевникова, доктор педагогических наук, профессор,
федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
А. В. Соколов, заслуженный деятель науки РФ,
доктор педагогических наук, профессор,
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Крейденко, Владимир Семенович

K79

Крейденко В. С. Избранное / В. С. Крейденко ; науч. ред., ред.-сост.
М. Н. Колесникова ; предисл. М. Н. Колесниковой ; М-во культуры РФ,
С.-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 2018. – 340 с. –
(Библиотечно-информационная наука: отечественные классики / редкол.:
А. С. Тургаев (гл. ред.) и др. ; т. 2).
ISBN 978-5-94708-267-8

Издание продолжает серию публикаций ведущих представителей библиотечно-информационной науки – преподавателей Санкт-Петербургского государственного института культуры. В сборнике опубликованы труды выдающегося российского библиотековеда и яркого представителя петербургской библиотечной школы В. С. Крейденко (р. 1930). Представлены научные работы последних лет и более ранние публикации, сохранившие свою актуальность до настоящего времени. В соответствии с основными направлениями научной деятельности В. С. Крейденко, его труды представлены тематическими разделами: методология библиотекведения, теория и практика чтения, библиотечное обслуживание. В издание включены биографические портреты коллег и друзей ученого. Приводится полный библиографический список публикаций В. С. Крейденко с 1954 по 2017 г. Адресовано специалистам библиотечно-информационной отрасли.

УДК 021
ББК 78.03

ISBN 978-5-94708-267-8

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
институт культуры», 2018

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1. Методология библиотековедения	10
Потекстовое ретроспективное интервью: к конструированию специального метода для изучения библиотечной отрасли (2010).....	10
Выдающиеся библиотековеды, библиографоведы и книговеды как объект исследования. А почему бы и нет? (2011).....	19
Новые научные методы исследования библиотечной отрасли (2012)	36
Методология библиотековедения (2013)	47
Специальные методы исследования в библиотековедении: необходимость изучения, развития и применения (2013)	66
Структура научно-исследовательского метода и терминологическая трактовка её элементов (2014)	82
Современное состояние и перспективы развития методологии библиотечной деятельности (2017) (в соавт. с Л.А. Кожевниковой)	89
Раздел 2. Теория и практика чтения.....	95
Чтение как труд и творчество (2001)	95
Телегонический эффект книги (2004).....	100
Теория и практика чтения: на пути к новой дисциплине (2005) ...	128
Книга прошлого как источник новых знаний (2014) (в соавт. с Л.А. Кожевниковой)	133
Вновь о гигиене книги (2016) (в соавт. с А. Н. Ваневым)	140
Раздел 3. Библиотечное обслуживание	144
Пояснительная записка и учебно-методические материалы к программе курса «Библиотечное обслуживание» (1997)	144
Индивидуализация общения как непереносимое условие работы с читателями (2000) (в соавт. с О. С. Либовой)	161
Краеведческая составляющая библиотечного обслуживания (2005)	199

К разработке концепции обслуживания читателей в полиэтнических регионах Российской Федерации (2005)	206
Характеристика основных видов библиотечно- информационного обслуживания (2016) (в соавт. с О. Л. Чурашевой)	211
Библиотечная педагогика как профильная дисциплина подготовки бакалавров по направлению «Библиотечно- информационная деятельность» (2017) (в соавт. с Ю.Ф. Андреевой)	220
Раздел 4. Портреты коллег и друзей	229
Б. В. Банк Б. В. Банк как редактор (2012)	229
Б. Б. Батуев Бато Бадмаевич Батуев (2010)	233
В. А. Бородина Путь к вершине: юбилей В. А. Бородиной (2012)	239
А. Н. Ванеев Три штриха к портрету А.Н.Ванеева (2014)	244
Ю. В. Григорьев Профессор Юрий Владимирович Григорьев. Краткое эссе, показавшее суть настоящего человека-учёного (2017)	250
И. В. Гудовщикова У Вас случайно нет с собою Конфуция? (2010)	254
М. Я. Дворкина Профессионал с большой буквы (2016)	257
В. А. Зеленко В. А. Зеленко – первый ректор нашего вуза (2012)	261
Н. С. Карташов Николай Семенович Карташов (2011)	265
В. П. Леонов Наш Шерлок Холмс не хуже! (2012)	269
В. А. Невский В. А. Невский (1888 – 1974) (2010)	273
С. А. Пайчадзе Рыцарь книги. Воспоминания о С. А. Пайчадзе (2008)	278

В. Ф. Сахаров	
Интеллигентность как формула жизни (2008)	281
А. В. Соколов	
Жизнь его – вечный поиск (2009)	291
Ю. Н. Столяров	
Юрий Николаевич Столяров (эссе) (2017)	295
И. И. Тихомирова	
Неустанная подвижница чтения (2013).....	300
Ю. А. Хараев	
Ю. А. Хараев – друг и коллега (2011)	306
О. С. Чубарьян	
Дружина Чубарьяна (2008)	316
Библиографический список публикаций В. С. Крейденко	321

Предисловие

Владимир Семенович Крейденко (р. 1930) – выдающийся российский библиотековед, доктор педагогических наук (1988), профессор (1990), член-корреспондент Международной Академии наук высшей школы, заслуженный работник культуры РСФСР, ветеран труда.

В.С. Крейденко – уроженец г. Батуми (Северная Осетия). В 1954 г. закончил библиотечный факультет ЛГИК им. Н.К.Крупской. После окончания института вернулся на родину. В 1960 г. поступил в аспирантуру института, а в 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию «Комплектование библиотек в многонациональных республиках и областях изданиями на языках народов СССР». Затем был направлен в г. Улан-Удэ, в недавно открытый Восточно-Сибирский государственный институт культуры, где занимал должности декана заочного факультета, а затем возглавлял кафедру библиотековедения. На этой работе в полной мере проявились его организаторские и преподавательские способности.

В 1968 г. В.С. Крейденко вернулся в ЛГИК им. Н.К. Крупской, где сначала работал доцентом на кафедре библиотековедения, затем заведовал кафедрой общеобразовательного и профессионального чтения, вскоре переименованной в кафедру социологии и психологии чтения, а в 2004 г. – после объединения двух кафедр – стал руководить кафедрой библиотековедения и теории чтения (2004–2008). Стоит особо подчеркнуть, что Владимир Семенович пришел на преподавательскую работу, хорошо зная библиотечную практику, которую освоил после окончания института сначала в Беспановской районной библиотеке, затем Северо-Осетинской республиканской библиотеке им. С. М. Кирова. В 1988 г. он защитил докторскую диссертацию «Исследовательские методы в библиотековедении: современное состояние и пути повышения эффективности».

Во время работы в институте В.С. Крейденко входил в состав Ученого Совета университета. Многие годы являлся председателем Совета Д.210.019.03 по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности 05.25.03 и 05.25.04. В 2008 г. Владимир Семенович стал профессором кафедры, затем заслуженным профессором и советником ректора СПбГУКИ.

Его отличает глубокая преданность избранной профессии. В. С. Крейденко читал ряд важнейших учебных курсов «Работа с читателями», «Библиотечное обслуживание», «Организация и методика научно-исследовательской работы», «Введение в специальность»,

«Методология и методика диссертационных исследований», руководил дипломными работами студентов, вел занятия с аспирантами и соискателями, участвовал в работе Государственной аттестационной комиссии на очном и вечернем отделении вуза.

В.С. Крейденко создал большую научную школу. Под его руководством успешно защищены 26 кандидатских диссертаций соискателей из России, Украины, Литвы, Болгарии, Китая и др.; он осуществлял научное консультирование трех докторских диссертаций.

Ученый-библиотековед с мировым именем, В.С. Крейденко опубликовал более 340 работ научного, учебного, методического характера по различным проблемам теории и практики библиотечно-информационной деятельности.

В списке работ ученого – публикации по широкому кругу вопросов библиотекведения – работе с читателями, библиотечному обслуживанию, методологии библиотечных исследований, изучению читателей и чтения, развитию читательской культуры, библиотечному краеведению и др. Ряд его трудов был издан за рубежом на иностранных языках – словацком, чешском, немецком, китайском.

Данный сборник избранных трудов выдающегося библиотековеда, яркого представителя петербургской библиотечной школы, подготовлен в связи со знаменательным событием – 100-летием Санкт-Петербургского государственного института культуры, с которым связана большая часть жизни В.С. Крейденко – еще со студенческих лет.

Наследие В. С. Крейденко невозможно отразить в одном издании, поэтому нами подготовлена уже вторая книга его избранных трудов¹. Этим объясняются установленные критерии в отборе работ автора. В настоящую книгу, в первую очередь, включены *работы, опубликованные после 2012 г.* – года самой поздней работы², представленной в упомянутом издании избранных трудов. Кроме того, повторно включены теоретически и методологически важные, новаторские для своего времени работы, впервые поставившие какой-либо актуальный научный или практический вопрос/проблему библиотечно-информационной деятельности, предлагающие

¹ Первая книга избранных работ см. Крейденко В. С. Избранное. К 85-летию со дня рождения автора. Санкт-Петербург : ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2015. 419 с.

² Методология библиотекведения как раздел библиотекведения (2012) // Крейденко В. С. Избранное. К 85-летию со дня рождения автора. Санкт-Петербург, 2015. С. 103–110.

авторское видение ее решения. Тексты публикаций приведены без сокращений; в них, по согласованию с автором, были исправлены опечатки и допущенные ранее неточности.

В структуре издания – четыре тематических раздела, которые отражают работы В. С. Крейденко в соответствии с его основными научными интересами, сформировавшимися в процессе научно-исследовательской и преподавательской деятельности ученого и педагога высшей школы. Внутри разделов принят *хронологический* порядок размещения публикаций – от более ранних к более поздним.

Первый раздел **«Методология библиотекovedения»** содержит публикации по различным аспектам методологии и методики библиотечных исследований. Начиная с 1960-х г., список его трудов неуклонно пополнялся соответствующими работами, вносящими свою лепту в развитие библиотечной науки.

Не менее интересный и показательный для творчества ученого раздел издания – **«Теория и практика чтения»**, отражающий еще одну грань его интересов. С первых дней профессиональной деятельности, начавшейся в 1950-е годы в библиотеках Северной Осетии, В. С. Крейденко привлекало руководство чтением как система работы с читателем во всех ее аспектах. И этот интерес проходит через всю жизнь ученого, с наибольшей полнотой проявившись в годы его руководства кафедрой социологии и психологии чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств с 1991 по 2004 г. (ныне СПбГИК).

Тесно связан с предыдущим раздел **«Библиотечное обслуживание»**. В. С. Крейденко является одним из основоположников данного направления библиотечно-информационной деятельности, продолжателем научной школы работы с читателями выдающегося библиотечного В.Ф. Сахарова. В 1990-е г., когда происходил переход отечественного библиотечного от парадигмы работы с читателем к парадигме библиотечно-информационного обслуживания, В. С. Крейденко внес большой вклад в разработку одноименной учебной и научной дисциплины, свидетельством чего являются публикации, включенные в данное издание.

Нельзя не обратить особого внимания читателей книги на ее последний раздел **«Портреты коллег и друзей»**. В биографических эссе ученый воссоздал образы людей, как достаточно известных, так и позабытых, сыгравших важную роль в его жизни, жизни родного вуза, библиотечной профессии. Эта своеобразная галерея

портретов-воспоминаний – дань памяти и благодарности В. С. Крейденко тем, кто оказался ему дорог и близок по жизненным интересам, увлечениям, взглядам, общему делу. В данном разделе принят иной порядок расположения публикаций – *по алфавиту персоналий*.

Издание избранных трудов библиотековеда включает также полный библиографический список его публикаций, начиная с самой первой – 1954 г., что позволяет целостно отразить его обширное научное наследие.

Проблематика научного творчества профессора Владимира Семеновича Крейденко охватывает самые актуальные и дискуссионные темы библиотековедения – формы и методы библиотечного обслуживания населения в контексте изменяющейся социально-политической, экономической, этнокультурной среды, краеведческая деятельность библиотек, методология и методика библиотечных исследований читателей и чтения, типологизация читателей, развитие культуры чтения, выставочная деятельность библиотек, развитие высшего библиотечного образования и др. Поэтому его публикации разных лет не утратили и сегодня своего практического значения для широкого круга специалистов в области библиотечно-информационной деятельности и в сфере культуры в целом, преподавателей и студентов профильных учебных заведений.

М.Н. Колесникова

Раздел 1. Методология библиотековедения

Потекстовое ретроспективное интервью: к конструированию специального метода для изучения библиотечной отрасли (2010)

Что из себя представляет метод ретроспективного интервью и в каких исследовательских случаях в библиотечной отрасли его можно успешно использовать? Термин «ретроспективное интервью» и, в известной мере, синонимичный по отношению к нему – «историческое интервью» появился в конце 1970-х гг.

Метод «ретроспективного интервью» был разработан в русле когнитивной психологии для изучения причин возникновения эмоций у человека [6]. Метод исторического интервью предполагал личные собеседования для сбора ценной информации, которую можно было использовать в качестве исторического материала при изучении проблем современной истории [1].

В настоящее время под ретроспективным интервью понимают такой опрос респондентов, когда надо выяснить их прошлое (действия, мнения, отношение, оценка по отношению к предмету, который интересуется исследователя).

Рассматриваемый нами метод и тот, о котором писала Л. Н. Иванова, между собой имеют лишь одно сходство – близость в названии, метод исторического интервью вообще предполагает общение с живыми людьми, знающими тот аспект истории, который интересуется интервьюера – исследователя.

Чтобы не путать рассматриваемый здесь вид интервью с названными выше, мы вводим термин «потекстовое ретроспективное интервью».

Каждый метод имеет свою познавательную направленность и разрешающие возможности (и ограничения). Обеспечивается все это специально создаваемой структурой метода, особенностями входящих в нее различных элементов, их количеством, последовательностью взаимосвязи и т. д.

Рассматривая здесь потекстовое ретроспективное интервью, впрочем, как и любой другой метод, надо исходить из посылки о том, что правомерно вести речь не о недостатках этого метода, а скорее о не всегда правильном его использовании.

«Интервью» – английское слово и означает «встреча», «беседа». Термин «беседа» более соответствует понятию «интервью», но эти слова не являются синонимами, особенно в теории и практике изучения библиотечной отрасли.

Формулы, которые определяют репрезентативность и сложность этого метода: «Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке все, что узнал о себе и захотел сообщить другому <...>. Язык насквозь антропоцентричен» [8]; «Границы моего языка означают границы моего мира [2] и «Разговорный язык есть часть человеческого организма, и он не менее сложен, чем этот организм» [2]. Они означают, что получить значимые показатели различных состояний (аспектов, элементов и др.) сознания, а тем более информацию о глубинных структурах сознания иным способом, как через самовыражение личности, особенно вербальное, просто невозможно.

Обычное интервью использует процесс вербальной коммуникации для того, чтобы получить информацию в зависимости от намеченной задачи. Что же касается *потекстового ретроспективного интервью*, то в нем применяется только такая вербальная информация, которая зафиксирована в письменных источниках (текстах).

Поэтому оно и начинается со слова «потекстовое», чтобы подчеркнуть, что информацию исследователь получает «не лицом к лицу» с интересующими его персонами, а из текстов, написанных в разное время.

Слово «ретроспективный» означает, что интервью «берется» у респондентов, живших в прошлые годы. Иными словами, **предметом ретроспективного интервью является состояние сознания того или иного исторического лица или некоторого коллектива лиц, определяющих массовое сознание, запечатленное в письменных текстах.**

Таким образом, здесь словесное общение приобретает косвенный вид: исследователь считывает необходимую ему информацию из соответствующим способом подобранных документов. Понятно, что такой вариант интервью бывает крайне необходим тогда, когда с респондентами нельзя провести беседу по объективным причинам, например, взять интервью у деятелей прошлых лет и эпох, которых нет с нами.

Особенности ретроспективного интервью:

а) ретроспективность. Несмотря на органическую связь с современностью, метод своей сутью направлен в прошлое, на раскрытие библиотечных событий и процессов минувшего.

б) опосредованность. Исследование по понятным причинам, прежде всего, ведется не прямо, а через исторические и другие источники.

в) актуальность. Ответы на поставленные вопросы должны представлять большой общественный интерес для сегодняшнего дня.

Развивая идеи, высказанные в трех формулах, приведенных выше, отметим, что ретроспективное интервью оперирует запечатленной в документах и поэтому особенно важной вербальной, динамической информацией (информацией в развитии) об интересующих исследователя лицах. Дело в том, что письменная (зафиксированная на носителях) речь – в сравнении с устной, имеет ряд серьезных преимуществ, особенно для интервьюера, так как письменная речь наиболее важна в процессе закрепления и передачи знаний, в умственном развитии человека. «Письменная речь, – говорил Л. С. Выготский, – есть алгебра речи», поскольку она вводит «в самый высокий абстрактный план речи, перестраивая тем самым и прежде сложившуюся психическую систему устной речи» [3]. А. Р. Лурия подчеркивал, что письменная речь является «новым и мощным орудием мышления, имеющим нередко значительно большие возможности, чем устная речь» [1].

Какие тексты могут быть использованы в ретроспективном интервью?

Основные:

- печатные и рукописные материалы, принадлежащие перу исторического лица: готовые и незаконченные работы, заготовки, письма, дневники и т. д.;
- печатные и рукописные тексты лиц, знавших историческое лицо.

Контрольные:

- исследования его современников, где речь в той или иной степени идет и о нем;
- исследования наших современников об эпохе, годах, когда жило интересующее нас лицо, и мысли о нем, содержащиеся в этих работах.

С помощью ретроспективного интервью эти источники помогают получить разнообразную содержательную информацию: 1) о фактах

(событийная информация); 2) о знаниях респондента в той или иной области; 3) об информированности респондента, включая его взгляды по интересующим исследователя вопросам; 4) об оценках тех или иных явлений, фактов, событий, процессов; 5) о самооценке своих качеств; 6) о мнениях исторического лица; 7) о вербальном поведении опрашиваемого (о чем писал, о чем умалчивал, чего вообще не касался в своих текстах); 8) об установках; 9) о ценностных ориентациях, 10) о мотивах поведения личности; 11) проблемные суждения респондентов по той или иной значимой проблеме и предложения о путях и способах её решения.

Разрабатывая вопросы для ретроспективного интервью, необходимо учитывать возможность получения ответов из существующих ретроматериалов. А для этого надо хорошо изучить эпоху или исторический период, в которые хочешь обратиться за получением материалов, особенности информационного поля того времени, все главное, что имеет отношение к жизни и деятельности респондента (респондентов), тексты, которые имеются о них.

Ответы на вопросы должны подбираться так, чтобы не нарушать логику развития мировоззрения и творчества исследуемого лица.

Если в разное время на один и тот же вопрос респондент отвечал по-разному, это надо отметить в интервью, прокомментировав причину.

Факты изучаемой исторической действительности выявляются из соответствующих источников, т. е. в процессе познания происходит дважды субъективизированная отражательная реконструкция. Первый раз в тексте отражается субъективное мнение респондента о реальной для него действительности. Второй раз – эту субъективизированную автором источника действительность интерпретирует интервьюер. Поэтому работа в условиях ретроспективного интервью требует очень серьезной подготовки и знаний. И, прежде всего, надо иметь в виду, что этот метод подчиняется принципам и приемам реконструкции той исторической реальности, которой интересуется исследователь.

Одно из условий реализации возможностей метода – найти ключ доступа к «вербальному архиву» интересующих исследователя респондентов. И этому поиску помогает такой важный вид деятельности, как «реконструирование», благодаря которому интервьюеру удаётся с помощью определенных мыслительных операций, специально созданных приемов воссоздать искомое, опираясь лишь на некоторые частичные данные о нем и о связанных с ним явлениях. При этом

используются приемы экстраполяции и различные виды логических рассуждений, в частности, рассуждение по аналогии, рассуждения, строящиеся на основе знаний о каузальных, функциональных и других связях и зависимостях. Этим путем удается реконструировать: а) по известным частям целого само целое; б) причину или условие (по следствию); в) процесс или механизм (по результату) и т. д.

При реконструкции исторической реальности важно и ретроспективно широко использовать письменные источники. Но использование реконструкции не вызывает затруднений только в том случае, если исторические источники содержат информацию, необходимую для решения поставленной исследовательской задачи в непосредственно выраженном виде. Тогда требуется лишь обеспечение представительности формируемой системы фактов. Однако для решения значительного числа исследовательских задач источники не дают открыто нужной информации в непосредственно выраженном виде. Поэтому необходимо уметь извлекать из них информацию, содержащуюся в скрытом виде, путем, прежде всего, выявления взаимосвязей. Разработано много конкретных приемов такого извлечения. Важную роль здесь играют не только логические приемы, но и другие факторы: чувственный опыт, интуиция, научное воображение [5, 13].

Академик Д. С. Лихачев писал по поводу неперменных условий восстановления текстов: «... надо очень ясно представить себе авторов, редакторов, переписчиков – их мировоззрение, их психологию, создаваемую исторической действительностью. Необходимо учитывать требования «канцелярий», где эти тексты создавались или переделывались, требования заказчиков (когда они были), возможные противоречия между заказчиком и исполнителем – противоречия, создаваемые самим мировоззрением исполнителя, его политическими идеями и бессознательными устремлениями. Тот исполнитель, который лучше всего сможет себе представить все это на основе всего имеющегося конкретного материала, тот и будет иметь наибольшие шансы к самому убедительному восстановлению текста» [7] [см. также интересные работы 14, 9, 10, 19].

«Добываемая» из текстов информация в ретроспективном интервью представляется как ответ на его вопросы в виде: а) изложения мыслей, мнений и т. д. респондента (ов) или б) в форме цитат. Но и в первом и во втором случае обязательно должны быть точно указаны источники. Это требование подчеркивается как важнейшее

многими специалистами: автор обязан указывать «точный источник, из которого взята цитата, и тщательно проверить все цитаты» [15].

В этой связи весьма поучителен пример, который приводит из своей практики писатель П. А. Павленко. «По неопытности, по неумению работать с документами, – самокритично вспоминал он, – я забывал отмечать, откуда, из какого источника добывал сведения. Пока дело касалось фасона шляп и погоды, я не чувствовал противоречий, но как только подобрался к характеристике происходящего, к оценке деятельности коммуны (Парижской коммуны. – В. К.), весь мой материал встал дыбом. У меня получилось пять-шесть оценок одного и того же события, пять взаимно исключающих друг друга сообщений о данном сражении, о данном декрете коммуны, о данном лице. Газеты были разные и мемуаристы – тоже неодинаковые... набрался материал, которому я сам уже не мог верить» [12].

Если в обычных исследованиях цитаты играют вспомогательную роль, по-разному подкрепляя логику исследования, то в ретроспективном интервью они становятся основным элементом, где обязаны нести основную нагрузку: правдиво освещать исторический процесс развития мыслей, взглядов, позиций изучаемого лица, должны давать достоверную картину научного движения.

Интервьюер должен выбирать и предпочитать свежие, «не захватанные» цитаты тем, которые кочуют из одной работы в другую.

Нельзя интервьюерам пытаться «создать иллюзию самостоятельности и оригинальности собственной работы», конструируя «произвольное сочинительство цитат», «улучшая» взгляды изучаемого лица (т. е. исключить, удалять ошибочные, с их точки зрения, положения). Категорически запрещается «препарировать цитаты» из работ того или иного автора таким образом, чтобы они приобретали не тот смысл, какой имел в виду сам автор, а тот, который хочет им придать исследователь.

Каждая цитата в ретроспективном интервью должна быть точной и сопровождаться такой же точной ссылкой и необходимыми пояснениями.

Требование абсолютной точности в цитируемых текстах не просто забота о «букве закона», а серьезное научное и социально важное обеспечение нерушимости истины и священной правды, обеспечивающих истинность излагаемых в ретроспективном интервью событий. Категорически запрещается «ретуширование», т. е. изменение текстов (дат, фактов, фамилий), редакторская правка и т. д.

Цитируя, полагаться только на память, какой бы хорошей она была, нельзя. Многие известные и авторитетные авторы, кто пытался цитировать по памяти, часто ошибались [11]. «... соответствие цитаты источнику надо понимать не только как буквальное соответствие и это тоже важно), но и в том плане, что мысль, выраженная в подлиннике, при цитировании не искажается» [15]. Подчас в ретроспективном интервью используется прием «цитата в цитате», т. е. в цитируемом отрывке текста респондента приводится цитата другого лица, как он её понял. Если в тексте нет источника этой цитаты, то по возможности надо его установить.

Элементы ретроспективного интервью действуют в различных библиотечных методах давно, превращаясь подчас в самостоятельный исследовательский метод. Назовем лишь некоторые. Так, на основе приемов реконструкции прошлого была воссоздана личная библиотека сибирского ученого, фольклориста и этнографа С. И. Гуляева [17]. В 1986 г. была высказана любопытная мысль: «Если бы существовал научный метод реконструкции человека по его книгам (ведь говорят же «скажи мне, кто твой друг...») (подчеркнуто нами. – В. К), то несомненный интерес ученых вызвал бы «человек – библиотека по имени Дейч» [16]. Такой метод сейчас называется «реконструкция человека по его чтению (скажи мне, что ты читаешь)». Здесь восстановление идет как бы от книги к человеку, изучается влияние той или другой книги на его развитие. Учитывается, что читал и когда; отзывы, составленные на прочитанные книги; дневник; состав личной библиотеки, динамика ее развития; пометки на книгах; дарственные надписи на книгах, подаренных ему, и т. д. Вернее, идет изучение от книги к человеку и от человека к книге (навстречу друг другу).

«Реконструктивный анализ литературного произведения» – это метод анализа, используемый для изучения произведений, которые целиком не сохранились или вообще отсутствуют. Этот анализ не восстанавливает утраченный текст, а представляет своеобразную расшифровку дошедшего до нас свидетельства, дающего возможность получить некоторое представление о направленности произведения [1].

Методика такого анализа представляет известный интерес для библиотечных методов и используется достаточно часто. Она применяется, например, для того, чтобы по различным разрозненным сведениям восстановить облик (читателей прошлых лет, картину деятельности библиотек отдельных эпох, библиотечную и читательскую

деятельность конкретных исторических лиц (разумеется, в сочетании с другими методами)). Последнее часто становится непосредственным выходом на использование метода ретроспективного интервью.

Метод ретроспективного интервью может успешно использоваться в различных исследованиях библиотечной отрасли в широком диапазоне – от создания «коллективного портрета» библиотекаря или читателя или иной эпохи или исторического периода до индивидуальных портретов тех или иных конкретных лиц – библиотечников, читателей, писателей и т. д.

В рассматриваемой связи знаменательно, что Российская национальная библиотека совместно с Министерством культуры РФ и Российской библиотечной ассоциацией провела в октябре 2000 г. научно-практическую конференцию по истории библиотек «Реконструкция российских библиотек: проблемы и подходы к решению». На конференции был рассмотрен круг проблем, связанных с восстановлением истории создания и деятельности, археографическими исследованиями и реконструкцией фондов российских библиотек (сообщение о конференции см.: Информационный бюллетень РБА. – 2000. – № 16. – С. 253–254).

Без сомнения, библиотечным специалистам, готовящим свои исследования к этой и подобным конференциям, окажет помощь близкая к идее полнотекстового интервью книга Е. Лаврентьевой «Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет» (М. : Молодая гвардия, 2005. – 663 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества)). Перед нами не столько авторская книга, сколько богатейшее собрание цитат – отрывков из мемуаров, переписки и прозы конца XVIII – первой половины XIX в. Прделана колоссальная работа. Из коротких и пространых сочинений автор выбрала отрывки, посвященные двум аспектам повседневной жизни дворянства: правилам приличия и светским манерам и культуре застолья.

Покажем структуру книги по той ее части, которая посвящена застолью. Е. Лаврентьева как бы задает авторам эпохи вопросы: а как тогда курили? а как накрывали стол? а какие были приборы? как и когда их меняли? что делали слуги и сколько их было? Задает вопросы и в качестве ответа на каждый приводит не один, а несколько фрагментов мемуаров и писем. Получается, что эпоха сама, своим голосом отвечает на заданные ей вопросы. Не случайно, кстати, и в названиях всех многочисленных главок использованы цитаты – это лишь подчёркивает, что автор как бы дает слово людям прошлого.

Знакомство с книгой будет весьма полезно исследователям, проводящим текстовое интервью по проблемам библиотечной деятельности.

Список литературы

1. Анализ литературного произведения / под ред. Л. И. Емельянова и А.Н. Иезуитова. – Л., 1976. – С. 213.
2. Витгенштейн, Людвиг. Логико-философский трактат. – М., 1958.
3. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования. – М., 1956. – С. 264.
4. Гришунин, А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. – М.: Наследие, 1998. – 413 с.
5. Иванов, Г. М. Методологические проблемы исторического познания / Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. – М., 1981. – С. 65–69.
6. Иванова, А. И. Ретроспективное интервью как метод изучения мышления // Проблемы мышления в производственной деятельности. – Ярославль, 1980. – С. 117–119.
7. Лихачев, Д. С. Текстология. Краткий очерк. – М.; Л., 1964. – С. 459. См. Лихачев, Д. С. Текстология : на материале рус. лит. X-XVII вв. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л. : Наука, 1983. – 639 с.
8. Логический анализ языка : образ человека в культуре и языке / отв. Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – С. 3.
9. Макеева, М. Н. Риторическая программа художественного текста как условие использования рациональных герменевтических техник в диалоге «текст-читатель». – Тамбов : ТГТУ, 1999. – 134 с.
10. Миловидов, В. А. Текст, контекст, интертекст: введение в проблематику сравнительного литературоведения : пособие по спецкурсу. – Тверь : ТГУ, 1998. – 83 с.
11. Огрон, Б. Беспризорные цитаты // Звезда. – 1929. – № 5. – С. 177.
12. Павленко, П. Мой творческий опыт рабочему автору. – М., 1934. – С. 10.
13. Петров, Ю. В. Практика и историческая наука. – Томск, 1981. – С. 283.
14. Психологическая наука в СССР. – М., 1959. – Т. 1. – С. 544.
15. Сикорский, Н. М. Вопросы методики редактирования // О редактировании книги. – М., 1959. – С. 63.
16. Танюк, О. Как щедр талант // Кн. обозрение. – 1986. – № 48, 28 нояб. – С.15.
17. Троицкий, Ю. Л. Личная библиотека С. И. Туляева (проблемы реконструкции) // Русская книга в дореволюционной Сибири : книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. – Новосибирск, 1984. – С. 82–91.
18. Уваров, А. К. Гносеологический анализ теории в исторической науке. – Калинин, 1973. – С. 160.
19. Клемперер, В. ZTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. – М.: Прогресс-традиция, 1998. – 384 с.
20. Опубликовано: Библиосфера. – 2006. – № 1. – С. 35–39.

Выдающиеся библиотековеды, библиографоведы и книговеды как объект исследования. А почему бы и нет? (2011)

*«Историческое изучение научного творчества
есть сейчас необходимейшее орудие нашего
проникновения в новые огромные открывающи-
еся области научных достижений.
В трудной работе в новых областях знаний без
этого нельзя идти сколько-нибудь сознатель-
но»*

Вернадский В. И.

Записки о необходимости возобновления работ
комиссии по истории наук // Труды по всеобщей
истории науки.

2-е изд. М. : Наука, 1988. С. 269.

Науку и практику создают и развивают люди. Одни просто приходят на работу и делают, что им сказали (а иногда и увиливают), другие вкладывают в работу свою душу, разум, энергию, и при их усилиях и помощи изменяется наука, развивается практика. Вот о таких людях, «двигателях прогресса», мы и поговорим. Интересно, что эти люди не похожи друг на друга, есть черты, которые их объединяют, но, пожалуй, еще больше индивидуального, особенного в них, что привлекает или отталкивает... Больше поэтов хороших и разных! Эта формула В. В. Маяковского, настроенная на нашу тему, будет звучать так: «Больше ученых хороших и разных»! И, действительно, одни ученые – универсалы. Они охватывают все поле науки и практики, двигая их вперед. Другие всю жизнь занимаются одной проблемой и вносят в ее разрешение неоценимый вклад. Третьи – организаторы науки и практики. Они собирают вокруг себя умных людей и помогают им работать, внедряют их открытия в жизнь на благо науки и практики и т. д.

А какие у них, по крайней мере, у некоторых, архивы³ – сколько здесь скопилось идей неопубликованных по тем или иным причинам работ. Разобраться во всем этом – задача большой исторической, теоретической и практической значимости.

³ Архивы у них хорошие, так как они библиотекари и знают толк в этом деле.

А много ли мы знаем о таких людях сегодня в нашей отрасли? Нет! Почему, их было мало? Нет! Их было достаточно, но время было такое, что не всегда можно было заниматься этой проблемой – людьми, иногда она была даже опасной.

А почему бы нам сегодня не активизировать работу по сбору и обработке материалов о выдающихся наших ученых? И, создав их научные биографии, начать активно пропагандировать наследие, оставленное этими великими людьми, среди студентов библиотечно-информационного факультета, аспирантов, педагогов высшей и средней библиотечной школы, библиотекарей-практиков, наконец, среди читателей наших библиотек.

Лучшим способом для сбора и анализа материалов о таких людях, как нам думается, являются кандидатские диссертации по специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение». Каждая такая диссертация может быть посвящена отдельной персоне.

Зададимся и таким вопросом. А много ли написано таких диссертаций? Нет!

Что касается персональных диссертаций, посвященных библиотековедческим темам, то с большим трудом (с помощью профессора Ю. Н. Столярова) удалось выявить три:

Кротова О. Н. Библиотековедческие концепции А. А. Покровского: становление и развитие : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1995 – 16 с.

Соков П. С. Н. К. Крупская и становление библиотечного образования в СССР : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1973 – 30 с.

Сальникова Л. И. Н. К. Крупская и формирование библиотековедения как общественной науки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1980 – 16 с.

У библиографоведов и книговедов дело обстоит лучше. Там, например, только в диссертационном совете (05.25.03 и 05.25.05) при СПбГУКИ (с 1950 по 2003 г.) были защищены о библиографоведах и книговедах следующие кандидатские диссертации (дадим их в алфавите авторов) [1]:

Брискман М. А. В. Г. Анастасевич : дис. ... канд. пед. наук. – Л., 1956. – Т. 1. – 369 с. ; Т. 2 – 197 с. – То же: автореф. – 20 с.

Варбанец Н. В. Иоганн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе : дис. ... канд. пед. наук. – Л., 1972. – 305 с. – То же: автореф. – 27 с.

Вербина Н. Ф. Л. Н. Троповский и проблемы становления и развития советской библиографии : дис. ... канд. пед. наук. — Л. 1980. — 225 с. — То же: автореф. — 15 с.

Дацюк И. В. А. А. Кроленко и его роль в развитии книжного дела России : дис. ... канд. фи лол. наук. — СПб., 2002. — 287 с. — То же: автореф. — 17 с.

Ильина О. Н. С. Д. Балухатый и вопросы становления и развития научно-вспомогательной литературной библиографии : дис. ... канд. пед. наук. — Л., 1983. — 216 с. — То же: автореф. — 16 с.

Крамер В. В. С. Д. Полторацкий и русско- французские библиографические связи в середине XIX века : дис. ... канд. пед. наук. — Л., 1975. — 184 с. — То же: автореф. — 22 с.

Лапицкая С. Бер Гальперн (1902–1984 гг.). Редакционно-издательская и просветительская деятельность : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1997. — 319 с. — То же: автореф. — 18 с.

Матвеева И. Г. А. М. Ловягин и становление российского книговедения : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1997. — 222 с. — То же: автореф. — 16 с.

Ребигов В. Б. Издательство И. Г. В. Дитц и русско-немецкие книжные связи : дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1991. — 277 с. — То же: автореф. — 16 с.

Сералиева Ж. К. П. Н. Берков и проблемы советского книговедения : дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985. — 231 с. — То же: автореф. — 16 с.

Томина В. П. М. К. Азадовский (1888–1954). Библиографическая деятельность : дис. ... канд. пед. наук. — Л., 1975. — 168 с.

Эльзон М. Д. А. Г. Фомин (1887–1937): жизнь и библиографическая деятельность : дис. ... канд. пед. наук. — Л., 1972. — 234 с. — То же: автореф. — 18 с.

Почему необходимо изучать человеческое содержание культуры? Да потому, что человек — стержень развития этой культуры. Деятельность человека является основой динамики культуры: основу любой культуры составляет человек, творящий эту культуру и одновременно являющийся ее произведением [2].

Суть библиографических исследований деятелей в области библиотекведения, библиографоведения и книговедения как раз и ставит в центр внимания личность в культурном контексте вообще и особенно той части культуры, где эта персона профессионально трудилась библиотекведом, библиографоведом или книговедом.

Без осмысления биографии той или иной персоны, ее сущностного и личностного контекста, любое исследование библиотечной отрасли становится схематичным набором идей, мыслей, действий, концепций и т. д., теряет тот импульс, который необходим для понимания духовных процессов, того, что ими движет.

Посмотрите внимательно учебник по библиотековедению, библиографоведению и книговедению (особенно по библиотековедению) и вы увидите, как мало в них имен наших замечательных ученых и практиков, внесших выдающийся вклад в развитие тех дел, которыми каждый из них занимался и о которых, кстати, много написано в этих учебниках (повторяю, часто анонимно, без имени их создателя!). Поступая так, мы совершаем большую методологическую и, если хотите, педагогическую ошибку!

В связи с вышесказанным значительный интерес представляют работы М. О. Гершензона – большого мастера биографического анализа. По его правильному, как мы думаем, мнению, любые идеи могут существовать и представлять активную силу только в умах конкретных людей, их породивших, оживают они только в личностях, и изучать их возможно только «в их индивидуальной углубленности, в лице их типичнейших представителей» (получается взаимодействие: идея – авторитет ее создателя! [3] или идея – авторитет другого лица, пропагандирующего эту идею, например, соратник персоны, автор учебника и т. д.).

Кроме того, через биографии или жизненные истории можно вернуть в поле зрения науки те зоны, которые были переведены на задний план или вообще утеряны, или оставлены без внимания.

В условиях, когда общественная и научная сфера «обманным путем, но неуклонно заселяется частными проблемами, упрощенными, обципанными, очищенными от общественных связей», необходимы «совместные усилия для перевода языка частных проблем на язык общественного блага» [4].

Исследования, посвященные выдающимся представителям нашей науки, служат источником нового знания, расширяют кругозор читателей и библиотекарей, пробуждая интерес к самообразованию и самовоспитанию. Они совершенствуют представления об этике поведения и эстетических воззрениях, формируют нравственные убеждения, дают яркие примеры для подражания, что особенно важно для студентов, аспирантов, молодых специалистов.

Безусловно также и то, что биографии выдающихся людей в любом обществе представляют собой культурные образцы и служат

средством культурной и социальной интеграции, а в учебном процессе, в котором преподаваемая дисциплина хорошо иллюстрирует деятельность выдающихся ученых в развитии этой науки, способствует привитию любви к профессии, вызывая стремление подражать своим кумирам.

Биографическая литература, созданная на основе рассматриваемого здесь диссертационного направления в нашей специальности – 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» – может и должна участвовать в интеллектуальном и нравственном совершенствовании библиотекарей и читателей, вообще всех, кто связан, так или иначе, с библиотечно-информационной сферой.

И, наконец, имидж нашей науки, в известной мере, создается и усиливается авторитетом тех больших ученых, которые в ней успешно трудились или трудятся сегодня.

Учитывая важность изучения биографии человека, его жизненного пути, стали предприниматься попытки по созданию специальной комплексной науки названной «биографика». Биографика (от *греч.* *bios* – жизнь и *grapho* – пишу) начинает заниматься вопросами возникновения и историей развития биографического жанра, разработкой алгоритмов (структуры) биографий различных видов, а также методами их изучения [5].

В условиях гуманизации жизни, возрастания роли человеческого фактора не менее важны задачи познания психологии творчества, раскрытия личности самого человека. В рассматриваемой связи методологическое значение имеют слова академика И. В. Петрянова-Соколова об изучении личности ученых: «Нас интересует в судьбе ученого: все сюжеты, полные хорошо видимого действия, и скрытая работа мысли. Нас интересует, как человек выбирал цель исследования, что преодолевал в себе, с кем сотрудничал, что читал, каковы его способы анализа и острота интуиции, какие вопросы он задавал себе, природе, людям, как он шел к открытию и каким стал миг его торжества» [6]. Это своеобразный алгоритм раскрытия жизнедеятельности личности, который может быть применен для анализа жизни и деятельности любой творческой личности.

Д. Гранин вспоминает, что биографический жанр и в США, и в Англии – один из самых читаемых, любимых. «Я видел в Лондоне, – пишет он, – в специализированном магазине биографической книги то, чего нет у нас: художественные биографии почти всех наших царей, по несколько книг о Петре Великом, о Екатерине, об Александрах,

Николаях, Елизавете... Толстые фоллианты, богато иллюстрированные. Наша серия «Жизнь замечательных людей» до сих пор не только многих царей, но и великих гениев мировой культуры не может представить читателю» [7].

Действительно, и сегодня издание биографической литературы, как на федеральном, так и на местном уровне, осуществляемое многими издательствами, носит эпизодический, бессистемный характер. Это и отдельные издания, и книги, выходящие в сериях «Научно-биографическая литература», «Жизнь замечательных людей», сборники популярных очерков об ученых. Востребованными библиотекарями и читателями могли бы быть биографические справочники «Жизнь замечательных людей нашей отрасли». Цель издания таких биографий – популяризация знаний по истории отрасли, раскрытие процесса ее развития через биографии ученых. Важное значение при изучении биографии персоны имеет характер влияния диссертанта на содержание автобиографических текстов и материалов. Оно может быть незначительным или чересчур большим. В последнем случае становится очевидным «навязывание», подчинение биографии персоны определенной позиции автора в ущерб объективности. Иными словами, автор не проверяет свою гипотезу, а подгоняет под нее имеющиеся документы и материалы. Это попытка создать свою версию биографии необходимого ему персонажа. Заданный диссертантом контекст начинает поглощать индивидуальное жизненное содержание.

Биография исследуемой персоны должна представлять живого реального человека во всей неповторимости его индивидуальных особенностей и жизненных отношений, а не быть обобщением, искусственно заданным творческой волей диссертанта, противоречащим реально существующим биографическим документам и материалам.

Любая человеческая жизнь неповторима, ценна и имеет свой особый смысл. Мельчайшая подробность биографии оказывается драгоценной. Каждый изучаемый документ уникален, и работа диссертанта сопряжена с тщательным познанием этой индивидуальной неповторимости.

Диссертантам, занимающимся исследованием, посвященным библиотековедению, библиографоведению или книговедом, важен не только сам биографический текст, воссоздающий мир идей и взглядов изучаемой персоны, но и культурный контекст, указывающий на принадлежность данной персоны своему поколению, его ценностям,

«заблуждениям», «суевериям», «иллюзиям» и, таким образом, своему времени.

Поэтому особое внимание диссертант должен обратить на необходимость объективной оценки изучаемой персоны, ее общественную и педагогическую деятельность, мировоззренческие позиции. Диссертация должна содержать только достоверные сведения о персоне. А если существуют какие-то ошибочные мнения, то показать, почему они не верны. Нельзя также приукрашивать заслуги персоны, а если были ошибки и заблуждения, не скрывать их, а проанализировать причины: ничего лишнего и ничего не проверенного на подлинность не должно быть.

Для этого, изучая персону, диссертант должен придерживаться правила пяти «не», а именно:

- *не* должен выступать в роли «представителя», «защитника» изучаемой персоны;
- *не* считать себя всезнающим и никогда не сомневающимся в своей правоте ученым;
- *не* быть равнодушным зрителем, наблюдающим за происходящим на сцене;
- ничего *не* выдумывать;
- а если реставрируются или реконструируются какие-то события, действия, высказывания и т. д. персоны – *не* создавать их «из воздуха», а только из сохранившихся существенных частей («остатков», описаний и т. д.)

И общее правило – всегда подтверждать свои основные, главные выводы документально, ссылками на источники, желательно нескольких разных, откуда взяты цитаты или соответствующие утверждения.

Диссертации этого вида (условно) могут быть отнесены к исследованиям «кейс стадис» (отдельных случаев). Научные инновации связываются здесь не только и не столько с прошлым знанием, сколько с определенным временным периодом, с конкретным местом, индивидуальными особенностями ученого (его окружением, образованием и т. д.) [8].

Диссертационные исследования о библиотечной персоне – это не только сбор и анализ большого количества источников, что само по себе очень трудоемкая и ответственная работа, при этом необходимо во всем проанализированном материале найти общий смысл рассмотренного индивидуального опыта личности, выстроить единую жизненную линию – «генеральную линию в жизни» данной персоны.

В кандидатских диссертациях, посвященных отдельному лицу, которые по существу являются научными биографиями – исследование человека науки должно представлять сочетание трех составляющих:

Содержание трудов ученого;

Характеристика поведения ученого на разных этапах жизненного пути;

Отношение эпохи к персоне и ее отношение к ней [9].

Уже из этой триады видно, какой широкий круг источников должен быть охвачен и изучен.

Документы, непосредственно связанные с жизнью и деятельностью персоны, изучаемой в диссертации, могут быть разделены на две группы: а) источники, непосредственно связанные с жизнью и деятельностью персоны; б) источники, имеющие косвенное отношение к персоне.

Перечислим основные в каждой группе.

Источники, непосредственно связанные с жизнью и деятельностью изучаемой персоны:

- все варианты биографий и автобиографий как рукописных, так и опубликованных при участии самой персоны или самой персоной;
- личные документы: дневники; альбомы; мемуары (законченные и наброски к ним); история семьи; ее генеалогия. Если сохранились – школьные и вузовские сочинения, бытовые справки, удостоверения, дипломы, грамоты, личные листы по учету кадров, судебные дела, медицинские карты, кино-, фото-, видео- и магнитофонные записи, личные письма, написанные им и адресованные ему (выявить круг лиц, с кем переписывался, интенсивность переписки, затрагиваемые темы);
- различные коллекции, которые собирала персона, сведения о его домашней библиотеке.

Эти документы чаще всего находятся в разных местах и их поиск – трудное и серьезное дело. Зато из них можно получить самую неожиданную и неизвестную до сих пор широким кругам библиотечного сообщества информацию.

Анализируя эти источники, надо иметь в виду, что реализация личностью присущих ей качеств, установок, ценностных ориентаций происходит в процессе развертывания ее биографии. Г. Г. Сильницкий справедливо предлагает видеть в биографии человека начальную, то есть мотивационную фазу, связанную с исходными стремлениями личности; далее актуализированную фазу,

отображающую реализацию мотивационных установок в конкретной жизни (различаются интровертированная и экстравертированная направленности последней); и, наконец, апологическую фазу, связанную с оценкой результата деятельности личности [10].

Если посмотреть, например, работу Гершензона «История молодой России», о которой мы уже упоминали, то он пытался «перевоплотиться» в изучаемого человека (своего рода прием эмпатии) и «изнутри следовать за ростом его души». Он стремился объяснить каждую отдельную жизнь «в терминах ее органической сердцевины». Переписка, дневники, черновые тетради, разного рода отрывки, которые удавалось найти в семейных архивах, были основным материалом для Гершензона – документами «с их сиюминутным содержанием, забальзамированным в чистом виде и навсегда сохранившим нетронутой свою свежесть, в которых до сих пор не остыло дыхание жизни» [3].

В биографиях, как в «документах жизни», Гершензона особо интересовал «ускользающий момент – момент страдания и тревоги, борьбы или непрестанного поиска, и в противоположность этому, он любовно воспроизводил и минуты спокойствия, восхищения, и те моменты, когда дух вновь обретает цельность» [3].

Источники, имеющие косвенное отношение к персоне:

- отражающие социально-политическую и общественно-экономическую обстановку в период его жизни (исторические, политические, экономические документы);
- показывающие развитие и состояние конкретных направлений науки в период его деятельности (историко-научные материалы);
- раскрывающие состояние конкретных направлений науки в момент написания диссертации (специальные и научно-популярные работы последних лет);
- биографии, написанные не самим изучаемым, а другими лицами. Это могут быть биографические очерки, официальные научные биографии, а также энциклопедические справки, некрологи и др.

Рассказывая о жизненном пути персоны, надо показать его окружение в детские и юношеские годы, отметить тех (родителей и родственников, учителей, библиотекарей, книголюбов, товарищей и др.), кто помог ему развить способности, раскрыть талант. Характеристика творческого пути ученого должна формироваться на основе квалифицированного анализа его вклада в развитие библиотекосведения (библиографосведения или книговедения, или всех трех сразу).

Отметить, что нового дали его труды по сравнению с существовавшим тогда уровнем знаний, как повлияли они на дальнейшее развитие определенного направления науки, какое место занимают они в исследованиях и в библиотечной (библиографической, книговедческой) практике сегодня. Что переиздается сейчас? Или что целесообразно переиздать?

Изучение материалов для написания диссертации рассматриваемого вида требует серьезной теоретической и методологической подготовки аспиранта. Прежде всего, необходимо знание той предметной области, где трудилась интересующая его персона. Одновременно надо развивать у себя умения и навыки пользования методологическим инструментарием: принципом историзма, открывающим пути стратегии исследования, «спутниками» этого принципа – историческими приемами и методами, помогающими найти правильную тактику для реализации стратегии раскрытия данной конкретной темы; наконец, специальными биографическими методами.

В диссертациях рассматриваемого нами вида должен использоваться метод описания не вообще, а по его четким правилам, а также такой метод, как *герменевтика*. Последний особенно важен при интерпретации смысла различного рода документов (биографических, официальных, писем, рукописей и т. д.) [8].

Необходимо подчеркнуть, что на *описание* нельзя смотреть как на само собой разумеющееся дело, а правила его раскрытия знать слабо (это «мягко» говоря), а герменевтические методы для нас вообще новые и требуют особого пристального внимания [11].

Еще раз вернемся к описанию. Это – «построение целостного представления о конструктивных особенностях изучаемого объекта и формах его внешнего поведения. Процедура описания является (наряду с объяснением и прогнозированием) одной из важнейших функций научного познания. По своей сути, описание является способом фиксации определенного фрагмента действительности в сознании исследователя. Лишь выделив специфические характеристики интересующих его явлений, связав эти характеристики между собой в некоторую систему, и, ранжируя их по шкале «существенные – второстепенные», исследователь получает возможность определить область изучаемых явлений в качестве объекта» [12].

Диссертационное исследование данного вида должно учитывать одно из общих требований рационального познания любого объекта, системы объектов, согласно которому для познания и объективного определения их существенных, а также несущественных

свойств необходимо проследить изменение, эволюцию и развитие этих объектов в реальном времени. Для реализации этих общих требований служит *принцип историзма*: «те свойства и отношения, которые являются инвариантными и при этом обуславливающими все другие свойства и отношения в течение длительного времени, являются существенными, остальные – нет. С другой стороны, принцип историзма требует как можно более полного описания эволюции познаваемого объекта во времени в единстве его существенных и несущественных свойств, включая случайные факторы, а также раскрытия его взаимодействия с его реальным окружением и реальным контекстом его существования и развития» [13].

Вокруг *принципа историзма* группируются различные по происхождению, сложности и познавательной направленности исторические методы:

- *исторический метод* предусматривает воспроизведение явлений в их хронологическом развитии, со всеми присущими им неповторимыми чертами, деталями и особенностями, через которые проявляются общие закономерности;
- *хронологический метод* состоит в том, что явления, события истории излагаются строго во временном (хронологическом) порядке. Фиксируется происходившее за день, месяц, год и т. д. В «чистом» виде применяется довольно редко, главным образом при составлении хроник событий или биографических хроник;
- *хронологическо-проблемный метод* предусматривает изучение истории жизнедеятельности персоны по периодам (проблемам, темам);
- *проблемно-хронологический метод* состоит в изучении какой-либо одной стороны жизни и деятельности персоны – проблемы (реже нескольких проблем) в ее последовательном развитии, то есть хронологически;
- *синхронический метод* (от др. греч. *syn* вместе + *chronos* время, то есть одновременно) позволяет установить связи и взаимосвязи между явлениями и процессами, в одно и то же время у разных персон, работающих в одной отрасли, выявить в них что-то общее и специфическое;
- *метод периодизации* основан на том, что и общество в целом, и каждый отдельный человек проходят различные ступени развития, отделяемые друг от друга определенными качественными рубежами. Главным в периодизации истории развития личности является установление ясных, единых критериев и строгая последовательность их применения в исследовании;

- *ретроспективный метод* (лат. retro обратно, назад + spectare смотреть) основан на том, что прошлое, ее деятели тесно связаны с настоящим – их деятельность – зримо или незримо (анонимно) присутствует в сегодняшнем библиотечном деле. Этот метод дает возможность воссоздать жизнь и деятельность персоны, жившей в прошлые годы даже при отсутствии полного состава источников, относящихся к изучаемому времени, библиотечному делу тех лет и персоне, работавшей тогда. Это делают по различным остаткам, сохранившимся до нашего времени, традициям или по последствиям совершавшихся в прошлом действий персоны, его опубликованным трудам и другим материалам, что помогает по-новому осветить его жизнь. (В известной мере этот метод тесно связан, а иногда переходит и использует приемы разрабатываемого в ряде наук метода реконструкции);
- *системно-структурный метод* дает возможность получить новые знания о персоне путем изучения общества как единого развивающегося организма, всех сфер общественной жизни, библиотечного дела, связанных между собой в единую сложную систему с установлением в ней места и значения интересующей исследователя персоны;
- *историко-сравнительный метод* (синоним сравнительно-исторический) основывается на признании повторяемости некоторых черт, поступков, действий изучаемых персон. Его суть состоит в сравнении аналогических исторических событий, поступков для установления в них как общих закономерностей, так и различий. Напомним, что сравнение – процедура, устанавливающая тождество (сходство) или различие исследуемых объектов, явлений и т. д. Сравнения (установление параллелей, аналогов) могут быть нескольких видов, в том числе: минувших событий для выявления общих причинных связей, прошедших, закончившихся событий – с настоящими, для выяснения сути последних и определения перспективы их развития или, наоборот, суждения о минувших событиях по современному опыту, разных стадий развития одного и того же процесса в пределах одной территории (страны, региона, края), сравнение по контрасту, выявляющее единство и т. д.;
- разновидностью историко-сравнительного метода является *метод сравнительного контент-анализа* биографий как граждан одной страны, так, что особенно интересно, и граждан разных стран, являющихся представителями одной или близких профессий. Этот новый для нашей науки метод в ряде случаев, когда

надо показать связь персоны с отечественными или зарубежными представителями его профессии, их характер, как показывает наша учебная проверка и мысленный эксперимент этого метода, весьма перспективен [14].

Внимания требуют специальные биографические методы, проанализированные в труде В. В. Нурковой [15], а также методы, изложенные в сборнике под редакцией А. Кроника [16].

Биографика опирается, прежде всего, на *биографический метод* исследования персон. Биографический метод – это способ исследования личности, групп людей, базирующийся на анализе их жизненного пути – биографий [17]. Он обеспечивает системное описание человека как личности и субъекта деятельности, помогает изучить личность в процессе развития. Метод содержит в себе как исторические, так и генеалогические возможности, поскольку позволяет проследить динамику жизненного пути изучаемой личности; реализуется на основе анализа личных документов (писем, дневников, автобиографий, воспоминаний, биографических записей, записных книжек, пометок на полях книг и рукописей) в целях выяснения участия человека в тех или иных событиях и отношения к ним; обычно используется для исследования установок, мотивов, интересов личности, роли субъективных элементов в социальных процессах; может быть использован для получения информации не только о персоне, но и о его семье, связях с родным краем и участия в его развитии.

Биографический метод имеет несколько видов, среди которых *методы анализа и читательских биографий, и читательских автобиографий*. Каждый из этих методов имеет свои особенности, но объектом изучения является личность читателя. Впервые к этому способу изучения и показа читателя обратился Н. А. Рубакин, создавший на основе изучения читательских писем, автобиографий, отзывов на книги, портреты – биографии читателей из народа [18].

Большой вклад в определение сущности, функций, области научного применения биографического метода принадлежит отечественному психологу Н. А. Рыбникову. Он сформулировал основные требования, в частности, к научной читательской биографии, разработал ориентировочную схему ее анализа [19].

Отдельные способы биографического изучения использовали передовые деятели народного образования и библиотекари: О. В. Кайданова (Тифлисская воскресная школа и Детская

библиотека – 80-е гг. XIX в.), Н. К. Крупская в Петербургских Смоленских вечерних классах (90-е гг. XIX в.), Е. И. Хлебцевич (библиотеки Красной Армии – 20-е гг. XX в.), С. М. Манусова (библиотека клуба завода «Электросила» в Ленинграде, 20-е гг. XX в.), А. М. Топоров (Алтайская коммуна «Майское утро» – 20-е гг. XX в.), известный библиотековед Б. В. Банк (Ленинград, 40-е гг. XX в.), специалисты ГБЛ (60-е гг. XX в.) и др. Глубокая разработка биографического метода была проведена Г. Н. Горевой в середине 70-х гг. XX в. [20].

Среди новых для нас видов биографического метода можно назвать, например, *нарративное биографическое интервью*, которое опирается на теорию повествования [21].

В книге, посвященной теории повествования, голландский лингвист доказывает, что «повествование историй занимает важное место в нашей повседневной жизни» [22]. В рамках этой теории формулируются структурные категории, правила построения историй, стратегии, к которым в различных контекстах прибегают люди, излагая те или иные события. Однако рассказываемые людьми истории могут представлять интерес не только для теории повествования, но и давать обширный и полезный материал для социально-психологического анализа.

Потекстовое ретроспективное интервью. Суть метода: на поставленную интервьюером систему вопросов ответы ищут в текстах исследуемой персоны (изданиях его работ, рукописях, интервью, письмах, дневниках и т. д. Иногда близких ему людей (но это специально оговаривается): в их воспоминаниях, мемуарах, письмах и т. д. и ставят после каждого вопроса найденный ответ (ответы) в кавычках, с указанием источников [23].

Возможно проведение фокус-групп со специалистами, не знавшими персону, но хорошо знакомыми с его произведениями и применяющими его рекомендации. Это очень интересный метод. Он помогает также выяснить, что берут сегодня у персоны его коллеги, что им известно из его работ, и чего они не знают.

В заключение вернемся к приведенному в этой статье эпиграфу, словам В. И. Вернадского. Говоря об «историческом» биографическом изучении как об «орудии проникновения в новые области», он подчеркнул самую суть научной биографии (каковой должна быть по своему содержанию кандидатская диссертация!) – преемственность творческого наследия многих поколений ученых, неразрывную связь прошлого с настоящим и будущим. Иллюстри-

рует данную тему высказывание видного отечественного философа Б. М. Кедрова (1903–1985 гг): «Науку делают отдельные люди, ученые, и вне их деятельности нет никакой науки и ее истории. <...> Роль личности ученого, в котором сосредоточено влияние индивидуального фактора на развитие науки, продолжает оставаться огромной и в условиях современной «большой» науки с присущим ей коллективизмом и комплексным характером научных исследований» [24].

И чем больше мы будем знать о таких людях, о том, как они работали, достигая больших успехов, тем лучше будем работать сами, учась на их ошибках, умножая успехи своих предшественников.

Кроме того, изучая жизнь этих людей, мы находим у них много неизвестных, но важных для развития сегодняшней науки вещей – неопубликованные работы, мысли, советы, выводы и мн. др.

Для успешной разработки темы, думается, надо решить несколько неотложных задач.

1. Библиографическая задача:

- собрать и систематизировать все диссертации-персоналии по библиотековедению, библиографоведению и книговедению.

2. Методологические задачи:

а) выявить и систематизировать наиболее интересные отечественные и зарубежные работы по теории, методологии и методике биографических исследований, а также все о методах биографических исследований. Создать банк исследовательских методов. Провести паспортизацию этих методов (вот примерный круг вопросов для паспорта метода):

- название метода (если есть, дать и синонимы, раскрыть по возможности этимологию термина метода);
- откуда «пришел» к нам этот метод, известен ли его создатель;
- теоретические основы метода;
- история использования метода;
- технология метода (его структура и последовательность используемых операций);
- познавательные возможности метода, то есть, что он может изучать, и чего не может;
- библиография метода.

б) разработать методологию и методику написания диссертации, посвященной персоне (библиотековеду, библиографоведу, книговеду). Для аспирантов нами готовится учебное пособие: «Персоналия как жанр диссертационного исследования».

Список литературы

1. Диссертации, защищенные в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусства (1950–2003 гг.) : библиогр. указ. / сост.: Л. И. Воронова, Т. А. Ройтман ; ред. Е. С. Бондаренко. СПб. : СПбГУКИ, 2006. 148 с.
2. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек как стержень развития культуры. Человек : энцикл. слов. М. : Гардарики, 2000. С. 304–305.
3. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М. : Аграф, 1998. С. 293–310.
4. Бауман З. Расскажите жизнь и прожитые истории // Социол. исслед. 2004. № 1. С. 5–13.
5. О «биографике» см.: Сильницкий Г.Г. Россия в поисках смысла. Ч. 1. Смоленск: СПГУ, 2001. С. 244–272.
6. Краткий миг торжества: о том, как делаются научные открытия : сборник / сост. В. Черникова. М., 1988. С. 3.
7. Гранин Д. Читая Ельцина // Лит. газ. 1990. № 36. С. 10.
8. Маркова Л. А. Историография науки // Энциклопедия эпистемологии и философия науки. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 333.
9. Ярошевский М. Г. Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. М., 1974. С. 19–57 ; Мейлах Б. С. Биография как методологическая проблема // Там же. – С. 7–18.
10. Сильницкий Г.Г. Россия в поисках смысла. Ч. 1. СПб. : СПГУ, 2001. С. 244–272.
11. Герменевтика – это теория понимания текстов и истолкования их содержания. См.: Лебедев С. А. Философия науки : крат. энцикл. М. : Акад. проект, 2008. С. 324 ; См. также: Черкасова Е. В. Герменевтический и феноменологический подходы к анализу текста // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера»). Новосибирск, 2010. С. 187–192.
12. Швырев В. С. Описание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 654.
13. Лебедев С. А. Философия науки : крат. энцикл. М. : Акад. проект, 2008. С. 509.
14. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопр. социологии. М., 1992. № 1. С. 121–133.
15. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М. : Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
16. Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути / под ред. А.Кроника. М., 1993. 235 с.
17. Крейденко В.С. Изучение читателей биографическим методом // Библиотечные исследования : учеб.- метод. пособие. М., 2007. С. 103–109.
18. Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике: факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895. 246 с.

19. Массовый читатель и книга / под ред. Н. А. Рыбникова. М., 1925. С. 24–88; *Рыбников Н. А.* Биографии и их изучение. М., 1920. 48 с.
20. *Горева Г. Н.* Биографический метод изучения читателей : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л. : ЛГИК, 1976. 16 с.
21. *Здравомыслова Е. А., Тенкина Л. А.* Анализ биографического коррективного интервью в исследовании идентичности // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Краснодар, 2004. С. 200–222.
22. *Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 190.
23. Подробнее о методе см.: *Крейденко В. С.* Потекстовое ретроспективное интервью: к конструированию специального метода для изучения библиотечной отрасли // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения: (по материалам журнала «Библиосфера»). Новосибирск, 2010. С. 241–249.
24. *Кедров Б. М.* История науки и принципы ее исследования // Труды XIII Международного конгресса по истории науки, Москва, 1971 г. Пленарное заседание. М., 1974. С. 39–40.
25. Опубликовано: Библиосфера. – 2011. – № 2. – С. 3–10.

Новые научные методы исследования библиотечной отрасли (2012)

Наука дышит лишь одним воздухом – кислородом фактов. Новые исследовательские методы – это те деревья, что очищают атмосферу от углекислоты неточных выводов и насыщают ее кислородом впервые открытых, увиденных и понятых явлений.

В.В.Парин (1903–1971), русский советский ученый-физиолог

Создание методов – особый вид творчества.

*Л. В. Яценко, доктор философских наук,
профессор*

Не зная метода – не лезь в исследование.

Народная мудрость

К сожалению, некоторые библиотекари владеют методологией, которую должны знать хорошо, на «любительском уровне», фактически не изучая и, тем самым, не принимая участия в ее разработке. Особенно это относится к главному инструменту методологии – научным методам. Поэтому в статье сделана попытка еще раз обратить внимание на ключевое значение научных методов. От их постоянного изучения, глубокого знания и правильного использования во многом зависит качество проведенного исследования. Учение о методах – ядро методологии. Метод – сердцевина научной деятельности, и в нем в большей или меньшей мере находят отражение все ее грани. Нельзя вполне понять науку, не составив представление о системе ее методов и методологии исследовательского поиска в ней. Именно в методах находят свое действенное, инструментальное отражение методологические положения и принципы.

Важным творческим элементом исследовательской работы является конструирование новых научных методов. В современной исследовательской культуре все большую важность приобретают методические средства, необходимые для познавательной деятельности.

Можно сказать, выражаясь метафорически, что в исследовательской культуре сформировалась специальная сфера – мир оригинальных искусственных объектов (логических и других инструментов исследовательской деятельности), существующий

наряду с областью материальных орудий, техникой и сферой знаний, «работающих» в исследованиях.

Поэтому, если говорить о возможностях развития науки, то надо перечислить много причин. Среди них не последнее место занимает так называемый «методологический кластер»⁴, то есть та система методов, которыми располагает данная наука, потому что они приспособлены к изучению именно ее особенностей. Бывают более богатые кластеры и менее богатые, существуют и очень слабые по загруженности методами. Кластер библиотечных наук находится где-то в середине. А нам бы его подвинуть в первые ряды!

Нужно отметить, что усилиями наших методологов происходят положительные сдвиги в данном направлении.

В процессе развития методологии библиотечных наук, в частности, произошла дифференциация термина «научный метод» (синоним – «научно-исследовательский метод»). Термин «научный метод» остался как родовой, но на его основе сформировались следующие термины:

1. «история научного метода»;
2. «теория научного метода»;
3. «технология научного метода»;
4. «методика (или практика) научного метода».

Раскроем кратко содержание каждого термина.

История научного метода – здесь узнаешь, где и когда появился метод в библиотечных науках; пришел ли он к нам из других наук, или мы его адаптировали; его автора (если он известен); в каких исследованиях метод использовался; какие достоинства и недостатки выявлялись (как они исправлялись); где можно прочесть о методе.

Теория научного метода – это доказательство того, что может и чего не может данный метод изучать, какова его теоретическая основа, обеспечивает ли она доказательность выводов, получаемых от использования метода, или нет и др.

Технология метода раскрывает, из каких операций и других инструментов познания строится метод, предлагает его алгоритм (последовательность использования операций метода), указывает, есть ли у каких-то операций дублиеры (заместители) или их нет, и др.

Методика (или практика) научного метода. Что нужно сделать для того, чтобы, не нарушая общую структуру метода, его целостность, убрать лишнее в данных условиях, с точки зрения биб-

⁴ Лебедев С. А. Философия науки: словарь основных терминов. М. : Академ. проект, 2006. С. 132–133.

лиотековеда, и использовать метод в конкретном исследовании? Например, применить ли на своем месте основную операцию или взять ее возможного дублера (тогда какого и почему)? Сняты ли какие-то операции вообще, но этот шаг исследователей не нарушает (и тогда почему) структуру и познавательную направленность метода?

В связи с этим действием над методом видно: целесообразен не термин «методика конкретного исследования» (то есть, рассказ о всех методах, применяемых в данном исследовании), а термин «методика практик методов в конкретном исследовании». Это «дробление» термина говорит о глубокой содержательной работе, которая сегодня у нас проводится. Оно продиктовано потребностью «поместить» новые знания не в общий термин «научный метод», а, по строгому назначению, в те, которые были названы выше.

Почему нужно много методов? Потому что, образно говоря, исследуемый предмет состоит из множества «замков», открывая которые, мы проникаем в изучаемый предмет, получаем то, что нас интересует в нем. Но к этим «замкам» нет универсального «ключа-отмычки». Каждый метод может открыть (не сломав его), как правило, только один «замок». Поэтому каждый новый метод – это новый «ключ» для открывания изучаемого предмета.

Получение новых или обновленных методов – сложное и ответственное дело. Для этого существует несколько приемов. Прежде чем назвать их, вспомним сказанное более 20 лет назад А. Я. Яценко: «Созрела объективная предпосылка для осознания того, что создание результативных средств всех форм познания и преобразования действительности представляет собой своеобразный вид творчества, относительно обособившийся от производственной практики, от научного, технического, художественного, педагогического и других видов творчества. Его можно назвать методическим творчеством»⁵. А воз почти и ныне там...

За последнее время (2005–2011 гг.) в нашей науке сконструировано всего несколько новых исследовательских методов. В хронологии появления это, например, следующие:

1. *Метод библиографической реконструкции биографии* (Н. В. Бекжанова, 2004⁶).

⁵ Бранский В. П., Коган М. С., Майзель И. А. Диалектика познания / под ред. А. С. Кармина. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. С. 42.

⁶ Бекжанова Н. В. Метод библиографической реконструкции биографии и его использование для справочно-библиографического обслуживания // Библиосфера. 2006. № 3. С. 5–11.

2. *Генеалогический метод изучения владельческих книжных коллекций* (Н. А. Бессонова, 2005⁷).
3. *Метод потекстового ретроспективного интервью* (В. С. Крейденко, 2006⁸).

Однако некоторым методам повезло. В нашей стране и за рубежом действуют специальные организации, которые по заказу исследователей «изготавливают» необходимые последние методы (по предложенным им параметрам и четко определенной задаче). Среди таких методов чаще всего встречаются опросы (анкеты и интервью), тесты (индивидуальные и групповые) и т. д.

Берут эти организации на себя и более сложную работу – разработку программ исследования, определения районов, где их лучше проводить и т. д.

Но о создании новых (инновационных) методов в таких организациях нам не приходилось слышать.

Назовем возможные варианты улучшения и внедрения в исследовательскую практику научных методов:

1. Модификация одного из действующих методов. Введение в него новых элементов, которые усиливают направленность на конкретные исследовательские действия. Подчеркнем, что это – постоянная и необходимая работа с каждым действующим методом.
2. Изучение истории библиотечных исследований. Поиск в них забытых и не используемых сейчас по разным причинам методов. Модификация отобранных при этих поисках методов. Проверка их на эффективность и научность. И в случае успешности – введение в арсенал действующих. Много таких методов упоминается в статьях «Красного библиотекаря», работах В. А. Невского, Б. В. Банка и других авторов 20–30-х гг. XX в.
3. Обращение к методам библиотечной практики. Проводится поиск, направленный на превращение данных методов в исследовательские, с выявлением и углублением их. Например, ввод в методы новых исследовательских элементов, с превращением их, тем самым, в исследовательские. Или, оставляя как практические, использовать их в том числе и в исследовательских целях. Встречается ряд методов практики, в которых

⁷ Бессонова Н. А. Генеалогический метод изучения владельческих книжных коллекций // Академические тетради. Самара, 2005. Вып. 4. С. 45–51.

⁸ Крейденко В. С. Потекстовое ретроспективное интервью: к конструированию специального метода для изучения библиотечной отрасли // Библиосфера. 2006. № 1. С. 5–39.

изначально заложены исследовательские возможности. Например, обсуждение книг (художественной литературы) в библиотеках, деловая игра и др.

4. Выход в другие науки. Поиск в них методов, которые могут быть использованы в библиотековедении. Обязательная адаптация этих методов к особенностям и требованиям нашей науки.
5. Конструирование новых методов. Это самый перспективный, но трудный и мало разработанный в наших библиотечных науках путь. На нем мы и остановимся позднее более подробно.

Новые методы появляются как специальные в конкретных науках. Главная их особенность в том, что они построены на терминологии той науки, в которой они используются, и предмета, который ею изучается.

Таким образом, каждый метод рождается в конкретной науке, а затем, набирая силы, часто переходит в другие науки, то есть становится общенаучным (это судьба многих методов!) Менее распространенный путь – преобразование общенаучных методов в специальные в тех случаях, когда появляется потребность в таких «ключах».

Чаще берутся отдельные элементы общенаучных методов и «монтируются» в специальные методы, или эти части действуют как самостоятельные специальные методы.

Назовем способы создания новых методов. Новые методы создаются по двум направлениям:

а) нововведенные⁹. Они сконструированы сегодня и являются в полном смысле этого слова новыми;

б) заново (опять, снова) введенные (здесь действует утверждение: новое – это давно забытое старое). Они использовались в свое время, но по разным причинам были забыты. Сегодня их находят, проверяют и, в случае их полезности, начинают использовать, модернизируя в соответствии с возможностями современной науки.

Исследовательская работа (в общем смысле) является трехчленной. Взаимодействие субъекта с объектом опосредуется исследовательскими методами, орудиями и условиями исследования. Орудия представляют собой материальные объекты двоякого рода. К пер-

⁹ Новый метод – это современное творческое создание, в результате которого возникает нечто, чего не было раньше. Здесь или по-новому связаны имеющиеся и известные операции и другие познавательные инструменты, или создаются новые операции и инструменты, изменяющие познавательную направленность метода.

вым относятся измерительные приборы, счетно-вычислительные, пишущие устройства и т. п. Ко вторым – протоколы наблюдений, фотографии, магнитофонные записи и т. п.

Различия между ними таковы: первые не содержат запаса старой информации, зафиксированной на каком-либо языке, а вторые – содержат.

В XXI в. круг орудий, опосредующих исследовательский процесс между субъектом и объектом, постоянно расширяется и совершенствуется.

Несколько слов о главных элементах метода.

Операция – это неделимая единица действия, которую больше уже разделять на части нельзя. Вообще же многие операции практически невозможно делить, а те, которые делить можно, теряют в этом случае свой смысл в контексте данного метода. У каждого метода имеется свой алгоритм.

Видимо, приемом в методе удобно называть группу взаимосвязанных операций, регулятивов и других инструментов, составляющих один шаг алгоритма.

Под алгоритмом мы понимаем систему действий, состоящую из определенных операций, применяемых по строго фиксированным правилам, которые после последовательного их исполнения приводят к решению поставленной данным методом задачи.

о п е р а ц и и

○○○○○○○○

прием прием

В «методологический конструктор» входят детали, из которых могут создаваться методы.

Назовем их:

а) операции (логические, педагогические, психологические, статистические, арифметические и т. д.);

б) регулятивы («направляющие, вносящие порядок, планомерность во что-либо»). В методологии (и особенно методах) регулятивы действуют на всех этапах. На уровне самой методологии это, прежде всего, методологические принципы, которые, по существу, являются регулятивами; на этапах конкретного исследования – что надо делать и чего делать нельзя в самих исследовательских методах при реализации тех или иных операций. В структуре последних присутствуют различные регулятивы, направляющие действия исследователя по правилам метода вообще и данного конкретного метода особенно.

У каждого метода свой набор регулятивов, их последовательность и виды. В методах они выступают в качестве «путеводителей». Перечислим основные регулятивы, действующие в методах: призывы, предостережения, запросы, советы, рекомендации, ограничения, инструкции, распоряжения, требования, указания, предписания, пояснения, алгоритмы. Особенности научных регулятивов требуют изучения и классификации;

в) орудия, материальные объекты, о которых мы только что писали.

Кстати, вопрос о том, в какой науке впервые появился тот или иной метод, – спорный. Например, понятно, что научные наблюдения как общенаучный метод развивались во всех науках одновременно, обогащаясь за счет изучения опыта друг друга. Я бы, между прочим, перевел этот метод из группы общенаучных в другую – всеобщих, ибо нет ни одной науки, которая не использовала бы такой метод или его часть.

Где впервые сформировались такие методы, как анкетирование, интервьюирование, эксперимент?

В науке есть ссылки на «родину» некоторых методов, но они противоречивы и спорны. Например, в ставшей классической книге о методах профессора Г. А. Подкорытова¹⁰ этот вопрос вообще обойден.

Впрочем, предпосылки ряда исследовательских методов можно найти во многих науках. Так, например, разве не является зачатком анкетного опроса читательский формуляр, заполняемый в библиотеке, особенно формуляр аналитический, где читателю задаются интересные вопросы о том, что и как он хочет читать в данной библиотеке, делаются записи о прочитанных книгах? Разве многочисленные (разных видов) беседы библиотекаря с читателем – при записи в библиотеку, при выдаче книги, при получении прочитанной книги и др.¹¹ – не готовили почву для включения интервью в арсенал методов библиотечных исследований?

Для успешного использования методов последние должны иметь свое *описание*, то есть инструкцию по их использованию: из каких частей состоит метод, какова последовательность его реализации и почему она именно такова¹².

¹⁰ Подкорытов Г.А. О природе научного метода. Л. : ЛГУ, 1988. 224 с.

¹¹ Крейденко В. С., Ужовский А. Т. Библиотечно-информационное обслуживание читателей : альб. наглядных материалов. СПб. : СПбГУКИ, 1992. С 21.

¹² Однако в ряде случаев в роли таких описаний могут выступать статьи авторов, создавших метод.

Чтобы показать, как делаются такие описания, мы сошлемся на описание метода «деловой игры», который давно и успешно используется в библиотечных исследованиях. По нашей концепции, этот метод является одним из видов эксперимента¹³.

Это описание называется «*Проектирование деловых игр*» (автор С. А. Маничев)¹⁴. Книга вышла тиражом в 10 тыс. экз. Поэтому, думается, ее можно найти в библиотеке.

Без такого подробного описания метод – не метод, поскольку остается неясным, как его использовать, из каких последовательных элементов он состоит.

Программа исследования, не имеющая таких описаний на используемые методы или ссылку, где их можно посмотреть, – «глухая» программа.

При знакомстве с этим описанием рекомендуем обратить внимание на то, что находится в его начале. Здесь сообщается, что этот метод является эффективным для решения производственных, учебных и исследовательских задач (выделено нами – *В. К.*), и что в исследовательских целях деловые игры конструируются как технологическая и организационная база социальных исследований, что это – активный метод. Далее следует обратить особое внимание на разделы «Схема конструкции деловой игры» и «Этапы проектирования игры».

Где еще можно посмотреть на опыт создания описания? Есть источники? Есть, и очень хорошие. Для этого вернемся в 60–70-е гг. XX в.

В эти годы в нашей стране был проведен ряд выдающихся исследований библиотечной деятельности, признанных сейчас классическими. Напомним некоторые из них.

Основной материал о распространенности, содержании и направленности чтения ведущих социальных групп населения получен благодаря комплексным исследованиям, проведенным крупнейшими библиотеками страны и институтами культуры. Это изучение читательских интересов рабочей молодежи в 52 крупных и средних городах РСФСР (1963–1966 гг., ЛГИК им. Н. К. Крупской и Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), исследование по теме «Советский читатель» (1965–1967 гг. Государственная библиотека СССР

¹³ Крейденко В. С. Библиотечное исследование : учеб.-метод. пособие. М. : Рус. шк. библ. ассоц., 2007. С. 128.

¹⁴ Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. А. Крылова. Л. : ЛГУ, 1990. С. 179–186 ; см. также: Габрусевич С. А., Зорин Г. А. От деловой игры – к профессиональному творчеству : учеб.-метод. пособие. Минск : Университетское, 1989. 125 с.

им. В. И. Ленина), анализ читательских интересов ленинградской молодежи, а затем – рабочей молодежи Ленинграда и Ленинградской области (1963–1965 гг. и 1970–1973 гг., ЛГИК); исследования «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1969–1972 гг.) и «Книга и чтение в жизни советского села» (1972–1977 гг., Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). К ним примыкают менее масштабные, но заслуживающие внимания исследования читательских интересов рабочих на некоторых заводах и пр. Результаты перечисленных исследований дают достаточно полное представление о читательском облике советского человека, о развитии и состоянии массового чтения в стране. Особенностью этих работ является, во-первых, широта объекта наблюдения – они дали обобщающий материал о чтении всех основных социальных групп. Во-вторых, обращает на себя внимание география исследований: наряду с работами, ограниченными рамками города, района, предприятия, были осуществлены централизованные исследования, охватившие все административно-экономические районы страны. В-третьих, определяющей чертой этих исследований была их комплексность, которая выражалась в следующем: а) все читательские характеристики анализировались не изолированно, а в совокупности, что позволяло получить целостную картину чтения в стране; б) изучаемые явления рассматривались в неразрывной связи с конкретными условиями экономической, общественной и культурной жизни, что давало возможность вскрыть социальную природу чтения и его зависимость от других показателей духовного развития общества; в) информация собиралась с помощью комплекса взаимодополняющих и контролирующих друг друга методов (опрос, эксперимент, наблюдение, анализ документации). В результате собраны многосторонние и обширные эмпирические данные о диапазоне читательских потребностей, о месте печатных источников в системе средств массовой информации, о мотивах обращения к изданиям и критериях их оценок, о социальной роли массовых библиотек и др. Такого рода материал позволял проследить основные тенденции чтения, типичные для того этапа культурного развития.

Другим направлением исследований чтения являлся анализ профессиональных библиотечно-библиографических запросов специалистов народного хозяйства. Оно особенно активизировалось в связи с развитием общегосударственной системы научно-технической информации.

Крупнейшим в этой области можно считать исследование по теме «Библиотека и научная информация», проведенное в 1965–1969 гг.

под руководством Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Его программа предусматривала изучение роли библиотек различных типов в удовлетворении профессиональных запросов специалистов, выявление основных для них видов библиотечно-библиографических ресурсов научной информации (фонды библиотек, справочно-библиографический аппарат, обзоры, выставки, библиографические пособия и др.) [1].

Особый интерес для изучения представляет методология и методика, использованная в этих исследованиях, ее роль в развитии современной методологии и методики изучения библиотечной отрасли. *Требуют глубокого анализа и работы, изданные по каждому такому исследованию* (выделено нами – В. К): подготовительные, сопровождающие исследование и отражающие итоги каждого из них. В этих работах аккумулировались программа, описание метода, методика исследования, рассматривались другие важные и спорные вопросы. Чем не материал, например, для серьезной кандидатской (может быть даже не одной, а нескольких!) диссертации?

Таковы, например, издания, описывающие исследование «Библиотека и научная информация»¹⁵, проведенное в 1965–1969 гг. Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина¹⁶.

Методологи библиотечных исследовательских центров должны позаботиться о создании таких описаний для всех действующих в библиотечных исследованиях методов. На основании этого описания исследователь, опираясь на документы, в своей программе дает методику (или практику) каждого отобранного для исследования метода. Он указывает, какие изменения вносит в каждый метод и почему считает, что они не нарушают структуру, направленность и возможности метода. Короче говоря, все изменения должны быть обоснованы и документально прокомментированы.

Разработка метода начинается с появления неразрешаемой имеющимися к этому времени методами исследовательской задачи.

Конструирование нового метода выглядит следующим образом.

Так как количество операций, регулятивов и других элементов, используемых в библиотечных исследованиях методов ограничено, то создание новых, направленных на решение очередных конкретных задач, заключается чаще всего в перестановке элементов

¹⁵ Специалист – Библиотека – библиограф: Опыт исследования профессиональных потребностей в информации. М. : Книга, 1971. 446 с.

¹⁶ Список составлен ст. научным сотрудником РНБ, кандидатом педагогических наук Н. Л. Щербак. См. после статьи.

метода, замене одних другими, уменьшении или увеличении количества операций, а в редких случаях – в создании (или привлечении) новых операций, ранее в наших методах не использовавшихся. Во всех этих случаях всегда получается и новый алгоритм у каждого созданного таким образом метода.

Однако все это происходит не путем проб и ошибок, а на основе концепции, подготовленной и необходимой для разрабатываемого применительно к определенной новой задаче метода.

Попробуем взять на себя смелость представить эту деятельность в виде очень общей формальной схемы.

К операциям, регулятивам и другим частям конструируемого метода надо идти от задачи, которую не могут решить имеющиеся в арсенале методы. Зная условия задачи, нужно определить, что надо сделать, то есть какие действия необходимо, как считает в первом приближении исследователь, для этого провести. После проведения выбора операций и уточнения последовательности их реализации начинают подбор регулятивов и других элементов конструируемого метода.

Затем метод проходит несколько экспериментальных проверок, в результате которых проводится его уточнение, или он вообще бракуется. Тогда все начинается сначала.

Это трудная, глубоко творческая работа.

В этой статье я попытался привлечь внимание читателей журнала «Библиосфера» к проблеме научных методов и напомнить источники, в которых можно найти материал для образования и самообразования.

На повестке дня следующие задачи:

1. Создание учебника «Методология и методика изучения библиотечной отрасли».
2. Составление понятийно-терминологического словаря на эту тему.
3. Создание словаря научных методов для методологического кластера библиотечных наук.
4. Создание библиографического указателя «Методология и методика изучения библиотечной отрасли».

Литература

1. Сборник материалов в помощь разработке проблемы «Библиотека и научная информация». Вып. 1–36 / Гос. публич. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1965–1976. *Опубликовано: Библиосфера. – 2012. – № 1. – С. 3–8.*

Методология библиотековедения (2013)

Каждая наука, в том числе и библиотековедение, имеет свой особый объект и предмет, поэтому нуждается в системе принципов и исследовательских средств, которые могут способствовать их адекватному изучению. Этим занимается особая область знания, которая собирает, систематизирует, обобщает информацию о принципах, исследовательских методах, других средствах познания и возможностях их использования в науке – **методология**.

Методология сегодня стала самостоятельной реальностью. В нынешних социальных условиях и под её влиянием складывается профессиональная методология как одна из областей современной технологии – технологии мыслительной работы (деятельности).

Предмет и структура методологии библиотековедения

Теория библиотековедения направлена на получение знаний, а методология библиотековедения – на изучение процесса их получения. Между теорией и методологией всегда сохраняется отношение цели и средства. Методологическая ориентация очень важна для развития библиотековедения, так как стимулирует развитие библиотечной теории, углубление её связей с практикой. Методология, будучи учением о методах и других средствах (способах) познания, применяемых в библиотечных исследованиях, органически входит в содержание библиотековедения.

Предметом методологии библиотековедения является *познание библиотечных фактов, явлений, событий и зависимостей между ними*.

Социальное назначение методологии – поиск все более действенных принципов, методов и других средств библиотечного познания, которые сумеют обеспечить достижение более глубоких и полных знаний о библиотечных объектах.

Разработка новых и совершенствование традиционных принципов и методов, повышение их эффективности в исследовательской практике осуществляется при помощи специально организованных методологических исследований.

Первоначально методология охватывала только проблемы методов науки, но в настоящее время разрабатывает проблемы терминологии и методики исследования, методологические принципы и подходы, средства познания, исследовательский аппарат и др.

К главным составляющим методологии библиотековедения относятся:

1. Терминология терминологии (термин, категория, понятие, определение, дефиниция, сущность, понятие и др.), и особенно – *терминология методологии*, которая настолько важна, что без ее знания исследование не может состояться (термины – проблема, гипотеза, цель, концепция и др., которые с полным основанием могут быть названы инструментами познания).

2. Методологические принципы. Они являются стратегическими конструктами познания: содержат в себе осознанные общие положения, знания-выводы. В них выражаются определённые требования к исследованию той или иной предметной области библиотечной теории или практики, её конкретной проблемы. Эти требования становятся нормативными установками, руководством к действию, правилами, которых должен придерживаться исследователь.

Процесс разработки методологических принципов продолжается. В настоящее время выделяют следующие методологические принципы библиотековедческих исследований:

1. Принцип диалектики. Подразумевает необходимость диалектически (то есть с точки зрения развития) подходить к проблеме познания, используя законы, категории, принципы диалектики.

2. Принцип историзма. Рассматривает все предметы и явления в контексте их исторического возникновения и развития.

3. Принцип практики. Признаёт главным способом познания практику – деятельность человека по преобразованию окружающего мира и самого себя.

4. Принцип познаваемости. Требуется быть убеждённым в самой возможности познания.

5. Принцип объективности. Признаёт самостоятельное существование предметов и явлений независимо от воли и сознания человека.

6. Принцип активности предполагает творческое отображение действительности.

7. Принцип конкретности истины. Призывает искать индивидуальную и достоверную истину в конкретных условиях.

Методологические принципы – это важный познавательный стратегический инструмент. В основе принципа лежит теоретически доказанное и проверенное положение, которым надо руководствоваться. Принцип отвечает на вопрос: «Что необходимо сделать в исследовании для реализации возможностей этого исследования?».

Каждый принцип связан с определенными методами, которые конкретизируют возможности его реализации в исследовательской практике. Так, принцип историзма учит, что необходимо делать, чтобы получить истину, и какие методы для этого лучше использовать (по выбору исследователя): например: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, ретроспективный метод и др.

3. Методологические подходы. В методологический арсенал библиотковедения входит понятие «подход», который понимается (исходя из анализа его употребления в библиотковедении) как способ мышления – совокупность методов и других исследовательских средств, которые в определённой последовательности используются в научном исследовании. Эти методы и средства «сопрягаются» с той теорией (теориями), на основе которой предполагается проводить исследование, например, теорией информации, теорией культуры, теорией систем, теорией организации и др.

Подход – это «черновик» программы исследования, материал для формирования её концепции. Большое методологическое и практическое значение в разработке и определении сути подхода имеют понятия «проект», «план», «схема», «образец». По мысли выдающегося отечественного учёного Л.Н.Гумилёва, схема является краеугольным камнем любого построения, поскольку рассматривается как приём, облегчающий и создание произведения, и его восприятие. Схема – это целенаправленное обобщение материала, позволяющее обозреть суть предмета исследования, исключить второстепенные вопросы. Правильно составленная схема позволяет сформулировать гипотезы, провести их дальнейшую проверку. Схема может быть графической, текстовой или комбинированной.

4. Научные методы (синонимы: исследовательские методы, методы научного познания) – главные инструменты познавательной деятельности. Метод научного познания – это способ получения, обработки, обобщения и оценки достоверных, убедительных фактов о реальной библиотечной действительности, знаний о связях и зависимостях, существующих между явлениями, о закономерностях и тенденциях их развития (см. п. 2.2).

5. Предписания (регулятивы) («направляющий, вносящий порядок, плановность во что-либо») – требования, определяющие действия исследователя в том или ином случае. В методологии предписания (регулятивы) действуют на всех этапах научного исследования. Методологические принципы, по существу, являются

такими предписаниями (регулятивами), показывающими, как следует и не следует поступать в процессе конкретного исследования, используя различные исследовательские методы.

Методы библиотечных исследований

Учение о методах – ядро методологии. Метод – главный инструмент научного познания. В методах находят своё выражение методологические положения и принципы.

Научный метод исследования – это способ, обеспечивающий организацию и регулирование процесса познания. Он состоит из совокупности предписаний (регулятивов), операций, приемов и др. Например, предписания (регулятивы) направляют исследовательские действия по правилам методов вообще и данного конкретного метода, в частности. У каждого метода свои виды и последовательность регулятивов, выступающих в качестве «путеводителя», например: призывы, предостережения, запреты, советы, рекомендации, ограничения, инструкции, распоряжения, требования, указания, пояснения, алгоритмы. Они объединены в каждом методе таким образом, чтобы помочь решить конкретную задачу, стоящую перед ним.

Научный метод исследования является способом исследования, предполагающим применение целой системы познавательных элементов – логических, статистических, психологических и др., называемых операциями; различных технических и других средств; норм; правил оперирования с исследуемым предметом для получения научной информации. В каждом методе эти элементы определены, проверены и обоснованы количественно и качественно, используются в предусмотренной алгоритмической последовательности, взаимосвязи и взаимозависимости. Придерживаясь установленного порядка, с помощью правильно выбранного метода можно прийти к решению определённой библиотековедческой задачи.

Изучение и совершенствование методов познания является важнейшей потребностью и задачей науки, поскольку именно им принадлежит существенная роль в углублении и развитии познания. Методы исследования постоянно развиваются, изменяются, совершенствуются.

Каждый научный метод можно рассмотреть в четырёх аспектах: *история, теория, технология, методика*.

История метода отражает появление и развитие метода в ретроспективе, в том числе, когда и каким образом он стал

использоваться в библиотечных исследованиях, благодаря чему понятно, каковы его возможности в целом.

Теория метода – это обоснование его «разрешающих возможностей», зная которые определяют использование метода для решения конкретных исследовательских задач.

Технология метода – его важнейшая составляющая часть, раскрывающая общий алгоритм метода (последовательность операций и элементов).

Методика (или практика) метода – это его основные элементы, отобранные из технологии метода для конкретного исследования, т. е. индивидуальный алгоритм метода.

Одной из важных задач методологии является *классификация методов* исследования.

Цель классификации – разделение методов на логические группы и установление реальных связей и зависимостей между ними. Научные методы исследования классифицируются по различным признакам.

По способу отражения изучаемого объекта методы исследований принято условно делить на два больших класса: количественные и качественные.

Количественные методы предназначены для изучения объективных, количественно измеряемых характеристик объекта и являются преимущественно описательными.

Количественное исследование – это, прежде всего, изучение библиотечных объектов, рассматриваемых как внешние, противостоящие людям, и одновременно законченные, свершившиеся. Отправной точкой исследовательского поиска в данном случае являются теоретические гипотезы, которые в процессе эмпирического изучения верифицируются (подтверждаются). Процедура верификации построена на использовании математики в качестве доказательства: на измерении признаков, интересующих исследователя, и математическом анализе полученной информации. Математика используется в таких важнейших процедурах, как: измерение рассматриваемых признаков; обработка первичной информации; расчёт и обоснование выборки исследования; моделирование библиотечных процессов и явлений. Количественное исследование принято называют классическим.

Качественные методы, в отличие от количественных, не опираются на математические процедуры, не носят стандартизированный характер. Качественные методы направлены на изучение

рассматриваемого явления, раскрытие его причинно-следственных связей, но не ставят целью проследить количественные закономерности. Стремясь глубже раскрыть феноменологическую картину, исследователь получает возможность более точно анализировать внутреннюю структуру и взаимосвязь изучаемого явления. Качественные методы позволяют получить богатый индивидуализированный материал. Эти методы исследования предназначены для получения так называемой глубинной информации с помощью специальных приемов и средств.

Качественное исследование – это, прежде всего, изучение библиотечных явлений и процессов с точки зрения действующего индивида (исследователя), интерпретирующего мир и действующего в нём в соответствии со своими интерпретациями. Необходимо понять мир личностных смыслов изучаемых людей, мотивы и цели их поступков, их объяснения происходящего, чтобы потом комментировать этот субъективный опыт и разрабатывать мини-концепции. Качественное исследование можно назвать интерпретационным.

Качественные методы в исследовательской практике начали применяться позднее количественных методов. В настоящее время соотношение между качественными и количественными методами исследований изменяется в сторону первых.

Методология классического (количественного) библиотечного исследования в наибольшей степени соответствует такой исследовательской ситуации, когда необходимо:

- определить меру выраженности, распространённости того или иного социального свойства в изучаемой библиотечной общности;
- описать степень представленности отдельных элементов изучаемого библиотечного явления, т. е. количественно описать его структуру;
- выявить количественную представленность типов изучаемого явления в той или иной социальной группе;
- выяснить взаимосвязь между изучаемыми признаками, их частоту и направленность.

Методология качественного исследования применяется в такой исследовательской ситуации, когда необходимо изучить:

- малоизвестное или совершенно новое, неизвестное явление;
- библиотечный объект в его изменчивости во времени;
- уникальное явление в его целостности и неповторимости.

Качественные методы особенно полезны в следующих случаях:

- для формулировки гипотез для последующего репрезентативного количественного исследования;
- для создания концепций, служащих исследователю основой для формирования стратегии конкретной библиотеки.

Есть разные варианты использования количественных и качественных методов в отдельно взятом исследовании:

- использование параллельно, в одном цикле;
- использование последовательно, на разных этапах исследования (например, количественные – на первом этапе, качественные – на втором).

Другим признаком классификации методов исследования могут выступать *степень обобщения и широта применения* метода, что позволило создать их трехуровневую классификацию.

Всеобщие методы. Это методы, используемые во всех науках, прежде всего, философские методы. Они играют стратегическую роль в любых исследованиях.

Общенаучные методы. К ним относятся методы, используемые в разных науках, и предварительно адаптируемые к особенностям каждой из этих наук.

Специальные методы. Это методы, которые разрабатываются в каждой науке для соответствующих исследований, например, методы библиотковедческих исследований. Часть из них может использоваться почти во всех библиотковедческих исследованиях, другие предназначены для разделов отдельных библиотковедческих наук, например, для изучения комплектования библиотечных фондов или библиотечного обслуживания и т. д.

Всеобщие методы (методы философии)

Философия выступает предпосылкой научного исследования; создаёт ему необходимый концептуальный фон; оказывает непосредственное воздействие на процесс исследования; предлагает критерии для качественной оценки той или иной гипотезы, теории; экстраполирует полученную информацию и обобщает её до уровня фундаментальных научных исследований.

Философские знания определяют мировоззренческие подходы к процессу познания и преобразования библиотечной действительности. В настоящее время одновременно сосуществуют различные философские учения, которые могут выступать в качестве методологии исследования: диалектический материализм, экзистенциализм, неотомизм, неопозитивизм, прагматизм и др. В исследовании

можно опираться на положения одного учения полностью или частично, или на несколько философских учений одновременно.

Философские методы применяются во всех исследованиях, в том числе библиотековедческих.

Общенаучные методы библиотековедческих исследований

Так как факты, явления и события библиотечной действительности обладают как свойствами, имеющими более или менее универсальное значение, так и специфическими свойствами и состояниями, то, следовательно, должны существовать способы обнаружения, как первых, так и вторых свойств и состояний.

Первую задачу помогают решать общенаучные методы, вторую – специальные.

Общенаучные методы изучают не всеобщие законы развития, как это имеет место, когда речь идет о философии и её методах, а закономерности развития разных наук, в том числе библиотековедения. Например, такие общенаучные методы, как анализ документов, наблюдение, эксперимент и др. используются во многих отраслях науки, так как изучают нечто сходное и общее для целого ряда форм движения материи.

Анализ развития библиотековедения показывает, что набор его методов зависит от понимания предмета исследования и определяется им. Чем больше знаний накапливает библиотековедение и в связи с этим более сложным становится его предмет, тем серьезнее ощущается потребность в более совершенных методах его дальнейшего изучения.

Главной целью методологии библиотековедения, по-прежнему, остается совершенствование действующих исследовательских методов, поиск в других науках методов, пригодных для изучения библиотечных объектов; разработка новых методов. В русле методологии библиотековедения, на основе изучения и анализа исследовательской практики, должно осуществляться постоянное выявление и уточнение познавательных возможностей методов, сферы их применения, совершенствования правил их использования.

Каждый научный метод в библиотековедении имеет строго определенные возможности и направленность, то есть «свою разрешающую способность». Выявление «разрешающей способности» каждого метода, используемого в библиотечных исследованиях, – путь к повышению его эффективности. Общенаучные методы представляют собой предписания, правила и другие элементы, основанные

на системе теоретических положений, обобщающих закономерности, изучаемые рядом наук.

Методология каждой науки, в том числе библиотековедения, выявляет, адаптирует и использует в исследовательской практике общенаучные методы.

Каждый общенаучный метод проходит в библиотековедении процесс трансформации и спецификации. Прежде всего, общенаучный метод должен быть приведен в соответствие с понятиями и законами библиотековедения. Он преобразуется применительно к особенностям тех объектов, которые изучаются в библиотековедении. Поэтому для успешного применения какого бы то ни было общенаучного метода необходимо, прежде всего, обосновать целесообразность и правомерность использования соответствующего метода в методологии библиотековедения, его адекватность целям и задачам научного исследования и сущности исследуемых библиотечных объектов.

Общенаучные методы, сохраняя свою основу, приобретают специфические черты, обусловленные характером библиотечных объектов.

В библиотековедческих исследованиях используются такие общенаучные методы, как

- изучение документов,
- научное наблюдение,
- эксперимент,
- опрос,
- моделирование и др.

Изучение документов. В документах отражается как объективная действительность, так и отношение к ней субъекта, создателя документа. Задача исследования состоит в том, чтобы получить максимально достоверные данные об изучаемых явлениях и фактах. Изучение документов позволяет найти сведения о прошедших событиях, наблюдение за которыми уже невозможно. Методы изучения документов развиваются в библиотечной науке в зависимости от ее особенностей, характера и специфики анализируемых документов, приспособляясь к этой специфике.

Применение методов изучения документов требует владения навыками поиска необходимых документов и их оценки. Эти методы используются в той или иной степени на всех этапах библиотековедческого исследования. На подготовительном этапе они помогают установить степень разработанности проблемы, провести

терминологический анализ и операционализировать ключевые понятия, сформулировать гипотезы и т. д. При сборе первичной информации о библиотечных объектах непосредственно на базах исследования они помогают получить дополнительную индивидуальную информацию об этих объектах, содержащуюся в первичных и вторичных документах и т. д. После обработки и анализа собранных документов материалы анализа становятся основой для теоретических и практических выводов, а также для проверки данных, полученных другими методами и т. д. На этапе внедрения методы изучения документов используются для анализа оценок результатов исследования, которые дают специалисты и библиотекари-практики.

В науке идет постоянный процесс совершенствования старых и появления новых методов изучения документов, вызванный потребностями практики, направлениями и целями конкретных исследований. Все методы изучения документов делятся на две большие группы: традиционные, суть которых состоит в анализе документа и выявлении необходимых исследователю данных, и *формализованные*, суть которых состоит в математической обработке полученных при анализе документа данных.

Традиционные методы в основном ориентированы на изучение текстов, естественная форма восприятия которых как бы заранее предусмотрена природой и стилем мышления любого человека. Это утверждение особенно правильно по отношению к библиотекарям, связанным с текстами и процессом чтения как своей профессиональной деятельностью.

Позволяя выявить самые глубокие, подчас скрытые стороны содержания документов, традиционные методы в большей или меньшей степени страдают субъективизмом. Поэтому в науке давно ведется поиск объективных, или *формализованных методов* изучения содержания документов, к которым относится, в частности, контент-анализ.

Контент-анализ – это метод изучения физического мира посредством анализа его отражения в «зеркале» человеческого сознания. С одной стороны, мир существует как реальный физический мир. С другой стороны, в человеческом сознании существует образ окружающего нас физического мира. Этот метод применяется для изучения более или менее значительных массивов документов, отражающих деятельность библиотек, проблемы чтения и работы с читателями, особенности печатных изданий, в частности, произведений печати (тип издания, читательское назначение, специфика

восприятия и т. п.), различной библиотечной (дневники библиотекарей, протоколы библиотечных мероприятий и т. д.) и читательской (автобиографии, отзывы, вопросы и т. д.) документации.

Суть метода заключается в том, что в текстах документов выделяются некоторые смысловые единицы, так называемые *единицы анализа*. После того, как эти единицы выявлены в текстах, проводится изучение их качественных и количественных признаков, т. е. подсчет частоты использования этих единиц текста друг с другом, а также с общим объемом информации в изучаемой массовой совокупности документов. Тщательный подсчет по каждой единице анализа с обязательным учетом оценок, которые даются им в текстах, позволяет познать закономерности, объективизированные в документах и не улавливаемые при обычном ознакомлении с ними.

В последнее время с помощью контент-анализа определяются не только намерения создателей текстов, но и делаются удачные попытки выявлять возможные реакции адресатов.

Полученные таким способом качественные и количественные данные и оценки исследуемых объектов после соответствующей статистической и логической обработки и синтеза дают богатый материал для совершенствования теоретической и практической деятельности библиотек.

Опрос как метод библиотековедческого исследования чаще всего используется для сбора первичной вербальной информации, содержащей массовые суждения библиотекарей и читателей по различным аспектам библиотечной работы, их субъективные оценки, мнения, предпочтения, склонности, мотивы деятельности. Выявить состояние общественного сознания в связи с изучаемой проблемой или вопросом – главная задача опроса.

Существуют две основные разновидности опроса, применяемые для изучения читателей.

Анкетирование – это массовый заочный опрос, при котором всем респондентам в идентичной печатной форме предлагается система вопросов с возможными вариантами (или без них) ответов. **Интервьюирование** – устный опрос «лицом к лицу», построенный на социально-психологическом взаимодействии двух людей: дающего информацию и получающего ее. Основой интервью также является перечень вопросов, который интервьюер предлагает опрашиваемому или руководствуется им в процессе собеседования.

Сложность опроса состоит, прежде всего, в том, что здесь создается несколько нетипичная ситуация: в контакт (заочный – при

анкетировании и очный – при интервьюировании) должны вступить два совершенно незнакомых человека, из которых первый (исследователь) проявляет повышенный интерес к другому (исследуемому). Особенность этой ситуации в односторонности интереса, сложность – в необходимости заставить людей заговорить о себе.

При опросах источником информации являются сообщения респондентов. Достоверность их ответов, т. е. степень их соответствия действительному состоянию дел, зависит от двух переменных: искренности и осведомленности опрашиваемых в существе вопросов. Чем выше эти две переменные, тем достовернее полученная информация. Известны ситуации, когда респонденты искренни в своих ответах, но им нечего сказать по существу вопросов или, наоборот, они знают то, о чем у них спрашивают, но по разным причинам не хотят говорить правду. В исследовании необходимо свести до минимума искажения первичной информации, т. е. повысить степень ее достоверности.

Нарративное интервью. В основе этого термина лежит понятие – нарратив (фр. *narratif*, от лат. *Narrativus* – повествовательный, связанный с рассказом). Суть нарративного интервью состоит в том, что в нём основой для получения исследовательской информации выступает рассказ респондента (нарратора, то есть – рассказчика, повествователя). Этот контакт осуществляется «лицом к лицу». Когда нарратор ведет своё произвольное повествование, исследователь, не перебивая его, без всякого вмешательства со своей стороны внимательно слушает и записывает. Материалы изучаются и обрабатываются по специальной методике. В результате исследователь получает по какой-то определенной им теме (вопросу) весьма ценную качественную информацию о жизни и деятельности рассказчика в целом или определённых фактов и событий из его жизни, индивидуальные оценки событий, личное мнение по изучаемому вопросу.

Моделирование – общенаучный способ познания, при котором изучается не сам объект, а его отображение в виде так называемой модели, но при этом результат исследования переносится с модели на реальный объект. Моделирование как метод применяется тогда, когда непосредственное исследование оригинала невозможно или нецелесообразно.

Моделью называется искусственно созданный объект, который соответствует объекту-оригиналу, заменяет его в процессе познания и дает о нем или о его частях информацию. Важной особенностью

модели является ее сходство с оригиналом в тех свойствах и связях, которые подлежат исследованию.

Модель есть средство познания, основанное на аналогии. Но аналогия не тождество. Несовпадение модели и оригинала наблюдается главным образом в том, что модель воспроизводит структуру оригинала, упрощает ее, отвлекаясь от несущественных черт. Поэтому модель служит своеобразным обобщенным отражением объекта и никак не тождественна ему.

Различают *материальные и идеальные модели*. Материальные модели – специально созданные или обработанные исследователем объекты, которые физически воспроизводят те или иные свойства и связи, характерные для исследуемого объекта. Такого рода моделями являются, например, макеты библиотечного оборудования, которые используются при планировке его размещения в помещениях библиотек.

Идеальные модели представляют собой мысленные конструкции, теоретические схемы, воспроизводящие в идеальной форме свойства и связи исследуемого объекта. Они оформляются в виде схем, чертежей, представляют знаковые конструкции логических или математических исчислений.

Специальные методы библиотечных исследований

Специальные методы тесно связаны с теорией и практикой библиотечного дела и играют огромную роль в исследовательской работе.

Исследовательская практика показывает, что использование методов смежных наук не может отменить или подменить специальные методы библиотечной науки, только ей присущие, потому что именно они в наибольшей степени (по сравнению с другими методами) способствуют познанию специфических существенных черт исследуемых явлений, позволяют глубже изучить их.

Специальные методы в каждой области знания вырабатываются, исходя из особенностей изучаемых предметов и явлений. Поэтому они часто неприемлемы в других науках без существенного преобразования. Их применяют в одной науке, не выходя, чаще всего, за рамки исследованной в ней области.

Таким образом, под специальными методами библиотековедения понимаются способы исследования, предполагающие специфическое применение познавательных возможностей изучения библиотечного дела. Как правило, эти методы разрабатываются

специально для «проникновения» вглубь нового аспекта изучаемого предмета, поэтому их называют специальными.

Среди них, например, можно назвать следующие методы: *анализ библиотечной документации* (читательских формуляров, карточек обратной связи, читательских биографий (или автобиографий), читательских отзывов на книгу (книги), понятийного словаря пользователей библиотеки и др.); *библиографическая реконструкция биографии*; *потекстовое ретроспективное интервью*, *библиотечный консилиум*, *библиотековедческие варианты социометрических методов и др.*

Анализ библиотечной документации – метод получения сведений о событиях, наблюдение за которыми уже невозможно, но которые нашли отражение в документах. Для анализа используются как библиотечные по происхождению, так и другие документы, не имеющие прямого отношения к библиотечному делу, поскольку они тоже могут содержать сведения, интересующие исследователя. По информативному признаку все библиотечные документы могут быть разделены на две группы:

- содержащие первичную информацию – читательские формуляры, карточки обратной связи, читательские автобиографии, планы работы и т. п.,

- содержащие вторичную информацию – статистические и текстовые отчеты о работе библиотеки, аналитические обзоры и справки и т. п.

Анализ библиотечной документации в интересующих исследователя аспектах позволяет найти необходимые факты, установить последовательность событий, понять причинно-следственные связи и др.

Библиографическая реконструкция биографии. Это метод, позволяющий средствами библиографического поиска на основе биографического материала, даже минимального, воссоздать (реконструировать) фактографический ряд индивидуальной или коллективной биографии. Для поиска сведений библиографом используются как печатные, так и архивные источники. Реконструкция выполняется на конкретный исторический момент, обеспеченный определенным кругом источников. Результатом реконструкции становится определенный информационный продукт – научная биографическая справка.

Потекстовое ретроспективное интервью – метод изучения состояния сознания того или иного исторического лица или

некоторого коллектива лиц, определяющих массовое сознание, запечатленное в письменных текстах. Другими словами, такое интервью «берется» у лиц, живших в прошлом. Для этого вида интервью могут быть использованы следующие тексты:

а) основные:

– печатные и рукописные материалы, принадлежащие перу исторического лица; готовые и незаконченные работы, заготовки, письма, дневники и т. д.;

– печатные и рукописные тексты лиц, знавших историческое лицо;

б) контрольные:

– исследования современников исторического лица, где в той или иной степени идет речь о нем;

– исследования наших современников о времени, когда жило историческое лицо, размышления о нем.

Метод потекстового ретроспективного интервью может использоваться в различных библиотечеведческих исследованиях в широком диапазоне – от создания коллективного «портрета» библиотечарей или читателей того или иного исторического периода до индивидуальных «портретов» конкретных лиц – библиотечеведов, читателей, писателей и др.

Библиотечный консилиум. Этот метод представляет собой совещание нескольких исследователей, имеющих отношение к данной проблеме, заинтересованных в ее решении и компетентных, выступающих в данном случае в качестве экспертов. Используется в сложных, проблемных ситуациях, когда проведение стандартного исследования не дает убедительных результатов. Задачи библиотечного консилиума – осуществить анализ той проблемной ситуации, которая возникла в библиотечной практике, поставить ее «диагноз» и выработать коллективное решение о способах ее разрешения. До проведения консилиума каждый участник предварительно собирает необходимые материалы, которые помогают более четко и объективно поставить диагноз и предложить свои пути решения проблемы.

Социометрия – отрасль социальной психологии, изучающая межличностные отношения. Социометрические методы достаточно часто используются в исследованиях библиотечных коллективов, читательских групп и др. Эти методы позволяют описать положение индивида в группе так, как оно представляется самому субъекту, сопоставить взгляды всех участников группы; с помощью формализованных

процедур получить индексы, открывающие возможность доказательного сравнения между собой (по определенным параметрам) разных индивидов или групп. Групповые индексы показывают степень связанности индивидов в группе, взаимность связей, интегрированность группы, объем и интенсивность взаимодействия и т. д.

Организация библиотечных исследований

Организация научных исследований является неотъемлемой частью всего комплекса научно-исследовательских работ. Библиотечное исследование – это особый вид синтетической и целенаправленной научной практики; оно должно завершаться получением нового научного знания об изучаемом предмете, относящемся к библиотечной отрасли.

Организация исследовательской работы регламентируется следующими документами.

1. *Программа* исследования – документ, регламентирующий конкретное библиотечное научное исследование, определяющий его направление, содержание и действия исследователей. Утверждается ответственным лицом и изменению не подлежит.

2. *План* проведения исследования – документ, определяющий сроки, место, исполнителей исследования.

3. *Смета* и обоснование затрат – финансовый документ, определяющий стоимость исследования.

Таким образом, организация научного библиотечного исследования представляет собой определение и использование форм, методов и средств, направленных на выполнение программы и плана исследования. Во многом успешность реализации программы исследования зависит от искусства и знаний руководителей научных исследовательских коллективов и тех библиотек или других организаций, где они должны проводиться.

Организация библиотечных исследований происходит в четыре этапа.

На *первом этапе* работы создаётся *сетевой план-график* в соответствии с программой и планом исследования. Он содержит подробный перечень видов работ, сроки их начала и завершения, названия учётных документов, указание ответственных исполнителей.

На *втором этапе* подготавливается *поле* исследования, то есть ознакомление руководителей обследуемых библиотечных учреждений с целью, задачами, исполнителями и ожидаемыми результатами исследования.

На *третьем* этапе создаётся *материально-техническая база* исследования – выделяется финансирование, приобретается необходимое оборудование, тиражируется инструментарий исследования (анкеты, бланки и т. д.).

На *четвёртом* этапе ведётся *подготовка исследовательской группы* – подбор и распределение исполнителей по объектам исследования и отдельным видам работ.

В библиотечной отрасли организуются и проводятся различные *виды* библиотечных научных исследований, каждый из которых имеет свое содержание и специфику. Они могут быть условно разделены на следующие виды:

1. *По охвату территории*: международные; всероссийские (федеральные), региональные, проводимые на территории административно-территориального образования (село, город, район, область, республика).

2. *По количеству специалистов, участвующих в исследовании*: коллективные; индивидуальные.

3. *По времени (эпохе)*, в которой происходили изучаемые события – исторические (ретроспективные); современные (события сегодняшнего дня); прогностические исследования.

4. *По характеру квалификационных требований*, предъявляемых к исследованию: учебные работы – курсовые, дипломные сочинения; диссертации – магистерская, кандидатская, докторская. По итогам этих исследований можно судить о степени подготовки библиотечных кадров к выполнению стоящих перед ними теоретических, методологических и практических задач.

5. *По характеру исследовательских задач* (или теоретическому уровню) – фундаментальные (теоретические), прикладные и комплексные (теоретико-прикладные). Первые направлены на познание библиотечных закономерностей, вторые проводятся с целью выработки путей совершенствования конкретных библиотечных объектов или их частей и применения полученных знаний к конкретным условиям, третьи сочетают то и другое.

6. *По типу логической задачи* – поисковые или разведывательные (осуществляется поиск исследовательских проблем), пилотажные (опробуются методики, инструментарий), описательные или аналитические (изучаются структурные элементы объекта), экспериментальные (используют библиотечные эксперименты).

7. *По отношению к объекту исследования* – монографические (изучается один объект как представитель класса ему подобных),

сравнительные (сопоставляются разные объекты или один и тот же объект в разных временных отрезках), панельные как разновидность сравнительных (выборочную совокупность составляют одни и те же объекты), трендовые, или повторные (изучение того же объекта без сохранения прежней выборки).

8. *По срокам проведения* – долгосрочные (3–5 лет с комплексной программой), среднесрочные (от 0,5 года до 2 лет с анализом отдельных проблем), краткосрочные (от 2 до 6 месяцев с анализом локальных проблем) и экспресс-исследования (до 2 месяцев для получения информации по стандартизированной методике).

9. *По проблемам методологии и методики* – специальный вид библиотековедческих исследований, пока недостаточно разработанный.

Имеются и другие виды исследований, не вошедшие в данный перечень.

Во всех видах библиотековедческих исследований обязательно должен быть раздел, разъясняющий методологические и методические позиции исследования, без которого оно не может считаться научным.

Организация библиотечных исследований предполагает также постановку и решение новых научных проблем и задач, к которым на современном этапе относятся:

Учёт и приведение в систему: терминологии методологии и методики библиотечных исследований; познавательных средств, имеющих в методологическом арсенале библиотековедения; всех элементов, изучаемых методологией.

Совершенствование каждого действующего исследовательского метода.

Поиск, выбор и адаптация методов других наук для использования в библиотечных исследованиях.

Конструирование новых методов, выявление таких методов библиотечной практики, которые можно преобразовать в исследовательские.

Паспортизация действующих методов (с отражением истории метода, его теоретической основы, технологических возможностей (технологии метода) и т. д.).

Изучение библиотечных исследований на предмет выявления использованных в них методов, воссоздание истории их изучения в библиотековедении и др.

Центрами организации и проведения библиотечных исследований в России являются различные библиотечно-информационные учреждения – РГБ, РНБ, Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, БАН, ГПНТБ, ГПНТБ СО РАН, ВГБИЛ и другие федеральные, региональные, отраслевые научные библиотеки; вузы культуры и искусства и др.

Основным критерием эффективности и качества библиотечных исследований является соответствие их целей и результатов потребностям библиотечной практики. Связи библиотечной науки и практики развиваются и обогащаются в двух направлениях. С одной стороны, возрастает потребность библиотечной практики во внедрении результатов научных исследований. В настоящее время особенно нужны научные обобщения, долгосрочные прогнозы, концепции развития библиотек, библиотечного дела и библиотечной профессии. С другой стороны, растет значение для научно-исследовательской работы инновационного библиотечного опыта, который требует всестороннего научного осмысления и обобщения.

Опубликовано: Библиотекосведение. Общий курс: учебник для бакалавров/ С.А. Басов, А.Н. Ванеев, М.Я. Дворкина и др. – СПб.: Профессия, 2013. С.64–85

Специальные методы исследования в библиотековедении: необходимость изучения, развития и применения (2013)

Нельзя вполне понять библиотековедение, возможности его развития, не составив представления об особенностях методологии его исследовательского поиска, который теснейшим образом связан с её «наполненностью» познавательными средствами, их качеством и возможностями каждого. Среди этих средств, подчеркнём, главное – это научные методы.

Методы библиотековедения подобны инструментам в руках рабочего. Ненадёжен тот рабочий, который не знает своего инструмента и не умеет им пользоваться, не представляет, как его улучшить. Плох тот учёный-библиотековед, который не овладел методами своей науки, не проник в глубину их природы, не стремится к их совершенствованию и созданию новых.

Это потому такое серьёзное отношение к методам, что они сердцевина научной деятельности и в каждом из них в большей или меньшей мере находят отражения все её грани.

Поэтому одна из важнейших задач – это классифицировать имеющиеся методы, определить познавательные возможности каждого.

Ф. Бэкон сравнивал значение метода в познании человеком мира с источником света. Сначала зажигается свет, который освещает дорогу к поиску, а затем уже начинают упорядоченные испытания. «Испытания, не организованные и не скреплённые методом, похожи на развязанную метлу или хождение ощупью».¹⁷

В наше время научно-исследовательская деятельность использует многочисленные и разнообразные научные методы. Учение о методах, то есть методология библиотековедения, должна быть в поле зрения библиотековеда-исследователя: он обязан знать весь набор научных методов, имеющихся в ней, уметь находить в других науках и адаптировать для нужд библиотековедения подходящие методы, конструировать новые. Иными словами – увеличивать пути для все большего получения ранее неизвестного нам знания. «Методологический срез» является необходимым компонентом каждой конкретной науки – физики, химии, истории, библиотековедения и др., хотя он не всегда осознаётся некоторыми её представителями

¹⁷ Бэкон Ф. Новый органон / Ф. Бэкон. М., 1938. С. 6

Необходимость в разнообразии методов обусловлена тем, что качественное многообразие изучаемых библиотековедением мира книги и человека, её читающего, требует для каждого конкретного случая исследовательского акта своего набора методов, ибо мы знаем: универсальных методов нет – каждый метод может только то, что он может, что было заложено в него при его создании.

Разнообразие методов может обеспечиваться качественным многообразием исследуемого предмета библиотечной деятельности.

Очень важно правильно классифицировать все имеющиеся в распоряжении библиотекovedов методы: например, по степени общности и сфере действия они разделяются в библиотековедении на следующие группы:

Методы, которые могут применяться во всех науках на всех этапах исследования. Это философские методы. Среди них важную роль играют диалектика, метафизика, феноменология, герменевтика и др.¹⁸ Другие методы лишены атрибута всеобщности. Их можно, в свою очередь, разделить на две группы;

Специальные библиотечные методы. Они тесно связаны с характером изучаемого предмета и применяются только в библиотековедении или в каком-либо его разделе. Дадим рабочее определение (самое общее) термина «специальный метод» (иногда его называют «частнонаучный метод»). Под специальным методом понимается способ исследования, предполагающий специфическое применение познавательных средств для изучения конкретной области объективного мира. В нашем случае – библиотечного дела.

Надо иметь в виду, что абсолютно специфических методов, т. е. таких, в которых бы содержались элементы познания, применяемые только в специальных методах и всегда отсутствующих в других методах, нет. Специфичным является использование определённого набора известных элементов – операций, регулятивов и др. в методе, их сочетание и субординация.

Группа, которую составляют *методы, применяемые во многих, но не во всех науках.* Такие методы можно назвать общенаучными. В группе общенаучных методов можно выделить три подгруппы:

Методы эмпирического изучения (наблюдение; эксперимент; сравнение; описание; измерение и др.),

¹⁸ Якушев А.В. Философия (конспект лекций) / А.В.Якушев. М.: «Приор», 2010. с. 8–9.

Методы теоретического исследования (Формализация; аксиоматический метод; гипотетико-дедуктивный метод; восхождение от абстрактного к конкретному и др.),

Общелогические методы (анализ; синтез; абстрагирование; обобщение; идеализация; индукция; аналогия; моделирование и др.).

В каждом методе эмпирического и теоретического познания присутствуют те или иные общелогические методы или их элементы нужд библиотековедения. Все эти методы, применяемые в библиотековедении, отличаются от подобных методов, используемых в других науках. Например, научное наблюдение в библиотековедении от научного наблюдения в астрономии, психологии, химии и др. науках. Но какие одинаковые задачи решают общенаучные методы в каждой науке, в том числе и в библиотековедении. Покажем это на эмпирических методах. Наблюдение (рассмотрение) – поиск связи в объекте; анализ – рассмотрение элементов связи; сравнение – выделение сходных элементов; обобщение – вывод на основании сходных элементов; синтез – рассмотрение элементов в их связи (единстве); эксперимент – проверка наличия связи.¹⁹

По-прежнему на повестке дня вопрос о субординации в исследовании этих трёх видов методов (всеобщих, специальных и общенаучных). Существует формула, предложенная специалистами: философами и исследователями – теоретиками и практиками. Её пока ещё никто не опровергнул. Покажем, как по этой формуле должна выглядеть эта субординация (на примере библиотековедческих исследований).

В этой субординации определяющей является взаимосвязь всеобщего метода (а это или диалектика, или метафизика, или эклектика²⁰, то есть то, что выбрали сами исследователи) со специальными методами, используемыми в работе. Эти методы (эмпирического и теоретического познания) адаптированы для изучения предмета исследования.²¹ А общие методы играют подчинённую роль в этой исследовательской практике, по-разному приближаясь к специальным методам.²²

¹⁹ Жаринов В.М. Философские и социальные науки в таблицах и схемах. Фундаментальные системы / В.М. Жаринов. М.: Приор-издат, 2005. С. 4–5.

²⁰ Якушев А.В. Философия : (конспект лекций) / А.В. Якушев. М. : «А-Приор», 2010. С. 8–9.

²¹ Крейденко В.С. Библиотечные исследования: учеб.-метод. пособие / В.С. Крейденко. М.: «Рус. шк. библиот. ассоциация», 2007. С. 239–240.

²² Диалектика и частные науки: моногр. / под ред. Н.М. Дмитренко и др. Ленинград – Брянск, 1972. С. 291.

Следовательно, общенаучные и специальные библиотечные методы используются не изолированно и параллельно, а в органическом единстве: взаимодействуя и дополняя друг друга, они усиливают достоинства и нейтрализуют известную ограниченность каждого, способствуя многоаспектному изучению предмета исследования.

Эта формула универсальна (связь и последовательность трёх видов методов). Она действует во всех науках – начиная от астрономии и кончая языкознанием. Везде роль специальных методов велика (правда, иногда они называются в некоторых науках не специальными, а частнонаучными или как-то ещё по-другому). Чем лучше разработаны специальные методы, тем эффективнее исследование.

Идею о важности специальных методов поддерживают и наблюдения ряда других исследователей. Так, А.С. Кравец пишет: «Опыт показывает, что чем более общим является метод научного познания, тем он неопределённое в отношении предписания конкретных шагов познания, тем более велика его неоднозначность в определении конечных результатов исследования».²³

В процессе исследования выявилась закономерность: нельзя использовать в исследовании только общенаучные методы или только специальные. Нужны и те и другие: у каждого своя работа.

Анализ опыта серьёзных исследований показывает, что без специальных методов в них, они не получаются репрезентативными. Об этом свидетельствует и опыт наших исследований. Подобная субординация, создаваемая в них, повышает эффективность исследования и, думается, надёжность. Об этом, в частности, говорит опыт, ставших ныне классическими, таких исследований, проведённых в 60–70 гг. XX в. в нашей стране, изучение читательских интересов рабочей молодёжи в 52 крупных и средних городах РСФСР (1963–1966 гг., ЛГИК и ГБЛ); исследование по теме «Советский читатель» (1965–1967 гг., ГБЛ); анализ читательских интересов ленинградской молодёжи, а затем рабочей молодёжи Ленинграда и Ленинградской области (1963–1965 и 1970–1973 гг., ЛГИК); исследования «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1969–1972 гг.) и «Книга и чтение в жизни Советского села» (1972–1977 гг., ГВЛ); «Библиотека и научная информация» (1965–1969 гг. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина) и др. – использовались с успехом комплекс общих методов и различные специальные методы.

²³ Кравец А. С. Методология науки / А.С. Кравец. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос.ун-та, 1991. С.13.

Тому, кто изучает методологию, важно знать, что по ходу каждого исследования к ним выпускались специальные издания, в которых были изложены вопросы программы, характеризовались предполагаемые к использованию методы, в том числе и специальные. Так, например, к исследованию «Библиотека и научная информация» в 1965–1976 г. было издано 36 выпусков методических сборников.

В этих сборниках собран ценный материал о программах исследований, общих и специальных методах. Эти сборники – «золотой фонд» отечественной методологии библиотковедения, к которому сегодня мало кто обращается!

Ещё один пример. Иногда издавались не только методологические сборники, но вопросы методики освещались широко в библиотечной печати.

Методика исследования «Советский читатель» (ГБЛ, 1965–1967 гг.) широко освещалась, см.: Сов. библиография, 1966, № 4, с. 77–81; Б-ки СССР. Опыт работы. Вып. 34. М., 1967, с. 124–132; Вып. 35. М., 1967, с. 66–72; Библиотекарь, 1967. № 8, с. 22–25 и др.

Упрощая ситуацию, можно сказать: всеобщий метод даёт стратегию, общенаучные – помогают разработать тактику, а специальные «проникать» в предмет исследования и решают при поддержке всеобщего и общих методов конкретные задачи.

Напомним, что в библиотковедческих исследованиях используют общенаучные методы, адаптированные для библиотковедческих целей и постоянно вырабатываются и продолжают создаваться специальные методы исследования, направленные на изучение библиотечной работы как специфической области объективного мира. Специальные методы «обогащаются и совершенствуются в производственном и научном опыте».²⁴

Специальные методы тесно связаны с характером изучаемого библиотечного процесса, а каждый из них используется при решении определённых практических вопросов. Например, для изучения читателей и работы с ними давно и успешно используются методы анализа: материалов библиотечной статистики, читательских формуляров, книжных формуляров, материалов справочно-библиографической работы и др.

Без специальных методов или плохо (непродуманно) подобранных – исследование будет поверхностным, неглубоким.

²⁴ Диалектика и частные науки: моногр. / под ред. Н. М. Дмитренко и др. Ленинград – Брянск, 1972. С.289.

Специальные методы для изучения читателей использовались в нашей стране давно.²⁵

О необходимости принимать в исследованиях систему методов и среди них обязательно специальные, неоднократно писал пионер в области изучения читателей Н. А. Рубакин (1862–1946). В 1913 г. в работе «Письма к читателям о самообразовании», он подчёркивал, что для того, чтобы убедиться в «точности и достоверности» знаний, необходимо быть хорошо знакомым с «сотрудничеством» методов между собою, ибо «методы исследования и вообще добытия точных и достоверных знаний бывают разные. Существует целый ряд всевозможных методов, более или менее пополняющих друг друга».²⁶ Н. А. Рубакин один из первых в отечественном читателеведении на основе методов анализа читательских писем, автобиографий, отзывов о книгах и др. методов создал портреты – биографии читателей из народа, осуществив впервые в мировой практике индивидуальное изучение читателей.

На близких Н.А. Рубакину позициях стояли первые наши исследователи читателей – А.П. Нечаев, Е.Н. Медынский, Я.В. Ривлин, М.И. Слуховский, Я.М. Шафир.

Заканчивая разговор о Н.А. Рубакине, необходимо подчеркнуть, что он был настоящим методологом²⁷ и изучал методы, искал наиболее эффективные, а также старался создавать новые (например, специальный метод определения трудности понимания текста по степени расхождения его словаря со словами, составленными самим Н.А. Рубакиным (он включал 1500 слов))²⁸.

Позднее, с 1898 г. подобные исследования начались в США и Германии (В. Тейлор, Р. Флеш, В. Грей, Ч. Осгуд, М. Фогель и др.)

²⁵ В этой работе мы будем преимущественно говорить о специальных методах по изучению библиотекарей, читателей и чтения.

²⁶ Рубакин Н.А. Письма к читателям о самообразовании: как начинающие читатели должны приступить к нему и как вести его / Н.А. Рубакин. СПб.: Н.П. Карбосников, 1913. С.85.

²⁷ Рубакин Н.А.: К библиографии методологии: что читать по вопросам о научном методе вообще и по методологии отдельных научных дисциплин в частности. / Н.А. Рубакин //Библиографические известия. 1914. №3–4. С. 185–210.

²⁸ На основе созданного им из 1500 русских слов фактически первого в мире частотного словаря. См.: Гришанина Н.А. Н.А. Рубакин о доступности рекомендаций книг// Библиотековедение. 1992 – 1982. № 5. С. 65; Методика исследования восприятия информации: сб. науч. тр. Л., 1972. С. 5.

специальных методов (см. схему выше), а также большой круг литературы по теме.

Думаю, эту статью полезно прочитать библиотековедам – исследователям сегодня и сравнить с тем, что мы сейчас имеем.

А как дело обстоит сегодня? Необходимость в специальных методах по-прежнему велика. Недостаток в таких методах специалисты как чувствовали раньше, так чувствуют и сегодня.

«Начинались» специальные методы, как мы кратко показали, ещё в середине XIX в. Не меньше они нужны и сейчас. Необходимость в них возрастает, хотя ещё в 20-ые годы в литературе раздавались призывы создавать и развивать «специальные методы изучения читателя»³⁰. Но дело движется медленно. И сегодня в вопросе о специальных методах много вопросов, а самих методов весьма мало – и методов библиотечной практики, и исследовательских. Например, беседы библиотекарей с читателями. К этой «двойной» группе можно отнести и любые групповые или фронтальные библиотечные мероприятия. Особенно когда последние «оснащаются» ещё и дополнительными элементами изучения, их возможности как научных исследовательских методов возрастают. Они тогда не только рекомендуют творчество читателя или какое-то произведение или группу произведений, но и дают ценнейший исследовательский материал. Сюда же можно отнести и такие мероприятия, как читательские конференции – «Самая интересная книга, прочитанная мною в 2013 г.» и «Библиотека в моей жизни» и др. подобные.

Что же касается бесед, то в специфике самих этих методов изначально заложен исследовательский элемент. Например, многочисленные виды бесед – от индивидуальной до беседы – викторины.

Беседы фактически и практически являются и исследовательскими методами. Во многих своих моментах они пересекаются с особенностями анкет («вопросительные» элементы в различных беседах и др. элементы анкетирования), или интервью (общение «лицом к лицу» с читателями даёт возможность также как и в интервью – использовать элементы научного наблюдения), тестов (задачи, которые ставятся в викторинах, часто схожи с задачами тестов). Именно в непосредственном общении с читателями проверяются и корректируются данные, собранные библиотекарями с помощью других методов изучения читателей. Кроме того, беседы, в отличие

³⁰ Поддубская А. Итоги и перспективы изучения читателя / А. Поддубская // Культфронт. 1927. № 22. С.10.

от остальных методов изучения читателей, являются, прежде всего, активными, педагогически направленными методами работы, поскольку позволяют не только зафиксировать интересы человека к книге и библиотеке, но и формировать их, углублять и расширять эти интересы.

В условиях открытого доступа к фондам возможности такого специального метода изучения читательских интересов, как беседа, в окружении книг библиотечного фонда, раскрываются полнее, чем при прежней системе обслуживания, и сама беседа приобретает иной характер. Библиотекарь разговаривает с читателем непосредственно у книжных полок, что позволяет с большей определённо-стью выявить уровень подготовки, начитанности и вкуса человека. Нередко такая беседа раскрывает интересы не только этого одного человека, но и группы других, которые «стихийно» включаются в разговор.

Некоторые общенаучные методы, попав в методологию библиотечного обслуживания, проходят фактически двойную адаптацию. Так, например, интервью. Этот метод в библиотечной методологии и практике имеет очень близкого «товарища» – библиотечную беседу. А точнее – индивидуальную беседу.

Индивидуальная беседа³¹ с читателем библиотеки является главным методом и основой во всех других методах индивидуального обслуживания.

Перечень основных видов бесед: а) при записи пользователя в библиотеку; б) при рекомендации книги и в) беседе о прочитанном как единый динамический библиотечно-педагогический процесс.

Беседа при записи в библиотеку (стратегическая, исследовательская). Сведения о человеке, выясняемые при записи в библиотеку, играющие важную роль при определении стратегии, общего направления работы с ним как с новым пользователем библиотеки. Знакомство его с правилами пользования, историей и традициями, которые сложились в библиотеке.

Беседа при выдаче читателю книги (тактическая беседа и исследовательская). Общее правило любой беседы: об одной книге различным читателям говорить по-разному, но всегда интересно, выразительно и ненавязчиво.

³¹ Классификация бесед см.: Крейденко В. С., Ужовский А. Т. Библиотечно-биографическое обслуживание читателей: альбом наглядных материалов / В. С. Крейденко, А. Т. Ужовский. СПб. : СПбГАК, 1992. С 21.

Зависимость беседы от читательской культуры пользователя библиотеки, цели его обращения к книге, содержания и особенностей каждого рекомендованного издания, относящегося к различным отраслям знания, другие факторы.

Приёмы, стимулирующие чтение конкретных пользователей, и используемые в рекомендательных беседах (разработки А.Покровского, Л.Галинкина, Ю.Тугова и др.): «книга – сюрприз», «идентификации», «персонификации», «звездного чтения» (А. Моруа) и др.

Беседа о прочитанном (корректировочная беседа и исследовательская) как способ анализа принятых библиотекарем решений о работе с читателем в целом и с конкретной книгой. Характер беседы зависит от многих факторов, в том числе, таких главных, как особенности книги (содержание и читательское назначение), читательское развитие пользователя библиотеки и др. Главный критерий – выяснение степени достижения цели чтения (выявление уровня восприятия, понимания прочитанного, уточнение читательских интересов и т. д.).

Типовые приёмы, обеспечивающие в той или иной степени создание условий для вступления читателя в беседу с библиотекарем:

- книга была взята по рекомендации библиотекаря – пути выяснения, насколько удачна с точки зрения читателя была эта рекомендация. Правило: идея взять книгу, которую рекомендует библиотекарь, должна принадлежать читателю. Правило этого приема сформулировано Карнеги: «Идея должна принадлежать партнёру».³²

- книга выбрана читателем самостоятельно – пути определения того, как читатель оценивает свой выбор, считает ли его удачным.

- нет уверенности, что читатель самостоятельно вступит в беседу о прочитанном – как, не дожидаясь отзыва читателя, поделиться с ним теми впечатлениями, которые оставило у библиотекаря прочтение этой книги. Читатель: а) соглашается с оценкой, б) дополняет ее своими впечатлениями или соображениями, в) вступает в полемику с библиотекарем.

Метод индивидуального планового чтения. Его особенности. Использование типовых планов чтения, др. «малых форм» библиографии для организации индивидуального планового чтения. Приоритетные группы читателей, привлекаемые к плановому чтению – молодёжь, лица, занимающиеся самообразованием и др.

³² Алгоритм приёма см.: Литвак М.В. Психологическое айкидо. Ростов-на-Дону, 1992. С. 55–56. Используйте этот алгоритм для разработки методики рекомендации конкретной книги.

Метод индивидуального информирования пользователей библиотеки о книгах по их интересам (особенно по профилю работы), поступивших в фонд. Читатели, научные работники, ведущие специалисты, руководители предприятий, актив библиотеки.

Метод индивидуального библиографического информирования пользователей общедоступной библиотеки. Хорошо принимается читателями с высокой культурой чтения, испытывающими потребность в библиографической информации и разбирающимися в библиографических источниках.

Определение эффективности индивидуальной работы с пользователями библиотеки. Формула эффективности индивидуальной работы Ю.М. Тугова и Л.И. Галинкина: $Эф = (ЧС2 - ЧС1) : Ц$

Её достоинства и недостатки. Проблемы изучения индивидуальной работы с читателями.

Есть группа специальных библиотечных методов, которые связаны с анализом документов. Они строятся на основе заимствования из общенаучного метода изучения документов, той его части, которая посвящена изучению так называемых личностных документов³³.

А если говорить по-научному – в библиотековедении происходит процесс дифференциации общенаучного метода изучения документов. От него отделяются части, «занимающиеся» личностными документами, и на их основе создаются специальные библиотечные методы изучения этих документов (каждый метод, как правило, изучает один вид документов). Такой подход оправдан. В специальных методах появляется больше возможностей уделить целенаправленное внимание одному виду личностных документов, глубже его проанализировать. Изучение этих документов во многом опирается на личностный подход, разработанный отечественными педагогами в 80-х гг. XX в.³⁴. Сейчас постараемся ответить на важный вопрос: какие документы (кстати, по латыни Documentum означает «доказательство») изучают общенаучные методы изучения документов и какие – специальные?

Документ является информационным источником, имеющим юридическую силу. Это значит, что он должен быть подлинным,

³³ В них используются элементы общенаучного метода – операции, регулятивы и др. элементы, предназначенные для анализа личностных документов.

³⁴ См. Личностный подход // Мардахаев Л. В. Словарь по социальной психологии / Л.В. Мардахаев. М.: ACADEMIA, 2002. С. 142.

написанным в тот период, который изучается.³⁵ Если это копия, она должна быть заверена. Изучение совокупности документов (однородных или разнородных), их сопоставление воссоздаёт библиотечную действительность, что и является задачей библиотковеда – исследователя. Исследуются документы официальные и личностные, как на бумажном носителе, так и электронные.

Письменные документы «всегда являются результатом целенаправленного, сознательного документирования явлений объективной действительности на языке слов... в целях надёжной передачи этой информации во времени и на расстоянии».³⁶

Что это изучение даёт? Помогает получить сведения о прошедших событиях, наблюдение за которыми уже невозможно.

Такие документы и изучают общенаучные методы.

Что же касается личностных документов, которые собираются библиотековедами для готовящегося ими исследования, то они отвечают только на вопросы «что происходит сейчас и здесь» и не получили ещё «юридическую силу». Иными словами, они не обладают пока теми качествами, которые предъявляются к документам для общенаучного метода. Они приобретут эти качества только после того, как библиотекоседы используют их в специальных методах, проведя своё исследование, и сдадут их, например, в библиотечный архив.

Библиотекоседы проводят интересные исследования, используя такие документы, которые по их просьбе пишут респонденты. Это читательские автобиографии, отзывы на книги, дневники чтения, читательские сочинения на тему: «Библиотека в моей жизни», «Что я думаю о будущем библиотеки», «Чтение с листа, с экрана и на слух» и др. Кроме этих документов ещё используются в специальных методах – читательские формуляры (особенно удобны аналитические), карточки обратной связи и др. Что же касается специальных методов библиотечных исследований – анализ читательских формуляров и другого – анализа книжных формуляров, то они считаются среди специальных библиотечных методов «старейшими». Так, например, называл их И. Е. Баренбаум – профессор, доктор

³⁵ Должны подбираться документы, которые содержат свидетельство об объективной библиотечной действительности. Прочтение документа предполагает воссоздание последней, то есть выясняется, как текст соотносится с действительной ситуацией.

³⁶ Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития / К. Г. Митяев // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 29

филологических наук³⁷. «Чисто библиотековедческим» методом называл анализ читательских формуляров А.Я Черняк³⁸ – профессор, доктор филологических наук. Эти два исследователя – И. Е. Баренбаум и А. Я.Черняк редко ошибались. Как специальный библиотечный метод – используется процедура *выборочного изучения группы вопросов из анкетирования, проведённого раньше другими исследователями*. Здесь можно найти интересные материалы, которые полезно использовать для сравнения с результатами тех исследований, которые проводятся сегодня. Но надо уметь выбрать для этого соответствующие вопросы из старых анкет; изучить проведённое раньше анкетирование; определить, что и как обработать (обязательно учитывая социально-демографическую составляющую этого анкетирования).

Важным средством изучения читательских интересов является *специальный метод сбора и анализа отзывов о книгах*.

Сбором читательских отзывов занимаются почти все библиотеки. Эта работа преследует несколько целей. Во-первых, она помогает читателям в выборе следующих книг для чтения, на которые дали отзывы, воспитывает в них самостоятельность мышления, развивает язык, умение формулировать свою оценку прочитанного. Познакомившись с полученным отзывом, библиотекарь беседует о его содержании и форме с читателем, даёт советы по культуре чтения и т. д. Во-вторых, библиотека использует отзывы для рекомендации лучших книг путём оформления стенной газеты, бюллетеня, альбома или тетради отзывов. И, в-третьих, читательские оценки литературы выполняют свою общественную функцию – отсылаются авторам книг в издательства и редакции журналов.

Какой материал для изучения лица читателя даёт нам письменный отзыв о книге? Если внимательно в него вчитаться, можно увидеть в отзыве проявление в какой-то мере черт морального облика и характера человека, с одной стороны, и отражение уровня его духовной, читательской культуры – с другой. Обе эти стороны наличествуют в отзыве на любую книгу – общественно-политическую, естественную, производственную, художественную и др.

³⁷ Баренбаум И. Е. Библиотековедение и библиографоведение в системе книговедения / И. Е. Баренбаум // Книга. Исследования и материалы. 1972. Вып. 24. С. 15.

³⁸ Черняк А. Я. Об истории библиотечного дела / А. Я.Черняк // Библиотеки СССР. Опыт работы. 1972. Вып 53. С. 81–89.

Анализ «Дневника библиотекаря»³⁹ становится также одним из специальных методов изучения читателя и его интересов. В записях отражаются впечатления библиотекаря от встреч с читателями, его раздумья, сомнения, поиски нужных путей оказания помощи конкретным читателям в выборе книг. Метод «работает» при изучении одного дневника или нескольких одновременно.

Из педагогики и психологии к нам пришёл биографический метод.⁴⁰ За последнее время удалось найти всего несколько, но интересных специальных методов:

1. *Метод библиографической реконструкции биографии* (Н.В. Бекжанова, 2004)⁴¹;

2. *Генеалогический метод изучения владенческих книжных коллекций* (Н.А. Бессонова, 2005)⁴²;

3. *Метод потокового ретроспективного интервью* (В.С. Крейденко, 2006)⁴³;

4. *Социальное портретирование как метод изучения читателей библиотек* (Есина Т.А.).⁴⁴

Проанкетировав один из методов – первый в ряду названных нами методов (автор – конструктор Н.В. Бекжанова).⁴⁵

Метод библиографической реконструкции биографии (МБРБ)⁴⁶ внедрён в справочно-библиографическое обслуживание как ответ на участвовавшие в 90-х гг. XX века запросы на биографии отдельных персон, не обеспеченных таковыми. Появился он на стыке научного и библиографического поиска и позволяет библиографу в процессе СБО в режиме «запрос – ответ» выполнять работы по реконструкции индивидуальных биографий. Используя всю широту хранящихся в фондах крупных научных библиотек информационных источников,

³⁹ Добрынина Н.Е. О методах изучения читательских интересов / Н.Е. Добрынина // Роль библиотек в коммунистическом воспитании советских людей: сб. матер. М., 1965. С. 65–66.

⁴⁰ Горева Г.Н. Биографический метод изучения читателей: автореферат дис. ... канд. пед. наук по спец. «библиография и библиотековедение» 05.25.03. Л.: ЛГИК, 1976. – 15 с.

⁴¹ Библиосфера, Новосибирск. 2006. № 3. С 5–11.

⁴² Академические тетради. Самара, 2005, Новосибирск, Вып. 4. С. 45–51.

⁴³ Библиосфера. 2006. № 1. С. 35–39.

⁴⁴ Есина Т.А. Социальное портретирование как метод изучения читателей библиотек : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: МГИК, 2010. 24 с.

⁴⁵ Кстати, аннотирование – тоже специальный метод, как для библиотековедения, так и для библиографоведения. Такая ситуация возможна в родственных науках, какими являются библиотековедение и библиографоведение.

⁴⁶ МБРБ – сокращённое название метода.

по запросу читателя библиограф подготавливает биографическую справку, обладающую рядом признаков: новизной, кумулятивностью, всеобщностью, объективностью, ситуативностью, самостоятельностью, приемственностью, достоверностью, проверяемостью, системностью и гибкостью.

Метод БРБ стал показателем стремления библиотек за счёт сложных, интеллектуально насыщенных видов деятельности повысить эффективность обслуживания, обеспечить необходимый в условиях информатизации общества уровень поддержки научных исследований.

Завершаю разговор о специальных методах мыслями о конструировании таких методов. Это сложный процесс, требующий глубокой методологической подготовки, постоянного изучения методического арсенала библиотековедения.

Интересен образ, «нарисованный» отечественным учёным И.В.Кузнецовым, на примере альпиниста, который хочет добраться на вершину горы. Этот образ, убедительно показывающий, что и как «толкает» исследователя на создание нового специального метода исследования (ведь горы, на которые взбираются альпинисты, тоже родные!). «Прежде, чем начать восхождение, он познакомится с особенностями сей вершины, рельефом местности, постарается определить непроходимые и труднопроходимые участки, которые он должен будет учесть или исключить в своём маршруте. Учтёт он и массу побочных явлений, например, погоду на время восхождения. Исходя из всего этого предварительного комплекса знаний, наш альпинист и будет строить свой маршрут, последовательность этапов восхождения. Здесь уже как раз и происходит переход от предметного знания к методу, оборачивания знания».⁴⁷ Следовательно, со специальными методами у нас не всё благополучно: их мало, некоторые требуют доработки. Вообще, чтобы сконструировать специальные методы, необходимо:

1. Быть методологом по призванию и хорошо подготовленным
2. Иметь опыт участия в библиотечных исследованиях.
3. Чувствовать поддержку в трудной работе по созданию таких методов, а не слышать от авторитетных людей, что такие методы библиотековедам не нужны (такие высказывания очень вредны).

А в заключение, всё же, хочу сказать хорошее: в то же самое время, методология библиотековедения стоит по своему развитию

⁴⁷ Кузнецов И.В. Избранные труды по методологии физики / И.В. Кузнецов. М., 1975. С. 143–144.

не на последнем месте среди других методологий гуманитарных наук. Вот подтверждение моих слов. Один из создателей современной отечественной социологии доктор философских наук, профессор В. А. Ядов в 1988 г. имел возможность познакомиться с большой подборкой изданий по методологии библиотековедения. Итогом знакомства с этой литературой были слова: «Из этих работ ... я понял, что надо читать литературу по библиотековедческим методам с пользой для социологии».⁴⁸

Есть такая мудрая пословица – не говори под руку! А по-научному это значит – нельзя мешать работать, то есть, говорить: это не получится, этого нет, и не будет; нельзя использовать и другие слова с отрицательными значениями. И наоборот. Поддержка добрым словом, укрепляющим веру в успех, творит чудеса.⁴⁹

Опубликовано: Библиотечное дело. – 2013. – № 13. – С. 22–27.

⁴⁸ Текст В.А. Ядова хранится в личном архиве автора статьи.

⁴⁹ См.: Крейденко В.С. Библиотечные исследования: учеб.- метод. пособие / В.С. Крейденко. М.: «Рус. шк. библи. ассоциация», 2007. С.285–286; Коморов В. От дисков с эрла до антигравитаторов и «вечных двигателей» // На грани невозможного. М., 2005. № 2. С. 4 (об изобретении невозможного, если тебя убедили, что оно возможно!); Эффект Пигмалиона, эффект специалиста и др / В.С. Крейденко, О.С. Либова // Библиотекарь и читатель: проблемы общения. Вып. 2. Санкт-Петербург, 2000. С. 27–28.

Структура научно-исследовательского метода и терминологическая трактовка её элементов (2014)

Система терминов – это остов науки, на котором крепится всё остальное. Если терминология слабая, наука «шатается» и может развалиться. Без терминологии науки нет! От упорядоченности терминологии в значительной степени зависит развитие науки, подготовка кадров, планирование и учет работы научных учреждений и многое др.

Наконец, по тому, насколько правильно обучающийся усвоил содержание тех или иных понятий, можно судить о глубине овладения им предметом. Возникает вопрос: если понятия поверхностны и не отвечают современным знаниям? Поэтому, приступая к рассмотрению любого научного вопроса, необходимо, прежде всего, уточнить терминологическое поле, в пределах которого будет проводиться это исследование.

В методологии библиотековедения важное внимание уделяется изучению, уточнению и разработке исследовательских методов, потому что метод – это основа любого исследования, его сердцевина. Но до настоящего времени ещё не было глубоких исследований по структуре метода в терминологическом плане: зная чётко, что есть каждая часть исследовательского метода, её роль в работе метода, её содержательное наполнение, легче, глубже и лучше пойдёт работа по изучению и развитию каждого метода, всей её системы в методологии библиотековедения.

Мы рассмотрим, не претендуя на окончательное и правильное решение сложного вопроса, структуру научного метода в методологии библиотековедения и попытаемся дать её терминологическую трактовку. Так сказать, попробуем подойти к проблеме, опираясь на терминологическо-понятийный подход. Одно из достоинств подобной работы – установка репера для дальнейших обсуждений вопроса и решения этой задачи в целом.

Напомним, что термин должен быть точным носителем информации о своём научном понятии, поскольку организованная терминологическая система предполагает соотношение: «один термин – одно понятие». Что же касается понятия, то оно составляет ядро, сердцевину значения термина. Знать суть термина – это определить содержание понятия, соотносимого с данным термином.

Необходимо в определении чётко назвать наиболее важные и существенные признаки, которые выделены в обозначаемых этим понятием однородных библиотечных предметах, фактах, явлениях или отношениях между ними.

До того, как перейти к определению структуры научного метода, раскроем содержание двух исходных ключевых терминов: «методология библиотечного знания» и «научно-исследовательский метод (сокращённо – научный метод) в библиотечном знании».

Методология библиотечного знания – это та часть библиотечной науки, в которой собираются и систематизируются накопленная информация о методологических принципах, научных методах и др. средствах познания, а также сведения о возможностях их эффективного использования.

В методологии библиотечного знания предметом познания является сам исследовательский процесс (т. е., не то, что изучается, а то, как, какими способами изучается что-то). Процесс исследования изучается с точки зрения его истории развития, теории, технологии и практики; организации и проведения таких исследований, их структуры, особенно в них научных методов.

Важными направлениями работы в методологии библиотечного знания являются:

1) поиск в других науках подходящих методов и адаптирование их для нужд библиотечного знания, а после проверки включение в арсенал методов нашей науки;

2) консилиум старых методов и, в случае положительного решения по каким-то из них, модернизация этих методов в целях их дальнейшего использования;

3) поиск исследовательских элементов в методах библиотечной практики и, где это возможно, усиление этих возможностей и включение «улучшенных» методов в арсенал библиотечного знания;

4) разработка теоретико-практических основ для создания, конструирования новых научных методов, недостаток в которых испытывает библиотечная практика.

Сейчас библиотечное знание остро испытывает отсутствие нужного количества новых методов.

Поиск и усиление действенных путей и средств библиотечного познания, который поможет обеспечить всё более глубокое и полное проникновение в сущность библиотечных явлений, фактов, событий, отношений между ними, является перспективным социально важным назначением методологии библиотечной отрасли.

Целесообразно продумать в методологии библиотековедения возможности создания так называемых методологических кластеров, т. е. множеств внутренне «взаимосвязанных между собой методов научного познания, образующих некоторую целостную систему средств, наиболее адекватно приспособленную к когнитивному обслуживанию» [1, 2]. Методологических кластеров такого специфического типа содержания как библиотечная реальность и ее конкретные части (предметы).

Научный метод – это способ, обеспечивающий внутреннюю организацию и регулирование процесса познания в библиотековедении. Он состоит из системы предписаний (регулятивов), операций и других познавательных элементов. Они собраны в каждом методе так, чтобы помочь именно ему решить ту конкретную задачу, которая поставлена перед этим методом: у каждого метода своя задача, направление на получение определённого вида знаний. Такой подход к методам делает каждый метод более маневренным, эффективным, чем если бы это был громоздкий метод, который «всё умеет».

Метод – это ключ от двери определенного библиотековедческого предмета. Если исследователь ошибется с выбором метода, тогда «дверь» не откроется, а ключ может сломаться. (Отмычек в науке не бывает!)

Для того, чтобы не допустить ошибки, необходимо изучать методы науки и разбираться в их познавательных возможностях и направленности, создавать новые необходимые методы для тех «дверей», к которым пока «ключей» нет.

Закон метода прост: каждый метод может только то, что он может! Это очень наглядно демонстрирует трёхуровневая классификация методов по степени общности и сфере действия, которая давно применяется в библиотековедении. По этой классификации все методы делятся по группам: философские, общенаучные и специальные. К группе общенаучных методов можно отнести и общелогические методы. Они успешно используются в виде элементов (целиком или частично, как приемы) во всех других методах.

Итак, метод состоит из системы взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Качественная особенность и количество их определены технологией этого метода. Каждый элемент находится на своём, предусмотренном технологией этого метода, месте. Тот или иной элемент вступает в исследовательское действие в последовательности, которая предусмотрена.

Основных элементов метода восемь: средства познания, элемент метода, операция, прием, регулятив, часть метода, процедура, цель метода.

1. *Средства познания* – совокупность используемых в познавательной деятельности инструментов: методологических принципов; научных методов; различных приборов, категорий, понятий, высказываний, имеющих методологическое значение и др.

2. *Элемент метода* – слово, означающее и операции, и приёмы, и другие самостоятельные части, составляющие метода.

3. *Операция* – основной элемент, из которого собираются научный метод, своеобразный считанный объект. Операции – неделимые исследовательские единицы действия в методе – могут быть: логическими, педагогическими, психологическими, математическими и др. Так, П. Бриджмен выделил еще операции: инструментальные, например, операции измерения; операции мыслительные, в первую очередь – бумажно-карандашные, операции как манипуляции с символами. Он считал полезным введение и вербальных операций [3]. Количество (связанное с качеством и содержанием) операций и порядок последовательности использования их являются важным показателем каждого метода, во многом определяющим его исследовательскую возможность и целевую направленность изучения библиотековедческого предмета (т. е. показывает, что может и чего не может метод, для чего он создан).

В методе действуют операции *обязательные* (они присутствуют и действуют в методе всегда и без хотя бы одного из них, как правило, метод теряет свою специфику), *вариантные* (может использоваться именно тот вариант, который больше устраивает исследователя, например, в анкете есть такая операция, как вопрос – ловушка. Их имеется несколько вариантов. Исследователь выбирает тот, который ему лучше подходит. *Дополнительные* операции – такие, которые можно добавить, а можно и не добавлять во время использования метода. Это решается при разработке программы самими исследователями.

4. *Приём*. Несколько операций метода, объединённые для осуществления более эффективного действия.

5. *Регулятив*. Указание (требование) для данного метода, как в каждом конкретном случае действовать для реализации той или иной операции, приёма или др. элемента метода. В структуре метода присутствуют различные регулятивы, направляющие действия исследователя по правилам метода вообще, и данного конкретного

метода особенно. У каждого метода свой набор регулятивов, их последовательность и виды. В методах они выступают в качестве «путеводителя». Перечислим основные регулятивы, действующие в методах: призывы, предостережения, запреты, советы, рекомендации, ограничения, инструкции, распоряжения, требования, указания, предписания, пояснения, алгоритмы. Требуется изучение особенностей научных регулятивов и их классификация.

6. *Часть метода.* Это более одного приёма плюс несколько или одна отдельная операция. Часть действия реализует свою задачу метода. В методе решается несколько задач. Сумма решаемых задач – это цель метода.

7. *Процедура.* Официально предусмотренный алгоритм. Порядок действий с элементами метода в определенной последовательности и выполнение указаний, которые предписаны именно этому методу.

Процедура может относиться ко всему методу, части метода, приёму и др. его элементам.

8. *Цель метода* означает те возможности, которые заложены в метод его создателями – изучать тщательно и глубоко какую-то сторону (или целиком) библиотечковедческий предмет, факт, явление или отношения между ними. Ожидаемый конечный результат.

Здесь весьма важно для нас высказывание В.В. Налимова, который, характеризуя отраслевые понятия, отметил: «В отличие от обыденного языка людей язык науки носит значительно более резко выраженный *кодовый* (курсив наш. – Прим. авт.) характер. Глубина кодирования или, иначе, информационная ёмкость понятий, растёт во времени по мере развития научных концепций» [4].

Таким образом, предложенные определения содержания рассмотренных нами понятий будут изменяться и углубляться по мере развития методологии библиотечковедения.

Постоянное уточнение содержания понятий проводится также при помощи такой логической операции, как *определение* [5, 6].

К рассмотренным выше терминам, входящим в структуру научного метода, добавим ещё четыре термина сопроводив каждый рассуждениями о том, что может войти в каждое понятие. Здесь специалисты должны дать свои предложения [7].

1. *История метода.* Изучив историю метода, можно узнать, как появился метод, в наших исследованиях использовался, какие трудности встречались в работе с ним, отношение к методу различных специалистов и многое другое.

2. *Теория метода.* Зная теорию метода, можно увидеть, на что можно рассчитывать, насколько прочны теоретические положения метода. Позволительно ли в данном случае утверждать, что они помогут решить поставленную задачу, что надо ещё сделать, чтобы углубить теорию метода.

3. *Технология метода.* Здесь исследователь узнает обо всех элементах, какими располагает метод, как их использовать, чему служит каждый, что лучше отобрать для своего исследования из вариантов операций.

4. *Методика (или практика) метода.* Отвечает на вопросы: что взять из технологии метода и перенести в методику метода? Как лучше «состыковать» метод с другими методами методики исследования? Как метод будет взаимодействовать с другими? Где будет помогать, а где мешать? Как снять в методике все «шероховатости» во взаимодействии методов? Методика отвечает и на другие вопросы.

Метод, который готовится к использованию в конкретном исследовании, должен быть подготовлен в виде схемы, раскрывающей его на операционном уровне. Такое представление метода обеспечивает более точное и продуманное включение его в методическую ткань исследования (в методику данного исследования с учётом взаимодействия с другими методами, представленными в методике) с отметкой, когда, где и как будет действовать каждый его элемент.

Как видно из изложенного выше, методы – это своеобразные системные объекты. Каждый метод – это совокупность компонентов (элементов), находящихся в отношениях и связях между собой. Они образуют определённую целостность, единство. При этом компонентом, или элементом системы, выступает минимальная структурообразующая единица системы, имеющая предел делимости в её границах, обладающая функциональной и структурной специфичностью, а также функциональной интегративностью.

Отличительной особенностью системы метода является то, что она обладает новыми, интегративными качествами – характеристиками, не содержащимися в составляющих её элементах. Причём на качественную характеристику системы метода влияют как её структура, так и состав, и порядок компонентов.

Создание приведённой выше терминологической системы научного метода во многом поможет выйти на технологический уровень в работе с методами, используемыми в библиотечеведческих

исследованиях. Это и есть уровень операционный, когда появляется возможность, зная, что есть что в методе, научно обосновывать производимые операции или другие элементы метода, совершенствуя их для получения всё более и более точных результатов.

Литература

1. Методологический кластер // Философские науки : слов. основных терминов / С. А. Лебедев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Акад. Проект, 2006. – С. 132.
2. Кластер. Методологический кластер // Философские науки : крат. энцикл. / С. А. Лебедев. – М. : Акад. Проект, 2008. – С. 390–391, 440–441.
3. Bridgman P. The nature of some of our physical concepts. – New York, 1952. – P. 9.
4. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. – М. : 1974. – С. 144.
5. Асмус В. Ф. Логика. – М. : Госполитиздат, 1947. – С. 57–68.
6. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1975. – С. 408–412.
7. Крейденко В. С., Ужовский А. Т. Основы НИР : альбом нагляд. материалов. – Л. : Изд-во ЛГИК, 1989. – Л. 11.
8. Опубликовано: Библиосфера. – 2014. – № 1. – С. 9–12.

Современное состояние и перспективы развития методологии библиотечной деятельности (2017) (в соавт. с Л. А. Кожевниковой)

Методология библиотековедения – это часть библиотечной науки, в которой собирается и систематизируется накопленная информация о методологических принципах, научных методах и других средствах познания, а также сведения о возможностях их эффективного использования. Предметом познания в методологии библиотековедения является сам исследовательский процесс, то есть история его развития теории, технологии и практики, организация проведения исследований.

Предмет исследования – это философская категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из структуры объекта или процесса познания.

Объект исследования – это область, воображаемая или реальная, на которую направлен активный интерес и внимание человека. В библиотековедении, наряду с эмпирическими объектами, выделяют объекты теоретические.

Предметом исследования могут быть доминантные экономические и социокультурные факторы, закономерности, формирующие библиотечный процесс. Формулировка предмета уточняет и конкретизирует тему предполагаемого исследования: один и тот же объект может быть предметом различных исследований. Исследователи должны учитывать, что предмет должен коррелировать с целью изучения проблемы.

Цель – ориентирует на конечный результат научного исследования, которое характеризуется как целенаправленная деятельность. Результат этой деятельности может быть теоретико-познавательным или практически прикладным. Так, например, если региональное библиотековедение исследуется как область познания, то библиотечный специалист будет определять ее границы и структуру, изучать специфику проявления законов, теоретически обосновывать основные понятия, характеризующие данное явление.

Если преследуется практически прикладная цель, скажем, оценивается статус регионального библиотековедения в структуре базовых социально-экономических процессов территории,

то библиотечный специалист будет разрабатывать критерии и индикаторы оценки.

Формулировка цели не должна быть предельно жесткой, так как поиск научной истины связан с множеством целей как позитивных, так и негативных, объединенных друг с другом, лишь одна из них может совпасть с конечным результатом. Цели – это направления поиска научной истины. Поскольку результат исследования станет ясным и очевидным по завершении исследования, то основная цель должна быть сформулирована в виде некоторого вопроса или проблемы, решение которых зависит от последовательного решения совокупности задач. Задачи должны воссоздавать объективную картину развития изучаемого явления; определять новые направления получения библиотекovedческого звания; соответствовать двум основным классам – концептуальным задачам, которые служат для разработки новых подходов к изучаемой проблеме, и прикладным задачам, направленным на практическое решение обозначенной проблемы и предлагающим конкретные способы действия.

Таким образом, цель и задачи исследования всегда ситуативны, поскольку их постановка зависит от научной парадигмы, выбранного исследователем объекта, предмета и средств изучения того или иного явления.

Методологическим инструментом, контролирующим достижение цели и решение задач в рамках выбранного объекта и предмета, является гипотеза.

Гипотеза представляет собой предварительное условное знание о той закономерности, которая должна проявиться в исследуемой предметной области или в существовании некоторого объекта.

Поскольку это знание еще не доказано логически, то гипотезу можно представить себе в виде условно-категорического умозаключения «если – то». Первая посылка в этой связке выдвигает условие, вторая утверждает следствие, вытекающее из данного условия. Библиотечный специалист должен знать, что в период выдвижения гипотеза неопределенна, она лежит между истиной и ложью. Для того чтобы получить из выдвинутой гипотезы истинное знание, она не должна быть противоречивой.

Способы обоснования истинности или ложности гипотезы можно разделить на теоретические и эмпирические.

Теоретические способы исследования гипотезы предполагают ее анализ на непротиворечивость, эмпирическую проверяемость, приложимость ко всему классу изучаемых явлений, выводимость

ее из более общих положений. *Эмпирические* способы включают непосредственное наблюдение явлений и подтверждение на опыте выдвинутой гипотезы. Следует отметить, что проверяемость гипотезы – это сложная процедура. Ее составляющими могут быть доказательство, опровержение, подтверждение, оспаривание.

Доказательство – это логическая процедура, в структуре которой выделяют тезис, доводы, добавочные допущения и демонстрации. Опровержение – логическая процедура, в процессе которой устанавливается ложность вытекающих из тезиса следствий.

Подтверждение – суть его в том, что если в процессе доказательства исследователь получает полное обоснование истинности гипотезы, то при подтверждении – частичное.

Оспаривание или возражение направлено на ослабление либо опровержение выдвинутого тезиса. Получив доказательства, библиотечный специалист превращает гипотезу в истину, и на этом она прекращает свое существование. Опровергнутая гипотеза переходит в разряд ложных и также перестает существовать.

На единицы исследуемого объекта – библиотечной отрасли – влияет парадигма.

Под парадигмой в науке понимают исходную концептуальную схему, модель постановки проблем, их решения, методов исследований, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе. Парадигма задает собственные рамки научной рациональности, объединяя тем самым научное сообщество. Осознанная парадигма выступает в качестве методологии научного познания.

Парадигма – это методология научно-исследовательской деятельности. При определении основной парадигмы исследования существует несколько основных *концепций* – структурная, функциональная, казуальная. Они применимы в библиотековедении в целом и отдельных его отраслях, например в региональном библиотековедении и экономике библиотечной деятельности.

Так, с позиций структурной концепции региональное библиотековедение и экономика библиотечной деятельности могут рассматриваться как системы, отдельные компоненты которых функционируют в рамках либо социального, либо экономического пространства, либо того и другого одновременно. Это происходит потому, что современная библиотека является сложной многофункциональной организацией, которая может рассматриваться как система видов социальной, производственной деятельности и как хозяйствующая

система. Следовательно, при реализации тех или иных видов деятельности оргструктуры библиотеки используют закономерности развития тех или иных сегментов социально-экономического пространства. Тем не менее существует общее требование к применению структурной концепции: нарушение равновесия между ее отдельными компонентами приводит к неустойчивому развитию всей системы в целом.

Так происходит в случае, когда библиотека рассматривается как сугубо социальный институт или имеют место перекосы в деятельности библиотеки за счет стремления к возможно полной коммерциализации всех ее структур.

Функциональная концепция позволяет определять региональные библиотечные системы и их экономику как набор определенных свойств, параметров, совокупность которых характеризует ее состояние и изменения. Здесь господствует следующее правило. Отдельные элементы системы базируются на наборе формальных и неформальных норм и правил (институтов). От того, насколько рациональны эти правила, зависит эффективность участия региональных библиотечных систем в базовых экономических и социокультурных процессах территории.

С точки зрения функциональной субординации параметров библиотечной экономики можно рассматривать соотношения социального и материального компонентов в такой важнейшей сфере, как сфера потребления библиотечных продуктов и услуг. Как и другие сферы библиотечной деятельности, сфера производства и потребления библиотечных продуктов / услуг постоянно развивается, причем причины этого развития находятся и внутри ее, и во внешней среде функционирования библиотеки. Причины развития (или стагнации) этой и других сфер библиотечной деятельности могут рассматриваться с позиций казуальной концепции. Она позволяет провести анализ отношений, присутствующих в том или ином виде библиотечной деятельности, объяснить, под действием каких условий и факторов одни отношения сохраняются, а другие видоизменяются либо вовсе исчезают.

Роль нормативных в каждой из трех концепций выполняют *общенаучные* принципы. Это принципы инвариантности, процессуального подхода и логические.

Методологические принципы в библиотековедении представляют собой стратегическое поле исследовательской деятельности, опирающееся на знание объективных закономерностей

библиотечной отрасли. Существует три *общеметодологических* принципа, которые обязательно необходимо использовать при проведении региональных библиотечных исследований, поскольку эти принципы выполняют роль нормативных установок. Это принципы инвариантности, процессуального подхода и логические.

Помимо *общеметодологических* существуют и другие принципы, которых необходимо придерживаться при исследовании библиотечной отрасли. Это принцип развития, принцип взаимодополняемости и взаимозаменяемости ресурсов. Методологический принцип в библиотечном исследовании представляет собой стратегическое направление исследовательской деятельности, опирающееся на знание объективных закономерностей библиотечной отрасли. Методологические принципы стали разрабатываться с 20-х гг. XIX в. Однако этот процесс еще не завершен. Многие принципы появляются и исчезают, некоторые считаются спорными.

В библиотечных исследованиях используются следующие методологические принципы:

- *диалектики* – подразумевает необходимость диалектически (то есть с точки зрения развития) подходить к проблеме познания, используя законы, категории, принципы диалектики;

- *историзма* – рассматривает все предметы и явления в контексте их исторического возникновения и становления;

- *практики* – считает главным способом познания практику (деятельность человека по преобразованию окружающего мира и самого себя);

- *познаваемости* – требует уверенности в самой возможности познания;

- *объективности* – признает самостоятельное существование предметов и явлений независимо от воли и сознания, субъекта восприятия;

- *активности* творческого отображения действительности;

- *конкретности истины* – призывает искать именно индивидуальную и достоверную истину в конкретных условиях.

Итак, методологические принципы – это стратегически важный познавательный инструмент, в основе которого теоретически доказанное и проверенное основоположение для руководства (что необходимо сделать в исследовании для реализации его возможностей).

Вокруг каждого принципа группируются **методы**, которые конкретизируют возможности реализации его идеи (основы)

в исследовательской практике. Отметим, что существуют еще и другие методы.

Методологический подход авторы называют по-разному: *междисциплинарным, деятельностным, культурологическим* или по-другому. Четкого определения термина нет.

В Словаре современного русского литературного языка есть определение слова «подход» (в третьем значении), от которого, как нам думается, нужно идти, определяя методологическое содержание данного термина: совокупность способов, приемов в рассмотрении чего-либо, в воздействии на кого-, что-либо и т. д.

Исходя из анализа употребления в библиотековедении, «подход» целесообразно понимать как способ мышления – проект методов и других исследовательских средств, которые собирается в определенной последовательности использовать в своей работе ученый. Эти средства сопрягаются с той теорией, строятся на той теоретической базе, на основе которой предполагается проводить исследование (информационной, деятельностной, культурологической или др.).

Подход – это черновик программы исследования, материал для ее концепции. Еще близки этому термину понятие «проекта» в значении план, замысел, который будет стремиться реализовать, следовать ему библиотековед, и «шаблона» – в значении образца, а точнее схемы.

Таким образом, методология библиотековедения – это раздел библиотековедения, изучающий особенности исследовательской деятельности в области библиотечного дела и ее инструментов. Она учит использовать методологический понятийно-терминологический аппарат, систематизировать методологические принципы, выяснять точное содержание, структуру, возможности, границы и взаимодействия исследовательских методов в разных ситуациях, находить новые, модернизировать старые.

Опубликовано: Книга: Сибирь – Евразия : тр. I Междунар. науч. конгр. В 3 т. Т. 1 / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. И. В. Лизунова. – Новосибирск, 2017. – С. 57–62. – В соавторстве с Л.А. Кожевниковой.

Раздел 2. Теория и практика чтения

Чтение как труд и творчество (2001)

Название доклада вызвано двумя причинами. Во-первых, желанием вновь привлечь внимание к замечательной статье доктора философских наук, профессора МГУ Валентина Фердинандовича Асмуса (1894–1975 гг.), опубликованной ровно 40 лет тому назад⁵⁰. Во-вторых, потому, что в этой статье блестяще схвачена суть чтения, и в ней содержатся идеи, которые сегодня требуют дальнейшего изучения и развития.

Обосновывая сущностные черты «человека разумного (хомо сапиенс), ученые чаще всего называют такие, как свободный, творящий, трудящийся, играющий, действующий, просвещенный, инновационный, многомерный, языковой, словесный, читающий...

Нам особенно близка последняя функция «читающий» (кстати, она пересекается со всеми перечисленными выше).

Исследование мозговых структур, участвующих в процессах речи, а также чтения и письма, началось еще в прошлом веке. В 1861 г. французский хирург Поль Брока открыл в височной коре зону, отвечающую за усвоение навыков устной речи и грамматики. Следующий шаг сделал немецкий анатом Карл Вернике. По соседству с зоной Брока он обнаружил центр, который ведает значением слов. Он помогает нам понимать слова и по мере надобности отбирать из памяти нужные.

Спустя много лет, уже в XX веке, был изучен крошечный кусочек мозговой ткани, входящий в общую структуру височной доли. На латыни она называется «планум темпорале».

На левой стороне мозга, в зоне Брока, этот «планум», как правило, побольше, на правой – поменьше. Лет 30 тому назад ученые пришли к заключению, что левый «планум» имеет прямое отношение к языку и речи, поэтому он и развит больше.

Сегодня мы твердо знаем, что в мозге человека есть центры или зоны речи – в левом полушарии, в верхней и нижней лобной доле,

⁵⁰ Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество / В. Ф. Асмус // Вопр. литературы. 1961. № 2. С. 36–47.

в височной, на стыке последней с теменной и затылочной. Они связаны прямо или косвенно со всеми центрами коры и со многими низлежащими отделами мозга, и могут оказывать решающее воздействие на их деятельность (1974 г.). А недавно С. Петерсон с группой исследователей (отдел неврологии и нейрохирургии медицинской школы Вашингтонского университета, Сент-Луис, США), используя современные методы, разрешил старый спор о существовании в мозге единого «центра чтения». Оказалось, что он расположен в угловой извилине левого полушария (зона Вернике). При поражении этой зоны нарушается чтение и письмо (1988 г.). Доказано, что «человеческой надбавкой» к живым организмам (имеющим только первую сигнальную систему) является вторая сигнальная система, открытая и обоснованная академиком И. П. Павловым.

Действие слов связано со способностью человеческого мозга мыслить абстрактными величинами. Абстрактное мышление возникло на языковой основе в результате образования в мозге человека нового типа нервных связей второй сигнальной системы, которая является физиологической основой мышления и взаимного обмена мыслями. Мысли же выражаются словами. Слово – материальная оболочка мысли, действует через анализаторы мозга как вполне реальный физический раздражитель. Слова, имея материальные корни, могут производить и материальные изменения в организме человека.

Нет таких функций в организме, которые при известных условиях нельзя было бы возбудить, затормозить или изменить прямым или косвенным внушением.

«Слово, – справедливо писал Декарт, – есть единственный знак и единственное верное свидетельство мысли, скрытой и заключенной в теле. Но все люди, даже самые глупые и самые безумные, даже те, которые лишены органов языка и слова, пользуются знаками, тогда как животные ничего подобного не делают, и в этом истинное различие человека от животного»⁵¹.

Язык требует мгновенной обработки речи и понимания многочисленных абстрактных символов. А такой способностью никто, кроме человека, не обладает. Остается признать, что человеческий мозг претерпел для этого определенную реорганизацию. Именно эта реорганизация легла в основу умения доказывать, умолять, жаловаться, размышлять, изобретать, исследовать...

⁵¹ Цит. по: Любимов Н. А. Философия Декарта / Н. А. Любимов. СПб., 1886. С. 333.

Говоря о влиянии слова, текста на творческую жизнь человека, полезно вспомнить основную идею П. Жанэ, французского психолога, которую разделял Л. С. Выготский: «Слово, по Жанэ, первоначально было командой для других... потому-то оно и является основным средством овладения предметом... Жанэ говорит, что за властью слова над психическими функциями стоит реальная власть начальника и подчиненного; отношение психических функций генетически должно быть отнесено к реальным отношениям между людьми. Регулирование посредством слова чужого поведения постепенно приводит к выработке вербального поведения самой личности»⁵².

Сегодня, как никогда, активно «работает» формула Людвига Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира» (1921 г.). Она означает, что чем богаче словарный запас человека, тем разнообразнее его творческие возможности и подходы к окружающему миру. Человек получает средство глубже изучать и лучше понять себя, развивать свои творческие способности.

Чтение в рассматриваемой связи – один из важнейших источников творческого развития личности – ее эмоционально значимого внутреннего мира, обогащения языка.

В результате наблюдений ряд исследователей, например, Сапир (Sapir, 1921) выдвинули концепцию, согласно которой язык можно рассматривать только в контексте той или иной культуры. При этом каждой культуре свойственна определенная языковая структура, которая служит своего рода матрицей для мышления ее представителей (ср.: Л. С. Выготский (1934) подчеркивал, что развитие мышления в значительной степени определяется «речевыми орудиями ума»⁵³).

Язык, характерный для каждой культуры, формируется в соответствии с теми проблемами адаптации, с которыми сталкиваются его представители. Например, жители южных районов России знают о снеге, что он снег, а о льде, что он лед, и им вряд ли нужно знать больше. А вот для жителей северных областей страны это жизненно важно, и они знают, что в зависимости от того, идет ли снег с дождем или туманом и изморозью, падает ли хлопьями или легкими снежинками, лег ли он пушистой пеленой или смерзся в плотный пласт,

⁵² Выготский Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. М., 1960. С. 192–194.

⁵³ Цит. по: Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. Т.1 / Ж. Годфруа. М., 1992. С. 370, 375.

он именуется лепень, чичега, искра, блестка, пороша, наст, пушной кид, падь. Что бураном называется метель, во время которой снег идет и кружится сверху, а когда метет по земле, это называется поземкой или понизовкой. А внешний лед! Он бывает рыхлый, рассыпчатый, игольчатый, крупенистый...

И хотя чтение – это не процесс изобретательства «в чистом виде», и в нем гораздо меньше самостоятельности, активности, необходимой для изобретательской деятельности, чтение все же не пассивный процесс, а, в известной мере, тоже серьезный «труд и творчество». В чтении содержатся важные «элементы изобретательства». Чтение дает возможность вжиться в образ другого человека, сопереживать, сосуществовать с героем произведения. Читатель проживает вместе с героями десятки жизней, воспринимает и перерабатывает для себя их духовный опыт в неповторимых ситуациях.

Но это происходит не только при чтении художественного произведения. Любое «хорошее» продуктивное чтение всегда отличается сопереживанием, соизобретательством, сотворчеством, соучастием читателя в том, что происходит в книге (или о чем в ней повествуется). И так всегда – начиная от А до Я: от книги по алгебре и кончая книгой по языкознанию (безразлично, созданы ли эти книги на бумажных или новых видах носителей, включая тексты, размещенные в Интернете).

Правда, характер, степень такого соучастия бывают различными и зависят от многих взаимопересекающихся причин: от того, что читаешь, каково твое читательское развитие, эмоциональная сфера и т. д.

Эта идея отражена в формуле, определяющей значение книги и чтения в развитии культуры вообще и каждого отдельного человека: книга не просто и не только заполняет нас, книга дополняет... Мы не только говорим словами, но и живем и думаем книгами. «Я» каждого из нас – это книжный остов, облаченный в личностную особенность⁵⁴.

В рассматриваемой связи важное методологическое значение имеет автобиографическое высказывание замечательного писателя И. А. Бунина: «Полжизни прожил среди людей, никогда не бывших, выдуманных, волнуясь их судьбами, их радостями и печалью, как своими собственными, до могилы связав себя с Авраамом

⁵⁴ Крейденко В. С. Библиотечное обслуживание : учебная программа. Учебно-методические материалы / В. С. Крейденко. СПб., 1997. С. 12.

и Исааком, с пелазгами и этрусками, с Сократом и Юлием Цезарем, Гамлетом и Данте, Гретхен и Чацким, Собакевичем и Офелией, Печориным и Наташей Ростовой! И как теперь разобраться среди действительных и вымышленных спутников моего земного существования? Как разделить их, как определить степени их влияния на меня?»⁵⁵.

Таким образом, каждый человек создает себе эмоционально значимый мир, в котором действуют люди, реально жившие или сейчас живущие, а также «выдуманные» писателями. Человек волнуется их радостями и печалью как своими собственными, усваивает богатый язык литературы... (Ср.: Великий русский философ И. А. Ильин сказал: «Каждый из нас есть то, что он читает»).

Кафедра социологии и психологии чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, изучая библиотечное обслуживание, доказала, что книга (текст), во-первых, постоянно обогащает библиотекаря, прочитавшего ее и работающего с ней, рекомендуя ее пользователям библиотеки; во-вторых, книга оказывает существенное влияние на творческую жизнь и судьбы всех читателей, обогащает их язык, тем самым расширяя представления об окружающем мире.

Причем эти воздействия в каждом конкретном случае имеют свои особенности и открывают любопытные возможности. Опираясь на разработки нашей кафедры, опытный библиотекарь всегда окажет помощь читателю в выборе полезной для его творческого развития книги.

Опубликовано: Психология и социология библиотечно-информационной деятельности и подготовки библиотечных кадров : материалы II региональной. науч.-практ. конф., 16–17 окт. 2001 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2001. – С. 47–53.

⁵⁵ Бунин И. А. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 5 М., 1966. С. 179.

Телегонический эффект книги (2004)

I. ПАРАДОКС НЕПРОЧИТАННЫХ КНИГ В БИБЛИОТЕКЕ

Существует проблема влияния непрочитанных книг на общество. Она весьма сложна, мало изучена, но актуальна. Как это ни покажется странным на первый взгляд – часто прочитанный минимумом граждан страны текст великой книги – неожиданно вызывает массовые действенные реакции большинства населения, сильно влияет на развитие культуры и цивилизации, иногда так, как хотел автор или предполагал, а иногда совсем наоборот.

Какой же здесь действует таинственный эффект? Какими путями непрочитанная книга может быстро овладеть умами большинства? Библиотекарям важно знать, как работает механизм этого эффекта и в меру своих возможностей влиять на него, чтобы помочь читателям кратчайшим путем и на основе свободы выбора прийти к чтению лучших книг, созданных великими людьми разных народов мира, и не понаслышке, а самостоятельно.

Есть много книг⁵⁶, без которых немыслима история человечества, ибо они оказали на его развитие огромное влияние. Это «вечные (великие) книги»⁵⁷ в масштабах всемирной жизни, культуры отдельных стран или народов. Одни из них продолжают читать до сих пор, о других вспоминают в те или иные «судьбоносные» периоды жизни страны или мира, а о некоторых вообще забыли (до поры до времени?). Но многие из них живут в наших мыслях, поступках, чаяниях, о чем мы сами часто даже не догадываемся.

Существует много убедительных доказательств (прямых и косвенных) того, что содержание разных текстов, прежде всего великих, особенно о жизни героев художественных произведений, оказывает огромное влияние на культуру и цивилизацию, на каждого человека в отдельности. Возьмем для примера важнейший математический труд Эвклида «Начала», который имеет весьма почтенный возраст – свыше двух тысяч лет. Шли века, менялись народы, исчезали с лица земли одни государства и города, возникали другие, горели в пламени пожаров книги и библиотеки, а «Начала», написанные впервые на хрупком папирусе, прошли сквозь время. Создан-

⁵⁶ Иногда мы вместо термина «книга» будем использовать термин «текст».

⁵⁷ Наверное, существует различие между терминами «вечная книга», «великая книга», «главная книга», хотя ясно, что содержание этих понятий подчас пересекается.

ные в III в. до н. э. «Начала» не потеряли своего значения и сейчас. Они занимают особое место в истории математики. Эвклид, один из величайших геометров, решил найти законы, которым подчиняются все линии и тела в природе, и расположить эти законы в строгой системе⁵⁸. Такую же выдающуюся роль сыграли тексты Ибн Сины «Канон», Галилея «Диалог», «Начала» Исаака Ньютона, Конфуция и многие другие.⁵⁹ В рассматриваемой связи весьма знаменателен пример с наследием знаменитого мудреца Древнего Китая Конфуция (Кунцзы, ок. 551–478 гг. до н. э.): его учение никогда не утрачивалось «полностью, продолжая интуитивно воздействовать на многие стороны жизни и деятельности китайцев в течение тысячелетий»⁶⁰. Феномен Конфуция – постоянный фактор китайской культуры, в том числе, и современной. Но сфера его влияния не ограничивалась только Китаем. В эпоху средневековья Япония, Корея и Вьетнам также подвергались «глубокому и интенсивному влиянию конфуцианского культа: «Имя Конфуция участвовало в идейных баталиях европейского Просвещения и с той поры стало органическим составным элементом европейской культуры»⁶¹.

Особенно велика в развитии культуры и цивилизации роль художественных текстов. Напомним формулу значения книги и чтения в развитии культуры и каждого отдельного человека: книга не просто и не только заполняет нас, книга нас **дополняет**... Мы не только говорим словами, но живем и думаем книгами. «Я» каждого из нас – это книжный остов, облаченный в личностную особенность.

Эта великая роль книги блестяще явлена в рассказе И. Бунина «Книга»: «Полжизни прожил... среди людей, никогда не бывших, выдуманных, волнуясь их судьбами, их радостями и печалью, как своими собственными, до могилы связав себя с Авраамом и Исааком... Сократом и Юлием Цезарем, Гамлетом и Данте, Гретхен и Чацким, Собакевичем и Офелией, Печориным и Наташей Ростовской! И как теперь разобраться среди действительных и вымышленных спутников моего земного существования? Как разделить их, как определить степени их влияния на меня?»⁶².

⁵⁸ Глухов А. Г. Книги, пронизывающие века / А. Г. Глухов. 2-е изд., доп. М., 1975. С. 7–15.

⁵⁹ Глухов А. Г. Книги, пронизывающие века / А. Г. Глухов. 2-е изд., доп. М., 1975. С. 16–142.

⁶⁰ Семененко И.И. Афоризмы Конфуция / И. И. Семененко. М.: МГУ, 1987. С. 10.

⁶¹ Там же. С. 6.

⁶² Бунин И. А. Собр. Соч. в 9-ти тт. / И. А. Бунин. М., 1966. Т. 5. С. 179.

Вот еще несколько примеров. Так, общепризнанна великая роль русской литературы в развитии культуры нашей страны и мира. Сегодня бытуют две очень глубокие и близкие по смыслу формулы – А. С. Пушкин – «наше все» и «все мы вышли из гоголевской «Шинели».

В связи с формулой «А. С. Пушкин – «наше все» весьма продуктивно и эвристично мнение В. С. Непомнящего, с 1988 г. возглавляющего Пушкинскую комиссию Института мировой литературы РАН: «Мы с Михаилом Филиным составили книжку, которая до сих пор никак не выйдет, «Русские священники о Пушкине», и там есть раздел – первая эмиграция. Вот здесь становится понятно, что такое «наше все». Если бы не было Пушкина, они бы там не выжили. Они ведь не могли увести Россию в чемоданах. Все, что они увезли, – это любовь к России. У них была Россия, православная вера (у большинства) и – любовь к Пушкину, вместившая в себя и то, и другое. Пушкин составил некий культурный код национальной духовной идентичности. Сейчас культура во всем мире необратимо, боюсь, превращается в цивилизацию. И для нас Пушкин – одна из соломинок, - или, точнее, один из якорей, - за которые можно схватиться, чтобы остаться самим собой. Он – «наше все» в том смысле, что он – ...зерно, из которого выросла великая русская литература; а весь колос не дублирует зерно, из которого он вырос. «Пушкин – наше все», потому что создал «большой стиль» русской культуры, уловив тот алгоритм, вне которого она перестанет быть собой»⁶³.

Другое выражение – «все мы вышли из гоголевской «Шинели»⁶⁴ – тоже вобрало в себя глубокий смысл: не только герои произведений Н.В. Гоголя, но и других выдающихся отечественных авторов – Евгений Онегин и Татьяна Ларина, Г. А. Печорин, И. И. Обломов, Андрей Болконский и Наташа Ростова, Евгений Базаров, Г. В. Нержин и многие другие создали и продолжают развивать российскую культуру, влияя на понимание сути гуманизма и общечеловеческих ценностей.

⁶³ Русскую культуру ждет момент предстояния перед своей совестью... Перед Пушкиным... // Кн. обозрение. 1999. № 1. 5 янв. С. 5.

⁶⁴ Выяснению истории этой популярной формулы посвящена интересная статья профессора С. А. Рейсера, работавшего в нашем университете: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели» (История одной легенды) // Вопр. лит. 1968. № 2. С. 184–187.

Есть мнение, что образы Гулливера и Робинзона заложили основы европейской культуры и цивилизации⁶⁵. Персонажи произведения Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» перешагнув границы произведения, словно стали жить своей жизнью, влиять на судьбу читателей, иными словами, внесли значительный вклад в развитие американской культуры.

Эти предположения подтверждаются, когда специалисты начинают сопоставлять, например, нравственные ценности этих героев со стремлениями передовых деятелей культуры соответствующих эпох и нового времени.

Но, к сожалению, влияют на человека и общество в целом не только «положительные», но и «отрицательные» герои, их черты, характеры и поступки. И. Бунин писал: «Перечитываю «Обрыв». Длинно, но как умно, крепко. Все-таки делаю усилия, чтобы читать – так противны теперь эти Марки Волоховы. Сколько хамов пошло от этого Марка!... Марк истинно гениальное создание, и вот оно, изумительное дело художников: так чудесно схватывает, концентрирует и воплощает человек эпическое, рассеянное в воздухе, что во сто крат усиливает его существование и влияние – часто совершенно наперекор своей задачи... Хотел казнить марковщину – и наплодил тысячи Марков, которые плодились уже не от жизни, а от книги»⁶⁶.

В этом глубоком рассуждении И. А. Бунина содержится и другая важная для нас, библиотекарей, мысль – особенно сильно влияние тех персонажей, которые взяты из жизни, знакомы нам «по жизни» (их черты «рассеяны в воздухе»).

Каков путь этих книг в культуре народов и цивилизаций? Кто помогает книгам быстрее и лучше дойти до каждого отдельного человека, всего общества, или той или иной его части?

Известно, что для того, чтобы текст оказал воздействие на конкретного человека, его как минимум, необходимо прочесть. «Углубясь в текст («глубина» зависит от уровня общей культуры и культуры чтения человека, его читательского развития, цели чтения и многих других составляющих, влияющих на чтение), человек черпает из текста то, что способен из него взять.

⁶⁵ Урнов Д.М. Робинзон и Гулливер. Судьба двух литературных героев. Очерк творчества Дефо и Свифта / Д.М. Урнов. М., 1973. 89 с.; Муравьев В.С. Джонатан Свифт / В.С. Муравьев. М., 1968. 304 с.; Аникст А.А. Даниэль Дефо. М., 1957. 136 с.; Нерсесова М.А. Даниэль Дефо / М.А. Нерсесова. М., 1960. 40 с.

⁶⁶ Бунин И. Окаянные дни / И. Бунин; сост. О. Михайлов. М., 1991. С. 78.

На этом пути книги к читающему ее человеку трудятся авторы, редакторы, издатели, книгопродавцы, СМИ, педагоги, библиотекари... Он, этот путь, хорошо изучен и разработан, особенно, книговедами, библиографами, библиотековедами. Этот путь, его библиотечный аспект, раскрывается в учебной дисциплине «Библиотечное обслуживание». Здесь изучается, прежде всего, непосредственное чтение и его организация – исходный, главный путь распространения содержания текстов.

Но когда говорят об исходном, главном пути знакомства с книгой – непосредственном чтении ее, что является бесспорным и кажется вполне самоочевидным, нас подстерегает одна опасность, связанная с этой самоочевидностью.

Да, познать книгу лучше всего самому, прочитав ее. Но не понятный, на первый взгляд, парадокс влияния великих книг на всех членов общества или «многих из всех» состоит в том, что даже великие книги не так уж много и постоянно читают. Чаше их содержание доходит до человека опосредованным путем.

Вот только один пример, связанный с самой авторитетной в христианском мире книгой – «Библией». Она – самая популярная книга всех времен и народов. Сейчас «книга книг» переведена на 2167 языков мира. Ежегодно она издается на сорока новых языках. Полностью, правда, этот сборник связанных писаний существует пока только на 355 языках⁶⁷.

Но оказывается, что ее уважают, но не особенно читают: массовый опрос населения, проведенный в США, показал, что 9 из 10 американцев имеют в своем доме «Библию». 79.8% респондентов признали ее «самой значительной из существующих книг». Вместе с тем выяснилось, что только менее половины обладателей «Библии» когда-либо в нее заглядывали⁶⁸.

Мы располагаем некоторыми данными о том, как читают «Библию» у нас. В 1993 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по заказу Российского Библиотечного Общества в рамках своего ежемесячного опроса населения провел исследование чтения и приобретения Священного Писания («Библии» и «Нового Завета») в России. Задавался вопрос: «Приходилось ли Вам читать Священное Писание, и если да, то когда в последний раз». В 1992 г. его открывали хоть раз около 20% россиян, в том числе, 32% считающих себя православными и 13% неверующих. Та-

⁶⁷ Информационная заметка // СПб. ведомости. 1997. 28 марта. С. 6.

⁶⁸ The Washington Post. 1996. 31 oct.

кая же доля – 13% - православных читала «Библию» в январе 1993 г. Однако почти 50% православных и 70% неверующих вообще не читали Священного Писания никогда (для сравнения: доля никогда не читавших «Библию» в Швеции – 64%)⁶⁹.

По данным ВЦИОМа в последние годы вообще наблюдается снижение доли читающих книги. Особенно ярко заметен этот процесс среди респондентов наиболее активного возраста (25–40 лет), а также среди молодежи, людей с высшим образованием. Вот как, например, выглядит чтение Мировой классики, куда входит большинство текстов, относимых к «великим книгам»⁷⁰:

Годы	Не читают книг	Читают мировую классику
1994	23%	11%
1997	35%	15%

Видимо, в связи с этим надо всесторонне изучать проблему: как непрочитанная пользователями библиотеки книга, все-таки, влияет на последних? Надо выявить эти каналы, систематизировать их по особенностям и возможностям каждого.

II. ПОДХОДЫ К ВЫЯСНЕНИЮ МЕХАНИЗМА ВЛИЯНИЯ НЕПРОЧИТАННЫХ КНИГ НА ОБЩЕСТВО И КАЖДОГО ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

1) Объективизированное и личностное знание

Рассмотрим, как и каким образом, содержание таких книг все же становится достоянием всех или многих, влияя на культуру общества и развитие цивилизации.

Вот на этот вопрос мы и постараемся ответить в лекции, раскрыв так называемый телегонический эффект книги.

Вначале надо отметить, что все существующее в мире знание можно условно разделить на две взаимосвязанные части. Самая большая часть называется объективизированным знанием. Его главной характеристикой является отчужденность от индивидуального субъекта и независимость от его сознания. «Знание в объективном смысле, – пишет К. Поппер, – есть знание без того, кто знает: оно есть знание без познающего субъекта»⁷¹.

⁶⁹ Борзенко В. Кто читает Библию / В. Борзенко, Игумен Иннокентий // Сегодня. 1993. 4 июня.

⁷⁰ Какие книги читают чаще других // Кн. обозрение. 1998. № 24. 16 июня. С. 3.

⁷¹ Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. М., 1983. С. 442–443.

Но как объективизированное знание «работает» в процессе обслуживания пользователей библиотек? Для этого важно разобратся в двух взаимосвязанных понятиях: **«личностное знание»** и **«объективизированное знание»**.

Понятие «личностное знание» служит для отражения знания, носителем которого является человек как индивидуальный познающий субъект. Личностное знание существует как субъективная реальность_определенного социального индивида, включающая в себя не только познавательные компоненты, но и целый ряд психологических факторов, необходимых для познания. Это знание – неотделимое во всей своей полноте и конкретности от субъекта – индивида, «погруженное» в ценностно-смысловую структуру его сознания.

Объективизированное знание⁷² представлено системами общественно выработанных знаний, зафиксированных в знаковой или иной предметной форме (научные тексты, схемы и т. п.). Они развиваются на основе социально-исторической практики по законам внутренней логики движения науки.

Объективизированное знание отчуждено от индивидуального субъекта и субъекта – научного сообщества. Оно существует в надиндивидуальной, надличностной форме. Субъектом – носителем этой формы знания выступает человеческое общество на данном конкретно-историческом этапе своего развития. Объективизированное знание представляет собой феномен общественного сознания, один из элементов социальной памяти.

В отличие от личностного знания, неотделимого от индивидуального субъекта, объективизированное знание обязательно «опредмечено» с помощью знаково-символических средств (материальных носителей знания). Основными хранителями этого вида знания являются фонды библиотек. Определенность объективизированного знания в знаковых системах, отчужденность от отдельных личностей служат предпосылкой его интерсубъективности, принципиальной доступности всякому индивидуальному субъекту.

«Если знание, неотделимое от индивидуального субъекта, непосредственно выступает как обращенное к нему лично, – отмечал В. А. Лекторский, – то объективизированное знание явным образом

⁷² Этот термин см.: Андрос Е. И. // Логика научного познания. М., 1986; Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980; Микешина Л. А. // Филос. науки. 1987. № 7.

включает адресованность всем субъектам, занимающимся изучением данной проблемы»⁷³.

Понятие объективизирования характеризует большей частью не содержание знания, а способ его существования.

Объективизированное знание в основном социализировано. Превращаясь из личностного (феномена индивидуального сознания своего творца) в объективизированное (феномен общественного сознания), оно включается в состав качественной целостности, приобретает новые свойства и начинает «жить» по особым, надындивидуальным законам. Социально-объективизированное личностное знание перестает быть достоянием отдельной личности, приобретает статус всеобщности.

Объективизированное знание представляет собой относительно автономный уровень в структуре человеческого знания. Помимо относительной самостоятельности его основными характеристиками являются:

а) надындивидуальность и социализированность (как достояние субъекта – общества оно отчуждено от субъекта индивида и существует по отношению к сознанию последнего объективно, представляет собой феномен общественного сознания, один из элементов социальной памяти);

б) опредмеченность в материально-знаковой форме;

в) интересубъективность и др.

Объективизированное знание весьма противоречиво по своим фрагментам. Оно отражает все, что было и есть – правильное и неправильное, и не представляет в этом смысле систему. Личностное же знание, как бы оно ни было скудно и отрывочно, всегда стремится к системе (правильной или неправильной – это другой вопрос). Различаются они и по объему. Объективизированное знание – безгранично, личностное – ограничено.

Объективизированное знание характеризуется принципиальной доступностью любого фрагмента знания всякому субъекту – индивиду. Но в нем сосуществуют различные конкурирующие и альтернативные теории. Действует единство абсолютной кумулятивности материально-знаковой формы выражения (все, когда-либо добытое человечеством знание накапливается: книги, обычно содержащие даже ложные теории, ценности и нормы, живут рядом с «вечными книгами»). Функционирование этого знания и его трансляция

⁷³ Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание / В. А. Лекторский. М., 1980. С. 275.

подчинены множеству специфических законов, элементов, регулируются системой социально значимых для данного общества и в данный момент идеалов и норм.

Целый ряд из этих законов и элементов имеет самое прямое отношение к деятельности библиотек. В качестве одного из значимых примеров назовем законы старения научно-технических текстов, т. е. уменьшения со временем необходимости их использования для получения содержащейся в них информации.

Происходит постоянный исторический процесс: личностное знание переходит в объективизированное. Отдельные фрагменты объективизированного знания в разное время и для разных целей возвращаются к людям.

В рассматриваемой связи интересна и эвристична концепция Карла Раймунда Поппера «О трех мирах».

2) Непрочитанные книги в концепции Карла Раймунда Поппера «О трех мирах»

Согласно его «теории трех миров», человек имеет дело с тремя различными и автономными «онтологическими мирами»⁷⁴.

Первый мир – мир реальных физических объектов или физических состояний.

Второй мир – мир состояния сознания (мир содержания человеческих психик), мысленных (ментальных) состояний и, возможно, диспозиций и действий.

Третий мир – это мир объективного содержания мышления, научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Здесь: теоретические системы, проблема и проблемные ситуации, критические рассуждения. «Сюда относится и содержание журналов, книг и библиотек» [с. 441]. В этот мир входят не только истинные, но и ложные теории, так как в противном случае в нем не мог бы происходить процесс роста научного знания. К. Поппер считает, что третий мир подчиняется законам дарвинской теории роста знания.

Для того чтобы доказать, что третий мир существует независимо, К. Р. Поппер осуществил два мысленных эксперимента.

Эксперимент 1: Предлагается такая ситуация: все наши машины и орудия труда разрушены, а также уничтожены все наши субъективные знания: о машинах и орудиях труда и умения пользоваться ими. Однако библиотеки и наша способность учиться, усваивать их содержание выжили. В этом случае, считает К. Поппер, после

⁷⁴ Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. М., 1983. С. 439–451.

преодоления определенных трудностей наш мир может начать развитие снова.

Эксперимент 2: В другой ситуации машины и орудия труда тоже разрушены, а также уничтожены наши субъективные знания, включая знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Но на этот раз уничтожены и все библиотеки. Это значит, что наша способность учиться, используя книги, становится невозможной.

Приведенные здесь два примера, как считает К. Поппер, показывают автономность третьего мира и влияние его на второй и первый миры: «Мнение, что без читателя книга ничего собой не представляет, является одной из главных причин ошибочного субъективного подхода к знанию» [с. 450].

Осиное гнездо является осиным гнездом, даже если оно было покинуто и даже если оно никогда снова не использовалось осами как гнездо. Аналогичным образом книга остается книгой – определенным видом продукта, даже если она никогда не была прочитана (как часто происходит сегодня). В ней содержится «объективное знание». «Почти каждая книга содержит объективное знание, истинное или ошибочное, полезное или бесполезное, а прочитает ли ее кто-нибудь и действительно поймет ее содержание – это почти случайность. Человек, который понимает книгу, редкое создание. Если же взять обыкновенного человека, то для него всегда характерно в значительной степени неправильное понимание и неправильное истолкование книг. Превращение черных пятен на белой бумаге в книгу, в знание в объективном смысле представляет собой не результат реального и, отчасти, случайного уклонения от такого неправильного понимания. Скорее здесь имеет место более абстрактный процесс. Именно возможность или потенциальность некоторой вещи быть понятой и интерпретированной, или неправильно понятой и неправильно интерпретированной, делает ее книгой. И эта потенциальная возможность или диспозиция книг может существовать, не будучи когда-либо актуализированной или реализованной. Чтобы понять это более четко, можно представить себе следующую ситуацию. После того как человеческий род исчезнет, некоторые книги или библиотеки, возможно, будут найдены некоторыми нашими цивилизованными потомками (не имеет значения, будут ли они земными живыми существами, которые сделались цивилизованными людьми, или некоторыми пришельцами из космоса). Эти книги могут быть дешифрованы» [с. 451]. Они могут оказаться теми книгами, которые никогда не были ранее прочитаны: «Из этого

совершенно ясно следует, что для превращения некоторой вещи в книгу несущественно ни ее составление мыслящим животным, ни тот факт, что она в действительности не была прочитана или понята; для этого достаточно лишь то, что она может быть дешифрована. Таким образом, я действительно признаю, что для того, чтобы принадлежать к третьему миру объективного знания, книга должна (в принципе, в возможности) обладать способностью быть постигнутой (дешифрованной, понятой или «познанной») кем-то. Однако БОЛЬШЕГО я не признаю» [с. 451].

Итак, существует некий вид третьего мира книг самих по себе, проблемных ситуаций самих по себе, теорий самих по себе. Этот мир автономен.

Сейчас раскроем по интересующему нас вопросу мнения четырех крупнейших специалистов в своей отрасли: историка, логика, двух писателей и на «десерт» – один афоризм.

Известный историк академик М. В. Нечкина писала: «Воздействие художественного образа [добавим – не только художественного образа, но и идей, мыслей, высказываний и т. д., содержащихся в опубликованном произведении. – В. К.] не ограничивается кругом читателей, я даже хотела написать «в этом то все дело», но воздержалась. В этом лишь часть дела, но огромная. Да, Пушкина по неграмотности и темноте не прочли в пушкинское время миллионные массы людей в крепостной России. И, тем не менее, Пушкин тоже помог воспитать поколения, которые сыграли роль в истории»⁷⁵.

Она же: «Если жизненной потребностью поколения – даже не всего поколения, а лишь основного его живого ядра – явится чтение движущей жизнь вперед прогрессивной художественной литературы, овладение ее образами как своим богатством, то это окажется большой силой в историческом процессе»⁷⁶.

Выдающийся логик профессор В. Ф. Асмус писал: «Историческое значение любого труда может быть двояким. Есть книги, содержание которых принадлежит только истории и мертво для современной жизни. И есть книги, которые, принадлежа уже истории, в то же время живут – по крайней мере, в какой-то части своих идей – и для современности. Они продолжают влиять на современность – если не непосредственно, то через тех современных деятелей науки, ко-

⁷⁵ Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе / М. В. Нечкина. М., 1982. С. 43.

⁷⁶ Там же.

торые когда-то прошли через их влияние, усвоили их плодотворные идеи, переработали их и пошли дальше, вперед»⁷⁷.

А вот мнение двух больших, но разных писателей. Детский писатель Е. Носов: «Кого и кто читает сегодня? Следует признать, что это не Гоголь, не Чехов, не Толстой и не Пушкин в первую очередь... Однако такое читательское отклонение вовсе не означает, что долго и верно служившая нам классика вдруг вызвала массовое разочарование в своей абсолютной ценности. Вовсе нет! Великие книги не выброшены за ненадобностью, не снесены в букинистическую лавку. **Они по-прежнему тешат наши трепетные души даже одним своим молчаливым стоянием на книжных полках** (подчеркнуто мною. – В. К.). Мы только временно отложили свое обращение к ним... **Было бы ошибочно полагать, что оставленная на тихих полках фундаментальная литература не участвует в нынешних общественно-политических процессах** (подчеркнуто мною – В. К.). И перестройка вряд ли была бы возможна, если бы мысль о ней не внушалась, не подпитывалась могучим нравственным потенциалом, заложенным в теме лучшей нашей прежней и современной словесности. Она лишь требует мира и тишины для углубленного прочтения. И такое время придет»⁷⁸.

По интересующей нас проблеме недавно высказался мудрый писатель и философ Фазиль Искандер: «Я думаю, что, может быть, трагедия культуры заключается в том, что она сама обладает поглощающим свойством, т. е. культурой в основном пользуются люди без того культурные. А ее дальнбойный прицел – это все же завоевание массы людей, оставшихся вне культуры. Это драма не только нашей страны, но и любой другой. У меня есть какая-то нехорошая догадка – я представил себе, как будто народы имеют некоторый химический предел поглощения культуры, например, 5 процентов, а все остальное уходит так и не усвоенное. Но это, конечно, не так – усвоение культуры все-таки происходит, только медленно. **Наша конечная цель – помочь** этому процессу (подчеркнуто мною. – В. К.). Но, прежде чем осуществлять эту задачу, самим культурным людям надо соединяться между собой»⁷⁹.

⁷⁷ Асмус В. «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна / В. Асмус // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 6.

⁷⁸ Носов Е. Автограф / Е. Носов // Кн. обозрение. 1989. 24 нояб. С. 7.

⁷⁹ Искандер Ф. История России стремится к крайностям (интервью Т. Вольской) / Ф. Искандер // Невское время. 1996. 23 февр. С. 5.

В газете «Книжное обозрение» К. Душенко опубликовал под заглавием «Вначале было слово. Но правильное ли?» подборку афоризмов. Среди них есть афоризм по рассматриваемой нами проблеме: «Самое большое влияние на человека оказали книги, которые почти никто не читал» (Янина Ипохорская)⁸⁰.

Вначале обратим внимание на вторую часть заглавия подборки «Но правильное ли?». К. Душенко как бы оставляет дорогу для отступления... Афоризмы здесь интересные, но... Мы же примем это без оговорок.

Во всех этих высказываниях в той или иной мере «пробивается» с разными вариациями (помимо другого мыслительного богатства, содержащегося у этих авторов) утверждение: основным распространителем текста среди большинства граждан являются лица, этот текст прочитавшие. И как раз именно такое «устное» распространение оказывает самое сильное влияние на развитие общества, цивилизации.

Об этой проблеме думали уже давно. Более 200 лет тому назад один из оригинальных писателей и ученых Германии Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799) очень тонко пошутил: «К числу величайших открытий, к которым пришел за последнее время человеческий ум, бесспорно, принадлежит, по моему мнению, искусство судить о книгах, не прочитав их»⁸¹.

И этот второй путь распространения «книжных знаний», внедрения их в жизнь общества почти не изучен библиотековедами. Имеется в виду феномен, когда весь текст или элементы текста через лиц, прочитавших его, становятся достоянием не прочитавших.

Причем последние могут даже и не знать, какому тексту принадлежит тот или иной элемент, усвоенный ими.

Таким образом, подведем первый итог: есть основание считать – непрочитанный и даже неизвестный большинству людей текст может вызвать массовые действительные реакции, т. е. «дойти почти до каждого» через поведение или суждение «других», читавших, агитаторов, пропагандистов, слухи, реакцию общественного мнения, деятельность каких-либо институтов, переказы, экранизацию и т. д. Это во многом вызвано и тем, что в процессе коммуникации вырабатываются устойчивые элементы: слова, жесты, навыки и т. п. Р. Даукинс назвал их меманами, «гена-

⁸⁰ Душенко К. Вначале было слово. Но правильное ли? / К. Душенко // Кн. обозрение. 1997. № 17. 29 апр. С. 32.

⁸¹ Лихтенберг Г. К. Афоризмы / Г. К. Лихтенберг. М., 1964. С. 132.

ми идей» по аналогии с генами существ. Новые идеи генерируются из старых путем детонации, мутации или соединения, по крайней мере, двух идей⁸².

Таким образом, существуют два пути (взаимосвязанных, пересекающихся, переходящих друг в друга) ознакомления с текстом:

– исходный, главный, обязательный, но не массовый – непосредственное чтение текста;

– массовый, то есть ознакомление с содержанием книги через лиц, ее прочитавших (первый эшелон) или от лица, узнавшего о ней от лица, о ней слышавшего (второй эшелон).

Прежде чем перейти к рассмотрению второго пути распространения содержания текстов среди населения, рассмотрим несколько теоретических положений, непосредственно связанных с темой лекции.

III. ТЕЛЕГЕНИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ КНИГИ, А ТАКЖЕ ОТКУДА ИСТОКИ ЭТОГО ФЕНОМЕНА

Итак, начнем рассматривать феномен, отражающий ситуацию, при которой конкретным людям становится знакомо (в той или иной степени) содержание не прочитанной ими книги. Причем они могут знать, из какого текста эти знания, но чаще даже и не догадываются об этом.

В специальной литературе прилагались усилия найти этому явлению обозначение: Е. И. Пронин предложил назвать его рекошетирующим эффектом, или, более точно, шрапнельным эффектом информационно-пропагандистского воздействия⁸³.

Недавно этому реально существующему явлению, которое мы рассматриваем, известные специалисты в области литературы Анатолий Стреляный и Евгений Викторовский дали весьма точное название, к истокам которого мы еще вернемся... В. Стреляный говорит о западно-украинском поэте 30-х гг. Богдане – Игоре Антониче: «В русской поэзии подобного пантеизма, такого ощущения, что поэт врос ногами в землю и пишет руками, которые на самом деле ветви, нет. Я читаю стихи Антонича своим студентам по-украински, потом даю русский подстрочник, потом опять читаю по-украински. Вроде понимают... Антонич – колоссальное явление, это один из примеров

⁸² Dawkins R. The selfish gene / R. Dawkins. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976. 386 p.

⁸³ Пронин Е. И. Текстовые факторы эффективности журнального воздействия / Е. И. Пронин. М., 1981. С. 36.

этакой телегонии⁸⁴ в литературе (подчеркнуто мною. — В. К.). Умерший до войны западный украинец Антонич, которого по-русски не знают, сейчас определенно влияет на русскую поэзию. Телегония — это когда акт любви не имел места, а зачатие произошло. Если быть совсем точным, то это роды от первого мужа, с которым уже давно не живут. Семя от второго мужа, а ребенок похож на первого»⁸⁵ (подчеркнуто мною. — В. К.).

И далее: «Очень хорошим русским поэтом был Гитович. Но его поэзия, особенно поздняя, сформировалась той китайской лирикой, которую он переводил по подстрочникам. Не зная китайского, он недурно воспроизвел ее. Правда, испытания временем переводы не выдержали — в них оказалось много ошибок. Но как русские стихи это осталось. Вот она и телегония. Тут мы имеем дело с влиянием на русскую поэзию того, что Гитович вообразил о китайской поэзии, пользуясь не совсем внятными объяснениями китаиста. Теперь есть почитатели Гитовича, которые уже подражают ему»⁸⁶ (подчеркнуто мною. — В. К.).

Теперь предложим эту находку для реально существующего явления: телегонический эффект книги. Дадим такое определение термину «телегонический эффект книги»: это такое явление, когда человек, даже не прочитавший книгу, все же попадает в ауру ее косвенного влияния. Это свойство книг даже в таком случае воздействовать на человека, пока еще мало изученными путями.

Что же такое «телегонический эффект»? Игра фантазии? Мистика, выдвинутая литературоведами и библиотекарями?

Чтобы ответить на этот вопрос, сделаем небольшой исторический экскурс, с нашей точки зрения, весьма любопытный.

Впервые телегонический эффект обратил на себя внимание в коневодстве. И началась таинственная история телегонии 150 лет тому назад, когда основной тягловой силой была обыкновенная лошадь. Коннозаводчики не прекращали тогда свою активную деятельность по улучшению пород: «А что, если скрестить лошадь с зеброй?» — подумали они. Очень уж заманчивая перспектива! И работа закипела.

⁸⁴ От имени Телегон (греч., рожденный вдали от отца) — сын Одиссея и Кирки. См.: Иллюстрированный мифологический словарь. СПб., 1994. С. 299.

⁸⁵ Стреляный А. Это осталось за переплетом / А. Стреляный, Е. Виктовский // Кн. обозрение. 1995. 17 окт. № 42. С. 9.

⁸⁶ Там же. С. 9.

Хотя опыт скрещивания повторяли вновь и вновь, ни одного зачатия кобыл от зебр-самцов так и не произошло. В этом нет ничего удивительного, так как научный мир еще не был осведомлен о хромосомной несовместимости. Это занятие вскоре коннозаводчикам надоело, опыты были прекращены. И никто бы о них сейчас не вспоминал, если бы по прошествии нескольких лет не случилось нечто из ряда вон выходящее... У побывавших под самцами-зебрами кобыл вдруг стали рождаться... полосатые жеребята! Научный мир был буквально ошеломлен. Удивительное явление было названо телегонией.

Начались опыты с другими животными. Феномен подтверждался и на них, т. е. телегония имела и имеет место быть, но научного объяснения ей до сих пор не найдено. Не найдено по той простой причине, что опыты эти по воле неких заинтересованных сил были прекращены, а их результаты – засекречены. Можно пока назвать одного исследователя явления телегонии. Это современник Ч. Дарвина Феликс Ле-Дантек⁸⁷.

IV. ПОЛЕ ДЕЙСТВИЯ ЭФФЕКТА: РЕТРАНСЛЯТОРЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Поле для действия телегонического эффекта книги весьма велико.

Так, например, нами проводилось исследование, целью которого было выяснить приблизительное количество пользователей библиотек, которые, регулярно посещая библиотеку, не всегда знали о новом хорошем художественном произведении (по определению экспертов), пользующемся большим спросом у читателей.

Выяснение количества таких пользователей проводилось через 30 дней со дня помещения книги на выставку новых поступлений:

Прочитали книгу	10%
Знают об этой книге (услышали в библиотеке, увидели на выставке, рекомендовали товарищи и т. п.).	15%
Хотят ее прочесть	10%
Не знают о книге ничего	65%

Таким образом, отношение публики «прочитавшей» и «не прочитавшей» книгу выражается в процентах 10:90; прочитавших, знающих о ней и желающих ее прочесть – 35:65.

⁸⁷ Ле-Дантек Ф. Индивидуальная эволюция, наследственность и неодарвинисты / Ф. Ле-Дантек. М.: Кн. дело, 1899. 300 с.

Как видим, здесь имеется обширное поле для действия телегонического эффекта – 65%. Он имеет огромное поле, обеспечивающее проникновение содержания текста в умы и сердца многих людей, ибо на пути книги и не читавшему ее человеку стоит много людей – от автора до книгопродавца и библиотекаря. Особенно выделим библиотекаря как «дирижера» этого процесса влияния на читающую и не читающую публику. Читающая публика является своеобразным и мощным ретранслятором текстовой информации, усвоенной ею в разное время.

В обществе действуют разные «эшелоны» распространения содержания текстов (ретрансляторы):

а) лица, имеющие непосредственное отношение к написанию, изданию и распространению текстов. Это – писатели, редакторы, издатели, книгопродавцы, библиотекари и другие;

б) лица, прочитавшие текст. Это – активные читатели, лидеры чтения, просто читатели;

в) лица, имеющие отношение к содержанию текста. Это – прототипы героев произведения, участники событий, описанных в тексте; пользователи библиотек, побывавшие в тех местах, которые описаны в книге; переводчики, если это произведение принадлежит другой языковой культуре.

Практика показывает, что использование соответствующей стороны авторитета, особенно представителей групп «а» и «в», повышает интерес читательской аудитории к тому или иному значительному тексту и усиливает эффективность его рекомендаций на 20–30%, по сравнению с аналогичными конкретными актами библиотечной рекомендации, в которых не участвуют представители этих групп. Имеется в виду их участие в соответствующем библиотечном акте рекомендации книги: обсуждении, диспуте, встрече и т. д.

Конкретным выражением результата действия текста на отдельного человека или общество могут быть:

а) выбор решения под его воздействием или с учетом содержащихся в нем рекомендаций;

б) совершение различных индивидуальных или групповых поступков, вызванных воздействием текста;

в) реакция общественного мнения, возбужденная произведением;

г) включение положений текста в программу социального института;

д) использование материалов текста в деятельности законодательных органов и государственных институтов;

е) другие формы использования публикаций газет, радио, телевидения в реальной жизни людей.

V. ПРИЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕК К ВЕЛИКИМ АВТОРАМ И КНИГАМ

Какие же приемы привлечения внимания читателей к великим авторам и книгам используют библиотекари? Чаще всего такие, в основе которых лежит знание читателем автора или какого-либо фрагмента той или иной великой книги. Цель – заинтересовать и убедить прочесть. Прежде всего, необходимо выявить приемы и различные возможности воздействия, заложенные в них, опосредующие обращение конкретного человека к той или иной книге. Эти воздействия могут иметь определенное направление, усиливать или ослаблять интерес к книге. Попробуем, в первом приближении, дать классификацию таких приемов.

1. Имя автора (это может быть писатель, политический деятель и т. д.).

Пример. Читатель библиотеки говорит, что его любимый поэт А. С. Пушкин. Но в процессе беседы библиотекарь выясняет, что читатель знаком с творчеством Пушкина в пределах школьной программы и на школьном уровне. В дальнейшем к произведениям поэта он не возвращается.

Библиотекарь находит подход к читателю, убеждает его, как важно заново и по-новому перечитать «школьного» Пушкина, какие новые радости и наслаждения его ждут. Сравним: О. Э. Мандельштам как-то писал, что «легче провести в СССР электрификацию, чем научить всех грамотно читать Пушкина»⁸⁸.

Дайте Ваши примеры.

Вспомните ситуации, подобные этой и как Вы из них выходили. Проанализируйте их в своем коллективе.

В дальнейшем еще несколько раз будет повторяться рубрика «Дайте Ваши примеры». Проведите такую же аналогичную работу, как и в этом случае.

2. Название произведения (при этом читатель не всегда знает о нем).

⁸⁸ Мандельштам О. Э. Слово и культура / О. Э. Мандельштам. М., 1987. С. 46

Пример. Посетитель: Сюда меня привел зов предков, – сказал он при записи в библиотеку, – все они были книголюбам.

Библиотекарь: Это хорошо и интересно. А вот вы только что употребили словосочетание «зов предков», Вы знаете, откуда оно? Вам произведение с таким названием неизвестно?

Посетитель: Нет, все так говорят.

Библиотекарь: Это заглавие знаменитой повести Джека Лондона, написанной в 1903 году. Вы получите большое удовольствие от чтения этого произведения.

Дайте ваши примеры.

3. Имя персонажа того или иного произведения

Пример. В процессе беседы выясняется, что любимая героиня читателя – Наташа Ростова – красивая, светлая девушка. Дальнейший разговор показывает, что о ней он больше ничего сказать не может и знает только, что она героиня одного из произведений Л. Н. Толстого.

Библиотекарь рекомендует читателю роман Л. Н. Толстого «Война и мир».

Дайте Ваши примеры.

4. Образ героя произведения (положительного или отрицательного). Читателю может быть известно или неизвестно откуда этот образ

Пример. В библиотеке спорили о причинах падений самолета «Антей» на жилые дома в пригороде Читы (1998 г.) и жертвах этой катастрофы. Больше всех говорил один читатель, ругавший создателей воздушного корабля за то, что они дали самолету это имя, не поинтересовавшись, кто такой Антей, в чем его сила и слабость. На земле этот герой был непобедим. Его можно было погубить, только оторвав от земли. Тогда он терял свою силу. Можно ли было так назвать самолет?

Расспросы показали, что этот человек не знал первоисточника и, соответственно, заблуждался.

Библиотекарь в результате этого спора рекомендовал, в зависимости от подготовки каждого читателя, разные издания по греческой мифологии.

5. Афоризм (аллегория, фраза, откровение, реприза, изречение, заповедь, миниатюра, отклик, вариация).

Это довольно частое явление, когда человек знает афоризмы, но не знает их источника.

Пример. Библиотекарь, обращаясь к читателю: Вы только что употребили фразу: «всему свое время». Вы знаете, откуда она?

Читатель: Нет.

Библиотекарь: В этом источнике встречаются и другие фразы, которые я от вас слышала: «суета сует», «на круги своя»...

Читатель: Откуда же они?

Библиотекарь: Они пришли в нашу жизнь из «Библии», а точнее, из «Екклесиаста», единственной в своем роде книги. Отдельно от «Библии» она почти не издавалась. В этой книге и в целом в «Библии» очень много таких афоризмов, которые вы, безусловно, знаете. Не хотите ли узнать, в связи с чем они появились, и познакомиться с первоисточником?

Читатель: Знаете, вы меня убедили. Я возьму «Библию».

Дайте Ваши примеры.

6. Цитата.

Пример. Читателю, который спросил у библиотекаря, кому принадлежат слова «Власть отвратительна, как руки брадобрея» и «Мне на плечи кидается век – волкодав», были показаны произведения О. Э. Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» и предложен для чтения сборник стихов поэта.

Дайте Ваши примеры.

7. Сюжет или часть сюжета.

Пример. Читатель говорит библиотекарю, что человек вообще не должен читать литературу не по своей специальности. Рассказывает, что один мужчина пошел в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустяковой болезни, которую он подхватил. Он взял медицинский справочник и стал его перелистывать. В результате ему показалось, что он болен всеми болезнями, зарегистрированными в справочнике. Но так как он был не совсем идиотом, то единственную болезнь, которую он у себя не обнаружил, была родильная горячка.

– А Вы знаете, откуда этот эпизод? – спросил библиотекарь.

– Да, мне рассказал приятель, которому об этом рассказали в Лондоне, откуда он недавно вернулся.

Библиотекарь: Очень интересно. А Вы когда-нибудь читали произведения Дж. К. Джерома?

Читатель: Нет, я знаю, что это английский писатель... А что?

Библиотекарь: То что Вы только что рассказали – знаменитый эпизод, описанный в ключевом эпизоде романа этого писателя «Трое в лодке, не считая собаки».

Дайте Ваши примеры.

Чтобы не увеличивать объем лекции, ограничимся перечислением других элементов текста, которые могут также стимулировать интерес к его чтению: эпизод, поступок (кто-то, когда-то, где-то, так-то поступил хорошо или плохо), притча, идея. Что еще? (примеры подберите сами и проанализируйте их).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА КАК РЕТРАНСЛЯТОРЫ ВЕЛИКИХ КНИГ (несколько примеров – информация к размышлению)

Ретрансляция элементов великой книги осуществляется, как мы показали, непосредственно людьми, с этими текстами познакомившимися. Но идеи, мысли, образы, ситуации и т. д. из великих книг нашли свое воплощение не только в сознании живущих ныне людей, но и во многих произведениях других авторов – литераторов, художников, композиторов и т. д. Эти авторы могут быть знаменитыми, а порой безызвестными или забытыми. Значительное число таких произведений весьма хорошо написаны и заслуживают того, чтобы их прочитали. Но в нашем случае эти книги интересуют нас как носители информации о великих книгах. Практика показывает, что опытный библиотекарь может превратить книги таких авторов в важный стимул прочтения великих книг, нашедших свое отношение в их текстах.

Сейчас мы покажем, как можно привлечь внимание читателей к великим книгам, используя произведения литературы и искусства, созданные по мотивам тех или иных великих текстов и включающих элементы этих текстов.

Задача библиотекаря – думать, как можно использовать такие произведения для того, чтобы обратить внимание читателей на первоисточники – великие книги.

Приведем несколько разрозненных примеров.

«В юности я увлекался стихами Ильи Эренбурга, – пишет Е. Немировский. – До сих пор помню стихотворение, начинавшееся так:

Есть время камни
собирать
И время есть, чтоб их
кидать...

Библию мы в те годы не читали. Лишь много лет назад я узнал, что это – притча из «Экклезиаста», которая в оригинале выглядит так:

Время разбрасывать камни,
и время собирать камни,
время обнимать, и время
уклоняться от объятий⁸⁹.

В подобной ситуации это стихотворение Ильи Эренбурга может послужить одним из стимулов обращения к «Библии».

Предполагается, что читатель познакомился с «Пестрыми письмами» М. Е. Салтыкова-Щедрина (письмо 111, 1885 г.) и прочитал там такую фразу: «Старики, по крайней мере, положительно утверждают, что в былые времена рассуждали обстоятельнее, не «растекались мыслью по древу», а, начавши долбить стоящий на очереди сук, долбили его во всех смыслах и до конца».

Читателя заинтересовало, откуда фраза «растекались мыслью по древу».

Библиотекарь рекомендует ему познакомиться с замечательным произведением древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Читатель: В арии Фигаро в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник» меня заинтересовала фраза – Фигаро здесь, Фигаро там. Часто я ее встречаю и в разговорах.

Библиотекарь: Это выражение характеризует расторопных людей, одновременно выполняющих несколько дел, а имя Фигаро употребляется как синоним расторопного слуги, а также искусного парикмахера... А не хотите ли Вы познакомиться с комедией Бомарше, по мотивам которой написано либретто оперы?

Библиотекарь: Вы только что употребили выражение «Полна чудес природа». Откуда оно Вам известно?

Читатель: Это слова из арии Берендея из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка».

Библиотекарь: А не хотите ли для сравнения прочитать пьесу А. Островского «Снегурочка», по мотивам которой была написана эта опера?

Таким образом, телегонический эффект великой книги реализуется двумя путями:

⁸⁹ Немировский Е. Экклезиаст / Е. Немировский // Кн. обозрение. 1997. № 15. 15 апр. С. 13.

а) читателями, которые прочитали эту книгу. Они разными способами – своими поступками, пересказом книги в целом или каких-либо ее фрагментов и т. д. делают ее содержание достоянием других;

б) авторами – литераторами, художниками, композиторами и др., которые вдохновились содержанием и идеями великой книги. Создав по ее мотивам оригинальное произведение или используя в нем идеи, образы и т. д. этой великой книги, они тем самым привлекают к ней внимание своих читателей.

VI. ТЕЛЕГЕНИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ИДЕОЛОГИИ НА ЯЗЫКОВОЕ ПОЛЕ НАЦИИ И КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В ОТДЕЛЬНОСТИ. НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ

Телегонический эффект действует и на этом направлении. Никто не сумел проанализировать так глубоко и точно влияние идеологии на язык и языка на личность, как это сделал Виктор Клемперер. Еще в 1944 г. знаток французской филологии XVIII в. в нацистской Германии был лишен работы по профессии, книг, своего дома. Профессор университета работал тогда на чаеразвесочной фабрике, но знаний и умений его лишить не могли. Виктор Клемперер вел дневник, где, разумеется, описывал то, что видел, но именно в филологическом ключе, иначе он, видимо, не хотел и не умел.

Жители страны усваивают непосредственно или через других сограждан те языковые клише и штампы, которые приняты и действуют в данной общественной системе. Эту черту (сторону телегонического эффекта в области языка) в фашистской Германии тонко подметил и описал Виктор Клемперер: «Бдительное око великолепно организованной тиранической машины зорко следило за чистотой учения национал-социализма в каждом пункте, в том числе и в языке этого учения. По примеру папской цензуры на титульном листе партийных книг значилось: «Против публикации данного издания со стороны NSDAP возражений нет. Председатель партийного контрольного комитета по защите национал-социализма». Правом на публичное слово пользовались только члены Имперской палаты по делам литературы, и все печатные органы могли публиковать лишь то, что им дозволялось – слегка подправить общеобязательный текст, но и эти изменения могли затрагивать лишь внешнюю оболочку установленного для всех клише. В поздний период Третьей империи

выработалась традиция читать по берлинскому радио свежие передовицы Геббельса из «Рейха» в пятницу вечером, накануне выхода газетного номера, и тем самым задавался эталон на следующую неделю... Итак, лишь очень узкий круг посвященных формировал общеобязательную языковую модель. В конечном счете, это был, по-видимому, сам Геббельс, определявший контуры дозволенного языка»⁹⁰.

Виктор Клемперер вспоминает: «В первый год после прихода Гитлера к власти... мне попала на глаза вышедшая в 1929 г. книга «Партенау», первенец Макса Рене Хессе. Книжка вышла в 1929 г. Насколько в ней был предвосхищен язык и образ мыслей Третьей империи!

В центре произведения – дружба обер-лейтенанта Партенау и юнкера Кибольда. Обер-лейтенант – гений военного искусства, твердолобый патриот и педераст. Юнкер хотел бы стать его учеником, но не возлюбленным, и обер-лейтенант пускает себе пулю в лоб»⁹¹.

Юнкер Кибольд воспламенен идеями своего друга обер-лейтенанта. «За мечты и идеи Партенау я готов умереть хоть завтра», – заявляет он, а самому Партенау говорит позднее: «Ты был первым человеком, которого я мог спокойно спросить, как можно ставить на одну доску понятия «совесть», «раскаяние», «мораль» с понятиями «народ» и «страна», и который мог бы разделить мое глубокое недоумение по этому поводу... Я уже сказал, что книжка вышла в 1929 г. Насколько в ней был предвосхищен язык и образ мыслей Третьей империи. Но мне даже в голову не могло прийти, что этот образ мыслей когда-нибудь сможет воплотиться в дела, что совесть, раскаяние и мораль действительно будут вытравлены из сознания целой страны, целого народа»⁹².

Огромное влияние на развитие мыслей, привычек, в том числе, и плохих, оказывает реклама – слушаем или смотрим ли мы ее или нет. Как отмечает известный американский гипнотерапевт Рейчел Коуплан: «Очевидно, инстинкт самосохранения человека бессилен перед ежедневными атаками рекламных роликов. Оборона наших чувств ослаблена разнообразными психологическими приемами, которые разум не в силах распознать; гипнотическое воздействие на подсознательном уровне формирует наши вкусы и привычки, порой вредные, а мы даже не подозреваем об этом. Но даже если

⁹⁰ Клемперер В. Язык Третьего рейха / В. Клемперер. М.: Прогресс-традиция, 1998. 384 с.

⁹¹ Там же. С. 38.

⁹² Там же. С. 38.

человек не поддается рекламной агитации, то все равно переймет вредные привычки от своего окружения»⁹³.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из изложенного выше, можно сказать без натяжки, что справедливо звучит сентенция: книги изменяют мир. Говорят, будто бы он не остается прежним, даже если великую книгу прочтет несколько человек. Возможно, это преувеличение. Но есть сочинения, влияние которых на культуру общества настолько значительно, что оно сказывается даже на тех, кто, может быть, и не подозревает о существовании таких творений. И подобных книг много. Читающий, мудрый библиотекарь – гарант того, что такие книги станут непосредственным достоянием многих. И тогда позитивное влияние таких произведений будет многократно возрастет.

Для завершения нашей лекции очень подойдет двестишесте А. Озерного, в котором мы только заменим союз «и» на букву «а»:

Горит звезда, дрожит
эфир,
А КНИГИ ИЗМЕНЯЮТ
МИР⁹⁴.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Предположим, что пользователю библиотеки известен определенный элемент великого текста. Как с помощью этого элемента обратить внимание пользователя библиотеки на весь текст, заинтересовать им и, в конечном счете, убедить прочитать.

Каким образом библиотекарь может использовать каждый элемент в качестве «приманки» (по терминологии А. А. Покровского), для превращения этого элемента текста в стимул чтения всего текста (создать у читателя потребность познакомиться с текстом, читательский интерес к нему).

Знание любого элемента великого текста обогащает человека. Но если этот элемент «живет» в отрыве от своего первоисточника, то его влияние на личность слабое. Поэтому соединение этих двух частей – элемента текста с самим текстом – будет способствовать более глубокому пониманию уже известного, дальнейшему развитию и обогащению читателя за счет полного прочтения текста.

⁹³ Коуплан Р. Гипноз: практическое руководство / Р. Коуплан. СПб., 2000. С. 10.

⁹⁴ Озерный А. Калейдоскоп рубрик глазами читателя / А. Озерный // Кн. обозрение. 1988. № 36. С. 3.

Алгоритм работы

Шаг первый. Как узнать библиотекаря, что знает пользователь библиотеки о том, из какого текста известный ему элемент (афоризм, имя героя, сюжет и т. д.):

- а) забыл источник этого элемента;
- б) знает этот источник, но никогда не читал его;
- в) вообще не имеет представления об источнике;
- г) есть ли еще другие варианты?

Шаг второй. Как соединить элемент с текстом, какие приемы использовать для того, чтобы заинтересовать пользователя библиотеки текстом, вызвать у него желание прочесть его.

Примечание. Думая о соединении элементов текста с самим текстом нельзя забывать, что некоторые из этих текстов требуют достаточной читательской подготовки и определенной культуры чтения.

В связи с этим вспомним высказывание английского поэта и литературного критика С. Колриджа (1772–1834): «Великие произведения не всем доступны, и хотя лучше знать их полностью, чем в отрывках, все же похвальное дело — дать хоть кое-что тем, кто не располагает ни временем, ни средствами, чтобы извлечь из них больше»⁹⁵.

В процессе подготовки пользователя библиотеки к чтению самого текста великой книги полезно первоначально:

а) познакомить читателя с литературой об этом тексте, о жизни его автора и т. д.

б) в случае необходимости создать «переходное звено» (на пути от элемента текста к самому тексту), рекомендуя предварительно прочесть издания, в которых излагается краткое содержание великой книги или рассказывается о жизни ее главных персонажей. Среди таких книг можно назвать: Энциклопедия литературных героев. — М. : Аграф, 1997. — 490 с.; Ромен К. 100 персонажей мировой литературы / К. Ромен. — Челябинск : УралЛТД, 1997. — 508 с.; Словарь литературных персонажей : рус. лит./ под ред. В. П. Мещерякова. — М. : Моск. лицей, 1986 — 1997. — Вып. 1–4 и др. Но надо помнить, что это книги «ознакомительного», «комментаторного чтения» и сами тексты произведения никогда не заменяют.

Шаг третий. Варианты конкретной рекомендации и ее составляющих предлагает студент.

⁹⁵ Энциклопедия мысли. Симферополь, 1996. С.7.

О пользе громкого чтения художественного произведения

Дмитрий Борисович Кабалевский (не только композитор, но и прекрасный педагог) говорил: «Музыку вначале заставляют слушать. Может быть и книгу сначала «заставить слушать»⁹⁶. Когда Дмитрий Борисович говорил: «...вначале заставляют слушать», он имел в виду, что вначале нужно дать ребенку для слуха то, что бы его ошеломило, потрясло, что-то открыло для него необыкновенное. Точно так же и при чтении. То есть важно сначала научить любви к чтению. Методов здесь очень много и один, видимо, чтение вслух.

Информация к размышлению

При трансляции (восприятие текста или его части) путем телегонического эффекта часто возникает ряд новых интересных вопросов, прежде всего, связанных с особенностями восприятия письменного и устного текста.

Многие авторитетные исследователи считают, что именно письменная речь наиболее важна в процессе закрепления и передачи знаний, а также в умственном развитии человека. Л. С. Выготский писал, что «письменная речь есть алгебра речи», поскольку она вводит «в самый высокий абстрактный пласт речи, перестраивая тем самым и прежде сложившуюся психическую систему устной речи»⁹⁷. Б. Г. Ананьев утверждал, что «письменная речь выступает аппаратом членения и осознания строя языка», «играет решающую роль в развитии внутренней речи у школьников, а тем более у взрослого культурного человека (уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1946. – Т. 53. – С. 13, 169).

Закономерности смыслового восприятия письменной речи далеко не всегда совпадают с закономерностями смыслового восприятия устной речи. Отличие здесь обусловлено тем, что читающий, то есть человек, воспринимающий текст зрительно, получает только данные слова в данной последовательности (если не считать знаков препинания, не передающих всего богатства интонаций) устной речи, а слушающий, т. е. человек, воспринимающий звучащий текст, получает не только те же данные слова в данной

⁹⁶ Цит. по: Лебединский В. ...Но увлекать воображение / В. Лебединский // Кн. обозрение. 1986. № 29. 18 июля. С. 7.

⁹⁷ Выготский Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. М., 1956. С. 264.

последовательности, но сверх того еще интонационные сигналы (например, повышение, понижение голоса, паузы), специально указывающие ему, в частности, какое слово к какому слову в предложении относится. Поэтому нередко предложение, которое является неоднозначным, двусмысленным на письме, в устной речи (в живом произношении) оказывается строго однозначным. Однако устная интерпретация печатных текстов всегда имеет некоторые особенности, иными словами, отражает понимание текста тем, кто его излагает устно (это очень важный для библиотекаря момент, который необходимо всегда учитывать). Особенно сильно действует он при реализации телегонического эффекта. Сказанное не противоречит связям между письменной и устной речью⁹⁸.

Литература

1. Библейская цитата : словарь-справочник / сост. М. В. Андреев. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 223 с.
2. Даниленко О. И. Культура общения и ее воспитание : учеб. пособие / О. И. Даниленко. – Л.: ЛГИК, 1989. – 101 с.
3. Душенко К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX в., их источники, авторы, датировка / К. В. Душенко. – М.: Аграф, 1997. – 632 с.
4. Изречения Мухаммада : [пер.] / Всемир. Ислам. ун-т. – Новосибирск, 1995. – 332 с.
5. «Непрочитанная книга» и ее влияние на пользователей библиотек : [план лекции] // Библиотечное обслуживание : учеб. программа. Учеб. – метод. материалы / Сост. В. С. Крейденко. – СПб., 1997. – С. 41.
6. Николаюк Н. Г. Библейские слова в нашей речи : словарь-справочник / Н. Г. Николаюк. – СПб.: Светлячок, 1998. – 446 с.
7. Сальникова О. Г. Крылатые выражения из области искусства в современном русском языке : учеб. пособие / О. Г. Сальникова, С. Г. Шулежкова. – Челябинск: Челябинск. гос. пед. ин-т, 1985. – 81 с.

Опубликовано: Крейденко В. С. Телегонический эффект книги / В. С. Крейденко. – СПб. : «Академ-Принт», 2004. – 20 с.

⁹⁸ См. об этих связях: Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 219, 221.

Теория и практика чтения: на пути к новой дисциплине (2005)

Что бы там не утверждали фантасты и скептики-социологи, похоже, чтение никогда не канет в Лету, ибо так устроен человек, научившийся пользоваться для своего развития многообразными функциями чтения – от информационной, коммуникативно-познавательной до эмоционально-творческой. Есть у чтения и ряд других уникальных особенностей, привлекающих человека и выгодно отличающих чтение от других способов получения информации.

Другое дело, что процесс чтения будут облегчать, модернизировать при помощи все более совершенных технологий (как на этапе создания самих текстов, так и в процессе их использования).

Но привычную нам печатную книгу не ждет безоблачная судьба. Вообще, даже дискутируется вопрос о ее существовании. Выдвинуты предположения о двух путях развития источников чтения: гутенберговском и александрийском, преимущество отдается второму.

Гутенберговский предполагает традиционное издание одного произведения, одного авторского текста во множестве экземпляров.

Александрийский же, в противоположность гутенберговскому, означает возврат от многотиражного издательского дела к моновариантности электронных текстов на экранных установках, напоминающих рукописные древние книги, хранившиеся в Александрийской библиотеке в Египте. При желании каждый пользователь может сделать для себя любое количество необходимых ему печатных копий с электронных экземпляров – основных текстов, создаваемых компьютерным способом. При этом само понятие «книга» будет постепенно вытесняться понятием «текст» или «диалог», если интерактивность электронно-компьютерных связей создаст условия для активного чтения⁹⁹. В интерактивности некоторые коммуниктивисты-прогнозисты видят возрождение диалоговых традиций культурной жизни, идущих из глубин веков, но в форме новейшей электронной устности и открытых систем¹⁰⁰.

⁹⁹ Smith A. Information Technology and the Myth of Abundance / A. Smith // *Daedalus*. – 1982. – Vol. VIII, № 3. – P. 11–15; Землянова Л. М. Современная американская коммуниктивистика. Теоретические концепции, проблемы, прогнозы / Л. М. Землянова. М., 1995. С. 242–245.

¹⁰⁰ Pool Ithiel de Sola. The Culture of Electronic Print / Ithiel de Sola Pool // *Daedalus*. 1982. Vol. VIII, № 4. P. 25–27; Землянова Л. М. Современная американская коммуниктивистика. Теоретические концепции, проблемы, прогнозы / Л. М. Землянова. М., 1995. С. 242–245.

Важным для нас в этих двух путях является то, что они не отвергают чтение как таковое, процесс чтения сохраняется. Меняется только характер тиражирования текстов. Интересно то, что даже сторонники второго пути пока пытаются в своих изобретениях придавать «привычные черты» печатной книги, то есть учесть традиционные достоинства печатной книги. Один только пример. В исследовательской лаборатории компании «Philips» в Эйндховене (Нидерланды) ученые создали электронную бумагу, способную быстро менять изображение. Электронная бумага выглядит как обычная, но «электронные чернила» на ней могут перестраиваться достаточно быстро, чтобы проигрывать видеофильмы. Ее изобретатели Роберт Найес и Йохан Фенстра нашли способ создавать полноцветные плоские дисплеи. Они полагают, что изображение на них будет в четыре раза ярче, чем на существующих экранах на жидкокристаллической основе. В основе разработки – последняя версия «электронных чернил». Ученые надеются совместить удобство и «читабельность» печатных изданий с информационной емкостью портативных компьютеров. К примеру, на одном листе электронной бумаги можно было бы прочитать целую библиотеку, просматривая страницу за страницей. Информация должна храниться в небольшом чипе, экран питается от сверхтонкой и легкой батарейки.

Нам думается, что эти два пути будут долго сосуществовать, так как у каждого есть свои поклонники и противники. Пока еще никто не считал, у кого их больше, но ясно, что в одних случаях будут важны традиционные книги, в других электронные, а задачи развития общества и каждого конкретного человека они будут решать вместе. Например, это начали делать в реально существующих современных библиотеках (их стали называть гибридными), функционирующих на базе традиционных и автоматизированных технологий¹⁰¹. Все предполагаемые изменения, о которых речь шла выше, впрочем, как и другие, требуют специальных исследований и теоретического подтверждения общего и особенного в чтении текстов, как на традиционных, так и на новых носителях, общетеоретического обоснования процесса развития чтения в обществе.

Объектом дисциплины станет речевая деятельность человека, которой человек производит и воспринимает информацию, «упакованную» в текст. В данной связи вспомним методологическое

¹⁰¹ Кузьмишина Т. М. Специфика обслуживания пользователей в условиях гибридной библиотеки : автореф. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук / Т. М. Кузьмишина. Самара, 2004. 17 с.

высказывание М. М. Бахтина: «Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека¹⁰² и др.)»¹⁰³.

Различают четыре вида речевой деятельности. Два участвуют в производстве текста (передаче информации): говорение и писание. Два – в восприятии текста, заложенной в нем информации: слушание и чтение. По некоторым исследованиям принято считать, что человек обычно посвящает: письму 9% времени, говорению – 35%, чтению – 16 %, слушанию – 40%¹⁰⁴.

Природа речевой деятельности человека двойственна. В ней есть и врожденное (генетическое) и приобретенное. Генетически в людях заложена способность в первые годы жизни усвоить язык, причем любой. Овладение им начинается с детства. Существует несколько теорий, объясняющих процесс освоения языка детьми. Согласно теории Н. Хомского, у детей имеется врожденная способность к усвоению языка. Для описания набора врожденных структур мозга, которые ответственны за процесс изучения языка, он использовал термин «устройство овладения языком». Однако отнюдь не от генетики, а от социальных условий зависит то, какой именно этнический язык (русский, украинский, бурятский и т. д.) усвоит ребенок.

Предметом новой науки станет **чтение** как сложнейший вид речевой деятельности.

В настоящее время чтением «ведает» различные науки, каждая из них выполняет свои задачи. Многие из них весьма глубоко разработали свой предмет: герменевтика, педагогика чтения, психология чтения, социология чтения. Чтением занимается и медицина. Выявлены десятки болезней, связанных тем или иным образом с чтением. Наиболее распространенная из них дислексия. Существуют различные определения этого заболевания, но в широком смысле это неспособность к чтению. Различают два основных вида дислексии. Первый – это психическое расстройство, причины которого до конца не ясны. Второй часто вызван низкой культурой человека, небольшим запасом слов, неумением понимать читаемое («эффект

¹⁰² Правда, если сегодня говорить о физиологии, то она дает много ценных сведений о человеческих «механизмах» речевой деятельности и чтения.

¹⁰³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М., 1979. С. 285.

¹⁰⁴ Мадэлин Б.-А. Забытое искусство слушать / Б.-А. Мадэлин. СПб., 1997. С. 37.

Элочки Людоедки»). Особенно распространен он среди некоторой молодежи. Библиотерапевты, наоборот, находят возможности (их достаточно много) использовать чтение в лечебных целях и т. д.

Достаточно посмотреть в разные отраслевые словари и справочники, чтобы убедиться, как по-разному расшифровывается само понятие «Чтение», прослеживается множество трактовок и подходов. Существуют и различные концепции чтения, определяющие его как деятельность, как процесс, как общение, как творчество и др. Много разночтений в соподчиненности понятий «чтение» и «получение информации» и т. д. Используются и различные классификации чтения: по целям, по характеру чтения, по глубине проникновения в текст, по скорости чтения и т. д., не всегда убедительны теоретические обоснования. В связи с рассматриваемым вопросом напомним мысль, высказанную В. В. Прозоровым в начале 80-х гг. XX в.: «...социологов, психологов, книговедов в первую очередь занимает человек с книгой в руках, его запросы, интересы, потребности; филолога влечет к себе *книга* в руках человека, внутренние «готовности» произведения к воздействию на читателя»¹⁰⁵. Сегодня же нас интересует сам *процесс чтения*. Причем не столько тот, который изучают в различных науках, решая свои задачи, а общая теория чтения. Это фактически будет метатеория¹⁰⁶ чтения, то есть та теория, которая построена на выявлении общего из уже существующих, подчас многовековых, отраслевых теорий чтения. Это первый этап. На втором этапе в русле метатеории чтения будут проводиться собственные исследования. Они должны быть междисциплинарными. В них можно реализовать взаимодействие между системами дисциплинарных знаний о чтении; объединить специалистов этих дисциплин в одном исследовании; использовать в единой системе методы разных дисциплин. Междисциплинарные исследования способствуют уточнению и углублению исходных дисциплинарных знаний о чтении. Часть из них в процессе обработки перейдет на более высокий теоретический уровень. Создание такой общей теории чтения очень сложная работа, ибо предполагает переработку отраслевых материалов о чтении, ставших результатом изучения тех или иных аспектов (направлений, особенностей) чтения.

¹⁰⁵ Прозоров В. В. О читательской направленности художественного произведения / В. В. Прозоров // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982. С. 4.

¹⁰⁶ «Мета» – после.

Это не означает, что частные теории исчезнут: фактически метатеория и частные теории будут дополнять, обогащать друг друга.

В общей теории чтения каждая тема рассматривается системно, то есть с позиции использования в единстве положений разных наук. Только один пример. В психологии чтения восприятие текста рассматривается весьма глубоко, но, прежде всего, на основе «психологических механизмов». Общая теория восприятия текстов будет создана из синтеза знаний, включающих положения теории познания, психологии, логики, текстологии, читателеведения и др. Как подчеркивает один из создателей теории рецептивной эстетики В. Изер, «теория воздействия имеет свои корни в тексте, а теория восприятия вырастает из истории суждений читателей»¹⁰⁷. Первые задачи в этой работе:

1. Поиск авторов и названий организаций, занимавшихся или занимающихся сейчас проблемой чтения.

2. Сбор текстов, целиком или частично посвященных чтению, и проведение их контент-анализа.

3. Выявление всех значительных исследований, посвященных чтению.

4. Создание исторического понятийно-терминологического словаря «Чтение».

На БИФ СПбГУКИ в этом учебном году создана кафедра библиотекведения и теории чтения (в нее полностью вошла бывшая кафедра социологии и психологии чтения, на основе которой создана методическая комиссия по читателеведению). Одной из своих важнейших задач кафедра считает дальнейшее изучение теории чтения. Здесь работают крупнейшие специалисты, вносящие значительный вклад в развитие теории и практики чтения: В. А. Бородина, Т. Б. Ловкова, А. С. Павлова и др. На кафедре детской литературы трудятся профессионалы, глубоко изучающие чтение – И. И. Тихомирова, Е. Н. Томашева и др. На остальных кафедрах факультета также есть много специалистов, исследующих разные аспекты чтения.

Приглашаем к сотрудничеству коллег из других вузов и библиотек.

Опубликовано: Библиотечное общение : традиции, инновации : материалы междунар. науч.-практич. конф., 27 июня 2005 г., г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2005. – С. 78–82.

¹⁰⁷ Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie asthetischer Wirkung / W. Iser. Munchen, 1976. S. 8.

Книга прошлого как источник новых знаний (2014) (в соавт. с Л.А. Кожевниковой)

*...в истории книги и в истории мысли нередко
наблюдается, что книги погребенные часто
воскресают, и мысли, казалось, обжитые, вновь
используются и в жизни, и в книге.*

М. Н. Куфаев «Книга в процессе общения». М., 2004. С. 146.

Новое приближение к книге прошлого позволяет ввести в научный оборот более широкую совокупность знаний, теорий, нежели те, на которых обычно строятся современные познавательные конструкции библиотековедения. Невозможно не согласиться с М. Н. Куфаевым – известным отечественным книговедом, одна из первых работ которого «Книга в процессе общения» появилась еще в 1927 г. [1], что многие представления из прошлой жизни социума отживают, забываются, тем не менее, любая книга прошлого – это всегда первоисточник мысли. Воскрешаемая в качестве памятника культуры книга «являет картину преобразования мысли и пополнения ее выразимости» [2, с. 147]. Таким образом, разработать четкую систему познавательных идеалов и критериев научности в библиотековедении, спрогнозировать его развитие невозможно без изучения роли книги прошлого. Заметим, что это сложная, многоаспектная задача, а ее решение базируется как на книговедческих и библиотековедческих, так и на культурологических исследованиях.

Едва ли у кого-то возникнут сомнения относительно позитивных ценностей и целей науки (в том числе библиотековедения), которая в любую эпоху вырабатывает объективную истину. Определение критериев научной истины, а, значит, и научного знания, анализ его гносеологических оснований, специфика различных условий функционирования, невозможны без исследования эволюции теории библиотековедения.

Таким образом, исторический дискурс обязательно должен включать изучение предпосылок возникновения познавательных идеалов, которые влияли и влияют на развитие библиотековедения и отдельных его частей.

Абсолютно права И. И. Тихомирова, утверждающая, что «забывение прошлого подрывает профессиональное самосознание

библиографов, создает ощущение беспочвенности собственной научно-исследовательской деятельности» [3].

Кроме того, любое знание – органическая часть современной ему культуры и вне этого контекста не может быть понятным до конца. В качестве примера можно взять несколько изданий по истории книги начала XIX – конца XX в.

Так, в 1914 г. в издательстве Товарищества М. О. Вольфа вышла «История книги с древнейших времен до конца XVII столетия» С. Ф. Либровича [4]. Основную задачу своего труда автор видел в том, чтобы как можно более полно представить снимки с древних рукописей, образцы первопечатных книг и позднейших редких изданий, портреты, копии картин, гравюр и пр. И это автору вполне удалось. Он выбрал из многочисленных первоисточников и позднейшей литературы наиболее существенные факты и показал эволюцию книги с древнейших времен до конца XVII в. Вывод верен и сегодня: «Нигде в мире книга не играла такой видной роли в судьбах народа как в России, ни в одной стране она не связана так тесно с историей народных масс, с их верою, с ходом культуры» [4, с. 5].

Изданная полвека спустя «История книги» Е. И. Кацпржак [5] – более широкая по содержанию, так как представляет собой общую историю письменности и книги. Были также добавлены новые данные (по сравнению с книгой С. Ф. Либровича), в частности, о деятельности первопечатника Ивана Федорова. У Е. И. Кацпржак, как у С. Ф. Либровича, также присутствует культурно-исторический подход, но в качестве основного стержня для истории книги взято ее книгопроизводство. Книга хорошо иллюстрирована, что значительно увеличивает ее информативность.

Однако эпоха наложила на это издание (советский период функционирования книги) свой отпечаток в виде идеологической составляющей, что вполне естественно.

«История книги» под редакцией А. А. Говорова и П. Г. Куприяновой вышла в 2001 г. [6]. В самых первых словах ее предисловия говорится, что «Книга развивалась одновременно с развитием общества, воплощая в себе его основные достижения и отвечая требованиям той или иной исторической эпохи» [6, с. 3]. В монографии также есть раздел, посвященный русской книге с древнейших времен до конца XX в. Характерная черта данного издания – изложение истории книги в контексте общеисторической обстановки и явлений социально-экономической жизни социума. Подробно анализируются методы изучения истории книги, что позволяет утверждать: книговедение –

особый вид познавательной деятельности, а книга от момента ее зарождения и до настоящего времени – это органическая часть культуры и постоянный источник новых знаний.

Об этом же еще три десятилетия назад говорил в ряде своих работ известный ученый А. С. Мыльников [7, с. 8; 8, с. 5]. Он считал книгу особым компонентом культуры, всеобщим коммуникативным средством. Если исходить из того, что книга как продукт духовного производства отражает уровень общественного производства, а, следовательно, и архитектуру знания, то становится очевидным: значимость книги в обществе шире даже по сравнению с наукой. Утверждая это, мы имеем в виду, что книга, хотя и аккумулирует достижения мысли прошлого и настоящего, но считать ее всеобщей наукой о знании все же нельзя.

Хотя, как справедливо отмечает И. Е. Баренбаум, в истории развития науки и книги был такой период в 30-е гг. XX в., когда книгу рассматривали чуть ли не как всеобщую науку о знаниях вообще. И. Е. Баренбаум пишет, что по существу «это было возвращение к средневековому энциклопедизму, подмена историей книги всех наук» [9, с. 7–8]. И все же мы вновь и вновь возвращаемся к проблеме истинной роли книги прошлого.

Значение книги как источника новых знаний в наше время объясняется тремя причинами.

1. Прежде всего, гуманитарной парадигмой библиотековедческого знания, чьим существенным условием является его бытие в виде некоего текста, заключенного в книге. Именно в книге, а не в документе, само название которого «подчеркивает его коммуникативно-служебную роль» [9, с. 14] содержится компонента, делающая книгу выдающимся феноменом культуры.

2. Изменением подходов к исследованию библиотековедческого знания. Помимо культурно-исторического подхода к процессам эволюции библиотековедения все чаще применяется институциональный подход, который позволяет реконструировать не только когнитивную, но и социальную природу книги, ее связь с другими коммуникативными каналами.

3. Постоянным ростом библиотековедческого знания, познавательные установки которого базируются на объектах (в данном случае книге), независимо от ее сегодняшних возможностей.

Формирование и трансформация современного знания требует специальной научной эрудиции исследователя. Она формируется за счет преподавания специальных дисциплин в различных формах

обучения. При этом дидактическим объектом является учебник и учебно-методическое издание, содержащие концентрированную, предельно четко систематизированную информацию в соответствии с состоянием отрасли на момент их создания.

Закономерно возникает вопрос: как быть с учебниками прошлых лет, которые испытывали многолетнее идеологическое влияние? Ответ достаточно прост: пропускать их содержание через критическое осмысление прошлого опыта, вырабатывать новые понятия на основе современной методологии библиотековедения, которая позволит осуществить отбор накопленных фактов и знаний в единстве исторического и логического подходов.

Действительно, существующая база знаний в библиотековедении во многом опиралась на идеологию, но это не значит, что фактический материал, который отражает реальные события в библиотечном деле, устарел. Просто он требует иной интерпретации, понимания на основе новых понятий. Поэтому логичным и целесообразным является исследование содержаний отдельных понятий старого учебника в их развитии, что позволит дать их предметную интерпретацию на современном этапе библиотековедческого знания.

Таким образом, старые учебники не так уж плохи при умелом их использовании, ибо в них содержится большой дидактический материал. Можно утверждать, что теоретическая ценность учебника снижается со временем лишь в той степени, в какой на смену старому знанию приходит знание новое, не имеющее отражения в предыдущих учебных изданиях. Мы разделяем мнение А. И. Михайлова, А. И. Черного, Р. С. Гиляровского, высказанного ими еще полвека назад – «... полностью устаревает лишь та научная информация, которая с появлением новой информации оказывается неверной» [10, с. 91].

Действующий учебник и программа в обычных условиях выступают в качестве документов нормативного характера, призванных направлять практическую деятельность обучения в вузе. Нормативность программы и учебника позволяет педагогу определить круг знаний (понятий, закономерностей, основных фактов и т. п.), которые должны составить содержание обучения. Иными словами, учебник задает параметры глубины раскрытия этих знаний, творческую и практическую их направленность, связь с сегодняшним и завтрашним днем библиотечной отрасли.

Когда речь идет о старом учебнике, ситуация меняется, поскольку учебник теряет свою информативность. Он начинает выступать как источник новых знаний, ибо позволяет изучать содержание

отдельных понятий в их развитии. Таким образом, изучая мировоззренческие доминанты прошлого, мы сохраняем культурную матрицу современного библиотековедческого знания.

По мере того, как процесс производства научного знания выделяется в качестве самостоятельного в системе библиотечной деятельности, у профессионального сообщества возникает необходимость в новой стратегии научного поиска. Разработка этой стратегии без совершенствования понятийного аппарата, корректировки научных парадигм, принятых в прошлом, невозможны. Адекватные своему предмету суждения из прошлого, сохранившие свою когнитивную ценность и отраженные в книге, могут стать основой новых знаниевых конструкций.

Книга – это и область знания, и область социальной практики, поскольку интегрирует в себе как научные концепции, так и практический опыт. Однако изучить весь поток изданий за большой хронологический период даже по отдельно взятой отрасли физически невозможно. Если принять за аксиому, что книга – это способ познания и измерения социально-культурных процессов во все времена, то разумнее всего взять за основу социальные коммуникации и проанализировать функциональную роль различных компонентов, образующих такой феномен, как библиотековедческое знание. Едва ли у кого возможно возражение, что любая научная дисциплина (знание) формируется за счет людей, объединенных общностью разрабатываемых проблем либо в формальную научную группу, либо действующих индивидуально.

Не ставя задачей анализ научных школ в библиотековедении, библиографоведении, книговедении, тем более, что их число и количество публикаций о них в наше время значительно возросло [11, 12], отметим, что феномен существования научных школ зачастую связан с отдельной личностью. «Без осмысления биографии той или иной персоны, ее сущностного и личного контекста, любое исследование библиотечной отрасли становится схематичным набором идей, мыслей, действий, концепций и т. д., теряет тот импульс, который необходим для понимания духовных процессов, того, что ими движет» [13, с. 4]. В продолжение сказанному можно привести слова академика И. В. Петрянова-Соколова об «алгоритме» раскрытия жизнедеятельности личности, в том числе о том, что читал ученый [14]. И здесь особую роль может сыграть библиотека ученого. Мы вполне разделяем мнение М. Чудаковой: «Обнаружение в библиотеке писателя экземпляра какой-либо книги – всегда важный

довод в пользу гипотезы о том, что данная книга – один из источников творческой работы владельца библиотеки» [15, с. 256].

К сожалению, многие библиотеки деятелей книги не сохранились, либо находятся в плохом физическом состоянии, что сокращает возможности исследования творчества ученых. Поэтому каждый выход в свет научной биографии, в которой помимо жизни личности, содержатся письма, записные книжки, дневники, пометки на страницах книг, – это серьезное событие для профессионального сообщества. К сожалению, жанр научной биографии в книговедении, библиотековедении, библиографоведении получил слабое развитие. Научных биографий насчитывается буквально единицы. В качестве примера можно назвать книгу Н. В. Вишняковой «Сергей Антонович Пайчадзе» (Новосибирск, 2009. 180 с.), в которой содержатся обширные приложения – список его научных трудов, редакторские работы, диссертации, выполненные под научным руководством С. А. Пайчадзе, цитирование его трудов и т. д.

Другой пример – книга «Б. В. Банк. Избранное» (СПб., БАН-СПБ-ГУКИ, 2011. 426 с.). Научному руководителю проекта этого издания В. П. Леонову и составителям А. Н. Ванееву и Н. С. Крейденко, а также редакционной коллегии удалось собрать 27 работ, опубликованных и неопубликованных, систематизировать их по хронологии, что позволило показать научное наследие Бориса Владимировича Банка в контексте развития его взглядов на протяжении почти 60 лет. Представив особенности его творчества в каждый отдельно взятый период, авторы сумели охарактеризовать, чем было обусловлено стремление Б. В. Банка создать систему читателеведения как науки, обладающей своим предметом, методами, методологией.

Вынесенная в заглавие настоящей статьи проблема требует оценить вклад в развитие научного знания сборников научных трудов. Анализ их материалов позволяет проследить развитие библиотечного знания как профессиональной субкультуры, т. е. оценить соотношение фундаментальных и прикладных знаний, рассмотреть появление новых научных направлений и степень активности отдельных ученых в формировании знаниевой конструкции отрасли. То же самое можно сказать и о профессиональных журналах.

Имеет смысл вернуться к проблеме изучения профессиональной периодической печати. Такие исследования активно проводились в начале 70-х гг. в Ленинградском государственном институте культуры [16], но потом о них совершенно забыли. В данных исследованиях, наряду с историей и теорией профессиональной пери-

одической печати, дискутировались проблемы внутрижурнальной библиографии, в частности, вопросы рецензирования. Рецензии – важнейший элемент когнитивных коммуникаций, позволяющий сравнивать, скажем, процент оцениваемых монографий, сборников и других изданий в прошлом и настоящем, их качество.

Используя рецензии, опубликованные в журналах прошлых лет, мы не только узнаём мнение современников о той или иной книге, но и можем сравнивать эту оценку с сегодняшним восприятием библиотечного сообщества.

Таким образом, рецензии прошлых лет, как и книга прошлого, служат источником новых знаний.

Литература

1. Куфаев М. Н. Книга в процессе общения. – М. : Витязев, 1927. – 108 с.
2. Куфаев М. Н. Книга в процессе общения. – М. : Наука, 2004. – 188 с.
3. Тихомирова И. И. Прошлое – для будущего // Шк. б-ка. – 2007. – № 5. – С. 46.
4. Либрович С. Ф. История книги в России. – Петроград ; Москва : Изд. Т-ва М. О. Вольфа, 1914. – 234 с.
5. Кацпржак Е. И. История книги. – М. : Книга, 1964. – 422 с.
6. История книги / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. – М. : Светотон, 2001. – 400 с.
7. Мыльников А. С. Книга и культура. – М. : Наука, 1979. – 287 с.
8. Мыльников А. С. Книговедение и культура // Книга. Исследования и материалы. – М., 1989. – Сб. 11. – С. 5–16.
9. Баренбаум И. Е. Книговедение и электронная книга // Книга. Исследования и материалы. – М. : ТЕРРА, 1999. – Сб. 76. – С. 5–16.
10. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики. – М., 1968. – 756 с.
11. Колесникова М. Н., Бахтина Е. В. К вопросу о границах научной школы (в порядке дискуссии) // Библиосфера. – 2014. – № 1. – С. 19–21.
12. Кожевникова Л. А. Библиотекovedческие научные школы: методы анализа и диагностики // Библиосфера. – 2014. – № 1. – С. 22–25.
13. Крейденко В. С. Выдающиеся библиотекovedы, библиографоведы и книговеды как объект исследования. А почему бы и нет? // Библиосфера. – 2011. – № 2. – С. 3–10.
14. Краткий миг торжества: о том, как делаются научные открытия : сборник / сост. В. Черникова. – М., 1988. – С. 3.
15. Чудакова М. Библиотека М. Булгакова и круг его чтения // Встречи с книгой. – М. : Книга, 1979. – С. 244–300.
16. Библиография на страницах периодических изданий : сб. науч. тр. – М., 1976. – 215 с.

Опубликовано: Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 13–16. – В соавторстве с Л.А. Кожевниковой

Вновь о гигиене книги (2016) (в соавт. с А. Н. Ванеевым)

*Вот молодёжь говорит, что книга сейчас
вообще на фиг не нужна – всё, мол, есть в интернете.
А чем, спрашивается, столик шатающийся подпереть?!
Яндексом?!*

Из разговора двух программистов

*Я создал свой музей книги не для того, чтобы
зарабатывать деньги, а для того, чтобы учить
людей с пользой для себя читать и беречь книги.*
Сергей Григорьевич Чарский (1903–?),
знаменитый коллекционер и сатирик¹⁰⁸.

Мы – многолетние читатели абонементов одной крупной научной библиотеки, где основной контингент читателей составляют сами сотрудники библиотеки, и у нас накопилось большое количество впечатлений о состоянии книг, выдаваемых для чтения, и что раньше определялось понятием «гигиена книги» (иногда использовался термин «гигиена чтения»).

Понятие «гигиена книги» активно использовалось в библиотекведении до 70-х гг. прошлого века. Р.Л. Гольдарбейтер в «Словаре библиотекаря» (1) определял гигиену книги в санитарно-гигиеническом значении как требования к сохранности книг в библиотеке. Позднее содержание этого понятия было расширено. В словаре книговедческих терминов В.И. Шамурина (2) указывалось, что гигиена книги – это условия, обеспечивающие длительную сохранность произведений печати, предотвращающие преждевременную их порчу в результате небрежного обращения к книге.

Позднее термин «гигиена книги» был заменен термином «гигиена фонда», под которым стали понимать «мероприятия, обеспечивающие гигиеническую сохранность библиотечного фонда» (3). В Библиотечной энциклопедии от термина «гигиена книги» дана отсылка: см. Консервация документов (4).

Таким образом, проблемы гигиены книги были сведены к их хранению и были исключены из рассмотрения вопросов гигиены книги

¹⁰⁸ О нём см.: Алёшкин А. Сокровища музея Чарского // Соц. Осетия. Владикавказ. 1988. 15 мая

при их использовании читателями. А между тем, просмотр книг, которые возвращаются после их прочтения, говорит о том, что бережное отношение, как важный элемент гигиены книги, далеко не всегда присутствует.

Наибольший ущерб наносит книге прямое физическое воздействие на неё. К нему относится, прежде всего, привычка некоторых читателей энергично раскрывать книгу, когда верхняя и нижняя книжки книжного блока оказываются практически совмещенными. Неоднократное повторение такой процедуры приводит к тому, что книга, особенно если она сброшюрована на клеевой основе, чуть ли не с первого прочтения распадается на отдельные листы.

Существенный урон внешнему облику книги наносят многочисленные загнутые углы страниц, которыми читатели отмечают остановку в чтении. Самые стеснительные читатели пытаются скрыть своё преступление и вернуть загнутые страницы в действенный первоначальный вид, но это мало помогает – следы сгиба всё равно остаются. Такие читатели не понимают, что изгибание углов страниц не только нарушает чистоту книги, но и приносит существенный вред. Разве не известно таким читателям, что бумага рвётся, прежде всего, по сгибам?

Просматривая книги с многочисленными загнутыми углами страниц, невольно задаёшься вопросом: неужели такие читатели никогда не знали, что такое книжная закладка?¹⁰⁹

Зав. кафедрой библиотекосведения Ленинградского государственного института культуры Василий Фёдорович Сахаров (1901–1986) собирал коллекцию книжных закладок: бумажных, тканевых, кожаных, пластмассовых, металлических и др. Мы, его коллеги, возвращаясь из отечественных и зарубежных командировок, привозили ему оригинальные закладки, особенно из Вьетнама, ГДР и Чехословакии.

В. Ф. Сахаров периодически при участии студентов организовывал выставки книжных закладок. Выставка состояла из двух частей. В первой были представлены закладки из коллекции Василия Фёдоровича. Вторую часть выставки готовили студенты. В ней были представлены «антизакладки»: спички, гвозди, закладки, расчёски и другие предметы, которые некоторые читатели использовали в качестве закладок. Такие выставки имели значительно больший

¹⁰⁹ Закладка книжная – листовое издание, используемое для прокладывания между страницами с целью отметки места, где закончено чтение // Словарь издательских терминов. М., 1968. С. 43.

воспитательный эффект по сравнению с абстрактным лозунгом «берегите книгу». Поэтому В.Ф.Сахаров предлагал печатать на закладках различные советы по гигиене чтения, а также, в том числе и такой, общего характера, как: Берегите книгу! После Вас она попадёт к другим читателям! (В крайнем случае, – говорил он, – последний совет «Берегите книгу и т. д.» – тоже не повредит!)

Нарушают внешний облик книги, её чистоту многочисленные пометы¹¹⁰, оставляемые читателями на её страницах. Можно классифицировать такие пометы на «гастрономические» и «интеллектуальные». Просмотр библиотечных книг представляет обширную картину того, что ели и пили читатели в процессе чтения. Этот пил горячий кофе, поперхнулся и обрызгал каплями страницу. Эта кушала пирожное и оставила на страницах жирные пятна и крошки. Ещё один ел бутерброд и вытер пальцы на листах книги, оставив на полях такой жирный слепок большого пальца, что ему позавидовали бы и криминалисты. Невнимательный читатель опрокинул банку с пивом и залил страницы книги. А этот читатель читал книгу во время обеда и оставил на ней следы борща, салата, соуса и т. д. Хочется спросить у такого читателя: – разве тебе в школе не говорили, что читать во время еды вредно, потому, что это нарушает и пищеварение, и понимание читаемого.

Другая категория помет – пометы интеллектуальные. Это чаще всего подчёркивания в тексте отдельных слов и предложений, абзацев, иногда знаки: -, +, !, ? и др.

Можно отметить деликатность многих читателей. Они делают подчёркивание простым карандашом, что позволило бы их легко стереть. Но вот парадокс – в большинстве случаев подчёркивания так и остаются неликвидированными! Видимо читатели полагают, что то, что показалось им важным, привлекло их внимание, также важно и другим и поэтому помету следует сохранить для следующих читателей. Но, если читателю так важна та или иная идея, мысль, то или иное утверждение автора книги, то ни логичнее ли не оставлять свои впечатления на странице книги, а сделать для себя выписку из текста книги, которую придётся вернуть в библиотеку, или сделать ксерокопию или электронную распечатку. О методах и способах выписок из текстов подробно рассказано в пособии «Домашняя библиотека» (4). Нашей задачей не был анализ содержания помет, оставленных читателями. Угадать, почему и зачем подчёркнуто то или иное слово, или предложение в тексте невозможно. Это требует

¹¹⁰ Пометы – надпись, запись, знак, отмечающий что-нибудь в книге.

специальных психолингвистических исследований. Хотя иногда и можно углядеть некоторые элементы профессионального интереса, например, подчёркнуто: «Когда придёшь из публичного... простите, из публичной библиотеки», или «в такую короткую жизнь не вместить всех библиотек мира»

Наша задача была более скромной – привлечь внимание библиотекарей, а через них и читателей к «гигиене книги».

Литература:

1. Гольдарбейтер Р.Л. Словарь библиотекаря. Петроград, 1923. С. 26
2. Шамурин Е.Н. Словарь книговедческих терминов. М., 1958. С. 59
3. Словарь библиотечных терминов. М., 1976. С. 41
4. Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 301
5. Домашняя библиотека. СПб., 2002. С. 130–132, 166–170

Опубликовано: Библиопанорама. – 2016. – № 1. – С. 15–17. – В соавторстве с А.Н. Ваневым.

Раздел 3. Библиотечное обслуживание

Пояснительная записка и учебно-методические материалы к программе курса «Библиотечное обслуживание» (1997)

Главным действующим лицом в библиотеке, объектом заботы библиотекарей в демократическом государстве является человек, пользующийся ее многочисленными услугами.

В зарубежных документах, а теперь и у нас, – это «главное действующее лицо» получило название «**пользователь библиотеки**». Но этот термин не является ни синонимом традиционного библиотечного термина «**читатель**», ни заменяет его.

Дело в том, что «пользователь библиотеки» – широкое понятие, отражающее положение о том, что человек в библиотеке часто играет несколько ролей, пересекающихся между собою, а иногда и нет. Так, он может: просто зайти в библиотеку – походить, посмотреть и уйти; посетить библиотеку для получения каких-то библиографических или фактографических справок; стать участником заинтересовавшего его библиотечного мероприятия; наконец, взять для чтения книгу или другой источник информации и знаний.

В предыдущей фразе слово «наконец» не означает, что взять для чтения книгу – это очередная рядовая роль пользователя библиотеки, перечисленная на шкале усиления ее связей с библиотекой. На самом деле – это главная сущностная роль пользователя библиотеки, превращающая его в основное действующее лицо всей библиотечной деятельности, то есть деятельности, ради которой создаются общедоступные библиотеки.

В начале 80-х гг. В. В. Прозоров высказал весьма перспективную мысль: «...социологов, психологов, книговедов в первую очередь занимает в человеке с книгой в руках, его запросы, интересы, потребности; филолога влечет к себе книга в руках человека, внутренние «готовности» произведения к воздействию на читателя¹¹¹. Мы продолжим эту мысль. А что интересуется библиотекарей, занимающих-

¹¹¹ Прозоров В.В. О читательской направленности художественного произведения / В. В. Прозоров // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982. С. 4.

ся обслуживанием пользователей, в сравнении с представителями наук, изучающих «человека с книгой» или «книгу в руках человека»?

Библиотекаря, обслуживающего пользователей библиотек, в одинаковой мере интересует и человек как читатель, и книга как средство получения информации и знания, а для этого библиотекарь должен быть и читателеведом, и книговедом.

Соединить человека и книгу в нечто целое не только на сегодня, или только на завтра, а навсегда – важнейшая профессиональная цель всей библиотечной деятельности. Иными словами – необходимо просто пользователя библиотеки превратить в настоящего читателя: человек и книга – как это прекрасно! Ведь книга – величайшее чудо и общение с ней делает человека – должно делать! – выше, чище, лучше! И, однако же, словосочетание «человек и книга», каким бы прекрасным оно не было, страдает некоей отвлеченностью. Вопрос в том, какую именно книгу держит в руках человек.

Поэтому гуманистическая цель – соединить человека с книгой – связана с двумя библиотечными задачами: какую книгу предложить конкретному читателю (на основе свободы выбора), то есть **что** – и **как** помочь читателю лучше и глубже проникнуть в суть содержания этой книги.

Причем с развитием своей культуры чтения пользователь библиотеки будет все чаще и больше **сам** отвечать на вопросы «что» и «как».

Поэтому нельзя что-либо понять в библиотечной деятельности и пытаться улучшить ее, если все время не ориентироваться на читателя. Так, предполагая открыть библиотеку в том или иной районе, прежде всего, надо подумать о тех, кто будет ею пользоваться, удобное ли выбрано место для ее открытия. Строя здание библиотеки и определяя ее планировку – заботятся все время о том, как лучше создать комфортную обстановку будущим пользователям библиотеки, обращающимся к ее книжным фондам. Комплектуя фонд библиотеки, опять необходимо учесть интересы тех, кто будет посещать библиотеку. Создавая справочный фонд библиотеки и ее справочно-библиографический аппарат – вновь необходимо подумать о тех, кто будет ими пользоваться.

Но есть в библиотеке специальные отделы, куда собираются все сведения о читателях библиотеки – реальных, «скрытых» и потенциальных, а сотрудники этих отделов непосредственно и постоянно контактируют с посетителями. Эти отделы называются отделами обслуживания (абонементы, читальные залы, библиобусы, библиотечные пункты и т. д.),

В дисциплине «Библиотечное обслуживание» особое внимание уделяется деятельности именно этих отделов библиотеки.

В ней показано, что роль книги и чтения в жизни человека особенно раскрывается и удовлетворяется именно в процессе обслуживания в библиотеке, ибо здесь для этого есть все необходимое: систематизированные книжные фонды, СБА, соответствующие условия для работы читателей, профессионалы – читателеведы – библиотекари – библиографы.

Учебный курс рассматривает обслуживание читателей в организационных, содержательных, методических аспектах, что позволяет связать теорию и практику, прошлое и настоящее, наметить его перспективы.

Эффективность преподавания дисциплины «Библиотечное обслуживание» во многом зависит от перенесения части учебного процесса в библиотеки, углубление учебной и производственной практики, ибо только непосредственно общаясь с пользователями библиотек, студенты могут овладеть необходимыми знаниями, навыками и умениями в комплексе проблем, входящих в учебный курс «Библиотечное обслуживание».

В Программе сохранено все позитивное, что, с нашей точки зрения, было накоплено с конца 30-х годов в процессе преподавания и развития этой дисциплины¹¹².

Содержание и объем курса: ориентация на профессиональную подготовку библиотекарей-библиографов высшей квалификации. Она является базой для их специализации в конкретных отделах общедоступных библиотек.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

№ п/п	Наименование разделов и тем	Количество часов			
		Всего	В том числе:		
			лекции	семинары	практич. и лаборат.
1	2	3	4	5	6
Введение					
1	Тема 1. Объект, предмет, цель и задачи дисциплины	2	2		

¹¹² С этого времени она выделяется в самостоятельную дисциплину.

2	Тема 2. Законодательная база, регламентирующая состояние и перспективы библиотечного обслуживания	4	2	2	
3	Тема 3. Основные концептуальные формулы системы библиотечного обслуживания в РФ и их интерпретация	2	2		
4	Тема 4. Информационное обеспечение дисциплины	4	2		2
Раздел I. Цель, задачи, принципы и основные направления обслуживания пользователей библиотек					
5	Тема 1. Библиотечное обслуживание в современных условиях	4	2	2	
6	Тема 2. Цель и задачи обслуживания читателей в общедоступной библиотеке	2	2		
7	Тема 3. Принципы библиотечного обслуживания	4	2	2	
8	Тема 4. Социализация (психосоциальное развитие) человека и место библиотечного обслуживания в его информационном обеспечении	4	2		2
9	Тема 5. Воспитание и перевоспитание взрослого человека путем использования книги				
Раздел II: Библиотечное обслуживание как открытая, самоорганизующаяся система					
10	Тема 1. Библиотечное обслуживание и его определение	2	2		
11	Тема 2. Библиотечные услуги	6	2	2	2
12	Тема 3. Проблема исследования библиотечного обслуживания как системы	4	2		2
Раздел III: Библиотекарь в отделах обслуживания					
13	Тема 1. Специфика библиотечной деятельности вообще и в отделах обслуживания в особенности	2	2		
14	Тема 2. Требования к библиотекарю как читателю	4	2		2
15	Тема 3. Особенности изучения библиотекарей отделов обслуживания	4	2		2
Раздел IV: Читатель как причина и следствие библиотечной деятельности					
16	Тема 1. Чтение и его место в структуре жизнедеятельности личности	2	2		

17	Тема 2. Восприятие печатных текстов и устной речи	4	2		2
18	Тема 3. Читатель и книга	2	2		
19	Тема 4. «Непрочитанная книга» и ее влияние на пользователей библиотеки	4	2		2
20	Тема 5. Читательский спрос	4	2		2
21	Тема 6. Культура чтения	4	2		2
22	Тема 7. Круг чтения	4	2		2
23	Тема 8. Домашние библиотеки и их значение в читательском развитии личности	6	2		2
Раздел V: Дифференциальное обслуживание пользователей библиотеки					
24	Тема 1. Система методов и форм библиотечного обслуживания	4	2		2
25	Тема 2. Индивидуальное обслуживание пользователей библиотеки	10	4	2	4
26	Тема 3. Массовая работа библиотеки	10	4	2	4
Раздел V: Дифференциальное обслуживание пользователей библиотеки					
27	Тема 1. Общее и особенное в деятельности отделов, обслуживающих читателей; взаимодействие этих отделов	2	2		
28	Тема 2. Абонементный отдел и его роль в обслуживании пользователей библиотеки	8	2	2	4
29	Тема 3. Организация обслуживания пользователей в читальных залах библиотек разного типа	8	2	2	4
30	Тема 4. Виды территориально обособленных от библиотеки ее подразделений, обслуживающих население	6	2	2	2
31	Тема 5. Обслуживание читателей по междубиблиотечному абонементу (МБА)	2	2		
32	Тема 6. Обслуживание читателей по международному междубиблиотечному абонементу (ММБА)	2	2		
Итоги					
33	Тема 1. От дисциплины «Библиотечное обслуживание» к другим дисциплинам и диплому	2	2		
Всего по дисциплине		132	68	18	46

ПРОГРАММА УЧЕБНОГО КУРСА «БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ»

ВВЕДЕНИЕ

ТЕМА 1. ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ

«Библиотечное обслуживание» учебная и научная дисциплина – центральный раздел библиотековедения. История ее становления: смена названий и развитие содержания.

Вклад выдающихся деятелей библиотечной отрасли, вузов культуры, библиотечных научных центров в ее развитие.

Объект дисциплины – общедоступные библиотеки.

Общедоступная библиотека и особенности ее деятельности по обслуживанию пользователей. Библиотеки в системе средств социальной коммуникации (службы информации, архивы, СМИ и др.).

Место общедоступных библиотек в структуре «четвертой власти». Библиотечное обслуживание в поле действия средств массовой коммуникации: радио, ТВ, кино. Информационные возможности каждого из них. Учет этих возможностей библиотекарями для создания условий оптимального взаимодействия в целях улучшения обслуживания пользователей библиотеки.

Предмет дисциплины – библиотечное обслуживание. Структура дисциплины, основные проблемы, последовательность их изучения.

Понятийно-терминологическое поле дисциплины, отражающее специфику ее предмета.

Ключевые категории дисциплины: общедоступная библиотека, читатель библиотеки, пользователь библиотеки, теория, история, методология, методика, технология библиотечного обслуживания.

Цель дисциплины:

- раскрыть и помочь освоить теоретические, исторические, организационные, методические и технологические знания, необходимые для обслуживания пользователей библиотек;
- научить использовать полученные знания для активного участия в дальнейшей разработке проблем библиотечного обслуживания;
- в процессе активного участия в практических занятиях, учебной и производственной практиках, приобрести умения и навыки, необходимые для ведения библиотечного обслуживания в современных условиях;

- научить анализировать практический опыт библиотек, видеть перспективы, прогнозировать развитие библиотечного обслуживания, вести поиск инновационных решений;
- помочь на уровне профессионального библиотечного сознания интегрировать, соединить в единое целое:

а) общую культуру, интеллектуальные богатства и личностные качества студента,

б) знания, полученные в библиотечно-библиографических дисциплинах и информатике;

в) специальные знания, раскрывающие пути и особенности библиотечного обслуживания и использовать этот мощный потенциал в качестве инструмента профессии в процессе обслуживания каждого читателя;

- самостоятельно отбирать и творчески работать над источниками: документами, публикациями, в которых излагаются методологические, теоретические и др. проблемы библиотечного обслуживания, в том числе, и в дискуссионном ключе.

Место дисциплины в системе библиотечно-библиографических курсов и в профессиональной подготовке специалистов. Значение культурологии, психологии, психотерапии, педагогики и др. для разработки методологических, теоретических основ научной и учебной дисциплины, а также организации, методики и технологии обслуживания пользователей библиотек.

Связь дисциплины с другими учебными предметами. Место дисциплины в цикле библиотековедческих и библиографоведческих дисциплин.

Формирование новой библиотечной идеологии на основе плюралистического подхода к обслуживанию пользователей библиотек, обеспечивающего равноправное партнерство библиотеки с различными партиями, общественными и культурно-этническими движениями, с учетом особенностей РФ в целом и «краеведческих» параметров каждого региона.

ТЕМА 2. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ СИСТЕМЫ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РФ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

а) Формула значения культуры¹¹³ (академика Д. С. Лихачева). Без культуры в обществе нет нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные законы,

¹¹³ Лихачев Д. С. Выступление / Д. С. Лихачев // Первый съезд народных депутатов СССР : стеногр. отчет. Т. 1. М., 1989. С. 485.

не выполняются указы и не может существовать современная наука.

б) Формула значения книги и чтения в развитии культуры и каждого отдельного человека (философа П. С. Таранова).¹¹⁴ Книга не просто и не только заполняет нас, книга нас дополняет... мы не только говорим словами, но живем и думаем книгами. «Я» каждого из нас – это книжный осто́в, облаченный в личностную особенность.

в) Формула о значении книги и чтения в жизни человека. (Питирима – Митрополита Волоколамского и Юрьевского)¹¹⁵. «Книга – это стержень человеческой культуры. Никакие средства массовой информации, никакая электроника не могут заменить книгу. С книгой человек начинает свою сознательную жизнь. С книгой в старости он ее заканчивает.. Все силы, которые нам можно будет собрать, мы соберем вокруг книги (...) Читателей тоже надо учить и воспитывать».

г) Формула значения чтения для развития каждой личности и, в конечном итоге, всей нации: нация, перестающая читать, нищает сначала в культурном отношении, а затем и в материальном¹¹⁶.

д) Формула, определяющая приоритет современного библиотечного обслуживания. В библиотеке все начинается с читателя и все возвращается к нему (Сравни: «...все для читателя... он – мера эффективности работы библиотек» Т. Д. Уабб, США).

ТЕМА 3. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Информационное обеспечение дисциплины. Краткая характеристика основных источников – ретроспективных и текущих.

Овладение традиционной и автоматизированной технологиями выявления нужных источников информации. Формирование личного документального фонда, справочно-библиографического аппарата по дисциплине, необходимых для сдачи экзамена, написания курсовых и дипломных сочинений и дальнейшей библиотечной деятельности.

¹¹⁴ Философия – наука о неизвестном : интервью с П. С. Тарановым // Кн. обозрение. 1994. № 3–4. С. 13.

¹¹⁵ С книгой человек начинает свой путь : интервью с Митрополитом Валаамским и Юрьевским // Кн. обозрение. 1991. № 21. С. 6.

¹¹⁶ Формула разработана на основе результатов многочисленных культурологических исследований.

РАЗДЕЛ I: ЦЕЛЬ, ПРИНЦИПЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕК

ТЕМА 1: БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Учет и опора на происходящие в РФ социально-политические и экономические преобразования.

Закон «конгруэнтности библиотек». Особенности чтения и обслуживания читателей, вытекающие из этого закона в структуре различных политических режимов: тоталитарном, авторитарном, либеральном и демократическом.

Национальная доктрина РФ: проблемы, приоритеты, ценности. Трудности на пути разработки доктрины.

Место общедоступных библиотек в реализации национальной доктрины страны. Роль библиотек в этом процессе, а также в формировании идеологии переходного периода – духовного поля идеалов, значений и ценностей современного общественного развития.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Формула Ф. М. Достоевского: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация»¹¹⁷.

Формулы гарантированного развития страны: страна не может двигаться вперед, если она не знает, куда идет. Вариант формулы: страна не может двигаться вперед, если у неё нет нравственных ориентиров¹¹⁸.

ТЕМА 2. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ В ОБЩЕДОСТУПНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Цели общедоступной (публичной) библиотеки (Формула Дж. Ширы, 1943 г.): «... Цели публичной библиотеки напрямую зависят от целей самого общества ... Ни один библиотекарь не сможет четко определить цели, к которым ему следует стремиться, если его страна не уверена, в каком направлении она движется. Когда люди твердо знают, к каким целям они стремятся, становятся очевидными и цели публичной библиотеки»¹¹⁹.

¹¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. / Ф. М. Достоевский. Т. 10. СПб., 1889. С. 49.

¹¹⁸ Современная Русская Идея и Государство. М., 1995. С. 182.

¹¹⁹ Shera J. H. Foundations of the public library / J. H. Shera. Chicago, 1943. P. 248.

Три вечных вопроса россиян: что делать? кто виноват? что читать? – и их место в определении цели обслуживания пользователей общедоступных библиотек. Разработка задач библиотечного обслуживания как многосторонней, многоуровневой динамической структуры, отражающей и состояние, и процесс развития общества.

Зависимость качества библиотечного обслуживания от четкости определения конкретных цели и задач обслуживания пользователей и подбора соответствующих средств для их реализации.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Недавно в Госдуме РФ состоялись парламентские слушания «Образование и национальная безопасность».

Документ, который регламентирует в США просвещение, называется «законом об образовании и интересах национальной безопасности».

Отвечают ли сегодня действующие в РФ государственные документы о культуре, образовании, библиотеках решению этой задачи?

Какое место в системе, обеспечивающей реализацию этой государственной задачи, должны занять библиотеки и другие информационные службы?

Если бы Вам поручили разработать этот раздел программы, какие бы вопросы Вы постарались в нем осветить?

Одна из важнейших задач общедоступных библиотек сегодня – превращение основных формул общечеловеческой нравственности в личностные качества читателей.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Десять формул общечеловеческой нравственности.

Главным в системе человеческих знаний является знание о человеке, а стержнем знания о человеке является нравственность.

Как основные формулы общечеловеческой нравственности, перечисленные ниже, могут быть раскрыты и реализованы в содержании каждого пользователя библиотеки, читательской группы, читательской аудитории библиотеки в целом:

1. Всегда, когда сталкиваются интересы части и целого, следует предпочитать интересы целого (всего человечества, человека вообще) интересам части (партии, народа, класса и т. п.).

Формула В. Ф. Одоевского (1804–1869) «... при всяком происшествии будем спрашивать самих себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке:

1-е – человечеству,

2-е – родине,

3-е – кругу друзей или семейству,

4-е – самим себе.

Начинать эту прогрессию наизворот есть «источник всех зол, которые окружают человека с колыбели. Что только полезно самим нам, то, отражаясь о семейство, о родину, о человечество, непременно возвратится к самому человеку в виде бедствия»¹²⁰.

2. Виноватых нет, есть те, кто нуждается в помощи.

3. Питательная среда истины – объединение; питательная среда лжи – склоки, вражда.

4. Самое безнравственное – ненависть к другому человеку, какими бы красивыми лозунгами она не прикрывалась,

5. Дети счастливы, если счастливы их родители; принести в жертву одно поколение – значит автоматически искалечить следующее.

6. Ничего, что создано и придумано человеком, не должно подчинять его, а только служить ему. Все в общества для человека.

7. Наоборот, не природа должна служить человеку, а человек природе. Человек – слуга в доме природы.

8. Если мы живем в чужом доме (в том, который мы не строили), то должны подчиняться законам, установленным его хозяином.

9. Граница между добром и злом проходит не между разными людьми, а через каждую человеческую душу.

10. Жизнь каждого конкретного человека – величайшая ценность, данная нам на земле (формулировка заповедей – В. И. Слущкого)¹²¹.

Как библиотечными средствами можно показать истинность, разумность этих формул и почему их выгодно соблюдать?

Какие Вам еще известны подходы к нравственным общечеловеческим ценностям?

Чтение и задачи нравственного воспитания. Место «вечных книг» в этом процессе.

Что Вам известно о десяти библейских заповедях?

ТЕМА 3. ПРИНЦИПЫ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Определение «принципа библиотечного обслуживания». Теоретическое и практическое значение принципов. Важнейшие принципы и их взаимодействия в процессе библиотечного обслуживания.

¹²⁰ Одоевский В. Ф. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Русские ночи. Статьи / В. Ф. Одоевский. М., 1981. С. 299.

¹²¹ Слущкий В. И. Элементарная педагогика / В. И. Слущкий. М., 1992. С. 125.

Принцип систематичности в библиотечном обслуживании.

Понятийно-терминологическая база принципа; система, системность, систематическое чтение, «круг чтения», непрерывность, последовательность, преемственность, общее, частное и др.

Суть принципа. Библиотекарь стремится следовать во всем и всегда определенной системе, которая, в частности, должна реализовываться в:

а) библиотечном обслуживании в целом и по отношению к каждому его элементу; б) читательской деятельности каждого пользователя библиотеки; в) чтении любой книги в общей системе чтения пользователя библиотеки.

Теоретическая основа принципа: ортогенетический, всеобщий, универсальный, фундаментальный, естественный закон развития и познания.

Конечная цель принципа: формирование на основе названного выше закона у каждого библиотекаря и пользователя библиотеки системного мышления. Место и роль книги в формировании системного мышления.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Человеческое знание (все человеческие знания) представляет собой единую систему, единый организм (целое не есть сумма частей), где все связано со всем, где все зависит от всего, где есть что-то главное, без чего умирает весь организм, и что-то второстепенное, без чего он может существовать. Мы часто представляем себе человеческое знание приблизительно, как колоду карт, в которой каждая из карт хотя и дополняет другую, но существует совершенно отдельно. Накопление же знаний мы представляем себе так: приобрел одну карту, затем другую, третью, четвертую и т. д., сложил их вместе, стасовал, засунул в коробочку и вот уже есть знания по всем наукам. А если забыл какую-то область знания? Ничего! Остальные-то карты налицо. Что же, что я невежда в области нравственности или теории общения! Зато я умею отроить дома, водить автомобили, играть на скрипке, летать на Луну. Однако такой взгляд ошибочен. На самом деле все человеческие знания связаны между собой необходимой диалектической связью. Правильнее сравнить систему человеческих знаний с человеческим организмом или с деревом, где одно живет благодаря другому и питается через него, где есть основное – корни, ствол, каналы, по которым текут жизненные соки, и второстепенное – листья, ветви¹²².

¹²² См. подробнее: Коменский Я. А. Великая дидактика / Я. А. Коменский // Хрестоматия по истории педагогики. Т. 1. М., 1935. С. 193–224.

Поэтому читать книги, разрозненно излагающие знания по отдельности, оторванные одно от другого – это занятие, лишенное смысла. Современные подтверждения этого вывода: специалисты, связанные с библиотечным обслуживанием, заметили, что подтверждается мнение нейрофизиологов о том, что несистематизированная информация может оказать негативное воздействие на развитие творческой индивидуальности человека. Он перестает активно мыслить, действовать, созидать¹²³.

Возможно ли превращение объективизированного знания (содержащегося в книгах), представляющего из себя систему, в личностные знания, нарушая принцип системности (мысленный эксперимент Е. Вигнера): не достаточно ли для превращения знаний, содержащихся в книгах, в «наши» знания, т. е. действительное достояние общества, «чтобы в нашем обществе для каждого тома нашелся человек, который знал бы его содержание»?¹²⁴.

Казалось бы, в результате такого рода трансформации все объективизированное знание стало бы актуальным, личностным знанием, действительным достоянием человечества, поскольку существующим знанием овладели бы ныне живущие люди, правда, каждый своим «кусочком», содержащимся в прочитанном им томе.

Е. Вигнер отрицательно отвечает на поставленный им вопрос. Это не способствовало бы прогрессу науки, наоборот, ее движение остановилось бы. Он пишет, что «утверждения различных томов могли бы противоречить друг другу, и если бы избранным «хранителям знания» была известна лишь часть утверждений, то эти противоречия остались бы скрытыми. Наука – это здание, а не груда кирпичей, сколь ценной ни была бы эта груда»¹²⁵.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Система – это единство многообразных знаний, объединенных одной идеей¹²⁶.

«Ум – это хорошо организованная система знаний». К. Д. Ушинский.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Систематичность чтения долгие годы рассматривается как условие прочности и рациональности усваиваемых знаний.

¹²³ Коваль Н. А. Социально-психологические проблемы коммуникативных ориентаций молодежи / Н. А. Коваль // Проблемы формирования культуры чтения : материалы Всерос. науч. конф. Тамбов, 1994. С. 5–6.

¹²⁴ Вигнер Е. Этюды о симметрии / Е. Вигнер. М., 1971. С 72.

¹²⁵ Вигнер Е. Этюды о симметрии / Е. Вигнер. М., 1971. С. 172.

¹²⁶ Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 3 / И. Кант. М., 1964. С. 680.

Но вот оригинальная точка зрения писателя Давида Самойлова: «чтение должно быть беспорядочным и огромным»... «и тогда оно складывается в систему. Если же ограничить себя каким-то набором книг, то это означает, во-первых, что у тебя нет собственного вкуса, а во-вторых, что всегда в любом списке остаются большие пробелы»¹²⁷. В этой статье – призыв: «читайте побольше хороших книг».

1. Что такое «беспорядочное чтение»?
2. Что такое «огромное чтение»?
3. На основании каких закономерностей человеческой психики «беспорядочное», «огромное» чтение «складывается в систему»?
4. Как связывается с беспорядочным чтением метод «проб и ошибок»?
5. «Остаются большие пробелы» в списках, а идея методом «проб и ошибок»?

Принцип плюрализма в библиотечном обслуживании.

Понятийно-терминологическая база принципа: плюрализм, его антиподы – дуализм, монизм; свобода чтения, конгруэнтность библиотек и др. Отношение общества к содержанию этих понятий и его влияние на библиотечное обслуживание.

Суть принципа. Библиотекарь признает естественным такое положение, при котором каждый пользователь библиотеки получает возможность выбирать об одном авторе или теме, или проблеме или вопросу и т. д. свободно из предоставленных ему источников информации, раскрывающую различные политические, экономические, культурологические, мировоззренческие, ценностные и др. подходы, близкие ему по духу, настроению, зданию и т. д.

Стержнем этого принципа является свобода выбора литературы, гарантированная Конституцией и Законом о библиотечном деле.

Теоретическая основа принципа.

В основе законов, на которых развивается плюралистическое общество, лежит положение о том, что свободная борьба идей и интересов является естественным состоянием здорового социального организма. Противоречия признаются как источник социального прогресса. Всякое нарушение этого положения содержит опасность тирании, ведет к стагнации и неэффективности.

Плюрализм утверждает право каждого человека придерживаться любых взглядов и проповедовать их, уважение к инакомыслию,

¹²⁷ Самойлов Д. Чтение должно быть беспорядочным и огромным / Д. Самойлов // Кн. обозрение. 1990. № 39. С. 14.

использование дискуссий и компромисса в общественно-политическом и культурном процессе.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Каждому читателю его книгу, каждой книге ее читателя.

Не противоречит ли этот императив библиотечного обслуживания рассмотренному здесь принципу? Обоснуйте свое мнение.

Формула подлинного единства: ничто так не способствует единству дел, как разнообразие мнений.

«Наше «Я» мозаично и плюралистично». Питирим Сорокин

Демократия – это цивилизованное разнообразие, это допущение, обживание, приручение к гетерогенности.

Принцип диалогичности в процессе библиотечного обслуживания.

Понятийно-терминологическая база принципа: диалог, монолог, полилог, диалог с самим собой (автокоммуникация), диалог с другими, диалог с книгой, диспут, дискуссия, конфликт.

Суть принципа. Движущей силой эффективного библиотечного обслуживания является диалог: библиотекаря с библиотекарем, библиотекаря с пользователями библиотеки, читателя с самим собой (автокоммуникация), читателя с автором книги (прямо или косвенно в процессе чтения), читателей между собой и т. д. Оказание помощи читателям в овладении особенностями каждого вида диалога.

Создание библиотекарем условий для содержательного и взаиморазвивающего диалога, ценностей, мировоззрения, укладов, «образов мира», сложившихся у пользователей библиотеки, а также тех, которые изложены в книгах и других источниках информации авторов, принадлежащих к разным эпохам, культуре народов.

Принцип требует модернизации традиционных форм и методов библиотечного обслуживания путем поиска и усиления в них диалогического начала. Разработка новых форм и методов библиотечного обслуживания, построенных на использовании возможностей диалога.

Теоретическая основа принципа. Разрабатывалась плеядой ученых «диалогистов» – Францем Розенцвейгом, Мартином Бубером, Ойгеном Розеншток-Хюсси (автор так называемого «грамматического метода»), М. М. Бахтиным и др., увидевшими в ситуации человеческого общения фундаментальный феномен бытия. Суть изложена в высказывании М. М. Бахтина: истина не возникает и не находится в голове отдельного человека, она рождается в процессе диалога между людьми, совместно ищущими истину. И другое:

«Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается...»¹²⁸.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

Делясь мыслями, библиотекари и читатели становятся духовно богаче.

Формула-шутка Бернарда Шоу: если у Вас и у меня есть яблоко, и если мы обменяемся этими яблоками, то у Вас и у меня остается, по одному яблоку, а если у Вас есть идея и у меня есть идея, и мы обмениваемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Древние мудрецы отмечали, что мыслящему человеку крайне необходим оппонент, чтобы он лучше мыслил: овод необходим ста-ду, чтобы оно не зажирело.

Мышление есть всегда диалог, который «душа ведет сама с собой о том, что наблюдает»¹²⁹.

«Поделиться мыслью – значит умножить ее силу»¹³⁰.

Принцип наглядности в обслуживании пользователей библиоте-ки.

Понятийно-терминологическая база принципа: наглядность, виды наглядности, схемы, иллюстрации, символы, таблицы, форму-лы, графики, фотографии, репродукции и др.

Посредством зрительного канала воспринимается максималь-ное количество информации: до 80–90% (различие – по данным разных исследований). На звуковой канал приходится 9–18% ин-формации. При зрительном восприятии запоминается 25%, при слу-ховом – 15%, а при соединении зрительного со слуховым – до 65% переданной информации.

Суть принципа. Обязательна наглядная демонстрация книги всегда и во всех действиях библиотекаря в каждом конкретном акте ее рекомендаций читателям.

Три вида наглядности, используемые библиотекарями при реко-мендации книги:

а) сама книга или другие носители информации и знаний. Выс-шее проявление этого вида наглядности – открытый доступ к книж-ному фонду библиотеки.

б) образ книги, представленный в виде ее макета, фотографии, рисунков и т. д., акцентирующий внимание пользователей библиотек

¹²⁸ Бахтин М. М. Проблемы этики Достоевского / М. М. Бахтин. М., 1979. С. 294.

¹²⁹ Платон Протагор. Соч. Т. 1. / Протагор Платон. М., 1968. С. 236.

¹³⁰ Сопер Л. Поль Основы искусства речи / Л. Поль Сопер. М., 1992. С. 9.

на каких-то важных (с точки зрения библиотекаря) характеристиках книги. Используется: как элемент книжной выставки, плаката, рекомендательных списков литературы и т. д.

в) библиографическое описание книги как вид наглядности. Демонстрируется не книга, а совокупность библиографических сведений о ней, достаточных для общей характеристики и идентификации этой книги, нахождения ее на полке. Используется: в различных каталогах, картотеках, списках литературы и т. д.

Достоинства и недостатки каждого из этих видов наглядности. Их взаимодействие в процессе библиотечного обслуживания.

Теоретическая основа принципа – «Золотое правило дидактики» (Я. А. Коменского): привлечение к обучению и воспитанию всех органов чувств.

По оценке Мерабяна (Mehrabian, 1972) только 7% содержания сообщений передается смыслом слов, в то время как 30% информации определяется тем, как эти слова произносятся, и 55% – выражением лица¹³¹.

Краеведческий подход как принцип библиотечного обслуживания (раскрывается в дисциплине «Библиотечное краеведение»).

Опора и использование всех принципов в процессе осуществления любого акта обслуживания пользователей библиотеки.

Вопрос, какой принцип главнее, не корректен. Порядок перечисления не является признаком их ранжирования. Все они одинаково важны, взаимосвязаны, взаимозависимы и необходимы.

Опубликовано: Крейденко В. С. Библиотечное обслуживание : учебная программа. Учебно-методические материалы. – Санкт-Петербург, СПбГАК, 1997. – 23 с.

¹³¹ Найдите по этому вопросу новые источники, сравните с приведенными здесь данными и прокомментируйте их.

Индивидуализация общения как неперенное условие работы с читателями (2000) (в соавт. с О. С. Либовой)

Приход читателя в библиотеку, связанный со сдачей прочитанной книги или с целью взять новую, неизбежно приводит к контакту с библиотекарем. Будет ли этот контакт плодотворным, возникнет ли в процессе общения беседа в ее библиотечном понимании – во многом зависит от библиотекаря.

Классификация методов общения, избираемых библиотекарем в процессе обслуживания пользователей библиотеки, дифференцируется **по широте одновременного воздействия**: индивидуальные, массовые (групповые и фронтальные); **по целевой направленности**: критико-аналитические, рекомендательно-иллюстративные, рекомендательно-информационные, опосредованная рекомендация; **по способу передачи информации**: устные, наглядные, печатные, комплексные.

Казалось бы, общепринято – индивидуальный подход является неперенным психолого-педагогическим условием, обеспечивающим эффективность библиотечного обслуживания. В методах и формах массовой работы для его использования меньше возможностей, но их применение весьма эффективно. В массовом мероприятии одним из методов выступает беседа. Обзор литературы предполагает монолог как средство общения с аудиторией даже в том случае, если он строится на основе эвристического подхода. Но презентация книги, тем более встреча с ее автором, может проводиться и часто проводится в форме диалога, в вопросно-ответной форме, где используются знания о читателях, полученные библиотекарем в индивидуальном общении как до, так и в процессе подготовки мероприятия.

Поиск индивидуального подхода в процессе массовой работы имеет широкий спектр: от персонального приглашения пользователя библиотеки участвовать в мероприятии и необходимой индивидуальной консультации для этого до учета мнения участника массового мероприятия о том, насколько полученный им «индивидуальный эффект» отвечал личным ожиданиям полезности мероприятия. Индивидуализация в рекомендации книг, основанная

на выявлении особенностей восприятия литературы, – элемент библиотечного обслуживания и одновременно составная часть педагогического воздействия на личность. Индивидуализация предполагает поиск выбора способов, приемов рекомендации книг, соответствующих возможностям человека, а также самого процесса чтения – его направленности, отбору книг, темпов чтения, глубины понимания текста и т. д. Поэтому так важно использовать потенциал индивидуализации в групповых и фронтальных мероприятиях библиотеки. Этот процесс осуществляется двояко:

а) поиск индивидуального подхода к отдельным читателям, чаще – лидерам чтения, участвующим в групповых и фронтальных массовых мероприятиях, что делает эти мероприятия более целенаправленными, управляемыми и эффективными;

б) поиск значимого комплекса качеств, определяющих индивидуальные особенности проводимого мероприятия от подобных ему или вообще других.

Естественно, и здесь профессионал и непрофессионал не могут общаться **на равных**. Вместе с тем, практика последних лет показывает, что библиотекаря, в чьи непосредственные обязанности входит обслуживание читателей, нередко затрудняет необходимость вступать с ними в диалог, вести беседу, используя знания о книге и о читателе, что каждый раз он должен делать над собой усилие, психологически готовить себя к общению на профессиональном уровне.

Практика дифференцированного обслуживания пользователей в библиотеке невозможна без овладения всем тем, что найдено различными науками и научными дисциплинами в области общения, поэтому так важно обращение к результатам исследований в области организации труда, педагогики, психологии личности, социальной психологии, дифференциальной психологии, психодиагностики, психотерапии. Уже с начала 1990-х годов на курсах повышения квалификации библиотечных работников достаточно широко используются труды Д. Карнеги, Э. Берна, циклы рекомендаций типа «Обо всем можно договориться», «Включайся в конфликт последним», «Уважай людей очно и заочно», публикуемых в журнале «Эко» и т. п. Сейчас поток подобной литературы не уменьшается, опубликован не один десяток пособий, в основном переводов с английского, имеющих прямое и косвенное отношение к проблемам общения. Безусловно, такую литературу использовать можно и нужно, если адаптировать ее к специфике библиотечной работы.

Далее мы рассмотрим специфику индивидуального обслуживания пользователей библиотеки, возникающую в ситуации межличностного общения.

Во-первых, это «количественные параметры» индивидуального обслуживания. С нашей точки зрения, библиотекари-практики не должны игнорировать положения, сформулированные еще в 1956 году американским психологом Д. Миллером в классической статье «Магическое число семь, плюс-минус два? О некоторых пределах нашей способности переработать информацию»¹³². Суть их заключается в том, что человек способен сознательно воспринять лишь небольшую часть того объема информации, которую мир предлагает ему. Неосознанно человек замечает значительно больше, чем осознает. Человеческое сознание весьма ограничено и может сохранить следы максимум семи блоков информации в любой момент времени. Эти блоки не имеют фиксированных размеров. Итак, наше сознание ограничено семью, плюс-минус двумя блоками информации либо из внутреннего мира наших мыслей, либо из внешнего мира. Эта же идея может быть реализована применительно к возможному количеству одновременного индивидуального контакта библиотекаря с читателями: *обслуживание пользователей библиотекарю может вести успешно, если их число колеблется в пределах 7 ± 2 . Дело в том, что большее количество охватить одновременно своим вниманием и контролировать свои действия библиотекарю весьма трудно или даже невозможно*. Наиболее ярко этот феномен проявляется как «эффект группы», когда эмоциональная реакция одного из участников мероприятия действует на остальных таким образом, что его восприятие становится достоянием каждого. Нам кажется, что указанная формула (7 ± 2) действует и в том случае, если речь идет о **рекомендации книг** в процессе индивидуальной или групповой беседы. Повторим, именно рекомендации: у информации свои правила, не всегда совпадающие с просветительской деятельностью. Эта идея не проверена на практике, и в качестве домашнего задания просим проверить высказанную нами гипотезу при беседе с читателями. Это лишь один из примеров использования в библиотечной практике другой области науки.

Во-вторых, это «качественные параметры», выбор объектов с целью индивидуального обслуживания. Важнейшее условие индивидуального обслуживания — правильный выбор объекта.

¹³² Miller G. A. The magical number seven: plus or minus / G. A. Miller // Psych. Rev. 1956. Vol. 63. P. 81–97.

Индивидуальное обслуживание читателей занимает настолько большое место в работе библиотекаря абонементного и читального зала, что воспринимается некоторыми как само собой разумеющееся; это тот участок работы, где можно достигнуть высокого профессионализма за счет практики. Сейчас чрезвычайно важно не повторить тех ошибок, которые вызвали всеобщее негативное отношение к «руководству чтением взрослых», к насильственной опеке в процессе обслуживания. Ни в коем случае нельзя навязывать общение тем, кто в нем не нуждается.

Исследование, проведенное в 1984–1987 годах в Латвии («Взаимодействие библиотекаря и читателя»), показало, что библиотекари «с развитым эстетическим чувством наименее расположены к беседе». Вместе с тем, среди «энергичных лидеров чтения», предпочитающих в беседе с читателем захватывать инициативу, много таких, кто «словоохотлив и настойчив», но не умеет корректно и аргументированно высказывать свое мнение, с уважением относиться к чужим убеждениям. Они всегда готовы к диалогу, длинному разговору и, как им кажется, умело «прикрывают незнание обилием слов». Очень часто такие библиотекари, участвующие в обслуживании читателей, «предпочитают литературу бытовой тематики, остросюжетные и мелодраматические произведения, не равнодушны к книгам низкого художественного уровня с житейскими сюжетами»¹³³.

Чтобы избежать системы проб и ошибок при определении тех, кто стремится к общению с библиотекарем, а кто тщательно избегает этого общения, библиотекарь, вступая в разговор, наблюдает за реакцией читателя, используя советы Э. Берна, В. Леви, многочисленные практикумы и методики, предлагаемые в научно-популярной и научной литературе. Можно использовать советы, которые были даны в первом выпуске пособия «Библиотекарь и читатель»¹³⁴, а также во второй главе данного выпуска, где содержатся рекомендации, раскрывающие специфику работы с трудными для библиотекаря читателями, акцентуированными личностями.

Библиотечное обслуживание, как и всякое другое, подразумевающее общение, осуществляется не только с помощью живого слова, но и мимики, жестов, движений (так называемого «языка тела»). Вступая в контакт с кем-либо, мы не можем исключить свою

¹³³ Пурия А. Э. Готов ли библиотекарь к руководству чтением? / А. Э. Пурия // Сов. библиотековедение. 1988. № 4. С. 57–58.

¹³⁴ Библиотекарь и читатель. Вып. 1. Профессиональный тренинг / сост. М. И. Губанова. СПб., 1995.

мгновенную реакцию на особенности голоса, речи, жестикуляции, но мы можем заставить себя «заглянуть глубже» и оценить особенности характера и темперамента собеседника. В том случае, если библиотекарь отдает себе отчет, что отношения с читателем будут такими, какими он их сформирует, что от него зависит больше, чем от читателя, что правилом «не навреди» необходимо руководствоваться не только врачам, он сможет избежать в своей деятельности многих неверных поступков.

Например, библиотекарь-практик со стажем легко выделит среди читателей, избегающих общения, тех, кто любое, самое доброжелательное предложение помощи сочтет навязчивым стремлением воздвигнуть барьер между ним, читателем, и книгой, за которой он пришел. Результаты исследований характера впечатлений, полученных при первом общении, свидетельствуют о том, что правильно оценивают основной род занятий человека 50%. Информацию о профессиональной принадлежности несут особенности речи и жестикуляции, но не всегда подтверждается предположение, что существует прямая связь между внешними признаками и внутренним содержанием. Такие стереотипы восприятия внешности, как суждение о сильной воле по квадратному подбородку и жестким волосам, как отождествление полноты с добродушием не могут быть ведущими для выработки тактики общения. Не забывайте, что нет готового рецепта для всех: мы все разные и наши проблемы тоже. С другой стороны, **внешние реакции**: побледнение кожных покровов или покраснение лица, появление красных пятен в области шеи, расширение или сужение зрачков – почти безошибочно можно соотнести с состоянием, в котором находится человек – волнение, раздражение, гнев. Нельзя забывать о том, что среди пользователей библиотеки также встречается немало таких, кто умеет наблюдать за людьми и судить о них на основе этих наблюдений.

Таким образом, необходимо учесть следующее: *если Вы разговариваете с читателем, глядя в сторону или рассматривая лежащую перед вами книгу, вряд ли он проникнется пониманием сложных переживаний, владеющих вами в данную минуту, и оценит вашу застенчивость. Скорее всего, он даст вам как профессионалу отлицательную оценку, и переубедить его будет нелегко.*

Каждый из нас имеет свое представление о том, как надо и как не надо себя вести, чтобы добиться гармонии внутри себя, но слишком часто наши эмоции «берут верх» над поведением, которое кажется нам единственно верным. Мы устаем, раздражаемся,

срываемся, изливая свой гнев на окружающих людей, испытываем вследствие этого недовольство собой, от чего раздражаемся еще сильнее, и движение идет по «замкнутому кругу». Знакомство с рекомендациями в области психологии общения помогают выработать терпимость, умение сдерживать и гасить негативные эмоции, следовать тем правилам, которые вы для себя установили.

Индивидуализация обслуживания начинается с анализа ситуации.

Исследованиями, проведенными в библиотеках России, установлено, что поведение читателей в муниципальных библиотеках достаточно стабильно. Сегодня, как и раньше, оно сводится к набору определенных стандартов:

читатель приходит в библиотеку с конкретным или тематическим запросом; он четко формулирует цель посещения или выбирает нужное ему, не обращаясь за помощью к библиотекарю;

читатель отдает прочитанные книги, журналы, аудио- или видеокассеты, не стремясь выразить свое мнение о прочитанном или просмотренном, вступить в беседу с библиотекарем;

не имея возможности удовлетворить конкретный запрос (книги нет в библиотеке, она находится «на руках» у другого читателя, другие варианты отказа), читатель не собирается отказываться от общения в режиме запрос – ответ;

обращаясь к библиотекарю с тематическим запросом, читатель рассчитывает не только на четкое обслуживание в режиме запрос – ответ, но и на инициативу со стороны библиотекаря;

читатель приходит в библиотеку с желанием «почитать что-нибудь» и надеется на квалифицированную помощь библиотекаря;

читатель стремится поделиться с библиотекарем или другими читателями своими мыслями о прочитанном, услышанном и т. д.;

читатель рассматривает любую из перечисленных выше ситуаций как повод для диалога с библиотекарем.

Группа читателей, сразу обращающихся к библиотекарю, незначительна – от 10 до 15%; среди них много пожилых людей, давно посещающих библиотеку, предпочитающих общаться со «знакомым» библиотекарем. Группа читателей, обращающихся к библиотекарю только в том случае, если они не смогли найти нужную им литературу, составляет от 20 до 30%. Грамотный поиск, умение использовать все возможности, имеющиеся в данной конкретной библиотеке, в том числе каталоги и справочную литературу, демонстрируют от 2 до 5% пользователей. Остальные (от 50% до 60%) проявляют полную само-

стоятельность, но чаще всего подбирают себе «что-нибудь интересное» среди возвращенной в этот день литературы.

Вместе с тем, углубленные выборочные исследования показали, что круг читателей, использующих помощь библиотекаря, мог бы быть шире того, что существует на практике.

В уже упомянутом исследовании, проведенном в 1980-х годах в Латвии, изучалось отношение читателей к различным формам общения с библиотекарями. Каждый четвертый хотел, чтобы библиотекарь оказывал ему всестороннюю помощь при выборе книг, каждый третий хотел бы обсуждать с библиотекарем прочитанное.

Интересно проанализировать мнение тех пользователей библиотеки, кто на практике не вступал в контакт с библиотекарем. Вопрос: «Если библиотекарь не оказывает существенного влияния на Ваше чтение, с каким суждением Вы, скорее всего, согласились бы?» – имел три варианта «подсказок»:

- библиотекарь мог бы помочь читателю, но редко делает это;
- библиотекарь слишком загружен, чтобы заниматься мною;
- я думаю, что мои вкусы слишком отличаются от вкусов библиотекаря.

Реже всего в этих ответах пользователей библиотеки встречалась третья позиция. Любопытно отметить также ничтожность корреляции в зависимости от типа библиотеки, где проходил опрос, и отсутствие зависимости от национальности читателя: и замкнутые (в традиционном представлении) латыши, и более словоохотливые русские (русскоязычные) в равной степени, если доверять их оценке ситуации, стремились к общению, но не решались оторвать от дел библиотекаря¹³⁵.

Через десять лет, осенью 1995 года в центре Сибири, в городе Канске читателям были предложены те же вопросы. Отвечать на них вызвались посетители абонементов двух возрастных групп: в возрасте от 15 до 27 лет и старше 40 – остальные уклонились от опроса. Две трети опрошенных, поровну в обеих возрастных группах, готовы были получать помощь при посещении библиотеки, но им, как и жителям Латвии, казалось, что библиотекарь слишком занят. Таким образом, в обоих случаях у читателей преобладала негативная оценка индифферентной позиции библиотекаря, который, в свою очередь, не желал быть навязчивым.

И в теории, и в практике библиотечной работы имеются специфические методы и приемы общения, но индивидуальное

¹³⁵ Библиотекарь и читатель. Рига, 1987. С. 17.

обслуживание пользователей библиотеки эффективно только тогда, когда учитываются и выполняются требования, предъявляемые к этому виду библиотечной деятельности, используется то, что достигнуто в других областях знаний. Повторим: рассматриваемая здесь деятельность только тогда будет эффективной, когда ведется систематически, а библиотекарь постоянно изучает своих читателей и хорошо знает каждого из них.

Мы предлагаем при выборе форм и методов индивидуальной работы с пользователями библиотеки руководствоваться формулой, состоящей из четырех элементов (формула «четырёхэлементного» выбора):

1. содержание книги и ее читательское назначение;
2. цель библиотечного действия;
3. метод или форма библиотечного обслуживания;
4. индивидуально-психологические особенности пользователя библиотеки, типовые характеристики читательской группы или читательской аудитории в целом.

Выбор действий библиотекаря в определенной конкретной ситуации может начинаться с любого из четырех элементов.

Рассмотрим каждый элемент отдельно с точки зрения библиотечной этики, взаимоотношения библиотекаря и читателя в процессе обслуживания.

Библиотекарь не имеет права не знать содержание и читательское назначение книги, предлагая ее пользователю библиотеки; пользователь никаких обязанностей, кроме как перед самим собой, не имеет.

Профессионал не имеет права действовать, не поставив перед собой определенной задачи, конечная цель которой – максимально эффективно обслужить пользователя библиотеки; пользователь библиотеки имеет конкретную цель, направленную на удовлетворение своих потребностей и никак не связанную с личностью библиотекаря, в контакт с которым вступает.

Библиотекарь-профессионал должен выбирать методы и формы библиотечного обслуживания, максимально удовлетворяющие интересы пользователя; пользователь принимает или не принимает предложенное ему, руководствуясь только внутренней потребностью.

Библиотекарь не имеет права игнорировать индивидуально-психологические особенности пользователя библиотеки, типовые характеристики читательской группы или читательской аудитории в целом; читатель или группа читателей имеют все основания относиться к индивидуально-психологическим особенностям

библиотекаря индифферентно, но в случае, если он (или они) относятся к обслуживающему библиотекарю негативно, имеют полное право избегать контактов или перестать посещать библиотеку.

Следовательно, будет ли библиотекарь в указанной ситуации выполнять свои обязанности должным образом – зависит от многих факторов, и главный из них заключается в следующем: считает ли он себя обязанным квалифицированно обслужить каждого пользователя библиотеки, подготовлен ли он морально к такой ситуации, или, уклонившись от роли профессионала, собирается во всем подчиняться создавшейся ситуации, вступать в процесс общения с читателем лишь в крайних случаях, но и тогда вести разговор «на равных». Если же библиотекарь, проанализировав конкретную ситуацию, выбирает позицию «на равных» по причине индивидуальных особенностей читателя или читательской аудитории, то это осознанный выбор профессионала. Этому предшествовал анализ, на основании которого было принято определенное методическое решение о форме или приемах обслуживания объекта, то есть выбор субъект-субъектной позиции явился результатом субъект-объектного поведения.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ БЕСЕДА С ЧИТАТЕЛЕМ

Индивидуальная беседа – это важнейший инструмент реализации индивидуального подхода к каждому пользователю библиотеки. Мы останавливаемся подробно на одном аспекте – индивидуальной беседе на абонементе или в читальном зале.

В основном, мы рассмотрим беседы, связанные непосредственно с книгой. Беседы другой направленности ничуть не менее важны, например, первые беседы при записи читателя в библиотеку; их можно назвать стратегическими, исследовательскими, так как сведения о человеке, выясняемые при записи в библиотеку, играют важную роль при определении стратегии, общего направления работы с ним как с новым пользователем библиотеки. Знакомство читателя с правилами пользования библиотекой, ее историей и традициями закладывает фундамент всей дальнейшей системы общения. Беседы о справочно-библиографическом аппарате библиотеки, особенно беседы при необходимости отослать пользователя к каталогам, к энциклопедиям и т. д. имеют свою специфику, методика их проведения в значительной степени разработана и отражена в профессиональной печати, в частности, в работах современного теоретика-библиотековеда И. А. Мейжис¹³⁶.

¹³⁶ Мейжис И. А. Коммуникативные навыки библиотекаря / И. А. Мейжис // Науч. и техн. б-ки. 1994. № 6. С. 42–52.

Мы раскрываем узкую, конкретную проблему – разговор с читателями о книгах, в первую очередь, о художественной литературе. Именно сейчас в этом вопросе нет единства мнений: с кем, о чем, как должен беседовать библиотекарь и должен ли беседовать вообще? Практика показывает, библиотекари стремятся как можно более точно выполнять все конкретные запросы читателей, что, естественно, и надо делать. Вместе с тем, тематические и жанровые запросы также выполняются без какой-либо педагогической корректировки. Читатель, пришедший на абонемент муниципальной библиотеки, просит: «Пожалуйста, детектив, который я еще не читал», и библиотекарь выкладывает перед ним стопку книг, не вступая в разговор, не высказывая своего мнения о мастерстве авторов, о качестве перевода. Это – типичная ситуация, если только читатель не успел перечитать все криминальные романы, которые есть на абонементе библиотеки. Книги, которые библиотекарь считает по-настоящему «хорошими», равно как и произведения, получившие высокую оценку филологов, литературоведов и критиков, редко фигурируют в рекомендациях. Поэтому, излагая свою точку зрения по этому вопросу, начнем с азов.

БЕСЕДА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИНФОРМАЦИИ О КНИГЕ И ЕЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ЧИТАТЕЛЮ

Беседа представляет собой форму разговора о книге, наиболее приемлемую для читателя. Включая читателя в разговор, библиотекарь получает возможность выяснить интересы и запросы собеседника и на основе полученных сведений найти нужный аспект информации об имеющихся в библиотеке книгах и соответствующий аспект рекомендации их.

Задача беседы. В течение долгих лет задача беседы о книгах непременно увязывалась с пропагандой «коммунистической идеологии, материалистических убеждений, активизацией внимания собеседника на правильном мнении по тому или иному вопросу» (подчеркнуто нами. – В.К., О.Л.). Обучение методике проведения такой беседы обязательно присутствовало в учебниках по работе с читателями и в методической литературе. Искусство проведения поучительной беседы предполагало, что в результате собеседники придут к общей точке зрения на проблему, эффективность беседы связывалась напрямую с тем, что у слушателя должна была родиться новая мысль, новое знание. Ранее считалось, что целью беседы, в том числе и со взрослым читателем, может быть также воздействие на уровень культуры чтения и даже, собственно,

на культурный уровень собеседника. Например, после ряда бесед о прочитанном, построенных определенным образом, читатель может научиться логично высказывать свои мысли, последовательно ставить вопросы, уметь обобщать и конкретизировать впечатление от прочитанного. И хотя рекомендательные беседы в прошлом как бы подразумевали четкую идеологическую направленность, методика овладения искусством ведения беседы была нейтральна по отношению к ее содержанию.

Мы не видим необходимости «изобретать колесо» и пойдем вслед за отработанными практикой приемами; попытаемся лишь наполнить эти приемы примерами, взятыми из сегодняшнего дня и сегодняшнего книжного рынка.

Вступая в беседу с читателем, независимо от того, с какой целью он пришел в библиотеку, профессионал должен четко представлять *цель, которая стоит перед библиотекарем в данной ситуации.*

Варианты формулировки целей: 1) побольше узнать о книге; 2) побольше узнать о читателе; 3) соединить известную библиотекарю книгу с известным ему читателем.

Библиотекарь может поставить перед собой любую из трех перечисленных выше целей, предварительно заготовив стопку книг, о которых он хотел бы узнать побольше, используя как лакмусовые бумажки известные ему литературные пристрастия читателя и т. д. Если библиотекарь ставит перед собой цель поближе познакомиться с читателем, то, после того как из предложенной стопки читатель выберет книгу самостоятельно, беседа может быть построена с целью выяснения того, почему читатель остановил свой выбор именно на этой книге, считает ли он, что выбрал именно то, что хотел.

Рассмотрим приемы индивидуального общения библиотекаря с читателями при заранее сформулированном условии: читатель соглашается на контакт, не возражает против того, чтобы между ним и нужной ему книгой возникла фигура посредника. Начнем с двух случаев, когда библиотекарь-профессионал не должен, не имеет права уклоняться от разговора с читателем.

1. Неопределенный запрос («что-нибудь новенькое», «интересное», «на ваш вкус»...) – это замаскированная просьба читателя поговорить о книгах, может быть, и не только о них. В таком случае выявление конкретного запроса вторично: в процессе беседы могут быть определены вкусы, интересы, пристрастия читателя, но библиотекарь все время должен отдавать себе отчет в том, что пользователь не заинтересован в четко спланированной со стороны

библиотекаря акции, в квалифицированном обслуживании в режиме «запрос – ответ». Читателю необходимо общение во всей его полноте, именно об этом он просит библиотекаря. Знаковым в данной ситуации являются слова «**на Ваш вкус**» как формула доверия и заявки на идентичность литературно-художественных пристрастий, причастности к определенному кругу значимых для пользователя ценностей. Не отказываясь от прежнего утверждения о том, что за этой формулировкой стоит уверенность в том, что библиотекарь способен предложить книгу в соответствии с личными вкусами его, читателя, мы настойчиво рекомендуем быть с этой категорией пользователей особенно внимательными и отзывчивыми. Их не так много – по некоторым сведениям не более 10%, и традиционная фраза «подберите мне что-нибудь интересное» – это просьба о сочувствии, об индивидуальной беседе. Если библиотекарь молча выложит перед читателем стопку новинок, не сопроводив этот жест хотя бы одной или несколькими фразами, смысл которых может быть интерпретирован постоянным пользователем библиотеки как «подобрано специально для Вас», вряд ли читатель получит то, чего ожидал, что бы в этой стопке не находилось. В беседе с читателем менее известным библиотекарю уместно использовать различные типы беседы, о которых речь пойдет ниже: Эффект специалиста, Эффект «встаньте на мое место», Эффект обращения библиотекаря за помощью к читателю, Эффект спорной книги, Эффект рекомендации книги значимым и уважаемым для пользователя библиотеки лицом (или группой лиц), Эффект запрета и т. д.

2. Беседа по поводу *прочитанной книги*. Беседа о прочитанном – это единый, динамичный библиотечно-педагогический процесс. Его нельзя проводить в атмосфере спешки. Есть случаи, когда инициатива такого разговора принадлежит библиотекарю, а не читателю. **В ситуации, когда книга была взята по рекомендации библиотекаря**, уместно узнать, насколько удачна, с точки зрения читателя, была эта рекомендация. Если в данный момент нет условия для неспешной беседы или библиотекарь морально к ней не готов, надо использовать любой повод для тактичной паузы, обязательно объяснив читателю, что разговор с ним отложен, но он состоится.

Когда библиотекарь найдет время для беседы, она может быть аналитической, т. е. проводиться с целью получения сведений, на основе которых строится дальнейшая работа по удовлетворению имеющихся и формированию новых запросов читателей. В другом случае библиотекарь получает нужную ему информацию об обсуждаемой

книге. Преследуя первую цель, библиотекарь может с наибольшей степенью достоверности судить о критериях оценки литературно-художественного произведения, характерных для читателя. Для одного критерием оценки произведения в целом служит идейно-философский смысл, система взглядов автора, которую разделяет или не принимает читатель. Для другого важнее всего умение писателя построить сюжет и держать читателя в напряжении на протяжении всей книги. Третий ценит «жизненность и правдивость» сюжета, степень достоверности изображенного автором, которую, естественно, каждый оценивает по-своему и зачастую идейно-философский смысл вновь превалирует в оценке, только «спрятано это глубже». Раскрытие характеров персонажей, декларируемое как **психологическая достоверность**, в большинстве случаев также определяется внутренней близостью позиции автора и читателя.

Как видим, в любом случае беседа о прочитанном может состояться при том условии, если библиотекарь хорошо знаком как с объектом беседы, пользователем библиотеки, так и с обсуждаемым предметом, книгой, и при этом его время не регламентировано. Нет уверенности, что читатель самостоятельно вступит в беседу о прочитанном. Не дождавшись начала беседы от читателя, уместно поделиться с ним теми впечатлениями, которые помогут читателю настроиться на диалог. Далее набор ситуаций может быть определен следующим образом. Читатель:

- а) соглашается с оценкой,
- б) дополняет ее своими впечатлениями или соображениями,
- в) вступает в полемику с библиотекарем.

В любом случае, если библиотекарь порекомендовал читателю книгу, а потом уклоняется от беседы о ней – это невежливо по отношению к пользователю и свидетельствует об отсутствии профессионализма. Если в практике библиотекаря есть подобные случаи, ему необходимо проанализировать свое поведение и подумать, не нуждается ли оно в корректировке. Если нуждается, мы рекомендуем воспользоваться системой занятий, предлагаемой в третьей главе данного пособия.

Методика проведения беседы. Общее правило любой беседы: об одной книге с различными читателями говорить по-разному, но всегда интересно, выразительно и ненавязчиво.

Специфика библиотечной беседы. Правило для обслуживания любой категории пользователей однозначно – идея должна принадлежать партнеру. Применительно к нашей профессии, это правило

состоит в том, что библиотекарь должен сделать все для того, чтобы у читателя создалось впечатление, что он сам захотел познакомиться с книгой, рекомендованной библиотекарем. Даже в тех случаях, когда беседа проходила в виде монолога, когда читатель в ней участвовал только пассивно, слушал рекомендации, библиотекарь должен сделать все возможное, чтобы создать иллюзию: инициатива принадлежала ему, читателю. Вторая особенность и сущность библиотечной беседы – процесс установления взаимопонимания, «одинакового уровня мышления»¹³⁷, необходимого для организации адекватного обслуживания на уровне каждого отдельного читателя. При этом «... одинаковый уровень мышления соответствует не согласию, а лишь пониманию»¹³⁸.

Важнейшие слагаемые специфики индивидуального обслуживания читателей могут быть сформулированы так:

а) систематичность общения с читателем – главный показатель индивидуальной работы с читателями; нельзя пренебрегать уникальностью ситуации, библиотека – это одно из немногих мест, которое читатель может посещать с разной степенью регулярности всю свою жизнь. **Эпизодические встречи не могут дать полного ощущения индивидуального общения;**

б) знание основных и читательских характеристик пользователей библиотеки.

Приведем совет педагога-филолога И. А. Панкеева, раскрывающего свой метод обучения студентов умению раскрыть содержание книги:

– Я читаю курс о Серебряном веке и учу студентов популяризировать книги. Одному никак не давался жанр рецензии. Я говорю: девушка у Вас есть? Есть. Где она? Уехала в Новосибирск на три месяца. Ну, так, – я ему говорю, – напишите ей письмо: «Дорогая Катя! Я с ума схожу без тебя. Единственное спасение – чтение, тут попалась такая книга...» И расскажите ей, только ей и больше никому, о книге. А потом отрежьте первые строчки... Этот студент написал тогда удивительно живую, интересную рецензию. О книге нельзя говорить аудитории – о ней надо говорить одному, конкретному человеку»¹³⁹.

¹³⁷ Шира Дж. Х. Социологические основы библиотечного дела / Дж. Х. Шира. М., 1973. С. 10.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Иваново детство [Беседу вела Т. Блажкова] // Кн. обозрение. 1996. № 10. С. 8.

Безусловно, этот совет окажет помощь не одному начинающему библиотечарю, однако он уместен для фронтальной или групповой работы – обзора, беседы у книжной выставки. Но годится ли он для беседы на абонементе с конкретным читателем? Не подстережет ли библиотечаря неудача в том случае, если он будет заранее заготовленные слова о книге говорить человеку, *специфически воспринимающему художественную литературу*? Поэтому основное требование, предъявляемое библиотечарю в процессе индивидуальной беседы, – стремиться учитывать читательскую культуру пользователя библиотеки и то, какова в данный момент цель его посещения библиотеки.

Беседа при выдаче читателю книги (тактическая беседа).

Беседа начинается с выявления истинного смысла запроса читателя. Хорошей школой для этого является рекомендованное И. А. Мейжис упражнение, направленное на умение добиваться цели наиболее эффективным способом¹⁴⁰. Американские специалисты считают, что библиотечарь должен нести ответственность за небрежную информацию или за дезинформацию пользователя библиотеки. В американской специальной литературе проблемы юридической ответственности за профессиональные промахи в работе обсуждаются на конференциях и семинарах в такой формулировке: «Тяжба о низкой профессиональной квалификации: может ли это случиться с Вами?» Для того, чтобы свести к минимуму неприятные ситуации, советуем использовать специальное упражнение, предложенное И. А. Мейжис, его цель выяснить: «Что же на самом деле хотел узнать пользователь?» Разыгрывая конкретные ситуации, автор учит библиотечарей умению задавать вопросы так, чтобы из ответов можно было понять, что хочет читатель, зачем он пришел в библиотеку, что ждет от библиотечаря. Библиотечарь должен учиться дисциплинированию мысли, так как излишнее затягивание опроса раздражает собеседника.

Контрольное задание. Проверьте себя: сколько вопросов понадобится вам для того, чтобы убедиться: рекомендуемая вами книга удовлетворила запрос читателя. Это упражнение уместно в процессе

¹⁴⁰ Мейжис И. А. Коммуникативные особенности интервью / И. А. Мейжис // Науч. и техн. б-ки. 1994. № 7. С. 51–56. См. также: Dewdney P. Asking “Why?” Questions in the reference interview : a theoretical justification / P. Dewdney // The Library Quarterly. 1997. Vol. 67, N. 1. P. 50–71; Ferguson S. The Librarian duty of care : emerging professionalism or can of worm? / S. Ferguson, J. Weckert // The Librarian Quarterly. 1998. Vol. 68, N. 4. P. 365–389.

беседы, вызванной *тематическим запросом*, а также в связи с невозможностью удовлетворить *конкретный запрос* (отсутствие книги в библиотеке вне зависимости от причины ее отсутствия).

Подобный тренинг нужен и по другой причине. Пяти вопросов окажется вполне достаточно для того, чтобы понять: читатель не желает общаться с библиотекарем, контакт с ним не может быть налажен. Мы уже говорили, что в библиотеку приходят люди сложные, часто замкнутые, ориентированные на чтение, а не на разговор. Они склонны к самоанализу и достаточно интеллектуально подготовлены к тому, чтобы использовать знания, полученные из книг себе во благо, но библиотекарь, с точки зрения такого пользователя, скорее мешает, чем помогает найти кратчайший путь к нужной книге. Единственный способ общения с таким читателем – работа в режиме «запрос – ответ». В подавляющем большинстве случаев в работе с ними неуместна замена, связанная с желанием «переключить» читателя на другую, более подходящую, по мнению библиотекаря, нужную и «правильную» литературу; любая, заранее подготовленная, продуманная и тщательно разработанная беседа не будет эффективна (см. об этом подробнее в разделе «Работа с трудными читателями»).

ПРИЕМЫ РЕКОМЕНДАЦИИ (усиливающие рекомендацию)

Теоретики и практики библиотечного обслуживания неоднократно предпринимали попытки выявить и классифицировать наиболее эффективные приемы библиотечных усилий, помогающих целенаправленно воздействовать на индивидуальный читательский выбор.

Многие приемы были разработаны на основе наблюдений, имевших место и выявленных у наиболее выдающихся мастеров профессионального общения в различных сферах, в первую очередь – у педагогов и политиков, а также у юристов (адвокатов), бизнесменов, психотерапевтов и др. Отдельные интересные приемы, стандартизирующие индивидуальное обслуживание конкретных пользователей библиотек, выявляли и описывали А. А. Покровский¹⁴¹, Л. И. Галинкин и Ю. М. Тугов¹⁴², определенное внимание уделено этому вопросу в пособиях «Библиотекарь и читатель»¹⁴³.

¹⁴¹ Покровский А. А. О работе с беллетристикой / А. А. Покровский // Сб. статей о библиотечной работе. Вып. 3. М., 1923. С. 10–16.

¹⁴² Галинкин Л. И. Руководство чтением как процесс / Л. И. Галинкин // Сов. библиотековедение. 1976. № 6. С. 40–52.

¹⁴³ Библиотекарь и читатель : проблемы общения / сост. М. И. Губанова и др. СПб., 1993. С. 78–98; Библиотекарь и читатель. Вып. 1. Профессиональный тренинг / сост. М. И. Губанова. СПб., 1995.

В процессе обслуживания читателей библиотекари довольно успешно используют так называемые **Тактические Рекомендательные Эффекты**¹⁴⁴, которые представляют собой наиболее рациональные приемы действия, целесообразные в тех или иных конкретных ситуациях. Являясь приемами воздействия на пользователя библиотеки, они вызывают определенные психологические изменения, с помощью которых достигается желаемый рекомендательный результат.

В целом ряде таких приемов действуют механизмы, обеспечивающие тот или иной эффект восприятия текстов, непростой в своем объяснении, а некоторые – даже еще не познанные, но, несомненно, практически знакомые многим библиотекарям, ведущим индивидуальную работу с пользователями библиотеки.

В ряде случаев мы постараемся дать информацию о том, кем и когда был выявлен прием, в каких ситуациях и с каким результатом использовался, укажем печатные источники, где можно прочесть об этих приемах. С нашей точки зрения, библиотекарю будет полезен банк данных таких приемов, их паспортизация. Он может пригодиться в том случае, когда возникнет необходимость принятия конкретного решения в процессе общения с читателем.

Основные возможности **Эффекта**: гибкость поведения в зависимости от библиотечной ситуации; выбор по усмотрению библиотекаря приема, наиболее подходящего для читателя; соответствие его принципам библиотечного обслуживания читателей на основе знания теории, практики, методики и технологии этого процесса.

Такие **Эффекты** – это и рекомендации, в которых содержится совет библиотекарю действовать определенным образом в конкретной «эталонной» ситуации. Иными словами – это мысленная модель предстоящего образа действий библиотекаря.

Четкое определение понятия **Тактический Рекомендательный Эффект** имеет большое практическое значение, поскольку на этой основе можно достаточно точно провести грань между допустимыми и недопустимыми тактическими приемами. По-видимому, в качестве

¹⁴⁴ Понятие «эффект» имеет три значения: 1) действие, результат чего-либо; 2) впечатление, произведенное на кого-либо, кем, чем-либо; 3) средство, прием для создания определенного впечатления ... явления // Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 728. Схожий термин встречается в кн.: Грушин Б.Э. Эффективность массовой информации и пропаганды. Понятия и проблемы измерения / Б. Э. Грушин. М., 1979. С. 64; Мельник Г. С. MASS-MEDIA : психологические процессы и эффекты / Г. С. Мельник. СПб, 1996. С. 123–124.

рабочего определения, можно говорить о **Тактическом Рекомендательном Эффекте** как практически доступном приеме действия, свободно выбираемом библиотекарем в зависимости от особенностей библиотечной ситуации. Этот прием должен соответствовать закономерностям библиотечного обслуживания, основываться на достижениях библиотекведения, психологии, педагогики и других наук, библиотечной практики и применяться в целях рационального выполнения рекомендательного действия в конкретной библиотечной ситуации.

Рассмотрим, придерживаясь данной схемы, ряд приемов: одни более подробно, другие – менее, третьи наметим только пунктиром.

Эффект Андре Моруа [1885–1967] («звездное чтение»).

Прежде, чем говорить о самом приеме, напомним сущность закона Э. Геннекена – Н. А. Рубакина¹⁴⁵, крупнейших библиопсихологов XIX века, который, безусловно, положен в основу наблюдений А. Моруа¹⁴⁶.

«Всякое произведение, касаясь одной своей стороной автора, другой касается группы людей, которых оно взволновало, – пишет Э. Геннекен. – Книга имеет читателей; симфония, картина, статуя, монумент имеют также почитателей или поклонников. Если, с одной стороны, можно установить, что всякое произведение есть выражение свойств, идеалов, внутреннего организма тех, кого оно волнует; если припомнить, с другой стороны, что всякое произведение есть выражение свойств его автора, – то можно будет от личности автора, при посредстве его произведения, перейти к его почитателям, признавая за ними те же наклонности, какие свойственны автору; другими словами, можно будет определить психологию человека, группы людей, народа, наконец, по частным проявлениям их вкуса, который связан органически, как мы увидим, со всем их существом, со всем, что составляет их характер, мысль и чувство. ...Художественное произведение производит эстетическое действие только на тех людей, душевные особенности которых воплощены в его эстетических свойствах. Короче говоря: *художественное произведение действует только на тех, чьим выражением оно служит...*

¹⁴⁵ Геннекен Э. Опыт построения научной критики. (Эстопсихология) / Э. Геннекен. СПб., 1892; Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию / Н. А. Рубакин. М., 1977. С. 224–228. Мы позволили себе обширную цитату из «Эстопсихологии» Геннекена, потому что его книга ни разу не переиздавалась после 1892 года, а так же потому, что его последователи чаще всего при цитировании допускают неточности.

¹⁴⁶ А. Письмо к незнакомке / А. Моруа // Иностран. лит. 1974. № 1. С. 140–141.

Стоит только собрать свои воспоминания – и всякий легко убедится, что у поклонников Мериме, напр[имер], или у поклонников Мюссе, Гюго, Золя имеется определенный темперамент и определенные свойства, приблизительным выражением которых являются как раз те сочинения, которыми они восхищаются. Некоторые авторы читаются только людьми известного возраста, свойства которого они в себе воплощают. Гейне, Мюссе читаются больше всего молодежью – и в самом деле их сочинения носят в себе признаки соответственного возраста. От Горация веет старчеством, и он нравится только старикам. Те авторы, которых любят женщины, редко бывают грубы и неприличны. Существует также резкая аналогия между автором и средним типом людей того класса, в котором он наиболее популярен... Не допуская того, чтобы одна и та же эстетическая особенность могла соответствовать разным оттенкам душевной организации, нужно заключить, что почитатели произведения обладают душевной организацией, аналогичной организации художника... не совершенно подобной, а только аналогичной организации художника. Творческая способность... от просто воспринимающей... отличается только своей высшей напряженностью»¹⁴⁷.

Вне всякого сомнения, размышления А. Моруа связаны с этой особенностью психологии восприятия художественной литературы. Он писал: «...чтение одной книги влечет за собой интерес к другим. Например, я читаю Пруста и восхищаюсь им. Изучая его, я узнаю, что Пруст, в свою очередь, восхищался Рескином, Жорж Санд. И я перехожу к книгам Рескина и Санд, ибо мне не может быть безразличным то, что считал хорошим такой *читатель*. Точно так же Шатобриан побудил меня узнать Жубера. Шарль дю Ба заставил меня прочесть «Дважды утраченную Эвридику». Морис Барини познакомил меня некогда с Чеховым, Гоголем. Так завязываются нити духовной дружбы»¹⁴⁸.

Таким образом, французский писатель считает, что пристрастие или антипатия писателя к произведениям других авторов является залогом идентичной реакции поклонников данного писателя на произведении этих авторов¹⁴⁹. Следует отметить, что это наблюдение

¹⁴⁷ Геннекен Э. Опыт построения научной критики. (Эстопсихология.) С. 77, 80–81.

¹⁴⁸ Моруа А. Письмо к незнакомке. С. 141.

¹⁴⁹ Скажем, совпадение таких особенностей личности читателя и писателя, изученных НЛП, как зависимость между доминирующим видом восприятия (а также отражения) и словами, которыми они это восприятие выражают. Для одного человека мир – это, прежде всего, то, что он видит, для другого – то, что он слышит, для третьего – то, что он ощущает.

на интуитивном уровне известно любому библиотекарю-практику и часто используется им.

Суть Эффекта в том, что писатель рассматривается в данном случае, прежде всего, как читатель. Алгоритм «работы» приема такой. Предположим, пользователь библиотеки («Д») интересуется и активно обращается к произведениям писателя («А»). Тогда библиотекарь выясняет: произведения каких писателей было интересно читать писателю «А». Если писателю «А» нравится читать произведения писателя «Б», а писателю «Б» – произведения писателя «В» и т. д., то имеется большая вероятность, что:

- а) писателю «А» будут нравиться произведения писателя «В» и т. д.;
- б) писателю «В» произведения писателя «Б» и «А»;
- в) если к этой системе «подключить» читателя библиотеки, скажем, к чтению произведений писателя «А», то ему, вероятнее всего, будут нравиться и произведения писателей «Б», «В» и т. д.

Вероятность интереса к другому писателю может уменьшаться: от «А» к «Б», от «Б» к «В» и т. д. Здесь сказывается не столько авторитет писателя, от которого «начинается» чтение, сколько близость писателя и читателя по значимым характеристикам: особенности восприятия мира, характер изложения, оценки и т. д. Появляется возможность привлечь читателя библиотеки к чтению этой «связки по интересу». Пользователь библиотеки («Д»), заинтересовавшийся одним из писателей («А»), перейдет к чтению произведений других писателей («Б», «В» и т. д.). Если тебе нравятся произведения писателя «А», то, вероятнее всего, писатели, которые нравились ему, понравятся и тебе. Но для использования этого заманчивого приема библиотекари должны обладать эрудицией, знать содержание «круга чтения» писателей.

Другие **Эффекты**, в основе которых также лежит установка на демонстрацию эрудиции библиотекаря (**Эффект моды, Эффект продления книги, Эффект цитаты или использование элемента книги**), мы рассмотрим ниже.

Но прежде рассмотрим группу **Эффектов**, применяемых в ситуации, когда библиотекарь рекомендует читателю конкретную книгу, зная читательские характеристики пользователя, когда задачей является установление контакта с данным читателем и, по мнению библиотекаря, такой контакт возможен.

Эффект Пигмалиона. Название связано с идеей о скрытых возможностях человека, которую демонстрирует Б. Шоу в пьесе «Пигмалион». Библиотекарь сообщает обычному, «среднему»

пользователю библиотеки, что, наблюдая за его чтением, обнаружил у него глубокие, но не проявившиеся возможности в читательском развитии. У ничем не примечательного пользователя библиотеки, поверившего в это, действительно происходит рост, совершенствование и углубление читательской деятельности. **Эффект Пигмалиона**, базирующийся на умении библиотекаря возбудить в читателе желание самоутверждения, совершенствования читательских навыков и умений, используется как важнейшее направление индивидуальной работы, обеспечивающее развитие читательской деятельности, подчас даже у так называемых «безнадежных» читателей.

Следующие три приема могут быть использованы библиотекарем, поставившим перед собой задачу достигнуть **Эффекта Пигмалиона**.

Эффект специалиста – этот механизм воздействия описан в психологической литературе под названием «интернализация» (от англ. internal – внутренний)¹⁵⁰. Суть механизма **Эффекта** определяет отношение пользователя библиотеки к источнику информации – автору книги, ее редактору, издателю, библиотекарю и т. д., доверительному отношению к специалистам-профессионалам. Необходимо, чтобы библиотекарь убедил читателя в высокой профессиональной компетентности автора (редактора и т. д.), тогда информация, изложенная в источнике, в основном принимается на веру, не порождает сомнений в силу его неоспоримой компетентности. Нельзя забывать, что для каждого читателя существует свой круг авторитетов, что для него важен не столько официальный статус, сколько имидж специалиста. Так, например, рекомендации, данные литературными критиками В. Кожинным или В. Бондаренко, будут авторитетны для одного и абсолютно неприемлемы для другого читателя. Классическим примером такой психологической реакции служит отношение читателей к публикациям в литературно-художественных журналах в зависимости от имиджа, репутации этого журнала: роман, опубликованный в журнале «Наш современник» или «Молодая гвардия» зачастую не будет доброжелательно встречен читателями «Нового мира» и «Знамени» и наоборот.

Эффект «встаньте на мое место». Суть приема состоит в следующем. Библиотекарь, чтобы активизировать читательскую деятельность конкретного пользователя библиотеки (назовем его «Ч»), обратился к нему с просьбой помочь подобрать литературу

¹⁵⁰ Роцин С. К. Психология и журналистика / С. К. Роцин. М., 1989. С. 89–90.

для других читателей – «Ч1», «Ч2» и т. д., мотивируя эту просьбу тем, что «Ч» – большой знаток этого жанра литературы, разбирается в книгах лучше библиотекаря (или библиотекарь сейчас очень занят, а поручить он эту работу может только «Ч», который рекомендовал себя знатоком в литературе этого жанра). Например, библиотекарь говорит читателю: «Мне надо составить список литературы по теме... а Вы хорошо знаете этот вопрос, помогите мне». Или: «Прочтите, пожалуйста, эту книгу и посоветуйте мне, кому ее можно рекомендовать». Доверие библиотекаря часто усиливает уверенность пользователя библиотеки в своих силах, действительно способствует активизации читательской деятельности.

Библиотекари-практики свидетельствуют, что такие читатели чаще начинают обращаться к справочно-библиографическому аппарату библиотеки, следить за выходом в свет новых изданий, начинают советовать библиотекарю на какие произведения следует обратить внимание и т. д.

Эффект обращения библиотекаря за помощью к читателю. По существу идентичен предыдущему. Суть приема заключается в том, что библиотекарь просит читателя оказать ему содействие: разобраться в книге, которую он якобы до конца не понял или у него возникли затруднения в ее оценке. Библиотекарь, т. е. читатель-профессионал, обращается за помощью к обычному читателю библиотеки. Прием предусматривает определенное лукавство. Библиотекарь как раз может хорошо знать книгу и, проанализировав ее, определить, чем именно она может быть полезна читателю в определенной ситуации.

Пользователь библиотеки, взявший по просьбе библиотекаря книгу, руководствуется целью (имеет перед собой установку) помочь библиотекарю. Если он подойдет к ситуации серьезно, то будет работать над книгой, привлечет дополнительные источники. Такая просьба библиотекаря часто помогает читателю поверить в свои силы, выработать чувство ответственности за порученное дело и, в конечном счете, помочь самому себе решить стоящую перед ним проблему.

В результате книга принесла пользу: библиотекарь получил о книге дополнительную информацию, пользователь библиотеки поднялся на более высокую ступень читательского развития и попутно решил свою задачу или подошел к ее решению.

Эффект «чужих рук». Предположим, что библиотекарь обслуживает не склонного к общению читателя «А» и видит, что подошел

читатель «Б», который принес сдавать книгу. Эту книгу, решает библиотекарь, полезно было бы прочесть читателю «А», с которым он сейчас разговаривает. Книга еще «тепленькая», только что прочитанная (психологическое действие только что свершившегося факта: читатель сдает книгу, которую прочел и получил удовольствие). Но читатель «А» не возьмет эту книгу, если рекомендация будет непосредственно исходить от библиотекаря (такой характер у читателя «А»!). Тогда библиотекарь обращается к читателю «Б» с вопросом, понравилась ли ему книга, которую он принес сдавать. Задать такой вопрос библиотекарь может только в том случае, если он:

хорошо знает читателя «Б»,

уверен, что «Б» даст нужный ему ответ.

Негативная оценка книги, данная читателем «Б», не устраивает библиотекаря: услышав отрицательную оценку книги, читатель «А», скорее всего, уже никогда не захочет ее прочесть.

Суть приема в том, что библиотекарь находится как бы в стороне: книгу предлагает прочесть сдающий ее читатель. На самом же деле, библиотекарь рекомендует книгу «своей головой», но «руками читателя» (отсюда и название приема). По этому же принципу строится «молчаливый диалог»: библиотекарь «подкладывает» к «развалу» только что сданных читателями книг литературу, которая интересна или «полезна», с его точки зрения, вновь пришедшему читателю, привыкшему выбирать себе книги из числа только что сданных, не используя возможности открытого доступа.

Эффект спорной книги (спорная книга как прием развития читательской личности также конкретизирует психолого-педагогический **Эффект Пигмалиона**).

Суть **Эффекта** заключается в том, что библиотекарь предлагает читателю спорную книгу («об этой книге разные суждения», «о книге существуют диаметрально противоположные мнения», «оценка книги противоречива»). Таким образом, пользователь библиотеки должен убедиться, что его считают вдумчивым человеком, который во всем сумеет разобраться и помочь библиотекарю. Примером такой «спорной» книги может служить «Ледокол» В. Суворова. В данном случае необходимо действовать «тонко», соизмеряя степень спорности книги с возможностями читателя для того, чтобы он воспринял рекомендацию адекватно. Только при таком подходе библиотекаря к подбору книг прием принесет читателю пользу. Он действительно сумеет разобраться в книге, что поможет укрепить его мнение о присущих ему положительных читательских способностях

и критическом чутье. Можно также воспользоваться данным приемом, предложив читателю сравнить точку зрения авторов исторической беллетристики (например, Ю. Трифонова «Нетерпение» и П. Краснова «Цареубийцы») для того, чтобы «помочь» библиотекарю разобраться в разной оценке одного и того же события. Такие книги становятся как бы ступеньками, по которым читатель движется, развивается, укрепляя и совершенствуя умения и навыки читательской деятельности. Этот прием несколько отличается от предыдущих тем, что в данном случае главная цель библиотекаря – установление контакта с читателем, доверительного отношения к себе; повышение уровня читательской культуры в данном случае не является целью беседы.

Эффект «книга-сюрприз». Чтобы читатель взял рекомендуемую книгу, она должна быть чем-то привлекательной именно для него, какой-то особенной по своей теме. Эту рекомендацию надо подчеркнуто индивидуализировать: «специально для Вас...», «только Вас это сможет заинтересовать...» и т. д. Уместно в процессе беседы применить прием идентификации с персонажами произведения (герой книги заинтересует читателя, будет близок ему, если относится к той же возрастной или социальной группе, работает в той же отрасли, относится к той же религиозной конфессии и т. д.). Механизм проекции и идентификации, обыденный в работе с читателями-детьми, достаточно сильно действует и на восприятие взрослых. По этому принципу в практике работы библиотек, обслуживающих взрослых читателей, было принято рекомендовать врачам книги Ю. Германа и Ю. Крелина, инженерам – Д. Гранина и И. Грековой и т. д. В процессе беседы формулировка, обосновывающая идентификацию, должна содержать только лестное для читателей сопоставление. **Эффект «книга-сюрприз»** при использовании приема идентификации не обязательно предполагает прямую связь между судьбами читателя и вымышленных персонажей. Взрослая аудитория переносит на героев книги собственные стремления и надежды, используя внутреннее сходство, как бы примеривая на себя чужие идеалы.

Классический пример идентификации такого рода – «синдром Насти» (по имени героини пьесы М. Горького «На дне»). Жительница ночлежки, маргинальная личность, выражаясь языком современных социологов, Настя безудержно увлекалась романами о «красивой любви», легко отождествляя себя с их героинями. Социологи и политологи сравнивают интерес широкого круга читательниц

к «любовному роману» с теми же обстоятельствами. С их точки зрения, подобно Насте, наши соотечественницы увлеченно смотрят латиноамериканские сериалы и читают самые низкопробные книги, именуемые «любовными романами», самым причудливым образом проецируя судьбы героинь на свою жизнь. Может быть, секрет состоит в том, что в основе такой литературы, кино- и телепродукции лежат постулаты, весьма далекие от «низкопробности». Любовь и удачный брак достигаются через терпение, страдание, преодоление препятствий в личной жизни¹⁵¹. Хотелось бы, чтобы библиотекарь не пожалел сил и времени на поиск индивидуального подхода к пользовательницам библиотеки, не отказываясь в данном случае даже от метода «переключения», если есть надежда заменить love-stories чем-нибудь более достойным.

Рекомендация читателю неожиданной для него книги, «книги-сюрприза», может быть связана не только с приемом идентификации. Приманкой может служить литература из области, которой пользователь библиотеки до сих пор не интересовался (этот прием называют иногда **Эффектом неожиданности**): привлечь внимание чем-то новым, малоизвестным читателю, может быть давно забытым им.

Эффект рекомендации книги значимым и уважаемым для пользователя библиотеки лицом (или группой лиц). В основе этого приема – метод персонификации, предполагающий ссылку на авторитет конкретной личности, на ее читательский опыт. Естественна и прямая связь с **Эффектом Андре Моруа**. Но в данном случае в рекомендательной беседе библиотекарь использует отзывы не только писателей (рецензии, вступительные статьи), но и любых значимых и уважаемых для пользователя библиотеки лиц. Необходимое условие – сослаться на мнение лица, которое известно читателю хотя бы понаслышке. Так, значимой может оказаться рекомендация политических деятелей, выдающихся ученых, уважаемых земляков.

Библиотекарь, например, знает, что пользователь библиотеки из тех мест, где родился писатель В. Астафьев, ценит, уважает его, читает все новые его произведения. Опираясь на этот факт, библиотекарь может рекомендовать пользователю библиотеки прочесть конкретную книгу, которую высоко оценил В. Астафьев. Как правило, читателей интересует творчество писателей-земляков.

¹⁵¹ Дамский роман : «круглый стол» в журнале «Питерbook» // Питерbook плюс. 1998.- № 3. С. 11–14.

Если читатели библиотеки ценят и читают произведения местных писателей, библиотекарь может обратиться в местную организацию с просьбой дать устный или письменный отзыв на те книги, которые он хочет рекомендовать читателям, опираясь на авторитет писателей-земляков. Однако **Эффект рекомендации книги значимым для пользователя библиотеки лицом** может быть использован и в том случае, когда лицо, рекомендующее книгу, не вызывает уважения у читателя. Восприятие рекомендуемого произведения может быть некритическим, невдумчивым, если озвученная библиотекарем рекомендация исходит от авторитетного лица, но «анти-рекомендация» одиозной для читателя личности также послужит стимулом для прочтения¹⁵².

Наиболее ярко процесс следования рекомендациям проявляется в детской аудитории, склонной к подражанию и восприимчивой к «навязываемым» образцам. В связи с тем, что ребенок подвержен влиянию как положительного образца, так и негативного, в среде отечественных и зарубежных ученых существует озабоченность этой проблемой, иногда выясняются негативные факторы, влияющие на систему ценностей, поведение и социальные установки детей посредством кино, радио, телевидения, чтения.

Эффект иностранного. В основе приема – воздействие на читателей самого факта принадлежности произведения к отечественной или переводной художественной литературе.

Долгое время у библиотекведов и социологов существовало убеждение: предпочтение зарубежной литературы – показатель более высокой культуры чтения, чем у тех, кто ограничивается чтением отечественной¹⁵³. Отказаться от того, что предпочтение традиционной для россиян современной отечественной литературы далеко не всегда свидетельствует о низкой культуре чтения и плохом вкусе, было нелегко. Насколько распространенным и прочным было это заблуждение, свидетельствует такой факт: в 1995 году, комментируя очередные «рейтинги бестселлеров», исследователи утверждали, что успех книги «Унесенные ветром» М. Митчелл знаменует «нравственную победу нашей насквозь политизированной читающей публики, с детства воспитанной на социалистическом

¹⁵² См. также: «Эффект отрицательной рецензии».

¹⁵³ См., например: «Диспропорция в чтении советской и зарубежной литературы... – безусловный симптом недостаточной читательской культуры» (Книга и чтение в жизни небольших городов : по материалам исследования чтения и читательских интересов. М., 1973. С. 79).

реализме и убеждении о приоритетах отечественных образцов»¹⁵⁴. В связи с этим мы более подробно рассмотрим **Эффект иностранного**. Наши наблюдения и выборочный опрос показывают, что и сейчас книга, переведенная с другого языка, больше ценится определенным кругом читателей (и библиотекарей), подчас независимо от ее содержания. Этот фактор используют отечественные издатели, рекомендуя авторам публиковать свои произведения под видом переводов, используя иностранные псевдонимы. Так, например, по нашим данным, писательница из Санкт-Петербурга Е. Хаецкая опубликовала свой роман-фэнтези «Меч и радуга: Сага о Хелоте из Лангеда» под псевдонимом Симоне Мэделайн, указав свою фамилию как переводчика с английского. Маскируют свои произведения под переводную литературу авторы эротических романов Роксана Гедеон и Г. де Растиньяк. Достаточно часто прием литературной мистификации используют авторы «кинороманов», печатающих произвольную трактовку популярных кинофильмов и телесериалов, скрываясь под именем зарубежного режиссера или взяв в качестве псевдонима любую иностранную фамилию. Имеется, например, множество публикаций на основе сюжета фильмов режиссеров П. Верховена «Основной инстинкт» и Дж. Демма «Молчание ягнят». Тот же **Эффект иностранного** проявляется в стремлении публиковать под вымышленными псевдонимами «продолжения» зарубежных мелодрам и телесериалов. Иногда поставщики такой продукции работают «бригадным методом», как группа авторов из Белоруссии, взявших себе псевдоним Д. Хилпатрик. Все эти мистификации можно объяснить лишь уверенностью в том, что наши соотечественники отдадут предпочтение произведениям зарубежных авторов. Но каков же уровень культуры чтения тех, для которых иностранная фамилия служит приманкой?

Этот феномен может быть использован как повод начать беседу с читателем. Ему наверняка уже приходилось сталкиваться с безграмотными переводами, выполненными выпускниками английских школ или среднеуспевающими второкурсниками факультетов каких-либо иностранных языков. А на то, что рукопись не держал в руках ни корректор, ни редактор, устали жаловаться не только библиотекари, но даже самые нетребовательные читатели. Библиотекарь может использовать любой факт такого рода, чтобы

¹⁵⁴ Плотников С. Н. Читательская культура в России : социологический обзор / С. Н. Плотников // Вестник содружества социологических ассоциаций. 1995. № 5. С. 11.

выяснить истинное отношение читателя к художественным достоинствам переводной литературы, выявить эстетические вкусы читателей.

Эффект пресыщения жанром. Одним из обычных приемов руководства чтением, известным всем библиотекарям-практикам, было насыщение (вплоть до пресыщения) жанром. Перед любителем детективов или фантастики библиотекарь выкладывал стопку книг, не вступая в беседу, не пытаясь раскрыть достоинства и недостатки рекомендуемой литературы, таким образом дистанцируясь от литературы «низкопробного жанра», подчеркивая свое нежелание говорить о ней. Этот прием, антипод «метода переключения», как правило, имел положительное воздействие. Читатель «уставал» от однородных книг, мало что дающих сердцу и совсем ничего не дающих разуму. (Хорошие детективы и фантастика, написанные мастерами жанра, всегда были в дефиците, всегда «на руках», и в заготовленную стопку попадали самые некачественные образцы жанра.) В последние годы положение изменилось: значительно разнообразнее стала продукция, читатель перестал стесняться своих пристрастий (раньше бытовало убеждение – «я люблю детективы, но только хорошие»). Исследование «Чтение в библиотеках России» показывает, что встречаются читательские формуляры, где нет других книг кроме «криминального чтения» или «love-stories». Что скрывается за желанием читателя ограничиваться литературой только такого рода? Почему **Эффект пресыщения** не оказал ожидаемого воздействия? На этот вопрос не так-то легко ответить. Раньше библиотекарям рекомендовались разнообразные методы с целью переключения читателя на более «продуктивное» чтение. Может быть, пора вернуться к использованию некоторых из них?

Эффект «шведского стола». Метафора, заложенная в названии приема, предполагает самостоятельный выбор предлагаемых блюд. Библиотекарь может специально подобрать, руководствуясь своим вкусом, стопки книг, которые в последнее время оставались невостребованными. «Разбавив» ими жанровые подборки, он даст пользователю возможность расширить свой репертуар чтения, отойти хотя бы ненадолго от «дешевого чтения». В процессе индивидуальной беседы библиотекарь может добиться изменения отношения пользователя библиотеки к своей культуре чтения, убедить читателя в необходимости быть более требовательным к себе, напомнить, что в течение жизни каждый может прочесть четко ограниченное количество страниц, поэтому каждая «необязательная»

книга, например, посредственные детективы, лишает посетителя библиотеки чего-то по-настоящему ценного. Поэтому, выбрав из фонда книги редко спрашиваемые, но, по мнению библиотекаря, «хорошие», можно попытаться предложить их читателю.

Следующая группа приемов также служит для «переключения» с чтения малохудожественной литературы на «хорошие» (по крайней мере, с точки зрения библиотекаря) книги, не пользующиеся популярностью. Смысл использования приемов заключается в том, что библиотекарь должен найти читателя, которому книга может понравиться.

Эффект использования жанровых признаков нежанровой литературы. Библиотековед, педагог и методист Л. А. Ольшевская в свое время пыталась разработать для библиотекарей приемы рекомендации художественной литературы с целью «приохотить детей к чтению классики». Она предложила педагогические приемы для рекомендации «Пиковой дамы» А.С.Пушкина как мистического триллера, «Обрыва» И. А. Гончарова как романа о любви, «Фрегата Паллады» того же Гончарова как романа-путешествия. Этот прием понадобится, например, библиотекарям, пожелавшим вернуть читательский интерес к незаслуженно отторгнутому кругу произведений, отождествляемых читателями с «литературой времен перестройки». Так, роман «Доктор Живаго» Б. Пастернака может быть рекомендован любительницам мелодрам, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского и «Белые одежды» В. Дудинцева – любителям остросюжетной прозы, политических триллеров, криминальных романов, «Московская сага» В. Аксенова и «Побежденные» И. Головкиной как семейно-бытовые романы.

Эффект запрета. Суть приема заключается в том, что библиотекарь советует читателю отказаться от уже выбранной книги, преследуя при этом цель привлечь к ней внимание читателя.

Этот прием оказывает нужное воздействие, когда речь идет о волевых, целеустремленных людях, которые верят в свои силы и возможности. Для них совет библиотекаря: «Вам эту книгу читать нельзя, хотя она и интересна, но сложна для Вас», естественно высказанный не прямо, а в корректной и мягкой форме, может стать стимулом, заставляющим овладеть содержанием действительно сложной книги. Например, любитель Дж. Чейза на секунду задержался, листая книгу Дж. Фаулза «Коллекционер». Может быть, он по ошибке принял ее за «криминальное чтиво», тогда библиотекарь обращается к читателю с советом: «Фаулз – очень сложный писатель,

он многим поэтому не нравится – не справляются». Или любителя исторической беллетристики и «литературы о войне» заинтриговало название книги В. Пелевина «Чапаев и пустота». Библиотекарь осторожно дает совет: «Вам вряд ли понравится Пелевин, по-моему, Вы не любите постмодернистов, здесь все так закручено...» Используя этот прием, важно не ошибиться в оценке психологии читателя; надо хорошо знать его читательские возможности, особенности восприятия, иначе библиотекарь получит результат, противоположный желаемому: читатель прислушается к совету и откажется от чтения книги, которую уже взял в руки.

Эффект цитаты. Цитата пришла в сегодняшний день из нашего прошлого, но по-прежнему сохраняет свой авторитет. Часто читатель, сам того не ведая, использует в своей речи такие элементы, как цитата, сюжет, имя героя произведения и т. д. Вот пример: в беседе с библиотекарем читатель, жалуясь на безграмотный перевод, выполненный «среднеуспевающим второкурсником», ругает книги, которые заполнили прилавки магазинов и проникли даже в библиотеки. Он употребил фразу: «Чтобы это зло пресечь – собрать все книги, да и сжечь!»

– Вообще, книги сжигать грешно, – сказал библиотекарь, – а, кстати, знаете, чью фразу Вы сейчас использовали?

– Нет!

– Вы не читали «Горе от ума?»

– «Изучал» в школе и ... забыл!

– Эта мысль, – сказал библиотекарь, – принадлежит Фамусову (д. 3, явл. 21). Не хотите ли перечитать это произведение? В нем много выражений, ставших крылатыми... Вы получите большое удовольствие, по-новому, не по школьному взглянув на это произведение.

Эффект использования элемента книги как стимул для чтения всей книги.

Тематический запрос всегда содержит в себе повод для беседы, демонстрирующей эрудицию библиотекаря. При этом уместно использовать элементы, взятые не только из таких книг, которые читатель никогда не знал или забыл, но и из тех, которые как ему кажется, он знает наизусть.

Так, например, любителю исторической беллетристики библиотекарь напоминает, что творчество А. К. Толстого в этом жанре не ограничивалось «Князем Серебряным», пьесой «Царь Федор Иоаннович» и шуточной «Историей государства Российского».

Он зачитывает куплеты из стихотворения «Колокольчики мои...», полный текст которого помнит сегодня далеко не каждый. Прав или не прав был поэт, считавший, что бег непокорного славянского коня не нравится «киргизу», да и «немцу не по сердцу» – это не предмет дискуссии, но сам поворот беседы может побудить читателя не только перечитать стихотворение, которое казалось ему таким знакомым, но и трилогию о царе Борисе и другие произведения автора.

Оба рассмотренных выше приема – **Эффект цитаты** и **Эффект использования элемента книги** – имеют большие дидактические возможности: библиотекарь может использовать не только текст, но и любые другие элементы книги – перевод, комментарии, иллюстрации и т. д. Конечно, эти приемы требуют от библиотекаря хорошего знания литературы, широкой эрудиции и ассоциативного мышления.

Эффект египетских жрецов. Если библиотекарь хочет, чтобы читатель обязательно прочел ту или иную книгу, он может использовать следующий прием-игру. Читателю сообщают, что в книге или журнале он найдет то, что ему необходимо. Это «то» обязательно конкретизируется. Им может быть: отличающаяся от традиционной трактовка политических событий, определенных аспектов биографии исторических деятелей, определенный кулинарный рецепт, способ изготовления какого-либо предмета, ответ на задачу, стоящую перед читателем и т. д., т. е. то, что, по мнению библиотекаря, заинтересует читателя в данный момент. (Естественно, библиотекарь должен быть уверен, что содержание всей книги представит интерес для посетителя библиотеки.) Главное условие приема-игры – сведения следует искать в книге, они спрятаны глубоко внутри произведения, как сокровища египетских пирамид. Читатель *должен* найти то, что он ищет там, где обещал библиотекарь. Этот прием предполагает большую предварительную поисковую работу по адресному подбору нужных текстов, т. е. при библиотечном просмотре или чтении «для себя» библиотекарь должен помнить хобби, запросы определенного круга интересующих его читателей.

Эффект моды. Выясняя воздействие моды на восприятие и оценку художественных произведений, формирование читающей личности, библиотекарь получает возможность использовать позитивные и негативные стороны этого явления даже не столько для того, чтобы сделать попытку вмешаться в процесс выбора книг в библиотеке, но чтобы использовать его в качестве эффективного средства для рекомендации других, немодных, но заслуживающих внимания книг.

В этой связи было бы уместным привести интересные высказывания, принадлежащие отечественному библиотековеду А. А. Покровскому. Он предлагал изучать причины успеха модных книг. Актуально звучат его упреки библиотекарям за то, что они не дают себе труда разобраться, в чем заключается причина популярности такого рода литературы, а «гордые своей культурностью и идейностью... смешивают в одну облитую презрением кучу и Пинкертон, и Рокамболя, и Шерлока Холмса...»¹⁵⁵. Заслуживает внимания также предложение А. А. Покровского использовать **Эффект моды** как прием индивидуального библиотечного обслуживания. Во-первых, рекомендовать из числа модных романов «менее плохие». Во-вторых, использовать ставшие модными книги как «приманку», чтобы завоевать доверие читателя, повисить в его глазах престиж библиотеки. В-третьих, что в рассматриваемой связи особенно важно, выявлять те особенности модных книг, которые сделали их наиболее популярными среди читателей¹⁵⁶; последнее дает библиотекарям возможность выбирать из хороших, но малоизвестных книг такие, которые бы обладали этими качествами.

Библиотековедами и социологами (Л. Гудков, Б. Дубин, В. Стельмах, С. Шведов) достаточно хорошо изучено это явление, разработаны и некоторые методические приемы использования этого феномена с целью индивидуальной рекомендации книг для чтения. Механизм действия Эффекта моды подробно описан В. Я. Аскаровой. Она, вслед за Покровским, предлагает библиотекарям рассматривать «книги-приманки» как средство постепенного перевода читателей с книги, которая им нравится, к более серьезному чтению¹⁵⁷.

Эффект отрицательной рецензии как прием, помогающий заинтересовать читателя книгой, которую критикует рецензент. По-другому этот прием можно еще назвать **Эффектом бумеранга**, если рецензия не пишется специально для того, чтобы заинтересовать книгой читателя.

В годы «застоя», как правило, любая отрицательная рецензия, написанная для того, чтобы вскрыть недостатки книги, лишь привлекала внимание к ней: раз ругают, значит, книга стоящая. Характерен всем известный пример повышенного интереса к роману

¹⁵⁵ Покровский А. А. О работе с беллетристикой / А. А. Покровский // Сб. ст. о библиотечной работе. М., 1923. Вып. 3. С. 12–13.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Аскарова В. Я. Влияние читательской моды на чтение художественной литературы : лекция / В. Я. Аскарова. Челябинск, 1991.

В. Пикуля «У последней черты» (печатается сегодня под названием «Нечистая сила») после его отрицательной оценки, данной М. Сусловым.

Трудно сказать, был ли **Эффект бумеранга** у отрицательной рецензии на роман Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов», когда автор путем искусного цитирования пытался изобразить романтическое повествование как эротико-порнографическое чтение¹⁵⁸, но можно уверенно говорить о том, что рецензия В. Бушина не оказала планируемого воздействия на почитателей творчества Б. Окуджавы.

В практике работы библиотек **Эффект отрицательной рецензии** обычно не применяется, поэтому остановимся на технике его применения более подробно. Один из авторов данного пособия провел эксперимент. В свое время, в нашей стране вышла большим тиражом брошюра, довольно скромная по внешнему виду – «Здоровье, эмоции, красота. Этюды» (мы специально пишем «в свое время...», а также не называем ни автора брошюры, ни автора предисловия, ни места, где она вышла, так как не хотим вторично создавать ажиотаж вокруг этого не заслуживающего внимания издания...). На книгу появилась отрицательная рецензия в «Литературной газете», и брошюра сразу же стала библиографической редкостью. Эта брошюра была использована следующим образом: среди библиотекарей и студентов был проведен стандартизированный опрос.

1. Называлась книга. Затем задавался вопрос: «Что известно присутствующим об этой книге?» Результат: ни один человек об этой брошюре ничего не знал.
2. Тогда присутствующим библиотекарям или студентам демонстрировалась брошюра. Ситуация не изменялась, интерес к ней не появлялся.
3. Наконец, наступал кульминационный момент. Зачитывалась рецензия на эту брошюру. Следует сказать, что цитаты в рецензии были подобраны таким образом, что создавалось впечатление, будто бы брошюра сплошь состоит из смакования интимных подробностей из жизни великих людей.
4. После того, как была прослушана рецензия, **все** изъявили желание обязательно прочесть эту книгу и даже приобрести ее в свою личную библиотеку. Подчеркиваем еще раз: все без исключения! В многократно повторенном опросе всего несколько человек по разным причинам не высказали желания познакомиться с брошюрой – 1–2% участвующих в эксперименте.

¹⁵⁸ Бушин В. Кушайте, друзья мои / В. Бушин // Москва. 1979. № 7. С. 188–203.

Следующая группа **Эффектов** рассчитана на привлечение внимания читателей к художественным особенностям произведений, к умению видеть в них недостатки, более критически относиться к малохудожественным книгам.

Эффект продления книги. Последнее десятилетие «подарило» читателям «издательский бум» интереса к «продолжениям» популярных произведений. До сих пор принято было считать, что потребность встречи с персонажами любимых книг объясняется тягой к повторности впечатлений, характерной для детей; в подростковом возрасте она уже угасает и может интерпретироваться как признак незрелости. Однако в библиотеках всегда встречались читатели, которым трудно было расстаться с полюбившимися персонажами. Из бесед с некоторыми из них можно заключить: читатели отдавали себе отчет в том, что продолжения редко удавались даже тогда, когда бесспорно талантливые писатели пытались (по просьбе читателей) вернуться к судьбе своих героев. Достаточно вспомнить известные с детства бесчисленные продолжения «Волшебника изумрудного города» А. Волкова, вторую-четвертую книгу о Карлсоне А. Линдгрена, «Коменданта снежной крепости» и «Клятву Тимура» А. Гайдара, «Прерванную дружбу» и «Сними обувь твою» Э.-Л. Войнич. Даже у ребенка, если он вдумчивый читатель, радостное ожидание повторной встречи с любимым героем в таких случаях обернется чувством разочарования. Однако сейчас стремление писать продолжения великих и совсем не великих произведений стало настолько типовым явлением, что требуется его специальный анализ.

В практике современных муниципальных библиотек фиксируется спрос читателей на продолжения полюбившихся им произведений. По времени этот феномен совпал с повышенным интересом читателей (вернее читательниц) к двум романам: «Поющие в терновнике» К. Маккалоу и «Унесенные ветром» М. Митчелл. В начале 1990-х годов появился десяток книг, так или иначе продолжающих судьбу героинь. Для библиотекаря, как показывает практика, это важный источник активизации читательской деятельности. «Жанр продолжений», если его можно так назвать, весьма продуктивен как элемент индивидуальной беседы с читателями. В такой беседе для библиотекаря это путь «шоковой терапии», как назвал его один читатель. Если уж самим писателем чаще всего не удавались «продолжения» (не надо только путать их с заранее задуманным писателем повествованием, растянутом во времени), то творчество ремесленников иначе как графоманией не назовешь. Так, например,

человек любит роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», восхищается его героями, читает и перечитывает его... Вдруг читатель узнает, что не все «остановилось» на том, что написал А. С. Пушкин. Оказывается, поэт А. Чернов написал продолжение романа. Надо сказать, с этим поэтом связана тема курьезов в русской поэзии. Он дописал X главу «Евгения Онегина», не используя пастиш¹⁵⁹, и этим он отличается от поэта Е. Хазина, опубликовавшего в 1945 году в журнале «Ленинград» X главу – о приключениях Онегина в постблокадном Ленинграде:

В трамвай садится наш Евгений...
Он, вспомнив древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман... Но кто-то спер
Уже давно его перчатки,
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих...¹⁶⁰

«Некорректность» Хазина по отношению к великому Пушкину послужила одной из причин появления печально знаменитого Постановления ЦК ВКП(б) и последующего закрытия журнала «Ленинград». 50 лет спустя опус А. Чернова вызвал критическую статью. «Считаю, что его долг перед русской литературой не до конца выполнен, – усмехается рецензент, – Чернов должен нам подарить и XI, и XII, и последующие главы «Евгения Онегина». Назвался груздем – полезай в кузов. Как можно думать, что Пушкин закончил бы дело на X главе, проживи он еще лет тридцать или сорок!»¹⁶¹. Другой случай применения «**Эффекта продления книги**» – беседа с любителем романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Библиотекарь может задать ему вопрос: «Не хотите ли узнать, как с помощью Б. Леонтьева Остап-Сулейман-Берта Мария Ибрагимович Бендер-бей все же добрался до Рио-де-Жанейро? Роман Б. Леонтьева «Триумф Великого комбинатора» помог Остапу Бендеру осуществить свою мечту...». Если бы это была обычная книга, то о ней можно было бы сказать, что отечественную юмористику пополнило еще одно издание. Чувствуется, что Б. Леонтьев

¹⁵⁹ Пастиш или пастичко (от фр. *pastishe* или ит. – *pasticcio*) – воспроизведение манеры и стиля какого-либо писателя, имитация, использование чужого текста, что, как правило, производит комический эффект. Классический пример пастиша – «Энеида» И. Котляревского. См.: Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 263.

¹⁶⁰ За большевистскую идейность. Рига, 1948. С. 18–19.

¹⁶¹ Книжное обозрение. 1995. № 42, 17 окт. С. 9.

неплохо изучил детали советского общественного бытия начала 1930-х годов и не без успеха пытался освоить стиль авторов «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца». Но то ли не до конца изучил и освоил, то ли решил показать и собственное «я», только тонкий, иронично-саркастический стиль оригинала в его книге вдруг сменяется вульгарно-грубоватым. Нужно быть отчаянно смелым человеком, чтобы отважиться на продолжение «Золотого тельца», но одной смелости для такого предприятия все же недостаточно.

Библиотекарь, наверное, присоединится к мнению: судить книги-продолжения будут по самым строгим критериям «Евгения Онегина», «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца». Большинство читателей так же, как и библиотекарь, скорее всего, испытают чувство досады, столкнувшись с подобными «продолжениями», с книгами, подобными «Скарлетт» А. Риплей. Естественно, чем значительнее оригинал, тем более строго будут судить «продолжение». Но, может быть, целесообразно использовать **Эффект продления** для того, чтобы читатель, досадуя и негодуя, испытал желание, отторгнув подделку, вернуться к подлиннику, к полноценной художественной прозе и поэзии.

Помимо использования этого феномена в индивидуальной беседе, предлагаем собрать вместе аудиторию любителей продолжений и пуристов, которых оскорбляет любое вмешательство в чужие тексты, и предоставить им возможность высказать разные точки зрения по данному вопросу.

Эффект Бартлета. Назван по имени политолога Ф. Бартлета, его употреблявшего. Подобно тому, как в медицине, ослабленный вирус какой-то болезни помогает бороться с нею, так и в сфере пропаганды ослабленный вирус «чужих идей» помогает противостоять им¹⁶². Суть приема в следующем. Предположим, пользователь библиотеки заинтересовался какой-то конкретной теорией, или концепцией, или взглядами, которые, с точки зрения библиотекаря, не могут принести ему пользу. В этом случае, прежде, чем читатель приступит к ее изучению, необходимо дать ему возможность предварительно познакомиться с работами, в которых присутствует объективный анализ и аргументированная критика заинтересовавшего его вопроса. Такой «ослабленный вирус» часто содержится в сатирических произведениях.

В настоящее время по желанию библиотекаря **Эффект Бартлета** может быть использован «в борьбе» с наблюдающимся у части

¹⁶² Bartlett F. C. Political propaganda / F. C. Bartlett. Cambridge, 1940. P. 68.

молодежи увлечением националистическими теориями, неоязычеством, «русским фэнтези». Теоретики и практики библиотечного дела считают, что одно из лучших «противоядий» в борьбе с опасными увлечениями – сатира, высмеивающая суть явления; например, одним из типичных приемов советской пропаганды был такой: с целью антирелигиозного воспитания религиозным людям рекомендовать «Библию для верующих и неверующих» Е. Ярославского, антиклерикальные басни Д. Бедного и пр. Нам кажется, однако, что задуманный результат может быть достигнут только в том случае, если увлечение не проникло столь глубоко, что сделало человека «фанатом» идеи. З. Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» убедительно доказал: не смешно, когда осмеивается то, к чему мы относимся серьезно. «В обществе преданных друзей моего противника, – пишет он, – самая остроумная брань, которую я могу привести против него, является не остроумием, а бранью и вызывает у слушателей гнев, а не удовольствие»¹⁶³. Поэтому остроумное, талантливое, с точки зрения библиотекаря, сатирическое произведение вместо ожидаемой реакции (**Эффекта Бартлета**), может вызвать у читателя чувство обиды за вмешательство в его внутренний мир, за непрошенное руководство чтением.

Контрольное задание. Попробуйте составить паспорт одного из **Тактических Рекомендательных Эффектов**, который вы с успехом применяли или собираетесь применять в практической работе. Для этого можно использовать такую схему:

- 1975 Наименование приема (если известен автор, разработчик приема, укажите его).
- 1976 Суть приема.
- 1977 Цель приема.
- 1978 Теоретическая база приема.
- 1979 Психологические механизмы приема.
- 1980 Примеры использования.
- 1981 Источники.

Литература

1. Алтухова Г. Беседы об этике и имидже / Г. Алтухова // Библиотека. – 1998. – № 2. – С. 39–41.
2. Библиотекарь и читатель : проблемы общения / сост. М. И. Губанова, О. С. Либова. – СПб., 1993.

¹⁶³ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. М., 1924. С. 194.

3. Библиотекарь и читатель. [Вып.1]. Профессиональный тренинг / сост. М. И. Губанова и др. – СПб., 1995.
4. Библиотечное обслуживание : теория и методика : учебник / под ред. А. Айзенберга. – М., 1996.
5. Библиотечное обслуживание : учебная программа. Учебно-метод. материалы / сост. В. С. Крейденко. – СПб., 1997.
6. Бородина В. А. Психология чтения : учеб. пособие / В. А. Бородина. – СПб., 1997.
7. Захарова Е. В. Библиотека и читатель в представлении библиотекаря / Е. В. Захарова // Что мы читаем? Какие мы? : сб. науч. тр. – Вып. 3. Библиотеки и чтение. – СПб., 1999.
8. Проект кодекса профессиональной этики российского библиотекаря. 2-я ред. // Информационный бюллетень РБА. – 1998. – № 11. – С. 96–100.
9. Конфликтные ситуации в библиотечном общении и их разрешение. Методика. Тесты. Тренинги : метод. рек. – М., 1993.
10. Крейденко В. С. Библиотечная диагностика читателей как область библиотечного знания / В. С. Крейденко // Библиотечные фонды в контексте современного библиотековедения : сб. науч. тр. – СПб., 1995. – С. 90–104.
11. Крейденко В. С. Библиотечно-библиографическое обслуживание читателей : альбом наглядных материалов. – СПб., 1992.
12. Левитан К. Основы педагогической деонтологии. Тесты на эмпатию и конфликтность / К. Левитан. – М. : Наука, 1994.
13. Мейжис И. А. Профессиональное общение в библиотеке : (Заоч. психол. шк. Занятие 1-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1993. – № 11. – С. 32–40; Невербальное общение : (Заоч. психол. шк. Занятие 2-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1993. – № 12. – С. 31–43; Умение слушать : (Заоч. психол. шк. Занятие 3-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1994. – № 1. – С. 49–58; Рефлексивное слушание : (Заоч. психол. шк. Занятие 4-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1994. – № 2. – С. 38–48; Диалог в библиотеке : (Заоч. психол. шк. Занятие 5-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1994. – № 3. – С. 26–36; Обратная связь. Инструктирование. Конфликты : (Заоч. психол. шк. Занятие 6-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1994. – № 4. – С. 38–47; Коммуникативные навыки библиотекаря : (Заоч. психол. шк. Занятие 7-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1994. – № 6. – С. 42–52; Коммуникативные особенности интервью : (Заоч. психол. шк. Занятие 8-е.) // Науч. и техн. б-ки. – 1994. – № 7. – С. 7–57.
14. Юсупов И. Психология взаимопонимания / И. Юсупов. – Казань, 1991.
Опубликовано: Библиотекарь и читатель : проблемы общения. Вып. 2 : выбор оптимальных способов общения с читателями в условиях муниципальной библиотеки. – СПб., 2000. – С. 8–45. – В соавторстве с О. С. Либовой.

Краеведческая составляющая библиотечного обслуживания (2005)

Этническая общность живет до тех пор, пока поддерживаются традиции, и существует историческая память. Знание своих корней, своего прошлого, контакты со своим народом, взаимная поддержка питают его будущее.

Недавняя всепоглощающая унификация и централизация в стране и их воплощение в библиотечном деле привели к потере связей с краем, выхолащиванию из деятельности библиотек не только национальной, но и локальной специфики (отмеченное нивелирование создало в библиотеках эффект близнецовой схожести). Эта жизненная ситуация в конечном итоге привела к появлению так называемой неукоренной личности. Такая личность довольно распространена в стране и ее черты проявляются на уровне семьи (не знаем своих предков, своей родословной), малой Родины, которую плохо знаем или вообще потеряли с ней связи (родились в одном месте, а живем в другом).

В настоящее время происходит восстановление утраченного в советские годы краеведческого направления деятельности общедоступных библиотек. Краеведческая составляющая библиотечно-библиографического обслуживания может и должна стать в этой ситуации одной из точек опоры в ценностном самоопределении человека, в развитии его связей с миром.

На региональном уровне наиболее уместен вариант культурного развития с учетом местной специфики и самобытности, возможностей территории – институциональных, материальных, человеческих и т. д. Именно на локальном пространстве достигается максимальная активность участия различных социальных групп в культурных процессах, в общественной жизни в целом. Краеведческая составляющая в той или иной мере, напрямую или косвенно, пронизывает все отрасли знания, участки и сферы интеллектуального и физического труда человека, придавая им конкретность, близость к человеку, читающему и ищущему.

В библиотеке создается возможность самостоятельного получения краеведческих знаний (особенно удаленным пользователям) через краеведческий раздел сайта библиотеки. Так, в «Руководстве по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ (области, края)», подготовленном постоянным комитетом секции

«Краеведение в современных библиотеках», рекомендуется в этом разделе сайта ЦРБ размещать следующие сведения¹⁶⁴:

- о краеведческих ресурсах ЦРБ (КСБА, фондах, коллекциях редких и ценных документов и пр.)*;
- о краеведческой деятельности ЦРБ (услугах, правилах и условиях обслуживания, изданиях и пр.)*;
- о краеведческой деятельности других библиотек и учреждений региона, располагающих значительными краеведческими ресурсами:

основные краеведческие ресурсы региона, представленные в электронной форме:

- доступ к БД:
- электронный краеведческий каталог*;
- БД «Календарь знаменательных дат»*;
- другие библиографические и полнотекстовые БД;
- библиографические и справочные издания;
- краткий универсальный рекомендательный список литературы о регионе*;
- список местных периодических изданий*;
- текущий указатель местных неперiodических изданий*;
- текущий указатель краеведческой литературы*¹⁶⁵;
- календарь знаменательных и памятных дат*¹⁶⁶;
- электронные версии или оригинал-макеты изданий, подготовленных ЦБР;
- электронные версии печатных краеведческих документов и местных изданий.

ссылки на краеведческие ресурсы за пределами ЦБР:

- на наиболее крупные и стабильные Интернет-ресурсы, посвященные региону;
- на сайты библиотек и других учреждений (административных органов, архивов, музеев, научных учреждений и учебных заведений) региона, на которых представлены краеведческие ресурсы и информация.

В целом эти сведения образуют систему и связаны взаимными ссылками.

Каждый человек по своей воле или под давлением жизненных обстоятельств независимо от возраста, пола, принадлежности

¹⁶⁴ Звездочками отмечены обязательные элементы.

¹⁶⁵ При недоступности электронного краеведческого каталога.

¹⁶⁶ При недоступности аналогичной БД.

к тому или иному этносу, научного ценза, профессии, места жительства сталкивается с краеведением, занимается им, пользуется его результатами. Кроме общения с самим краем мы неизбежно имеем дело с документально зафиксированными итогами краеведческих поисков, представленными в произведениях печати, рукописях, видеодокументах и т. д. Все эти документы с наибольшей полнотой собраны в библиотеках, архивах, музеях.

Ведя индивидуальную краеведческую работу с пользователями, библиотеке надо иметь представление об уровнях их познания края, ибо это важный показатель краеведческого развития личности. Он выступает для библиотекаря ориентиром в осуществлении индивидуального подхода к каждому читателю и в совершенствовании всей краеведческой работы, направленной на формирование и развитие социокультурных краеведческих потребностей читателей. Можно выделить следующие уровни познания своего края у читателей библиотеки:

- нулевой – о крае нет ни эмпирических, ни теоретических знаний (например, у только что въехавших на территорию края людей никогда в нем ранее не проживавших);
- эмпирический – наличие лишь житейских познаний о крае;
- теоретический – наличие лишь теоретических знаний о крае;
- теоретико-эмпирический – сочетание и взаимодействие в сознании как теоретических, так и эмпирических знаний о крае.
- У разных категорий читателей интерес к краю имеет различную направленность, в частности, он вызван таким фактором, как степень связи с краем. Специфика, особенности этого интереса проявляются не совсем одинаково у тех, кто:
- родился и постоянно живет в крае (библиотечная задача – помощь в изучении, осмыслении особенностей края, его истории, экономики, культуры и т. п.);
- прибыл в данный край на некоторое время (библиотечная задача – обеспечивать ознакомление с краем и его достопримечательностями);
- недавно переехал в край на постоянное место жительства (библиотечная задача – помочь адаптации в новых условиях, нахождению связей, «похожестей» с местом, откуда человек приехал);
- вернулся на родину предков после длительного отсутствия (библиотечная задача – развитие стремления к восстановлению знаний о крае).

Среди двух последних групп особое место занимают беженцы и вынужденные переселенцы, с каждым из которых необходима индивидуальная работа, требующая доброжелательности, заботы, направленная на ознакомление с краем и помощь в скорейшей адаптации к его условиям.

В настоящее время краеведческие знания и соответственно краеведческая литература как носитель этих знаний начинают все сильнее выполнять помимо традиционных функций (воспитательных, рекреационных, просветительских) функции экологические, научные и производственные. Поэтому возникает потребность в разных способах работы с краеведческой литературой.

Библиотечное краеведение, призванное решать эти задачи, одновременно стремится к духовно-культурной интеграции всех групп пользователей и «непользователей» библиотек, ибо эта интеграция, являясь соединительным компонентом культуры, снижает уровень социокультурной и политической напряженности, обеспечивает устойчивость и относительную гармонию духовного единства и дифференциации, обособления и взаимодействия. Поэтому на уровне территории необходимо каждый раз находить наилучший вариант национально-этнических и духовно-культурных ориентаций, тенденций и способов самоопределения и самореализации основных социальных групп населения.

Публичные библиотеки способствуют консолидации жителей края путем:

- воспитания у жителей края чувства подлинных хозяев территории, на которой они проживают (района, города, края, области);
- оказания помощи в понимании связи и взаимодействия малой Родины со всей страной;
- предоставления населению знаний о национальных, этнических, природно-географических, культурно-исторических, языковых традициях края;
- знакомства с современным состоянием и перспективами развития края;
- формирования культуры межэтнического общения, воспитания терпимости и уважения друг к другу;
- предоставления инонациональному населению края возможности удовлетворять свои национально-культурные запросы;
- координации своей деятельности с краеведческими музеями, архивами и другими краеведческими учреждениями и общественными организациями.

Большинство руководителей региональных библиотек в последнее время осознали, что их учреждения расположены в неоднородной этнической среде. Поэтому библиотеки предпринимают усилия по созданию информационной среды, обеспечивающей условия для чтения литературы на родном языке. В библиотеках создаются краеведческие отделы или сектора, музеи редких краеведческих книг и рукописей. Для рекомендации краеведческой книги используются те же способы, с помощью которых пользователей библиотеки знакомят с отраслевой и художественной литературой. Организуя индивидуальное библиотечно-библиографическое обслуживание, изучают интересы пользователей библиотек к краеведческой книге. Предлагая в ответ на запрос абонента отраслевую литературу, там, где это целесообразно, библиотекарь рекомендует и краеведческие материалы. Особенно большие возможности для рекомендации краеведческой книги открывает способ индивидуального планового чтения. В каждый такой план чтения можно включить, по желанию пользователя, краеведческие работы.

Кроме универсальных способов рекомендации книг, библиотечная практика создала ряд таких, которые специально предназначены для ознакомления с жизнью края и литературой о нем. К ним относятся, например, такие краеведческие мероприятия, как Дни краеведа, праздники-реставрации, возрождающие народные традиции и обряды («Русская национальная кухня», «Застолье в мусульманском доме», «Кавказское гостеприимство», «Древнерусские праздники» и др.); встречи со знатными земляками, известными краеведами, знаменитыми семьями и т. д., циклы мероприятий, посвященные знаменитым местным фамилиям, представители которых внесли значительный вклад в развитие края и всего Отечества; приходе родного края. Создаются краеведческие клубы и объединения.

К наиболее популярным краеведческим мероприятиям относятся;

«Моя родословная и край» – движение, активизировавшееся в последнее время в краях и областях РФ. Многие люди приступили к поиску своих ранее утерянных корней. Началась работа, зачастую при помощи библиотек, по сбору сведений о своих предках, по определению их вклада в общественную и культурную жизнь края и страны, по реконструкции собственных родословных, изучению истории семей. В связи с этим усилился интерес к исторической и краеведческой литературе, особенно по генеалогии. В русле этой работы создаются генеалогические объединения, возрождающие искусство составления родословных. Члены объединений составляют

поколенные росписи, например, крестьянских родов, собирают потомков одного рода и устраивают «родственные посиделки».

«Игра-путешествие по родному краю» («Листая книжные страницы, мы путешествуем по краю», «На книжных страницах по краю родному» – варианты названия такой игры) – один из занимательных способов соединения интереса к краю с литературой о нем. В процессе проведения игры книга становится как источником, стимулирующим интерес к краю и к «путешествиям» по нему (вначале по книжным страницам, а затем и по краю), так и средством закрепления и углубления знаний, полученных при реальных путешествиях. Зачастую такие игры предлагают и проводят в библиотеке объединения любителей путешествий. Алгоритм проведения подобной игры включает следующие этапы:

- предлагается тема и разрабатывается маршрут «путешествия» (реального или по книжным страницам);
- библиотека подбирает соответствующую литературу (привлекая к этой работе и участников объединения любителей путешествий) и начинает рекомендовать всем желающим принять участие в «заочном» путешествии. С читателями проводятся индивидуальные беседы, для них составляются планы чтения, организуются книжные выставки, обзоры литературы, викторины, конкурсы и т. д.;
- выступая на встрече, участники игры рассказывают, что они узнали об этом маршруте так, чтобы и присутствующие в зале могли ощутить себя участниками похода. Для иллюстрации используются краеведческие викторины, организуются выставки книг или фотографий, картин художников, на которых запечатлены места, по которым «проходит» путешествие. Используется и другое «иллюстративное сопровождение». На встрече выступает один или несколько докладчиков (во втором случае между ними распределяются «участки» путешествия).

Проводятся игры очно и заочно. Как правило, очно такие игры каждая библиотека организует самостоятельно. Для заочного проведения библиотеки края объединяются. Составляется общий план, график проведения каждой библиотекой своей игры. Все происходящее в каждой библиотеке в связи с игрой, отражается на страницах местной газеты. В ней же подводятся итоги. Заочная игра может проводиться по местному радио или телевидению. Практическое значение таких игр многопланово. Они привлекают внимание к разным сторонам жизни края, его прошлого и будущего, открывают или популяризуют новые туристские маршруты, вводя их в краевой

и всероссийский реестр; объединяют любителей путешествий, привлекают в их ряды новых членов; делают реальные путешествия по краю более продуманными, осознанными и подкрепляемыми книжными знаниями и опытом.

Краеведческую игру с условным названием «Посетив другую страну, привези в наш край оттуда что-нибудь интересное и полезное» также успешно проводят объединения «Любителей путешествий», работающие при библиотеках. Игра состоит из следующих этапов:

- один из членов объединения определяет, какую страну (реально или по книжным страницам) он собирается посетить;
- первый этап путешествия – по страницам книг об этой стране. Подбор документов производится вместе с библиотекарем;
- после ознакомления с литературой кандидат в путешественники выступает на заседании объединения. Рассказывает о том, что узнал о стране, что собирается посмотреть и что предполагает привезти в край. Последнее бывает конкретным и полезным, если изучается литература о крае, выясняются его возможности и потребности. В этом случае приобретает конкретность и целеустремленность, «что краю нужно» и что можно попробовать найти в той стране, куда собирается путешественник. Идеи автора обсуждаются членами объединения;
- возвратившись из путешествия, читатель рассказывает об увиденном, и говорит о том, что он предполагает осуществить в крае: посадить растения, развести животных, внедрить в производство то или иное новшество и т. д.

Опубликовано: Справочник библиотекаря. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2005. – С. 201–207.

К разработке концепции обслуживания читателей в полиэтнических регионах Российской Федерации (2005)

Разработка концепции обслуживания многонационального читателя требует от библиотекарей достаточно полного представления об основных компонентах и действующих силах этнической ситуации в своём регионе: расселении этнических образований в городах, сёлах и других административных единицах (причём в таком «срезе» – пол, возраст, состав семьи, образовательный уровень, родной язык, параметры языковой адаптации разноязычного населения, масштабы и характер двуязычия), состоянии хранения и особенностях распространения духовной информации на языках этносов (в школах, по радио и телевидению, в библиотеках, периодической печати).

Но для того, чтобы знать и изучать экологию этнической ситуации, необходимо иметь надёжную (с количественной и качественной точек зрения) информационную базу, быть методологически и инструментально оснащённым. Для этого и создаётся специальный банк данных об этнической ситуации в регионе (как часть СБА и фонда краеведческой литературы). В него включают: материалы переписей населения, документы государственной и ведомственной статистики, издания формальных и неформальных структур и движений, итоги специальных исследований, систематически накапливаемые тематические подборки из периодики, краеведческую и национальную библиографию и др.

Библиотекарь обязан хорошо знать «этнический портрет» своего региона, причём этот «портрет» должен быть представлен в динамике. Он должен быть «состыкован» с библиотечными возможностями, книгами на родном языке, их количеством и качеством, находящимися как на территории национального государственного образования, так и за его пределами. Важно также знать перспективы национального книгоиздания и влиять на него там, где необходимо.

Разумеется, реализация концепции «обслуживания читателей в полиэтнических регионах» в конкретных библиотеках возможна только через совершенствование процесса общения библиотекаря с многонациональным читателем. Это довольно сложное, требующее специального изучения, дело: «этническая» сторона общения

библиотекаря с читателями в специальной литературе анализировалась весьма мало. Поэтому остановимся на ней.

Общение как процесс, сопряжённый в библиотеке с читательской аудиторией и её развитием, является в руках опытного библиотекаря, разбирающегося в местной «этнической ситуации», важным элементом создания полноценного (со знаком «+») межнационального общения.

В разворачивающемся в библиотеке общении – диалоге, важность и сущность которого заключается в характере человеческой природы, проявляется универсальный способ связи людей друг с другом. Библиотекарь должен учиться вести диалог с читателями и учить этому последних. В процессе разработки концепции обслуживания читателей в условиях полиэтнических регионов, библиотекарям необходимо обратить пристальное внимание на особую категорию людей (подчеркнём, что сами библиотекари тоже относятся к ним), появляющихся в обществе и способствующих межкультурному взаимодействию путём трансляции социально нового в общество, которому они принадлежат. Таких людей, учитывая специфическую роль в конкретном механизме межкультурного взаимодействия, называют «трансляторами культуры». К ним в первую очередь, можно отнести педагогов, переводчиков, книгоиздателей и, как мы уже отмечали, библиотекарей. Есть основания считать, что существует прямая зависимость между внутринациональным развитием и межнациональным (по принципу: чем больше, тем больше...). Потому особое внимание библиотекарей должно быть обращено на роль книги в развитии отношений внутри этноса. Эта целая программа библиотечной деятельности, разработка которой требует привлечения различных специалистов.

Эти проблемы находятся в центре внимания и зарубежных учёных. Более того, они представлены в таких фундаментальных, отражающих права человека документах, как Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.), Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.) и др. В них подчёркнуто, что все языки имеют равные права на существование и использование. Принимая это положение, «библиотечный путь» к цивилизованному правовому обществу в языковой политике должен идти снизу вверх: от прав каждого гражданина удовлетворять свои потребности читать произведения печати на родном (родных) для него языке к этим же правам меньшинств и далее – к правам народов. В этом «библиотечном пути» в «свернутом» виде содержится

целая программа библиотечной деятельности в полиэтнических регионах.

Пользователи библиотек включаются в межнациональное общение с библиотекарем как представители определённых социально – этнических групп общества, имеющих свои определённые представления и специфические модели общения, атрибутику поведения.

Именно библиотекарю очень важно разбираться в реалиях общения и как явлениях заданных культурных традиций. Действительно существуют в общении табу: коммуникативные (язык, тематика); интерактивные (контактные); этикетные; социально-символические – все они действуют в определенных стереотипных ситуациях межнационального общения. Они могут затухать или актуализироваться, подчас непредсказуемо в связи с изменением, например, этнопсихологической ситуации.

Важную роль в углублении взаимопонимания разными этносами друг друга играет двуязычие, в развитии и углублении которого могут и должны сыграть заметную роль наши библиотеки. Но понимание этого вопроса у некоторых библиотекарей одностороннее. В реальной жизни сложилось так, что наиболее распространенным стало лишь национально-русское двуязычие, при котором марийцы, карелы, представители других нерусских народов хорошо знают русский язык – говорят, пишут, читают на русском языке. Этот вид двуязычия открывает широкую дорогу к замечательным ценностям русской культуры, к большому кругу мировой культуры, произведения которой переведены выдающимися мастерами на русский язык. И здесь библиотеки сделали и делают очень много. Эту работу необходимо улучшать, совершенствовать, обогащая её новыми формами и методами.

Способность библиотекаря вести беседу на языках тех народов, которые проживают в районе обслуживания, использование библиотекарем традиционных для данной национальности обычаев и т. д. – важнейший фактор высокого уровня общения. Первые опыты создания в библиотеках кружков, семинаров, групп по изучению языков народов национально-государственных образований Российской Федерации привлекают внимание самых разных читательских категорий – от школьников до пенсионеров.

Первоочередной задачей библиотек национально-государственного образования является обслуживание на родном языке насе-

ния, имя которого носит данная территория. Её решение требует организации обслуживания населения:

- проживающего на территории данного национально-государственного образования;
- компактно проживающего за пределами своего национально-государственного образования;
- рассеяно проживающего на других территориях (так называемые дисперсные национальные группы): в одиночку отдельными селениями, малыми группами среди инонационального населения и желающих читать литературу о своём народе, а также на родном языке.

Вторая (по порядку, но не по значению) важнейшая задача, стоящая перед этими же библиотеками, – обслуживание на родном языке представителей других этносов (так называемых «национальных групп» и «национальных меньшинств»), проживающих на территории данного национально-государственного образования:

- рассеянно расселившихся на данной территории;
- имеющих устойчивые национальные массивы; таких инонациональных участков достаточно много на всей территории Российской Федерации.

Библиотекари имеют неисчерпаемые возможности для организации межнационального общения, как через книгу, так и непосредственно между читателями, принадлежащими к разным этносам. И это весьма важное действие, ибо, как справедливо утверждают психологи, чем меньше практика межнационального общения, тем, как правило, более искаженным представляется образ чужой нации, в основу которой могут быть положены случайные, а нередко окариатуренные черты.

В развитии национальной культуры и приобщении каждого к общечеловеческим ценностям немалую роль играют переводы литературы на языки того народа, имя которого носит национально-государственное образование Российской Федерации. Нельзя забывать и о работе с литературой этого народа, переведенной на языки национальных меньшинств, проживающих на его территории.

Определенный интерес для подготовленных читателей имеет литература на языках этноса, имеющих общие исторические и культурные корни: русский – украинский – белорусский; бурятский – калмыцкий – монгольский и т. д. Интересен в этом плане и требует развития и теоретического обоснования опыт работы с изданиями, в которых и даются сопоставительные тексты, особенно, когда речь

идет о переводах с родственных языков: татарский – башкирский, русский – украинский.

Ключевую позицию в процессе формирования нормальных межнациональных отношений в пределах библиотеки занимает личность библиотекаря. Инициативность и убежденность библиотекаря-гуманиста в огромной степени определяет успех работы. Библиотекарь должен помогать читателям перелистывать страницы книг как единую повесть о человечестве и его месте во вселенной, как повесть о космосе сердца, духа, человеческого сообщества, показывая, что в этом космосе главные ценности – любовь, милосердие, дружба, труд, гармония с природой, разум, жизнь и смерть, мировое искусство – все то, что объединяет нас и спасёт.

Литература

1. Актуальные вопросы библиотечной работы : теория и практика : сб. – М., 1991. – 152 с.
2. Бердяев Н. А. О современном национализме / Н. А. Бердяев // Философские науки. – 1991. – № 3. – 286 с.
3. Нации и национальные отношения в современном мире : слов. – справ. – Л., 1990. – 187 с.
4. Юхнева Н. Многонациональный Петербург / Н. Юхнева // Смена. – 1990. – 29 апр.

Опубликовано: Поликультурная образовательная деятельность : методология и методика : сб. ст. Махачкала, 2005. С. 108–114.

Характеристика основных направлений библиотечно-информационного обслуживания (2016) (в соавт. с О. Л. Чурашевой)

В структуре библиотечно-информационного обслуживания традиционно выделяют следующие направления: *индивидуальное, групповое и массовое* (или фронтальное) обслуживание пользователей.

Индивидуальное библиотечно-информационное обслуживание представляет собой деятельность библиотеки по удовлетворению информационных, культурно-досуговых, образовательных потребностей конкретного читателя. Следует отметить, что индивидуальный подход к читателю, проявляющийся в тщательном изучении его интересов, потребностей, социально-демографических и психологических особенностей, а также в использовании соответствующих методов индивидуальной работы, всегда был характерен для отечественного библиотечного дела. Теория и практика индивидуального библиотечно-информационного обслуживания начала активно формироваться в стране еще в дореволюционный период. Развитие идей индивидуального подхода к читателю, основанного на изучении интересов и психологических особенностей конкретного читателя связано, в первую очередь, с именем Н.А. Рубакина (работы «Этюды о русской читающей публике», «Психология читателя и книги»). Большой вклад в развитие практики индивидуально-обслуживания внесла и Л.Б. Хавкина (работа «Руководство для небольших библиотек»).

В дальнейшем, в годы советской власти, принцип приоритета индивидуального подхода к читателю постепенно утратил свои позиции. Приоритетным направлением библиотечно-информационного обслуживания в советские годы стало массовое обслуживание читателей. В первые годы советской власти в трудах библиотечников (Н.К. Крупской, А.Я. Виленина и др.) неоднократно подчеркивалось, что массовая работа библиотеки не должна носить шаблонный, стандартизированный характер, а должна быть основана на изучении, как индивидуальных особенностей читателей, их интересов и потребностей, так и потребностей конкретных читательских групп [1]. Однако в последующие годы теория и практика библиотечно-информационного обслуживания все более ориентировалась

на так называемого массового читателя. Ориентация на усредненного (массового) читателя привела к тому, что многие формы индивидуального обслуживания (беседа с читателем, разработка плана чтения и т. д.), по сути дела, утратили свой индивидуальный характер, став обезличенными, стандартизированными, «типовыми».

В 90-х гг. XX в. вновь возрождается интерес специалистов к индивидуальным формам библиотечно-информационного обслуживания. В настоящее время индивидуализация библиотечного обслуживания, приоритет интересов личности читателя рассматриваются специалистами в качестве основных принципов библиотечно-информационного обслуживания. С.А. Езовой, В.С. Крейденко, В.А. Бородиной и другими учеными активно разрабатываются вопросы психологии читателей, проблемы общения библиотекаря и читателя в процессе индивидуального обслуживания, вопросы профилактики и решения конфликтов и конфликтных ситуаций, а также подробно рассматривается технология реализации форм индивидуального обслуживания (прежде всего, индивидуальной беседы как ключевой формы индивидуального обслуживания).

Индивидуальное библиотечно-информационное обслуживание в настоящее время направлено на решение следующих основных **задач**:

- полное и оперативное удовлетворение информационных потребностей личности, обеспечение возможности сводного, беспрепятственного, оперативного доступа личности ко всему многообразию информационных ресурсов (то есть содействие реализации ключевых конституционных прав личности);

- содействие культурному развитию личности (приобщение к российскому и мировому культурному наследию);

- социализация личности, то есть помощь личности в усвоении системы знаний, норм и ценностей, необходимых для вхождения личности в социум и эффективного функционирования в нем;

- формирование информационной культуры личности, то есть содействие развитию разнообразных информационных навыков (поиск, анализ, отбор информации и т. д.), необходимых для успешного существования человека в современном информационном обществе, для его профессионального становления и личностного развития;

- содействие формированию эффективного диалога между читателем и библиотекарем, создание благоприятного психологического климата, атмосферы сотрудничества, необходимой для успешной

реализации всех вышеперечисленных задач индивидуального библиотечно-информационного обслуживания;

– изучение читателя (социально-демографических и психологических особенностей, интересов и потребностей); следует отметить, что, с одной стороны, индивидуальное обслуживание основывается на предварительном изучении читателя, но, с другой стороны, изучение читателя обязательно происходит непосредственно в ходе обслуживания, в частности, в ходе использования такой основной его формы, как индивидуальная беседа с читателем.

К основным **формам** индивидуального библиотечно-информационного обслуживания относятся:

- индивидуальная беседа,
- индивидуальное информирование,
- индивидуальные планы чтения (однако, данная форма в настоящее время практически не используется, и имеет, скорее, историческое значение).

Помимо индивидуального, в структуру библиотечно-информационного обслуживания входит групповое и массовое (фронтальное) обслуживание. Границы между групповым и массовым обслуживанием весьма условны. Многие формы библиотечно-информационного обслуживания (книжная выставка, библиографический обзор, литературный вечер и др.) можно рассматривать как в рамках группового, так и массового обслуживания. В связи с этим, специалисты обычно рассматривают данные направления совместно.

Групповое обслуживание базируется на дифференцированном подходе к читательским группам. Дифференциация предполагает выделение каких-либо групп читателей, объединенных общими признаками. Читательские группы могут дифференцироваться на основе следующих признаков:

- социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, профессия и т. д.);
- психологические признаки (особенности восприятия текстов, мотивы чтения, уровень культуры чтения и т. д.).

Приоритеты в обслуживании тех или иных читательских групп менялись с течением времени. Так, в 20-е г. XX в. активно изучались читательские интересы и вопросы организации обслуживания таких групп, как рабочие, крестьяне, красноармейцы. Именно в те годы был сформулирован тезис о том, что каждая библиотека должна сосредоточить свою работу на тех группах читателей, которые имеют для нее наибольшее значение. Данный тезис лежит и в основе

современного библиотечно-информационного обслуживания, основанного на маркетинговом подходе.

В 50–60-е гг. в качестве приоритетных групп обслуживания выделялась рабочая молодежь, в 70–80-е гг. – студенты, юношество и т. д. [2, с. 183].

Для развития группового библиотечно-информационного обслуживания на современном этапе характерны следующие черты:

- активное изучение потребностей и интересов различных групп пользователей, как реальных (пользующихся библиотекой), так и потенциальных (проживающих в зоне обслуживания библиотеки, но не пользующихся ей);

- привлечение потенциальных («нечитающих») пользователей к чтению, то есть продвижение чтения в нечитающую среду; особое внимание уделяется привлечению к чтению детей и молодежи;

- выявление целевой аудитории, то есть ключевых групп пользователей, на которых ориентируется в своей деятельности конкретная библиотека;

- расширение спектра библиотечных продуктов и услуг, предоставляемых тем или иным группам пользователей, оценка востребованности читателями предоставляемых продуктов и услуг, а также мониторинг их качества;

- развитие социального партнерства библиотек с другими организациями и учреждениями в целях осуществления качественно-информационного обслуживания различных групп пользователей (к таким организациям и учреждениям относятся органы местного самоуправления, общественные объединения, творческие объединения, музеи, коммерческие структуры, школы, детские сады, дома престарелых, дома культуры, средства массовой информации);

- широкое использование различных форм внестационарного обслуживания (то есть обслуживания вне стен библиотеки) различных читательских групп; так, общедоступные библиотеки организуют выездное библиотечное обслуживание в летних лагерях для школьников, санаториях, в больницах и домах престарелых, в детских садах.

Что касается приоритетных групп библиотечно-информационного обслуживания, то на современном этапе каждая библиотека самостоятельно выбирает данные приоритетные группы, исходя из анализа внутренней среды библиотеки (кадровые, финансовые и материально-технические ресурсы), а также внешней среды (окружения)

библиотеки. В частности, изучается социально-демографический состав населения в зоне обслуживания, социокультурные и экономические особенности региона, возможные направления сотрудничества библиотеки с различными организациями. Однако, несмотря на вышеуказанную самостоятельность библиотек при определении ключевых категорий пользователей, на современном этапе можно выделить и приоритетные группы читателей, характерные для библиотечно-информационного обслуживания в нашей стране в целом. Это наименее социально и экономически защищенные группы населения, к которым относятся дети, подростки, молодежь, пожилые люди, инвалиды. Особое внимание в последнее время уделяется обслуживанию молодежи. Так, учитывая роль библиотечно-информационного обслуживания в развитии и социализации молодежи, специалистами Российской государственной библиотеки для молодежи и Секции по библиотечному обслуживанию молодежи Российской библиотечной ассоциации в 2012 г. был разработан документ «Руководство для публичных библиотек России по обслуживанию молодежи» [3]. В документе подчеркивается: «Библиотека должна добиться того, чтобы ее образ ассоциировался в сознании молодежи: (а) с «домом» знаний и гарантом свободного доступа к информации; (б) с помощью в социальной и профессиональной адаптации, безболезненном вхождении во «взрослый» мир; (в) со средой для реализации способностей, талантов, общественных амбиций; (г) с местом проведения интеллектуального досуга и общения» [3, с. 9].

В рассматриваемом документе раскрываются базовые основы обслуживания молодежи, а также приводятся конкретные практические рекомендации по организации библиотечно-информационного обслуживания различных представителей данной социальной группы (инвалидов, молодых родителей, молодых людей, плохо владеющих русским языком, военнослужащих срочной службы и т. д.).

Право детей на приоритетность библиотечно-информационного обслуживания подчеркивается, в частности в документе «Концепция библиотечного обслуживания детей в России» [5], разработанном специалистами Российской библиотечной ассоциации и Российской государственной детской библиотеки. Цель библиотечно-информационного обслуживания детей формулируется как «содействие успешной социализации подрастающего поколения путем предоставления широкого спектра качественных информационно-библиотечных ресурсов и услуг, в соответствии с их ожиданиями,

возрастными и иными особенностями и потребностями» [5]. К ключевым задачам в области библиотечно-информационного обслуживания детей относятся, в том числе, следующие: привлечение детей в библиотеку и поддержка детского чтения, формирование информационной культуры детей, содействие росту интеллектуального и образовательного уровня детей, повышение комфортности библиотечного обслуживания для детей и их родителей. Таким образом, современная детская библиотека рассматривается в документе как центр чтения, досуга, общения и дополнительного образования.

Пожилые люди также являются приоритетной категорией библиотечно-информационного обслуживания. В библиотеках осуществляется правовая поддержка данной категории пользователей, проводятся лекции по социально значимым темам с привлечением необходимых специалистов здравоохранения, органов социальной защиты населения, юридических служб. Кроме того, библиотеки выступают в роли организаторов досуга и общения пожилых людей, проводя для них разнообразные культурно-досуговые мероприятия.

Необходимо особо остановиться на такой приоритетной категории обслуживания читателей, как инвалиды. Важность и актуальность данной проблемы подчеркивается проведением в 2006–2007 гг. в библиотеках РФ исследования «Обслуживание читателей-инвалидов в публичных библиотеках России». Исследование показало, что общедоступные библиотеки России активно работают с различными категориями инвалидов (в том числе, с нарушением опорно-двигательного аппарата, слепыми и слабовидящими, глухими и слабослышащими). Социальное партнерство при обслуживании инвалидов выражается в тесном сотрудничестве общедоступных и специальных библиотек, общественных организаций, реабилитационных центров, органов социальной защиты населения, благотворительных фондов. Следует подчеркнуть, что наиболее интенсивно в нашей стране ведется библиотечно-информационное обслуживание слепых и слабовидящих. Для того, чтобы сделать информационные ресурсы доступными для данной категории пользователей, библиотеки (прежде всего, специальные) приобретают особые технические средства (тифлофлешплееры, говорящие сканеры, электронные лупы и т. д.). В специальных библиотеках традиционно большое внимание уделяется психологической поддержке, организации досуга и общения данной категории читателей посредством создания при библиотеках различных кружков, клубов по интересам, проведения литературных вечеров и т. д.

Современная социокультурная ситуация диктует необходимость выделения новых групп пользователей – мигрантов, безработных, представителей неформальных молодежных течений и др. В последние годы на базе общедоступных библиотек развивается библиотечно-информационное обслуживание детей с особыми потребностями. Для работы с данной категорией читателей библиотеки привлекают психологов, логопедов, дефектологов, специалистов в области арттерапии. Кроме того, библиотеки активно занимаются психолого-педагогической поддержкой родителей детей с особыми потребностями. Обеспечивая совместный равный доступ детей с особыми потребностями и обычных детей к информационным ресурсам и культурно-досуговым мероприятиям, библиотеки способствуют формированию инклюзивной среды и интеграции детей с особыми потребностями в социум.

Массовое библиотечно-информационное обслуживание связано с удовлетворением разнообразных потребностей широкого круга пользователей библиотеки.

Характеризуя массовую работу библиотек как направление библиотечно-информационного обслуживания, необходимо подчеркнуть, что его становление и активное развитие пришлось на послевоенные годы (20-е гг. XX в.). Необходимость осуществления широкой политико-просветительской деятельности посредством библиотек, потребность в повсеместной ликвидации безграмотности и общекультурном развитии населения, а также приток в библиотеки широких читательских масс (рабочих, крестьян, красноармейцев) привели к тому, что массовое обслуживание в те годы начинает рассматриваться как ключевое направление деятельности библиотек.

Как результат, именно в 20-е гг. XX в. в целях привлечения массового читателя к чтению, отечественными библиотековедами были разработаны разнообразные формы массовой работы: громкие чтения, выставки (в том числе, и выездные), библиотечные шествия, инсценировки судов над вредителями книг, читательские кружки, библиотечные плакаты, посиделки. Современное библиотечно-информационное обслуживание активно возрождает и использует многие формы работы с читателями, разработанные в то время. Важно, что именно в 20-е гг. XX в. был выдвинут тезис о том, что массовая работа не должна носить шаблонный, обезличенный характер, а должна строиться на тщательном изучении интересов и потребностей конкретных читательских групп, а также с учетом специфики каждой конкретной библиотеки.

В дальнейшем методика массового библиотечно-информационного обслуживания активно разрабатывалась в 70-е гг. XX в. В эти годы наблюдалось увеличение разнообразия форм массового обслуживания. В практику работы библиотек вошли такие формы, как клубы (любителей поэзии, музыки, туризма, фотографии и т. д.), лектории, литературные диспуты, встречи с писателями, литературные конкурсы, праздники книги [4, с. 20]. В 80–90-е гг. происходит обновление и рост разнообразия форм массового библиотечно-информационного обслуживания. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время. Стремясь привлечь новых читателей, эффективно взаимодействовать с целевыми читательскими группами, сформировать позитивный имидж и развивать социальное партнерство с различными организациями и учреждениями, библиотеки используют как традиционные **формы** массового библиотечно-информационного обслуживания (книжные выставки, кружки и клубы, читательские конференции, литературно-художественные вечера), так и новые формы (фольклорные праздники, флешмобы, праздники с элементами народных обрядов, ток-шоу, библиотечный (либо читательский) театр, арттерапевтический клуб, различные тренинги, книжное кафе и многие другие).

В развитие теории и практики массового библиотечно-информационного обслуживания большой вклад внесли такие специалисты как Т.В. Воронова, С.Г. Матлина, В.С. Крейденко, Т.Б. Ловкова.

К ключевым **задачам** массового библиотечно-информационного обслуживания в современных условиях относятся:

- обеспечение всеобщего беспрепятственного доступа к информации и разнообразным библиотечным ресурсам (в том числе, к удаленным) и услугам вне зависимости от национальной, религиозной, политической принадлежности читателей, экономического благосостояния, географических и государственных границ;

- осуществление культурно-досуговой деятельности, посредством которой реализуются культурно-просветительские, образовательные, релаксационные (библиотека как место отдыха), коммуникативные (библиотека как центр общения) функции;

- поддержка чтения, продвижение чтения в нечитающие слои общества, формирование информационной культуры читателей;

- поиск новых форм массового библиотечно-информационного обслуживания, анализ эффективности существующих форм.

В работе любой библиотеки и при обслуживании любых категорий читателей есть как общие, так и особенные аспекты.

На современном этапе массовое библиотечно-информационное обслуживание утратило шаблонность, характерную для него в советский период. Специалистами признается, что массовое библиотечно-информационное обслуживание должно носить конкретный характер (то есть зависеть от условий работы каждой отдельной библиотеки), а также быть тесно взаимосвязанным с индивидуальным и групповым обслуживанием, базироваться на изучении информационных, культурно-досуговых, образовательных потребностей реальных и потенциальных пользователей библиотеки. Комплексное использование всех направлений и разнообразных форм библиотечно-информационного обслуживания является залогом успешной реализации как целей и задач конкретной библиотеки, так и библиотечного дела в целом.

Опубликовано: Библиотечно-информационное обслуживание : учебник / Ю.Ф. Андреева [и др.] ; науч. ред. М.Я. Дворкина. – Санкт-Петербург : Профессия, 2016. – С. 62–87. – В соавторстве с О.Л. Чурашевой.

Библиотечная педагогика как профильная дисциплина подготовки бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» (2017) (в соавт. с Ю.Ф. Андреевой)

Понятие «библиотечная педагогика» было введено в понятийно-терминологический аппарат библиотековедения в 1915 г. петербургским библиотековедом Б.П. Гуциным [1, с. 51]. Оно было использовано в рецензии на книгу Е.Н. Медынского «Методы внешкольной просветительской работы» [Приводится по 2, с. 82].

В настоящее время под библиотечной педагогикой понимают междисциплинарный раздел библиотековедения, формирующийся на основе синтеза с педагогикой [3, с. 175]. Предметом библиотечной педагогики являются педагогические аспекты библиотечно-информационной деятельности. Таким образом, библиотечная педагогика представляет собой составную часть библиотековедения, нацеленную на теоретическое обоснование педагогических аспектов библиотечного дела [1, с. 53].

В число основоположников библиотечной педагогики вошли директора Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленин и М. А. Корф, библиотекарь Чертковской библиотеки и Румянцевского музея, религиозный мыслитель и философ-футуролог Н. Ф. Фёдоров, основатель библиопсихологии Н. А. Рубакин, А. А. Покровский и др.

В 20-е гг. XX в. плеяду основателей библиотечной педагогики пополнил Д.А. Балика. Его идеи нашли отражение в работе «Библиотека в свете современной педагогики» (1926), а также в учебном курсе «Библиотечная педагогика» и в деятельности одноимённой кафедры, созданной в 1922 г. в Петроградском институте внешкольного образования [3, с. 175].

Вклад в развитие библиотечной педагогики внесли также Н.М. Сомов, А.Н. Ванеев, В.И. Терёшин, А.Я. Айзенберг, О.С. Чубарьян, И.И. Тихомирова, В.А. Бородина, А.В. Соколов и др.

Книговед Н.М. Сомов (1867–1951) рассматривал библиотечную педагогику как науку об организованном воспитательном воздействии книгой и через книгу. Он включал это направление

в книговедение и использовал в своих работах понятие «педагогика чтения». В 70-х гг. XX в. содержание данного понятия уточнил О.С. Чубарьян.

По мнению А.Н. Ванеева, библиотечной деятельности изначально присущ дух просветительства, обусловленный российским национальным менталитетом [1, с. 22–23]. Библиотека не может быть только информационным центром, у неё есть педагогические функции.

А.Я. Айзенберг после обучения в Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потёмкина, окончания аспирантуры и защиты диссертации приступил к преподавательской деятельности в Московском государственном институте культуры (МГИК). В 1984 г. в издательстве данного вуза был выпущен его учебник «Библиотечная педагогика» [4, с. 6].

В.И. Терёшину с первых лет работы в МГИК был свойственен интерес к библиотечной педагогике. В 1988 г. им было подготовлено учебное пособие «Педагогические аспекты деятельности советских библиотек» [4, с. 6].

И.И. Тихомирова принадлежит к числу ярких представителей петербургской высшей библиотечной школы. Она является автором книг: «Педагогическая деятельность школьного библиотекаря»; «Как воспитать талантливого читателя»; «Библиотечная педагогика или воспитание книгой: руководство чтением в структуре библиотечной педагогики, чтение школьников, психологические основы педагогики детского чтения, библиотечные ресурсы педагогики детского чтения» и др.

В 2009 г. в журнале «Школьная библиотека» была опубликована статья И.И. Тихомировой «На путях возрождения библиотечной педагогики» [2]. В данной работе она представила собственные изыскания и сослалась на статью Н.В. Збаровской «Библиотечная педагогика как научная дисциплина».

В начале 2000-х гг. Н.В. Збаровской был подготовлен ряд публикаций по данному направлению. В него вошли статьи «Образовательные технологии в системе библиотечного обслуживания» и «Педагогическая культура библиотекаря: общие подходы к изучению и развитию».

Вклад В.А. Бородиной в развитие библиотечной педагогики носит многоплановый характер. Она является разработчиком теории читательского развития личности. В трудах В.А. Бородиной уделяется внимание педагогическим аспектам работы с читателями.

В ее круг интересов входят сказкодидактика и игровые методы библиотечно-педагогической деятельности. По инициативе В.А. Бородиной в структуре Санкт-Петербургского психологического общества появилась секция «Психология и педагогика чтения».

А.В. Соколов, наряду с В.С. Крейденко, А.Н. Ванеевым, И.И. Тихомировой и другими видными отечественными библиотековедами, принадлежит к числу сторонников просветительской концепции библиотековедения. В своих работах он указывает на то, что информационное общество в технократическом варианте лишено будущего. Данный путь приведёт человечество к вырождению. Выходом из этой ситуации может служить гуманизация общественного сознания. Приоритетную роль в этом процессе должна играть библиотека. Именно ей суждено выполнить гуманистическую миссию, связанную с воспитанием, формированием определённых аксиологических установок [5, с. 366–367].

В последние годы в Российской Федерации издавались различные учебные и научно-практические пособия по библиотечной педагогике. В 2015 г. МГИК выпустил пособие «Библиотечная педагогика», автором которого является Г.А. Иванова [4]. В 2016 г. в Самарском государственном институте культуры было издано учебное пособие Н.П. Опариной «Педагогическая направленность профессиональной деятельности детского библиотекаря» [6]. В 2017 г. под редакцией Г.В. Варгановой вышел научно-практический сборник «Экологическое воспитание детей и подростков: партнёрство школ и библиотек» [7].

Завершая экскурс в историю библиотечной педагогики, необходимо отметить, что педагогические аспекты библиотечно-информационной деятельности нашли отражение в работах не только отечественных, но и зарубежных библиотековедов. К их числу принадлежат В. Гофман, А. Бухгольц, П. Ладеви́г, Д. Шира, Ф. Махлуп и др. [3].

В настоящее время среди библиотековедов преобладает мнение, что библиотечная педагогика имеет отношение ко всем видам деятельности библиотеки, «пронизывает» библиотечное дело. Она реализуется не только в процессе прямого взаимодействия библиотекаря с пользователем, но и опосредованно, через формирование фонда, библиотечный дизайн и т. д. Иными словами, библиотека представляет собой педагогическую систему, направленную на воспитание и просвещение пользователей.

Следует указать на то, что данное понимание сущности библиотечной педагогики формировалось постепенно. На первых этапах

развития этой библиотековедческой дисциплины многие исследователи устанавливали тождество между библиотечной педагогикой и педагогикой чтения, т. е. сводили библиотечно-педагогическую деятельность к руководству чтением. Как было отмечено ранее, современное представление о библиотечно-педагогической деятельности и её изучении носит более широкий характер, но и сегодня отдельные специалисты рассматривают руководство чтением как основной компонент библиотечной педагогики. В связи с вышесказанным уместно вспомнить о том, что одна из книг И.И. Тихомировой носит название «Библиотечная педагогика или воспитание книгой: руководство чтением в структуре библиотечной педагогики ...» [8].

Проблемы теории руководства чтением были подробно рассмотрены А.Н. Ванеевым. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. руководство чтением подверглось критике. Высказывания негативного характера были сделаны В.И. Терёшиным, Л.Д. Гудковым, Б.В. Дубиным.

По мнению двух последних специалистов, видных социологов, имеющих опыт работы в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина и Всесоюзной книжной палате, руководство чтением представляет собой «фактически полный контроль над интересами и склонностями читателя» [Цит. по 9, с. 96].

Авторы-составители «Библиотечной энциклопедии», изданной в 2007 г., не были столь категоричными. Они сделали акцент на том, что «руководство чтением включает в себя:

- помощь читателям в выборе книг и других документов, информирование о литературе в соответствии с интересами и потребностями читателей; формирование новых читательских интересов;
- содействие читателю в овладении навыками самостоятельного выбора книг;
- помощь читателям в процессе чтения и восприятия прочитанного» [3].

Сегодня мы можем говорить о том, что руководство чтением представляет собой осознанно необходимое читателю, построенное на принципе добровольности влияние библиотекаря на характер чтения, как путём непосредственного общения, так и опосредованным путём, через рекомендательную библиографию, выставочную деятельность и т. д. При таком широком понимании сущности руководства чтением допустимо принять и разделить точку зрения библиотекведов, считающих руководство чтением ядром библиотечной педагогики.

Разнообразие представлений о сущности библиотечно-педагогической деятельности находит отражение в содержании лекций и семинарских занятий, входящих в рабочую программу по учебной дисциплине «Библиотечная педагогика». Данный курс был разработан для подготовки бакалавров по направлению 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» на кафедре библиотековедения и теории чтения Библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК).

Дисциплина является новаторской, практикоориентированной. В настоящее время она проходит апробацию в учебном процессе. Учитывая относительную новизну дисциплины, отсутствие публикаций по анализу и оценке её преподавания в вузах культуры, осуществляющих подготовку специалистов библиотечно-информационной деятельности, представляется крайне важным охарактеризовать психолого-педагогические, дидактические, организационные и иные аспекты реализации данной дисциплины в системе высшего библиотечно-информационного образования на примере СПбГИК.

Роль дисциплины в подготовке студентов к работе с разными контингентами пользователей библиотек в настоящее время, бесспорно, огромна, учитывая то внимание, которое во всём мире уделяется использованию образовательных технологий в формировании развитой личности, и, по большому счету, заключается в формировании у будущих библиотечных кадров особого, психолого-педагогического мышления и поведения в пространстве социальных коммуникаций библиотек.

Целью освоения данной учебной дисциплины согласно ФГОС 3+ по указанному направлению подготовки является формирование готовности студентов к использованию психолого-педагогических подходов и методов в библиотечно-информационном обслуживании различных групп пользователей и способности к реализации образовательных и культурно-просветительских программ для населения. Эта готовность закладывается в процессе формирования профессиональных компетенций ПК-26 и ПК-29.

К задачам дисциплины относится достижение студентом следующих когнитивных, деятельностных и мотивационных результатов обучения (табл. 1):

Таблица 1. Планируемые результаты обучения по дисциплине «Библиотечная педагогика»

Шифр и название компетенции	Планируемые результаты обучения		
	Когнитивные	Деятельностные	Мотивационные
ПК-26 Готовность к использованию психолого-педагогических подходов и методов в библиотечно-информационном обслуживании различных групп пользователей	демонстрирует знание и понимание специфики психолого-педагогических подходов и методов, применяемых в библиотечно-информационном обслуживании различных групп пользователей	демонстрирует владение наиболее эффективными психолого-педагогическими подходами и методами; технологией модификации традиционных методов и разработки новых психолого-педагогических методов	стремится к приобретению и применению на практике знаний о психолого-педагогических подходах и методах библиотечно-информационного обслуживания различных групп пользователей
ПК-29 Способность к реализации образовательных и культурно-просветительских программ для населения	демонстрирует знание и понимание специфики реализации образовательных и культурно-просветительских программ для пользователей библиотек разных типов и видов	разрабатывает и реализует образовательные и культурно-просветительские программы для пользователей библиотек разных типов и видов	имеет мотивацию к разработке и реализации образовательных и культурно-просветительских программ для пользователей библиотек разных типов и видов

Приступая к изучению дисциплины, студент должен знать основы психологии и педагогики, библиотековедения, библиотечно-информационного обслуживания, краеведческой и проектной деятельности библиотек, как той профессиональной базы, которая позволит ему сформировать названные выше компетенции.

Контент учебной дисциплины включает тематический лекционный план, семинары с элементами дискуссии; подготовку докладов, выполнение контрольных работ и тестирование.

Учебный материал лекций предполагает освещение следующих вопросов.

Раздел 1. Педагогические подходы в библиотечно-информационном обслуживании различных групп пользователей.

Библиотечная педагогика как интеграционная библиотековедческая дисциплина. Образование. Обучение. Воспитание. Просвещение. Просветительская концепция библиотековедения. Руководство чтением. Педагогический подход как методологическая ориентация библиотекаря, побуждающая его к использованию определённой совокупности взаимосвязанных идей, понятий и способов деятельности. Понятия, принципы и методы как компоненты педагогического подхода. Общие педагогические подходы (системный, индивидуальный, личностно-ориентированный, гендерный, возрастной, онтологический, культурологический, синергетический, кибернетический).

Раздел 2. Реализация образовательных и культурно-просветительских программ в библиотеках.

Образовательная программа как документ, определяющий содержание образования. Виды образовательных программ. Дифференциация образовательных и просветительских программ. Структура дополнительной общеразвивающей программы. Структура просветительской программы. Разработка и реализация просветительской программы в общедоступной библиотеке. Педагог-библиотекарь и его профессиональная подготовка. Разработка и реализация дополнительной образовательной программы в школьной библиотеке. Правовое просвещение в условиях школьной библиотеки. Совместная деятельность библиотекарей, педагогов, педагогов-библиотекарей и родителей.

Как видим, здесь представлены базовые дидактические единицы, образующие профессиональное знание в сфере библиотечной педагогики.

Учебный курс также включает ряд практических занятий, способствующих закреплению у студентов конкретных умений и навыков – в частности, семинаров-дискуссий по актуальной библиотечно-педагогической проблематике; презентацию докладов студентов, выполнение ими контрольных работ разной дидактической сложности.

Одной из проблем в освоении данного курса можно назвать сравнительно небольшое количество непосредственно библиотечных электронных ресурсов, которые можно было бы использовать с целью изучения педагогических практик библиотек в работе с пользователями. Наличие крупных специализированных информационно-справочных порталов, таких как www.library.ru или сайт Российской библиотечной ассоциации (<http://www.rba.ru/>) не компенсирует данный пробел. Однако интересные ресурсы всё же есть – к их числу относятся «Современная библиотека» (<http://sbiblioteka.blogspot.ru>), ресурсы web-сайтов отечественных и зарубежных детских и школьных библиотек, сайты библиотек для слепых и др.

Поскольку область будущей профессиональной деятельности бакалавров включает системы библиотек различных видов и типов: федеральных, региональных, муниципальных, специальных, детских и т. д., то в результате освоения дисциплины «Библиотечная педагогика» выпускники должны «подняться» на такой уровень компетентности, который позволит им эффективно выполнять соответствующие профессиональные задачи в зависимости от специфики их библиотеки и в соответствии современными государственными требованиями.

Список литературы

1. Библиотековедение. Общий курс: учебник / науч. ред. А. Н. Ванеев, М. Н. Колесникова; С. А. Басов [и др.]. Санкт-Петербург: Профессия, 2013. 240 с.
2. Тихомирова И. И. На путях к возрождению библиотечной педагогики // Школьная библиотека. 2009. № 9–10. С. 81–88.
3. Библиотечная энциклопедия / Рос. гос. б-ка. Москва: Пашков дом, 2007. 1300 с.
4. Иванова Г. А. Библиотечная педагогика: учеб. пособие. Москва : МГИК, 2015. 224 с.
5. Современная библиотека в информационно-коммуникационной среде: монография / под ред. А. В. Соколова; [В. В. Брежнева и др.]. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГИК, 2016. 384 с.
6. Опарина Н. П. Педагогическая направленность профессиональной деятельности детского библиотекаря: учебное пособие. Самара: СГИК, 2016. 181 с.
7. Экологическое воспитание детей и подростков: партнёрство школ и библиотек : науч.- практ. статьи и метод. разработки / науч. ред. Г. В. Варганова. Москва: РШБА, 2017. 312 с.
8. Тихомирова И. И. Библиотечная педагогика или воспитание книгой: руководство чтением в структуре библиотечной педагогики, чтение

школьников, психологические основы педагогики детского чтения, библиотечные ресурсы педагогики детского чтения: (учебно-методическое пособие для библиотекарей, работающих с детьми). Санкт-Петербург: Профессия, 2011. 383 с.

9. Ванеев А. Н. Библиотекосведение в России конца XX века: учеб. пособие Санкт-Петербург: Профессия, 2007. 248 с.

Опубликовано: Вестник СПбГУКИ. 2017. 4. С.170–174. – В соавторстве с Ю.Ф. Андреевой.

Раздел 4. Портреты коллег и друзей

Б. В. Банк

Б. В. Банк как редактор

Саша Мамонтов, Алик Блюм и я учились на одном курсе, и мы оказались среди тех, кому повезло слушать лекции Бориса Владимировича Банка, участвовать в проводимых им семинарах, беседовать с ним о библиотечном деле и просто так... Это был по натуре творческий, высокообразованный человек, интеллигент в лучшем смысле этого «затасканного» слова.

Но больше всего меня, например, поражал его удивительно добрый и богатый язык, отражавшийся, прежде всего, в его лекциях и печатных работах, проникновенность, притягательность его выступлений.

Глубочайшее владение русским литературным языком, умение пользоваться его многочисленными возможностями делало его речь содержательной и понятной: он учил не только библиотечному делу, но и языку. Язык для него был тоже частью педагогических знаний, умений и навыков, которые он использовал. Он умел «укладывать» свои мысли и идеи в словесные одежды так, что становилось понятно и интересно. А главное – у нас появлялась мысль: по-другому, чем сказал Борис Владимирович, сказать это было нельзя.

Для того чтобы привлечь внимание к содержанию, он умело использовал все возможности, которые открывал могучий русский литературный язык: синонимы, антонимы, сравнения, метафоры, пословицы, поговорки, афоризмы, анекдоты (и все к месту, все для общей идеи – сделать лекцию полезной и доступной).

Он хорошо знал отечественную и зарубежную классику, умел пользоваться ею во время своего общения со студентами.

Позднее, познакомившись с ним ближе, посетив его квартиру первый раз, я обомлел, увидев библиотеку (вернее, семейную библиотеку, которую начинал собирать отец – Владимир Эммануилович). Прежде всего, меня поразило не количество, а строжайший подбор классики, справочной литературы, книг и журналов по библиотечному делу и родственным наукам...

Борис Владимирович как-то потом сказал (этот пересказ его мысли записан вечером, после разговора с ним):

– Лучшая часть данной библиотеки учёного человека – это словари и справочники, много людей, которые читают этот вид литературы, как обычную художественную книгу (то есть, своеобразный просмотр слов и выражений, сравнение с тем, как ты их понимал раньше, как будешь понимать теперь).

Он не пользовался конспектом лекций. Фразы у него были длинные, но, говоря, Борис Владимирович никогда не ошибался и блестяще доводил каждую до точки. Создавалось впечатление, что одна фраза скреплена с другой, последующей, чувствовалось, что это – единый текст, в котором нет ничего лишнего.

Борис Владимирович энциклопедически владел специальной терминологией. Не зря коллеги называли его «живым словарём» библиотечно-библиографических терминов.

Познакомьтесь с его публикациями, и Вы сами убедитесь в этом. Особенно рекомендую перечитать работы в новом сборнике: Банк Б.В. Избранное /сост.: А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко; науч. рук. В. П. Леонов – СПб. : Изд-во БАН, 2011. – 427 с.: ил.

По-настоящему почувствовать, насколько Б.В.Банк глубоко знает и чувствует русский литературный язык, блестяще владеет библиотечной терминологией, удалось узнать, вернее ещё раз убедиться в 1985 г. В этот год мне, молодому преподавателю, посчастливилось совместно с Б.В. Банком редактировать кафедральный научный сборник.¹⁶⁷ Это было для меня великой школой, которую подарил мне выдающийся редактор, знаток предмета и русского языка (у него русский язык был тот, который являлся действительно «великим и могучим!»). Такой школой, которую теперь наши любители новых слов называют «мастер-классом»! Мастером был Б. В. Банк, учеником – я.

Работа над редактированием сборника тогда шла в основном в Доме отдыха писателей, в курортном посёлке Комарово. Туда мне приходилось приезжать из Ленинграда на электричке.

Комната у Бориса Владимировича была маленькая, но очень уютная. Возле дома росли большие, красивые деревья. Они глядели в окна и склонялись ветками, как бы одобряя нашу работу, навевая и зазывая в комнату мысли...

¹⁶⁷ Комплексный подход к руководству чтением в пропаганде литературы : сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им Н.К. Крупской; ред.: Б.В. Банк, В.С. Крейденко. Л., 1985. 176 с.

Под окном рос большой тополь. Когда окно открывалось, несколько веток «входили» в него прямо над столом. Администрация хотела их спилить, но Борис Владимирович попросил:

– Не надо, они помогают лучше работать, а запах – какой бодрящий...

Иногда, когда открывали окно после дождя, ветки вваливались, разбрызгивая капли.

– Это наши трудовые слёзы, подсмотренные и собранные ими, – смеялся Борис Владимирович.

Борис Владимирович часто понимал текст очень глубоко. Он чувствовал, что хотел сказать автор, но не сумел это сделать. Знаком с этим на своём примере.

Редактируя текст, Борис Владимирович часто пользовался этим, и другими своими умениями и навыками понимания содержания текста (что есть и что должно бы быть!)¹⁶⁸.

Редактируя, он часто предлагал заменить отдельные слова, улучшая структуру того или иного предложения, что приближало текст лучше и глубже к идее, которую хотел высказать её автор, но не сумел сделать это внятно. Но все изменения он всегда обсуждал и согласовывал с каждым автором, разъясняя свою позицию. Насколько я помню, большинство авторов сразу соглашалось с его предложениями, другие, подумав некоторое время... Причём, он был редактором не по обязанности, а по долгу, в основе которого лежал непоколебимый для него принцип: человек должен всегда помогать человеку...

Всё, что он делал – делал медленно, спокойно, обдуманно. Приступая к разговору, он доставал серебряную тарелочку, папиросы, аккуратно отщипывал кончик, оглядывал её со всех сторон. Зажав папиросу, он глубоко затягивался, как бы стараясь лучше познакомиться с ароматом ее дыма (иногда он вставлял папиросу в стеклянный мундштук), и только после этого за столом начинался долгий, серьёзный разговор. Борис Владимирович всегда курил и вёл беседу только сидя. Происходило не столько курение, сколько шёл спектакль – «курильщики обсуждают проблему». И надо сказать – результат был весьма высок. Если человек не курил, то его Борис Владимирович сажал на другую часть стола, чтобы не дышал

¹⁶⁸ Некоторые говорили: Борис Владимирович видит, что стоит за словами, понимая, отражают ли отобранные автором слова что-то, стоящее за ними. Не-что подобное сказал В.Ф. Сахаров, когда мы однажды говорили с ним о Б.В. Бан-ке, как о редакторе.

дымом... Я, вообще никогда не курил, и меня всегда ожидал этот процесс «отсадки». Папиросу он держал в руках изящно, «воздушно» – казалось, папироса была отдельно, рука отдельно, а держал её в воздухе дымок.

Когда знакомишься с диссертацией Б.В. Банка, начинаешь понимать, что такое настоящий труд кропотливого человека. Вот один пример. В списке использованной литературы, наверное, почти всё, что опубликовано по теме в самостоятельных работах или говорится о ней в работах, не имеющих в целом отношение к теме. Ничего не пропустить, всё прокомментировать – был девиз Борис Владимировича. Он не признавал метода разумной достаточности, а брал всё, что находил по теме.

– И в плохих или слабых работах можно найти дельные, интересные мысли и факты, – говорил он.

Изучение наследия Бориса Владимировича и его отца Владимира Эммануиловича – важная задача наших библиотечковедов.

Опубликовано: Петербургская библиотечная школа. – 2012. – № 1. – С. 30–32.

Б. Б. Батуев

Бато Бадмаевич Батуев. Эссе о хорошем человеке. (2010)

Большое видится на расстоянии...

С. Есенин. Письмо к женщине (1924)

Рассказывают, что как-то спорили три философа – два молодых и один пожилой (на то они и философы, чтобы спорить, предлагая нам мудрые решения!) – о том, что является самым большим подарком судьбы, который может получить человек. Давались и аргументировались разные хорошие и заманчивые ответы. Но спор не затихал. В нём не участвовал пожилой философ. Он молчал и, наконец, другие обратили на него внимание. Когда у него спросили, почему он ничего не предлагает, философ, улынувшись, сказал:

– Ответ знаю давно, но не хотел мешать вашему бурному спору.

– Скажи, – пристали к нему молодые – что это за ответ?

И тогда он сказал:

– Моя жизнь и жизнь моих близких друзей убедительно показала, что самый большой подарок судьбы – это встреча и дружба с настоящим человеком, умным, надёжным и добрым...

Молодые философы задумались, а затем согласились со старшим коллегой и стали рассуждать, почему с этим согласны. С тех пор и задолго до этого спора – написано несметное количество работ на эту тему. Эта важная истина проверялась многими людьми веками, и на ней фактически строится жизнь и справедливость в нашем сложном, иногда безумном мире.

С Бато Бадмаевичем Батуевым я встретился много лет тому назад, когда приехал на работу в Восточно-Сибирскую государственную академию культуры (тогда она называлась институтом культуры)

Раньше так далеко от дома никогда не уезжал (правильнее – не улетал): абсолютно новая обстановка, природа, климат, погода, совершенно незнакомые люди...

Честно говоря, даже растерялся...

Моё состояние, видимо заметил Бато Бадмаевич. И первым пришёл мне на помощь. Он заметил мою растерянность, понял человека, оказавшегося в совершенно новых условиях, и протянул руку дружбы.

– Незнакомое место. Сначала трудно, а потом привыкнешь, увидишь, что и здесь хорошие люди и интересная работа. Я часто тоже

попадал в такую незнакомую для себя жизненную среду. Ничего. Помогали. Справлялся.

Считаю встречу с Бато Бадмаевичем для себя знаковой. Он не назойливо, постепенно стал знакомить меня с новыми местами, показывал их своеобразие и красоту, помог полюбить этот суровый по климату, но добрый в человеческом измерении край.

Это ему удавалось потому, что он сам любил родные места, блестяще знал их прошлое и настоящее, видел перспективы. Он умел говорить убедительно, спокойно, правдиво, не скрывая недостатки.

Я обратил внимание, каким большим уважением пользуется Б.Б. Батуев у людей, с которыми работал или был знаком, и поверил ему. Особенно меня приятно удивило то почтение и уважение, которое проявляли к нему пожилые буряты. «Как на Кавказе», – радостно подумал я. Если аксакал с уважением относится к молодому человеку, значит, он этого заслуживает: умудрённые опытом пожилые горцы никогда не ошибаются в людях. Значит, и здесь так же.

Постепенно я стал находить много общего, что объединяло Республику Бурятию, кавказские республики, Ленинград и другие места, где я бывал.

А скоро приехала моя жена. Нас поселили в хорошем номере гостиницы, и жизнь потекла ровно и спокойно.

Когда приехал посмотреть, как мы живём, отец моей жены – Алексей Константинович, мы решили показать ему дацан.

Как только я заикнулся об этом, Бато Бадмаевич сказал:

– Это возможно. Постараемся договориться.

И мы действительно через несколько дней поехали в дацан. Нас там прекрасно встретили, провели интереснейшую экскурсию, которая завершилась традиционными позами (бурятскими пельменями)...

Незабываемое впечатление осталось от поездки в тайгу за кедровыми шишками. Процесс сбора шишек очень интересен и труден. Сначала надо ударить несколько раз по дереву специальным молотом, и тогда шишки со свистом, срываясь со своих мест, летят вниз (без ушанки на голове лучше этим делом не заниматься! Можешь остаться инвалидом).

Или поездка на заветную поляну за рыжиками. Столько рыжиков, сколько мы увидели на этой поляне, мы нигде никогда больше не видели (это подтвердила такой авторитетный грибник, как моя жена, которая с детства любила грибную охоту).

И ещё одно чудесное воспоминание. Поездка на Байкал. Рыбалка. Чарующая уха. Звёздная ночь. Спутник, пролетающий между

звёздами... Песни бурятские и русские... Эмоции счастья, оставшиеся в сознании на всю жизнь...

Было ещё множество других выездов, встреч, знакомств с интересными людьми...

И за всеми этими делами, объединяющими молодой, ещё не сложившийся по-настоящему коллектив, почти всегда, в той или иной степени, не афишируя себя, стоял Б.Б. Батуев.

Чем больше знакомился я с Бато Бадмаевичем, тем больше начинал уважать его. Как много всего делал этот человек, не забывая самого главного – свою любовь – науку, перед которой он преклонялся и которую творил. Он был настоящим вдумчивым учёным – исследователем.

Прежде, чем сделать вывод, он глубоко анализировал проблему, изучал имеющиеся источники, приводил в систему понятийно-терминологический аппарат, сопоставляя разные точки зрения, и только после того, когда был убежден в своей правоте, высказывался по существу. И тогда его уже было трудно сбить с глубоко продуманных позиций.

И в этом во многом ему помогало то, что он был замечательным науковедом, владел исследовательским инструментом, знал философию науки.

Когда у меня возникали научные проблемы, то я часто обращался к Б.Б. Бадмаеву (даже по библиотечному делу!), ибо он был отличным методологом: умел смотреть на проблему с разных уровней и сопоставлять выявляемые различия, что очень помогало приблизиться к истине.

Бато Бадмаевич любил и понимал юмор. Сам шутил и другим давал такую возможность. Потом говорил:

– Вот это хорошо получилось, на «пять». Один ноль в твою пользу. А это плохо и плоско.

Однажды мы с Н. С. Карташовым были в Хабаровске на учебно-консультационном пункте. Деньги кончались. Стали экономить. Зашли как-то в рыбный магазин. Смотрим, продают консервы: «Кит с горохом» (или «Китовое мясо с горохом», не помню). Цена детская. Решили взять. Попробовали. Оказалось довольно вкусно: кусок мяса – от говядины не отличишь – и горох.

– Если не погрём сегодня, то будем брать, – решили мы.

Всё обошлось. Постановили: оставшиеся два дня питаться китом. Захотели разыграть Бато Бадмаевича. Бумажная этикетка на банке, наклеенная по кругу, легко снималась. Взяли три банки.

– Он кита никогда есть не будет, – глубокомысленно сказал Николай Семенович.

– Но мы снимем этикетку, – сказал я, – а через неделю откроем, что он ел.

– Тогда он нас убьёт, – уверенно сказал Николай Семенович.

– Через неделю уже не убьёт, – мудро решил я.

– Тогда давай снимай этикетки, благо они бумажные.

Так и решили.

Приехав в Улан-Удэ, пригласили Б.Б. Бадмаева к Н.С. Карташову.

– Это говядина с горохом, очень вкусна, – хором проговорили мы.

Под рюмочку пошло отлично.

– Ну, как, – чуть позже спросил Бато Бадмаевич, – кита поест ещё не хотите?

У нас прямо челюсти отвисли... Откуда он узнал?

Тогда Бато Бадмаевич открывает портфель и вытаскивает три банки.

– Каждому по банке! – сказал он. – Берите.

– Откуда? – спросил Н.С. Карташов.

– Никитин прислал, вы ему сказали, когда были в Хабаровске, что для Бато без кита жизнь не жизнь. Вот он самолётом со знакомым лётчиком и переслал мне. Когда вы уехали, он позвонил и сказал, что специально для меня посылает три банки. Но я добрый. Делюсь с вами...

Затем – немая сцена из «Ревизора»

Как-то пригласили Бато Бадмаевича на ликёро-водочный завод прочесть лекцию. Лекцию он прочёл. Его проводили аплодисментами. Главный инженер завёл его в свой кабинет, подписал путёвку, затем вздохнул и сказал:

– Выпить у меня есть всё, что хотите, – и для наглядности открыл холодильник и показал. – Выносить только нельзя и выпить нельзя – нет закуски, – развёл он руками.

– Что вы, что вы, – заговорил Б.Б. Бадмаев сконфужено. – Я и не пью.

Так они и расстались. Утром он рассказал нам эту историю, и мы все долго смеялись.

Через несколько дней – опять приглашение на завод. Вызвался доброволец. Фамилию не назову, но для интриги скажу, что его фамилия была тоже на букву Б, да и профессор он был тоже.

Процедура после лекции повторилась. Тогда профессор говорит:

– Вы знаете, совершенно случайно у меня в портфеле есть роскошные бутерброды, – и он раскрыл свой двойной портфель.

В общем, я дальше рассказывать не буду, сами понимаете, чем этот поход на завод закончился.

Утром гомерический хохот потрясал спорадически преподавательскую комнату. Герой эпизода, выглядевший несколько потрепанно, понимал только одно. На завод его больше не пригласят.

Б.Б. Бадмаев был тонкой натурой. Мне кажется, что он любил хорошую поэзию, но почему-то стеснялся этого (не мужское дело это?). И в связи с этим скажу о С. Есенине, из стихотворения которого не зря взята строчка для эпиграфа. И хотя Бато Бадмаевич о своей любви к поэзии, насколько мне известно, не высказывался, он её любил. В этом я убедился сам. Как-то Бато Бадмаевич увидел у меня томик С. Есенина. Взял его в руки и сказал:

– Поэзия – не моя стихия. Но вот, грешен, очень мне нравится Есенин. Мне кажется, что я также думаю, понимаю и разделяю его порывы. А как глубоко он чувствует русскую речь! Умеет раскрыть свои мысли глубоко и тонко, умело «играя» на возможностях языка.

После нашего отъезда домой, в Ленинград мы очень скучали по Улан-Удэ, к которому привыкли, по людям, среди которых у нас появилось много друзей.

Моя жена часто ставила мне в пример Бато Бадмаевича, говоря о его достоинствах, которых она у меня не находила, а я, в свою очередь, ставил ей в пример Ларису Михайловну, его жену...

Всегда приятно иметь перед глазами примеры добрых и уважаемых людей, у которых есть чему поучиться!

Большой радостью для нашей семьи были приезды в Ленинград вначале Бато Бадмаевича и Ларисы Михайловны, а через некоторое время одного Бато Бадмаевича, которого пригласили в ЛГУ выступить оппонентом.

Вот где мы уважили себя, поговорили, пообщались вдоволь! Ведь не зря говорят, что и душа праздника хочет! (В.М. Шукшин).

Узнав, что у нас остановился друг из Бурятской республики, как бы невзначай, зачастили гости «на огонёк». Иногда засиживались допоздна (Б.Б. Батуев умел очень интересно рассказывать), да и на столе не всё ещё было уничтожено. Приходилось вежливо выстав-
лять пришельцев:

– Гость устал. У них сейчас дома глубокая ночь!

...Перечитывая написанные страницы, и вспоминая многогранную деятельность Б.Б. Батуева, с полным основанием могу сказать,

что он был не только замечательным человеком, другом многим из нас, но и вписал навсегда себя, как активный строитель, в историю одного из лучших вузов культуры – ВСГАКИ.

Опубликовано: Батуевские чтения. История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (посв. 85-летию со дня рожд. д. и. н., проф. Б. Б. Батуева, 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 50-летию ФГОУ ВПО ВСГАКИ), г. Улан-Удэ, 21 мая 2010. – Улан-Удэ, 2010. – С.3–7.

В. А. Бородина

Путь к вершине : юбилей В. А. Бородиной

Вначале было слово. Затем возникла письменность, появились различные носители информации. Появились книги – хорошие и плохие, добрые и злые, важные и бесполезные, излучающие свет и несущие смерть. Есть книги, которые надо обязательно прочитать, а есть такие, читать которые вредно. Бог дал людям возможность становиться совершеннее и добрее, в том числе и благодаря книгам. Те, кто рекомендуют, что лучше прочесть, – его посланцы на земле. БИ- БЛИ-О-ТЕКАРИ! Одна из таких посланниц – Валентина Александровна Бородина. Главная идея, которой посвящает жизнь В. А. Бородина, – усиление роли чтения в развитии человеческой личности, наиболее эффективная его организация.

...Началось всё ещё в детстве. В окружённом тайгой старинном забайкальском городе Чита в семье советского офицера и местной казачки, представительницы российского сословия, члены которого умели успешно совмещать две важнейшие профессии – хлебопашцев и воинов, защитников рубежей, родилась в 1937 году дочь Валентина. Впервые столкнувшись с книгой, она была поражена чудом: как из букв складываются слова, добрые, нужные? (Помните, как об этом человеческом удивлении книгой написал великий Гоголь?) Так и возникла любовь к книге, уважение и преклонение перед чудом, имя которому – чтение.

Действительно, чтобы там не утверждали фантасты и скептики-учёные, похоже, чтение никогда не канет в Лету, так уж устроен человек. Другое дело, что на службу чтению придут современные технологии. Есть две проверенные временем формулы: в библиотеке всё начинается с читателя и всё возвращается к нему; нация, перестающая читать, нищает сначала в культурном отношении, а затем и в материальном, ибо человек, перестающий читать, разучается мыслить (Дидро).

Читатель читателю рознь. Как сделать, чтобы чтение было полезным, интересным и рациональным? Решению этого непростого вопроса и посвятила свою жизнь В. А. Бородина.

Сегодня, конечно, важны и необходимы точные науки, знание современных технологий, умение работать с компьютером и т. д. И всё же главное, о чём нельзя забывать, это воспитание души, а не со-

здание машиноподобного существа, – предупреждает В. А. Бородина. Душу же формируют культура, литература, язык. Читающий человек обсуждает сам с собой или с близкими людьми проблемы добра и зла, красоты и мерзости, чести и бесчестья, совести и бесстыдства, преданности делу и рвательства и пр. В этом смысл книги и чтения.

Книга не только источник знания, учит В. А. Бородина, но и психологическая школа развития читателя! Написанная ею написанная в соавторстве с С. М. Бородиным и вышедшая стотысячным тиражом книга «Учим читать... Уроки динамического чтения» (Л.: Лениздат, 1985) стала настоящим событием, всколыхнула читателей, привлекла их внимание. Книга показала, что чтение – это такой же труд, как любая работа, и требует творческого подхода. Несколько отрывков из этой книги были сразу же опубликованы в газете «Книжное обозрение». Благодаря этой книге начался новый период овладения тайнами чтения, открылись новые возможности совершенствования чтения. «Учим читать...» и сегодня остаётся актуальной для тех, кто хочет глубоко изучать феномен чтения.

Валентина Александровна активно работает и над созданием методологии и методики изучения читательского развития, ибо только специально разработанная методология может верно решать тонкие задачи читателеведения. Исследуя теорию читательского развития, Валентина Александровна пришла к выводу, что единой теории чтения нет. Есть теория психологии чтения, физиологии чтения, педагогики чтения, но отсутствует общая теория, без которой трудно решать теоретические и практические задачи, развивать практику чтения. Валентина Александровна поставила перед собой задачу – все силы направить на разработку общей теории чтения!

У каждого настоящего учёного и педагога есть своя изюминка, сказал как-то отечественный библиотековед Г. Г. Фирсов. Есть ли такая изюминка у Валентины Александровны? Конечно! Она признанный читателевед и непревзойдённый методист-преподаватель. Мастер-классы, которые она проводит с библиотекарями или студентами, заслуживают глубокого и всестороннего изучения. Она умеет трудное или туманное сделать доступным для любой аудитории, запомнившимся на всю жизнь.

Читать по рекомендации опытного библиотекаря-профессионала, справедливо считает В. А. Бородина, по определённой программе (обязательно с возможностью отбора) – это много лучше, чем плыть «по воле волн», метаться в книжном море, огромном

и бурном, где можно и не заметить чего-то очень важного, значительного, ценного! А для этого библиотекарь должен стать акмеологом чтения. Этому вопросу посвящены многие её работы и целая глава в монографии «Теория и технология читательского развития в отечественном библиотековедении». Ею разработаны специализации, направленные на подготовку соответствующих кадров.

Валентина Александровна умеет находить общий язык со студентами, а главное – заинтересовать их своими курсами, умело готовит из них опытных распространителей своих идей и читательской культуры, щедро делится не только знаниями, но и учебно-методическими материалами. Секрет успехов Валентины Александровны заключается в том, что студенты чувствуют глубину её веры в то, что она делает, чему учит, понимают важность чтения. Её ученики развивают её идеи, многие защитили кандидатские диссертации. Среди таковых – А. Л. Гончаров («Теоретико-методологические основы изучения профессионального библиотечного общения»), О. Л. Юшина (Чурашева) («Публичная библиотека в обеспечении информационно-психологической безопасности читателей»), Г. Н. Волкова («Формирование информационной культуры студентов-психологов в библиотеке вуза»). И как подарок к юбилею – защита диссертации Ю. Ф. Андреевой на тему «Теоретико-методические аспекты развития интереса к поэзии у читателей публичных библиотек». На подходе ещё двое соискателей с темами, имеющими в эпоху интернета особое значение: культура чтения как научное библиотековедческое понятие и проблемы межчитательского общения на пересечении книжной и компьютерной культур.

Мечтой Валентины Александровны является создание понятийно-терминологического словаря чтения. Этой ответственной работой она занимается долго и постоянно. Почему? Потому, что понятийно-терминологическое поле – основа, на которой держится вся наука. Валентине Александровне удалось систематизировать понятийный аппарат в рамках теории и методологии читательского развития. Она ввела в научный оборот читателеведения и библиотековедения много терминов, ранее не использованных. Среди них – акмеология чтения, квалитология и квалиметрия, читательская социометрия, психосемиотико-коммуникативный подход, информационно-психологический консалтинг, нормированная продуктивность чтения. Обосновала принцип единства читательского сознания, читательской деятельности и читательского общения и ряд других применительно к читательскому развитию личности.

Под её руководством продолжают это сложное дело её ученики, расширяя и пополняя понятийно-терминологический словарь, решая научные задачи в рамках диссертационных исследований.

Валентина Александровна реализует свои идеи, постоянно превращает их в поступки и дела: разрабатывает различные курсы, читает публичные лекции, проводит научно-практические семинары, мастер-классы и тренинги, пишет книги, статьи. В сфере её научных и практических интересов – междисциплинарная науки библиотечная психология. Она разработала её концепцию и организовала в Санкт-Петербургском Психологическом обществе научную секцию «Психология и педагогика чтения», успешно работающую уже восемь лет. Книги и статьи, написанные Валентиной Александровной, свидетельствуют о широте её интересов. Это и психология чтения, и профессиональное чтение, и библиотечное обслуживание, и основы педагогического мастерства, и фольклор о чтении, и школа летнего чтения. Среди её работ есть и совсем необычная книга – «Восприятие поэзии Востока» (издательство «Диля»). В ней проявился талант Валентины Александровны не только как психолога чтения, читателеведа, но и литературоведа, а справочный аппарат к этой книге свидетельствует о профессионализме автора как библиографа.

Закончив отделение технических библиотек библиотечного факультета ЛГИК им. Н. К. Крупской, она попала на кафедру библиотекovedения как соискатель, темой её диссертации стало «Совершенствование читательской деятельности в условиях библиотек» (руководитель В. Ф. Сахаров). Тема её докторской диссертации – «Читательское развитие личности: теоретико-методологические аспекты», и этой проблемой Валентина Александровна занимается по сей день, выйдя на уровень акмеологии чтения – науки будущего в эпоху информационно-коммуникативных технологий. Она путешествует по всей стране, пропагандируя свои проверенные многолетней практикой идеи (их разделяет и автор этого эссе, и многие единомышленники Валентины Александровны). Только в этом году она побывала в Якутске, Краснодаре и Геленджике. В последние годы её всё больше интересует проблема чтения как фактор личностного роста, в том числе и применительно к особым группам читателей. Не могу не сказать, как важно в жизни найти и идти рядом с человеком единомышленником – добрым, умным и сильным, который поддерживает и помогает в осуществлении твоей мечты. Таким человеком стал для неё Сергей Михайлович Бородин – муж, коллега, друг.

Вместе они написали не одну работу, оставаясь верными проблеме чтения, вначале динамического, а теперь созидającego.

Сейчас В. А. Бородинa – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ – находится в самом продуктивном периоде своей творческой жизни. Много сделано, но ещё больше планов. Среди этих планов – пропаганда наследия Н. А. Рубакина, подготовка библиотекарей как акмеологов чтения, обоснование общей теории чтения, подготовка и издание энциклопедии по чтению и многое, многое другое... А это потребовало бы (ни много, ни мало) создания института читателеведения имени Николая Александровича Рубакина – главной мечты Валентины Александровны Бородиной. Она неустанно повторяет девиз Н. А. Рубакина как девиз своей профессиональной деятельности – «Всегда и везде служить возвышению читателей». И служит... Пожелаем ей успехов на этом трудном и серьёзном пути!

Опубликовано: Библиотечное дело. – 2012. – № 20. – С.43–44.

А. Н. Ванеев

Три штриха к портрету А. Н. Ванеева (2014)

Юбилей рано или поздно отмечает каждый человек. И чем солиднее юбилей, тем интереснее личность юбиляра. И всем окружающим хочется выразить ему свое уважение и восхищение. Поздравляя с замечательной датой – 90-летьем – моего большого друга и многолетнего коллегу Анатолия Николаевича Ванеева, я хочу добавить несколько интересных и важных штрихов к его портрету.

Во-первых, хочу отметить такую его черту характера, которая отсутствует или ослаблена у некоторых людей. Это – аккуратность и собранность, порядок в документах и книгах по специальности. В его личном архиве и библиотеке всё находится или в своей папке, или на полке на своём месте, где оно должно всегда находиться. Видимо, в основе этого качества лежит генетическое начало – у одних оно представлено сильнее, у других – слабее. Но в любом случае это качество нужно всё время развивать. Приведу косвенное подтверждение моей «генетической теории».

Как-то мы были у Ванеевых на дне рождения внука Анатолия Николаевича – Бори. Было ему, наверное, четыре или пять лет. Гости, как полагается, поздравляли мальчика, дарили ему разные вещи. Он благодарил. И нёс их на подоконник. Шоколадки он клал в одно место подоконника, игрушки – в другое, книжки – в третье и т. д. Откуда в маленьком ребенке такая тяга к порядку? Наследственная черта? Видимо, да! Таким аккуратным он остался до сих пор.

У самого Анатолия Николаевича все папки тематические, все они и все в них пронумеровано, лежит в системе. Если мне, например, нужно что-то узнать из библиотечной сферы – лучшая первоначальная энциклопедия – память Анатолия Николаевича, усиленная порядком в бумагах, лежащих в папках.

Однажды мне понадобились сведения об одном важном методическом совещании, в котором участвовали А.Н.Ванеев и я. Нужна была дата (год, месяц, число) и № приказа Министерства культуры. Где только я не искал нужную информацию, искал тщательно, везде, но найти не мог. Обратился к Анатолию Николаевичу. Он сказал:

– Да, помню это совещание. Но о том, что тебя интересует, сразу не скажу. Подожди немного.

Через несколько дней раздался звонок:

– Записывай. Совещание проводилось по приказу Министерства культуры за № таким-то, год, месяц и дни такие-то.

Оказывается, у А.Н.Ванеева в соответствующей папке оказалась выписка с благодарностью за участие в этом совещании. Вот так, с помощью уникальной аккуратности Анатолия Николаевича мне удалось уточнить фактические сведения для своей статьи.

Знает он на память имена и отчества всех выдающихся библиотечных работников, многие фактические сведения об их жизни.

Анатолий Николаевич всегда умеет выбирать для своей домашней библиотеки такие книги по специальности, которые должны быть всегда под рукой, прежде всего, справочники, учебники, монографии...

Считаю, что была бы большая польза, если бы Анатолий Николаевич выступил и рассказал молодым исследователям о своей методике сбора, отбора и хранения библиотечных документов, которые могут пригодиться для дальнейшей работы; какие справочники лучше всего иметь под рукой дома и о других важных вещах, которые надо знать учёным.

Второй важной чертой характера А.Н. Ванеева является его железная выдержка и уравновешенность. Приведу такой пример.

Однажды мы с Анатолием Николаевичем летели в республику Коми, в город Сыктывкар, где размещался один из лучших наших филиалов вуза: там были любознательные, заинтересованные учёбой студенты, тактичные, опытные и хорошо подготовленные местные преподаватели, которые вместе с нами работали со студентами-заочниками. Самолет был переполнен, так как рейсов в те времена было мало.

Делать было нечего, и я смотрел в иллюминатор самолета с правой стороны по движению самолета. Красота, солнышко подмигивает, небо голубое, чистое, вот только впереди на горизонте как-то хмурится, сгущаются черные тучи.

Обсудив с Анатолием Николаевичем предстоящие учебные дела, я опять посмотрел в иллюминатор. Что такое? Только что солнце было справа, а теперь светит в иллюминатор с левой стороны самолета. Что произошло – почему такой разворот? Не успел я понять, что произошло, как услышал по радио самолёта:

– В связи с начавшейся пургой в районе Сыктывкара, наш самолёт вынужден произвести посадку в Ухте.

Через некоторое время самолёт вошёл в полную тёмноту, начал трястись и надрывно гудеть моторами, прорываясь сквозь пургу.

Началось снижение. В Ухте дул сильный ветер, крутя снежные вихри, было темно.... Самолёт вошёл в какой-то круговорот снега и ветра.... На земле стали появляться и исчезать огоньки посадочной полосы. Наконец мы услышали лёгкий стук и поняли, что самолёт выпустил шасси и пошёл на посадку. Раздался удар колёс по посадочной полосе. Самолет начал сбавлять скорость и остановился.

На земле бушевала сильнейшая пурга. Сходя по трапу, мы увидели, что сзади самолета болтается парашют, который он выпустил, чтобы сбавить скорость. Когда стал выходить экипаж, все бурно захлопали, некоторые даже кричали «спасибо», «молодцы». Члены экипажа чётко справились каждый со своими обязанностями в трудных погодных условиях.

В зале аэровокзала мы устроились с Анатолием Николаевичем в креслах и стали обсуждать ситуацию. Я спросил:

– Что будем делать? Смотри, люди берут такси и едут на железнодорожный вокзал. Хотят добраться до Сыктывкара поездом.

И действительно, половина пассажиров исчезла. Испугались застрять в Ухте, что ли?

А.Н.Ванеев подумал и сказал:

– Ты знаешь, на фронте, кто начинал суетиться, погибал чаще, чем те, кто спокойно, сдержанно оценивал обстановку. Поэтому давай не будем суетиться, – продолжил он. – Может получится ещё хуже. Нам сказали, что полетим через четыре – шесть часов, значит, надо дожидаться.

Мудрость и осмотрительность, приобретённая в военном опыте, дорого стоит. Я согласился с другом.

– Убедил, – сказал я. – Остаёмся. Пойдём в буфет, снимем напряжение.

Мы зашли в буфет аэровокзала, попросили по 150 гр. водки. Нам налили, и дали ещё по бутерброду (а буфет уже закрывался, и полки были пустые).

– Чтобы всё хорошо завершилось, и мы вовремя прибыли на место!

Мы чокнулись, выпили и пошли к своим креслам.

По радио передали ещё раз, что через 5–6 часов самолёт продолжит путь.

Посадка началась приблизительно через 6 часов. Тягач дотащил по глубокому снегу наш самолёт к взлётной полосе. Через некоторое время он взлетел, и мы благополучно долетели до Сыктывкара.

Так, спокойно переждав непогоду, не суетясь, не предпринимая лишних действий, подобно другим беспокойным пассажирам, мы все равно добрались до конечной точки своего маршрута. Во многих других жизненных ситуациях Анатолий Николаевич поступал также, проявляя свою выдержку и рассудительность.

И третий сюжет, которым хочу поделиться, говоря о моем коллеге и товарище, раскрывает его совсем с другой стороны.

У многих людей есть увлечение, любимое занятие, которым они занимаются на досуге (в скобках скажу, что у некоторых иногда оно становится целью жизни, заслоняя всё другое!).

Особенно распространёнными являются те увлечения, которые связаны с природой, родным краем. Они часто привязывают человека к краю, усиливают его любовь к малой родине. Это и различные краеведческие интересы и, конечно, «грибная охота», которая развивается особенно там, где много грибных мест.

Возможно, А.Н. Ванеев стал заядлым «грибным охотником» именно потому, что родился и долго жил в чудесном вятском крае, где охотничий промысел занимал определённое место в жизни населения.

Грибная охота обладает какой-то магической силой. Она умиротворяет человека и всё больше и больше привязывает его к своему родному краю, его людям, красотам природы – флоры и фауны.

А.Н. Ванеев однажды поделился со мной: «Грибы привлекли меня необычным многообразием видов, секретами своей жизни, роста, «хитростями поиска», так как особенность грибной охоты – повышенное внимание: десять человек прошли мимо растущего, казалось бы, на виду гриба, а нашёл его одиннадцатый». Анатолий Николаевич также знает много баек о грибах и грибниках. Например, он мне рассказывал о своём знакомом (таких раньше называли пижонами), который мариновал в бутылке маслята, но только такие, которые проходили через горлышко бутылки.

В вятском краю, пожалуй, все поголовно занимаются интереснейшей, увлекательнейшей охотой – грибной. Она интересна и полезна по нескольким причинам: во-первых, человек находится на природе, на свежем воздухе; во-вторых, развивается наблюдательность, интерес к местной флоре и фауне, человек становится не только собирателем грибов и ягод, но и защитником природы; в-третьих, эта охота рождает много легенд, историй реальных и вымышленных; в-четвёртых, это «вкусная» охота, помогающая создавать из ее «добычи» удивительные и полезные блюда. Наконец, такая

охота вырабатывает у человека внимательность, осторожность, сосредоточенность, бережливость. Так закладывается в сознании человека народная экологическая требовательность к себе и другим.

Недавно я прочёл, что грибные запасы у нас на севере безграничны. Так, в нашей стране в её лесах вырастает 3–5 миллионов тонн грибов. Но из этого сказочно большого количества пока используется только 10–15%. В течение года городской житель съедает 5–6 кг грибов, а сельский до 8 кг.¹⁶⁹

У каждого человека «страдающего» тем или иным хобби, есть свой «великий подвиг» или, если хотите, достижение. Так, например, у библиофила в коллекции есть книга, которой больше нигде нет. Рыбак поймал на крючок хамсу таких размеров, которые никто у этих рыбок даже предположить не может! Грибник нашёл гриб... Здесь вернёмся к Анатолию Николаевичу. У настоящего грибника есть, как минимум, одна своя удивительная история, в которой фигурирует какой-нибудь редкий гриб. Есть она и у А.Н. Ванеева.

Однажды, будучи в одном из районов Кировской области в служебной командировке в библиотеке, он был приглашен ее сотрудниками пойти по грибы.

«Здесь, – вспоминал Анатолий Николаевич, – я впервые нашёл чудо-гриб. Это был самый крупный белый гриб, который я когда-нибудь видел. Его объём составлял примерно 40 см., ножка была величиной с хороший кулак. Рос гриб на высоте в полметра от земли в развилке двух деревьев, и поэтому не был замечен грибниками. Жалко только, не удалось его взвесить!».

Вообще Анатолий Николаевич никогда не приходил из леса без грибов. Помню такой любопытный случай. Мы с женой отдыхали в Доме отдыха в Комарово. Нас приехали навестить Ванеевы. Вначале Анатолий Николаевич нашёл несколько белых грибов прямо у Дома отдыха. Тогда мы взяли корзинки и пошли вглубь участка, где стояли другие домики. Ванеевы уехали от нас с полной корзиной грибов, в том числе белых, собранных на территории Дома отдыха! Вот что значит уметь искать по-настоящему. О таких людях говорят: у них «грибной глаз».

Ванеевы не просто мастерски собирали грибы, но и умели готовить их. Помнили много секретов засолки, жарки и варки грибов. Знали, какие грибы, какую обработку требуют, какое блюдо из тех или иных грибов лучше сделать. Ибо разные грибы готовятся

¹⁶⁹ Кашеев А.К., Каретников П.Р. 200 блюд из грибов Сибири. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1982. С.5.

по-разному. Этому искусству надо учиться. Особенно много рецептов есть у жителей грибных районов (см. например: *Марчевская Т.В. Грибы наших лесов. – Горький: «Волговятское кн. изд-во», 1968. – 136 с. (в этой книге интересные рецепты по приготовлению грибных блюд!)*).

В каждой семье, как правило, есть свои «фирменные блюда». И хотя Ванеевы очень любят грибы, но их фирменным блюдом являются сибирские пельмени. Кто хоть раз пробовал у них это блюдо, на всю жизнь запоминал и сами пельмени, и их специфический вкус и сопровождающие их поедание красивые застольные обычаи. Сами пельмени хороши, но процедура, сопровождающая их приготовление, имеет не меньшее значение.

Пельмени готовила вся семья, и был свой «семейный секрет», придающий им необычность. Когда пельмени готовились к варке, в один из них вкладывалась надломленная спичка (разумеется, без серы). В каждой партии пельменей, подававшихся к столу, было по одному такому пельменю со спичкой. Он считался «счастливым» пельменем. Тот, кому он доставался, сообщал об этом и получал ещё и приз. Эта игра вызывала много радости и смеха!

И, конечно, обрамлением, сопровождением «пельменевого чуда», которое творили Ванеевы, были разные виды грибных закусок, украшавших стол. В эти разнообразные закуски было вложено искусство супруги Анатолия Николаевича – Л.А. Ванеевой, а также огромный опыт вятских умельцев, который использовали Ванеевы, вводя грибы в своё семейное меню.

Опубликовано: Библиотечное дело. – 2014. – № 23. – С. 12–14.

Ю. В. Григорьев.
Профессор Юрий Владимирович Григорьев.
Краткое эссе, показавшее суть настоящего
человека-учёного. (2017)

Я прилетел в Улан-Удэ в начале января 1964 г. один, без жены, в разгар суровой сибирской зимы.

Гостеприимная хозяйственная часть института по распоряжению ректора Даши Жалсаповича Жалсабона поселила меня в гостинице Байкал, в центре города у самого института. Прилетел я один, потому что в первую неделю февраля должен был улетать обратно в Ленинград на защиту кандидатской диссертации. 13 февраля 1964 года в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена состоялась защита моей кандидатской диссертации¹⁷⁰. Всё прошло нормально. Через несколько дней после оформления всех документов по защите мы с женой собрались лететь в Улан-Удэ. Оказалось, что Н. С. Карташов был в те дни в Ленинграде и, узнав, что мы летим, отправился вместе с нами.

В буфете аэровокзала мы выпили с ним и с Алексеем Константиновичем (отец моей жены) за счастливую дорогу! (любимый тост Николая Семёновича Карташова).

Мой тесть очень понравился Николаю Семёновичу:

– Здоровый мужик! И пьёт умело, и рука крепкая!

– А ты спроси у нас, кем он работает?

– Кем? – заинтересовался Николай Семёнович.

– Он – начальник, назовём условно, комплектационного цеха в Ленинградском объединении электронного приборостроения «Светлана». У него под началом более 500 молодых мужчин, в основном, прошедших армию, – слесарей, электриков, электросварщиков, каменщиков и др. Они сооружают то, что не могут сделать мастера

¹⁷⁰ Крейденко В. С. Комплектование библиотек в многонациональных республиках и областях изданиями на языках народов СССР: диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук (по библиотековедению). Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент В.Ф. Сахаров. Диссертация выполнена на кафедре библиотековедения Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской. Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор С.Б. Окунь; кандидат филологических наук А. З. Абрамишвили (зав. отделом национальной литературы Гос. публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина). Ответственный редактор – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков народов Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена М.Г. Воскобойников.

других специальных цехов. Если пить не уметь, и рука слабая – с такими ребятами не справиться, не будут уважать и слушаться. А сейчас его слово на работе для них – закон!

Нас поселили в тот же номер, в котором я жил до этого в гостинице «Байкал»¹⁷¹. Номер был хорошим, светлым. Окна на улицу. Ждали, пока достроят четырёхэтажный дом на ул. Терешковой, как раз напротив того места, где строился новый корпус Восточно-Сибирского государственного института культуры.

Когда переехали в новую квартиру на ул. Терешковой, напротив, через дорогу стали строить огромный кинотеатр, рядом с возводимым зданием Восточно-Сибирского государственного института культуры. Я говорю:

– Вот, Аннушка, это нам подарок готовят. Будем ходить первыми все новые фильмы смотреть...

Ждали мы открытие, ждали... И оно было назначено на день нашего отъезда из Улан-Удэ, то есть, через пять лет от начала строительства...

С устройством на работу у моей супруги возникла проблема. Удивитесь, но свободных мест нигде не было! Но вот интересный эпизод. Пришла моя жена к начальнику отдела кадров Геологоразведки. Ответ тот же: девушка, у нас свободных мест нет. И когда моя жена пошла к выходу, он вдогонку, неожиданно, спросил:

– А Вы из какого города приехали?

– Из Ленинграда, – ответила Аннушка.

– А где вы там работали?

– На заводе электронного приборостроения «Светлана» в химической лаборатории.

– Да, – сказал задумавшийся начальник отдела кадров. – А Яковлева Алексея Константиновича Вы, случайно, не знаете, он у нас в прошлом году проводил в Иркутске совещание?

– Это мой папа, – сказала, покраснев, Анна Алексеевна.

Так Аннушка устроилась на работу по своей специальности в Геологоразведку. Напротив от нашего дома по улице Терешковой.

Время шло. А из ВАКа не приходило никаких известий о судьбе моей диссертации.

...Мне часто приходилось летать в Москву на заседание Совета по высшему образованию в Министерство культуры.

¹⁷¹ Любопытно, что когда мы прилетели в этот день, сняли северную надбавку из заработной платы. Восстановили её только через пять лет, когда мы уезжали из Улан-Удэ в Ленинград.

И вдруг, перед отъездом в Москву, зайдя на кафедру, получаю открытку от профессора Ю.В. Григорьева: «Будете в Москве, зайдите ко мне. Вот мои координаты...» (был указан домашний адрес). Что бы это могло означать? Никак не мог сообразить. Но скоро Москва. Во всём разберёмся (я знал, что у Ю. В. Григорьева и у В. Ф. Сахарова была какая-то ссора по поводу организации в библиотеках открытого доступа).

Оказывается, ВАК искал специалиста, который хорошо разбирается в проблемах комплектования библиотечных фондов, особенно национальной книгой, для того, чтобы дать ему диссертацию на окончательную рецензию (такие рецензенты почему-то назывались «чёрными рецензентами». Возможно, потому что их фамилии, как правило, не разглашались)¹⁷².

С деньгами было плохо. Поэтому, прилетев в Москву, купил только небольшой букет цветов и позвонил в квартиру профессора¹⁷³.

Поздоровались. Сели за стол. Он достал небольшой листик бумаги, на котором были сделаны записи.

Я впервые встретился с Ю. В. Григорьевым. Он был среднего роста, плотного телосложения. Разговаривал спокойно, не торопясь.¹⁷⁴

Разговор начался так.

– У меня с Вашим руководителем В.Ф.Сахаровым разногласия по ряду вопросов. Мы их решаем. Вы же к этим делам никакого отношения не имеете... Науку со склоками нельзя смешивать. Мы с ним без Вас разберёмся...¹⁷⁵.

А затем, помолчав несколько минут, начал.

– Тема у Вас весьма актуальная, сравнительно новая и необходимая. Методы, которые Вы предлагаете в решении проблемы,

¹⁷² В диссертации получился сложный «гибрид»: комплектование фондов библиотеки + национальные книги (гибрид инновационный, но как он должен работать?). Видимо, всё это «удлинило» получение диплома кандидата наук почти на год...

¹⁷³ Я долго «внутренне» краснел за этот букет. Но зато, когда меня утвердили, принёс ему огромный букет роз!

¹⁷⁴ Потом, через несколько лет при встрече со мной, А.Н. Ванеев мне рассказал, что когда он был у Ю.В. Григорьева дома по поводу оппонирования его кандидатской диссертации, он, между прочим, указав на подоконник, сказал: «Вот, лежит диссертация В.С. Крейденко из ВАКа. Я даю на неё положительный отзыв».

¹⁷⁵ Лжеучёный или просто склочник отыгрался бы на мне, чтобы отомстить В.Ф. Сахарову. Но он этого не сделал! Он был настоящий Учёный с Большой буквы.

интересные, многие из них инновационные и т. д. ... В целом, работу оцениваю письменно положительно, о чём сообщил в ВАК.

Причём обратил внимание Юрий Владимирович именно на то, что для меня самого было новинкой – на первые попытки использования этих методов для работы в Северо-Осетинской республиканской библиотеке им. С. М. Кирова в должности зав. методическим отделом.

Он уловил самое главное в работе, достоинства её, но и заметил слабые места.

Идя после разговора в гостиницу, я думал обо всём этом и чуть не попал под машину.

Шофёр выругался, используя ненормативную лексику. Я, улыбаясь, ответил ему тем же...

Помахав друг другу руками, улыбаясь, мы мирно разошлись – один ушёл, другой – уехал!

Опубликовано: Библиопанорама. – 2017. – № 1. – С.100–102.

И. В. Гудовщикова

У Вас случайно нет с собою Конфуция? (2010)

Аспирантура в нашем Ленинградском институте культуры в бытность заведования ею Ириной Васильевной Гудовщиковой была прочной цитаделью молодых людей, решивших посвятить себя библиотечным наукам.

Аспирантура располагалась в одной комнате. В ней было всегда тепло и приветливо по-домашнему. Помню, как символ добра и мира всегда стоял на столе в маленькой вазочке букет цветов, чаще полевых – простых и красивых. Сюда было приятно зайти по делам и просто так, чтобы набраться положительных эмоций.

Ирина Васильевна любила свою работу, уважала людей, которых вела в науку. Помогала аспирантам, как могла. Старалась, чтобы научные руководители уделяли своим подопечным больше времени, оказывая им реальную помощь. Если надо было, то и шла заступаться за аспирантов. Бывала и в ректорате, в деканате, а однажды даже ей пришлось посетить милицию (один наш аспирант как-то подрался на улице). Но эти походы она осуществляла только тогда, если верила в аспиранта, понимала, что проступок случайный и больше не повторится.

Гудовщикова была женщиной невероятной красоты и ума (что вместе у одной женщины нечасто встречается, как, впрочем, и у мужчины). Даже ревнивые аспирантки вынуждены были признать этот бесспорный факт. Как её назвать? Просто – красавицей? (как передавало аспирантское радио, которое «всё знает», додумывающее и выдумывающее, что в ней текла и польская дворянская кровь).

Наверное, правильнее сказать: она была красавицей – неповторимой и самобытной и ни с кем не сравнимой.

Дружба с ней сохранилась на долгие годы у всех нас.

Через несколько лет после окончания мною аспирантуры ЛГИК И.В. Гудовщикова приехала читать лекции в Улан-Удэ, в Восточно-Сибирский институт культуры, где работало несколько выпускников нашей аспирантуры. Устроили мы ей царский приём. Поселили её в маленькой гостинице «Интурист» в чудесном номере и решили отметить этот факт.

– Кто самый опытный специалист по шампанскому? – спросили мы. Все показали на Моргенштерна (на самом деле – причина – никто не хотел бежать на улицу в 40-градусный мороз).

– Значит, так, – сказал я, – купишь три бутылки шампанского и одну бутылку коньяка, а закуски будет покупать Люда Бережная. Она девочка умная – колбасу от рыбы отличает запросто. Скоро они вернулись замерзшие, но довольные. Купили всё, что просили.

Шампанское, это было видно через тёмные стекла бутылок, превратилось в снег, а коньяк выдержал уличный мороз. Пока мы готовили стол, разморозилось и шампанское (в номере было очень жарко!).

– Кто открывает шампанское? – спросила Ирина Васильевна.

Все посмотрели на меня. Я гордо взял бутылку, и решил открыть её с «шиком». Снял медленно проволочный колпачок, покрутил пробку и направил её на потолок, произнеся: За здоровье нашей дорогой гостьи!

Раздался выстрел, и пробка полетела в потолок. Но ужас, за пробкой в потолок ударила струя шампанского, которая оказалась ... красного цвета!

– Что ты купил? – растерявшись, спросил я. – Сидр?

– Нет, – ошалело глядя на потолок, промычал Моргенштерн.

Это действительно было шампанское такого цвета.

Но настроение только поднялось (мы потом переселили Ирину Васильевну в другой номер, а этот номер институтская хозяйка перекрасила).

На другой день весь библиотечный факультет собрался слушать её лекцию по курсу «Иностранная библиография». Знала она материал блестяще. Читала интересно и, я бы сказал, элегантно. И так на каждой лекции: много народа и интересный, запоминающийся материал. Я понял: нет только скучных или всегда интересных курсов. Любой курс можно сделать интересным и захватывающим, если его читает настоящий мастер, а не ремесленник. Таким мастером была И. В. Гудовщикова (закон здесь прост: ни то, что читаешь, а как читаешь!).

Потом начались домашние приёмы. Каждый вечер – к кому-нибудь из нас в гости. Десять дней командировки прошли как один день, но красивый и насыщенный впечатлениями, как для Ирины Васильевны, так и для каждого из нас.

Добавлю, что она была светлым человеком. От неё всегда исходили «волны» доброжелательности и добропорядочности. Кроме того, она была ещё остроумным и неожиданным в выражении своей индивидуальности, или в действиях, человеком.

Вот только один пример.

Через много лет на Учёном совете СПбГУКИ мы с Сашей Мамонтовым о чём-то говорили (слушать нудного докладчика было лень) и почему-то вспомнили Конфуция. Впереди нас сидела Ирина Васильевна. Я обратился к ней шёпотом, рассчитывая на какую-нибудь её остроумную шутку:

– У Вас случайно нет с собою Конфуция?

Она как-то хитро посмотрела на меня и ответила:

– Случайно, есть.

И вытянула из сумки книгу.

...Немая сцена. Два наших открытых в удивлении рта, которые долго не могли сомкнуться, и весёлая улыбка Ирины Васильевны.

Опубликовано: Библиопанорама. – 2010. – № 2. – С. 119–125

М. Я. Дворкина

Профессионал с большой буквы. (2016)

Московская библиотечная школа вносила и вносит большой вклад в развитие отечественной науки и практики. Считаю необходимым отметить, что эта школа влияла и продолжает влиять на библиотечное дело в ближнем и дальнем зарубежье, поскольку школа отличается глубокой научной культурой и высокой квалификацией ее членов.

Одним из достойных членов этой школы является выдающийся библиотеквед – Маргарита Яковлевна Дворкина, профессионал с большой буквы, хорошо известный специалист в нашей стране и за рубежом.

Несколько фактов из биографии М. Я. Дворкиной. В 1945 г. она поступила на заочное отделение Московского государственного библиотечного института (окончила в 1959 г.). Из специальных дисциплин ей особенно были интересны лекции и практические занятия по классификации литературы, которые вела Софья Евгеньевна Шамурина.

М. Я. Дворкина училась и одновременно работала библиотекарем в Московском полиграфическом институте, затем в других научно-технических библиотеках, в том числе в ГПНТБ СССР, органах научно-технической информации (общий стаж практической работы 23 года).

Будучи аспиранткой Московского государственного института культуры (МГИК), она подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Революционно-демократические библиотеки и их роль в историческом процессе развития социальных функций библиотек России (конец 50-х – начало 60-х годов XIX в.)», защитила ее в 1979 г.

После защиты кандидатской диссертации Маргарита Яковлевна становится членом преподавательского коллектива кафедры библиотекведения МГИКа и вскоре превращается в одного из ведущих специалистов института. Ее педагогическую деятельность всегда отличали интенсивность, многогранность и творческие результаты.

В 1994 г. М. Я. Дворкина защитила докторскую диссертацию на тему «Библиотечное обслуживание: теоретический аспект», вперые разработав теорию этой деятельности.

После двадцати лет работы в МГИК Маргарита Яковлевна Дворкина переходит в главную библиотеку страны – Российскую государственную библиотеку (РГБ), где и трудится по настоящее время.

М. Я. Дворкина отличается новаторской сущностью своей научно-исследовательской и практической деятельности, чему во многом способствует большой опыт работы в библиотеках. Он превратил ее новаторство в практически ценный и полезный результат как в области изучения истории библиотечного дела, так и разработки теории библиотековедения, в выдвижении методологических рекомендаций и других важных элементов теории и практики библиотечной деятельности.

Ее глубокий профессионализм, талант и авторитет ученого дают возможность выдвигать такие реальные инновационные идеи и предложения, которые являются актуальными для дальнейшего совершенствования библиотечного дела.¹⁷⁶

У Маргариты Яковлевны более 350 опубликованных работ. Тематика ее публикаций, на первый взгляд, кажется пестрой. Но это только на первый взгляд. Все ее работы (по крайней мере, большинство из них) можно успешно разместить по такой смысловой шкале: история библиотечного дела; значение и функции библиотек; требования к развитию библиотек и содержанию работы библиотекарей и, наконец, обслуживание реальных и виртуальных читателей (ради которых, сегодня, фактически, создаются и существуют библиотеки)¹⁷⁷.

Выдающийся вклад внесла Маргарита Яковлевна Дворкина в развитие библиотечной исторической науки. Более двадцати лет она была организатором конференции «Библиотека в контексте истории». На базе этой конференции было издано 10 сборников, все под редакцией и при участии М. Я. Дворкиной, а также сводный указатель к ним. В этих сборниках опубликованы интересные и полезные работы по методологии и методике изучения истории библиотечного дела. Многие из них получили признание у наших специалистов. Эти работы важны, так как известно, что без серьезного знания истории науки не может быть и ее настоящей теории.

Большое теоретическое и практическое значение имеют книги и статьи М. Я. Дворкиной по проблемам библиотечного обслуживания.

¹⁷⁶ Существуют два вида нового. Первый – это инновации, второй – отсебятина. Первый вид строится на реальности – потребностях практики и ее возможностях, связях с ней. Второй – представляет из себя мысли и желания, оторванные от реальности, то есть являются маниловщиной. Иногда, вначале, бывает трудно отличить полезность первого от бесполезности второго. Более того, второе выглядит даже «красивее».

¹⁷⁷ Вспомним классическую формулу: в библиотеке «все начинается с читателя и все возвращается к нему» (Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Книга, 1981. С. 289).

«Флагманом» ее работ и вообще этой серии является монография «Библиотечное обслуживание: теоретический аспект» (249 с.). Монография открыла новую страницу в разработке этого важнейшего вида библиотечной деятельности и создании учебного курса «Библиотечное обслуживание». В рамках проблем библиотечного обслуживания М. Я. Дворкина разрабатывала вопросы организации библиотечной среды.

Помню, как мы с Н. С. Карташовым использовали эту книгу и другие работы М. Я. Дворкиной при создании своих курсов «Библиотечного обслуживания» (сначала в Улан-Удэ, а затем Н. С. Карташов в Москве, а я в Петербурге).

Многие из ее работ на эту тему стали классическими и продолжают служить педагогам наших вузов культуры для совершенствования и корректировки своих курсов по библиотечному обслуживанию.

Работы М. Я. Дворкиной дали возможность многим специалистам, учитывая достигнутые ею результаты, двигаться в библиотечной науке вперед.

Некоторые идеи ее заново продумывали, другие – оспаривали, но у талантливого ученого даже его ошибки содержат большой материал для размышлений и выбора правильного пути. У настоящего ученого (эта гипотеза проверялась доцентом Е. В. Бахтиной при написании диссертации о В. Ф. Сахарове) даже его заблуждения обладают мощным творческим потенциалом, побуждая к спору и новым открытиям.

Хочу специально остановиться на таком, казалось бы, малозначительном материале, как программы, методические разработки, наглядные пособия по изучению учебных курсов. В этих материалах содержится богатейший интеллектуальный потенциал, созданный в разное время и по разным случаям. В них много того, что способствует развитию взглядов, подходов, предложений и т. д.

Классик отечественного библиотековедения Б. В. Банк обращал особенно большое внимание именно на такой вид работ (их можно назвать общими словами «подготовительные материалы» или «методические» материалы). Он, в частности, просил меня разыскивать для прочтения такие работы М. Я. Дворкиной. И хотя М. Я. Дворкина в те годы только начала обращать внимание на этот вид работ и публиковать их, опытный глаз Б. В. Банка уловил в ней рождение мастера.

Во всех работах Маргариты Яковлевны звучит ключевая мысль: в информационном обществе библиотеки были, есть и будут. Рассматриваются весьма успешно теоретические и актуальные вопросы, связанные с возможностями совершенствования библиотечной деятельности (например, в монографии «Библиотечная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде»), с решением таких задач, которые являются специфичными и эффективными только в библиотеках. Большинство ее предложений конкретны и перспективны.

С 2001 по 2014 г. М. Я. Дворкина являлась экспертом Высшей аттестационной комиссии (ВАК), где осуществляла оценку качества соответствия диссертаций (докторских и кандидатских) требованиям, предъявляемым к ним паспортом специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» по педагогическим наукам.

Полезной оказалась не только ее многолетняя работа в качестве эксперта ВАКа, но также ее деятельность в качестве ученого секретаря, а затем председателя диссертационного Совета по защитах докторских и кандидатских диссертаций при Российской государственной библиотеке.

Человек такой глубины подготовки и знаний по библиотечным вопросам является важным арбитром при определении, достоин ли тот или иной соискатель соответствующей ученой степени.

М. Я. Дворкина, выдающийся отечественный библиотековед, вошла в зону действия своего славного 80-летнего юбилея. Маргарита Яковлевна, будучи инновациатором по складу своего ума и по характеру действий, сделала очень много для нашего дела. Она внесла новое в теорию и историю библиотечного дела, представила более совершенный образ предмета библиотечного обслуживания, отразившийся положительно на развитии библиотечной практики, предложила ряд новых идей и подходов в методологический кластер.

В заключение хочу сказать, что многолетняя, многогранная и плодотворная работа Маргариты Яковлевны на «библиотечной ниве» заслуживает монографического издания, которое бы стало важным учебно-иллюстративным материалом для молодых специалистов, начинающих трудиться в нашей отрасли.

Опубликовано: Библиосфера. – 2016. – № 2. – С.96–98.

В. А. Зеленко

В. А. Зеленко – первый ректор нашего вуза (2012)

Эта тема вполне может быть рассмотрена на Сахаровских чтениях, ибо она имеет прямое отношение к В.Ф. Сахарову. Дело в том, что В. Ф. Сахаров знал В. А. Зеленко.

Это обстоятельство мне стало известно, когда Василий Федорович уже ушёл на пенсию. Он очень скучал по институту, по работе. Часто подходил к стеллажам с книгами, долго останавливался у некоторых полок, снимал книгу, о чём-то думал, вздыхал и делал «обход» библиотеки дальше, иногда повторяя эту процедуру.

Бывая в Ленинграде, я регулярно посещал его по субботам. Он очень радовался, расспрашивал меня о новостях, работе.

Затем кричал Марии Ильиничне:

– Дорогая, ты разве не видишь, у меня мой «земляк» – «апельсиновый человек»¹⁷⁸. Принеси нам бутылочку вина.

Мария Ильинична ворчала, улыбалась, но выполняла просьбу Василия Федоровича и накрывала нам стол на кухне.

Как-то я увидел у Василия Федоровича два журнала: «Библиотечное обозрение», 1920 г., книга 2 и «Внешкольное образование», 1919 г., № 2–3. В них были заложены закладками статьи В.А. Зеленко. Они были посвящены началу работы нашего института.

– Интересные статьи? – спросил я.

– Да, – ответил Василий Федорович, – и человек, который их писал, тоже. Он был первым заведующим нашим вузом.

– Вы его хорошо знали? Что-то мне эта фамилия не знакома.

Василий Федорович как-то странно посмотрел на меня и сразу перевёл разговор на другую тему. Как-то интуитивно я понял, что он не хочет об этом говорить... Потом я узнал о грустной и тяжёлой судьбе этого человека, первого заведующего (теперь бы сказали – ректора) нашим вузом.

Профессор А.Н. Ванеев, изучая историю кафедры библиотекведения и теории чтения, интересовался судьбой В. А. Зеленко, но никаких документов о нём найти не мог. Его личного дела в нашем архиве не было. Ничего не было и в нашем музее. Выяснилось только то, что он исчез из поля зрения в 1937 г. Однако о педагогической

¹⁷⁸ См. Первые Сахаровские чтения / Всерос. науч.-практ. конференция (Санкт-Петербург, 12 ноября 2008 г). СПб.: Лема, 2008. С.8–9.

и частично административной деятельности В.А. Зеленко А.Н. Ванеев нашёл интересующие его материалы и опубликовал в книге о нашей кафедре.¹⁷⁹

При организации в 1918 г. Института внешкольного образования в его структуре была выделена книжно-библиотечная группа. Возглавлял группу заведующий институтом Василий Адамович Зеленко – видный деятель внешкольного образования. Родился он в 1878 г. в Курляндской губернии, Иллукском уезде (это – часть современной Латвии). Окончил Цюрихский университет, преподавал на Фребелевских курсах (платное педагогическое учебное заведение для подготовки воспитательниц детей дошкольного возраста в семьях и детских садах). В 1911 г. принимал участие в работе Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу как библиотекарь детской библиотеки Э.Л. Нобеля. В.А. Зеленко – автор ряда работ по руководству детским чтением и внешкольному образованию. Он был назначен заведующим институтом 29 ноября 1918 г. и проработал в этой должности до 15 октября 1924 г. После этого он ещё некоторое время работал в институте в должности преподавателя. Известно, что в 1934 г. он жил на ул. Желябова, дом 27, кв. 3.

В.А. Зеленко был автором первого учебного плана книжно-библиотечной группы. С осени 1919 г. книжно-библиотечная группа была преобразована в книжно-библиотечный факультет. Деканом факультета в 1919 г. был В.А. Зеленко, а с 1920 г. А.Г. Фомин. Срок обучения в институте был продлён до двух лет.

Методическую работу вела книжно-библиотечная секция (позднее книжно-библиотечная комиссия). В 1919 г. её возглавлял В.А. Зеленко, в 1920–1921 гг. – А.Г. Фомин, а с 1923 г. – Б.П. Гущин.

Будучи человеком глубокого ума и имея основательную эрудицию, после ухода из нашего Института, Василий Адамович в 1934 г. работал Учёным секретарём Совета по изучению производительных сил СССР АН СССР; был действительным членом и членом правления Государственного института научной педагогики и штатным преподавателем Ленинградского государственного историко-лингвистического института.¹⁸⁰

¹⁷⁹ Все сведения о работе В.А. Зеленко в нашем учебном заведении взяты из книги: Ванеев А.Н. От книжно-библиотечной комиссии Института внешкольного образования до кафедры библиотекосведения и теории чтения СПбГУКИ (1918–2008) : ист. очерк /А.Н. Ванеев. СПб., 2008. С. 4–6, 8, 10.

¹⁸⁰ Научные работники Ленинграда: с приложением перечня научных учреждений Ленинграда: справочник, сост. под рук. акад. С.Ф. Ольденбурга. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С.139

Я делал некоторые попытки найти о нём ещё какие-либо сведения. Но бесполезно...

И вот прошло много лет. В 2011 г. неожиданно получаю письмо из Сургута от незнакомого мне человека – Розы Васильевны Рычковой. Открываю. Читаю. Оказалось, что это письмо написала приёмная дочь В. А. Зеленко. Вот что удалось из него узнать.

26.07.1937 г. В.А. Зеленко был выслан из Ленинграда по постановлению комиссии УНКВД ПО в Омскую область, Тарский район. Здесь он вскоре устроился работать в райздравотдел.

26 марта 1956 г. его освободили из ссылки на основании Указания МВД РСФСР. К нему пришла правительственная телеграмма, которая гласила, что он освобождается из ссылки.

Роза Васильевна вспоминает, что ее приемный отец все время читал и много писал, возможно, о своей жизни, делах... Было у него большое количество рукописей. В телефонном разговоре со мной она сказала, что после освобождения он ездил на несколько дней в Ленинград, где встречался с близкими.

Приемная дочь сказала также, что у него было много фотографий, групповых и индивидуальных. На одной фотографии он даже был сфотографирован с И.В. Сталиным. Возникает вопрос. Как у отправленного в ссылку человека могло сохраниться столько фотографий? Выскажем наше предположение. Видимо, посетив своих близких в Ленинграде после освобождения, он взял у них фотографии, чтобы вспомнить свою жизнь до высылки.

Среди книг, которые у него были, она запомнила две книги с дарственными надписями. Одна – от Н.К. Крупской, другая – от А.Л. Барто.

О своей жизни в Ленинграде он никогда ничего не рассказывал. Этот добрый, внешне спокойный человек был всегда приветлив и вежлив.

– Моя мама, – рассказывает Роза Васильевна, – была на 24 года моложе его, но она любила этого большого, умного человека по-своему, по-деревенски и очень жалела.

Василий Адамович Зеленко скончался 16 февраля 1957 г. от сердечного приступа в селе Кротовка (ныне Самарская обл.) Это произошло через 9 месяцев после освобождения.

– О кончине папы, – сообщает Роза Васильевна, – мама написала в Ленинград его близким.

Кто эти люди? Кем они ему доводились, мы не знаем. Адрес был такой: Ленинград, н/я (номер не помнит), Николаевой Л.И.

Ответ пришёл быстро: «Приехать не можем, вышлите все бумаги, фотографии, в общем, всё, что осталось от Василия Адамовича». Всё это было выслано по этому адресу.

Так закончился земной путь этого очень умного и перспективного человека. Жизнь распорядилась по-своему. Теперь надо найти (по возможности, больше документов о нём). У нас есть всего одна его фотография! Так что поиск продолжается!

Основные работы В. А. Зеленко

1. Англия : культ.-ист. очерк. – Пг. : Начатки знаний, 1918. – 78, II с. : ил.
2. Волостное земство. – Пг. : АО «Муравей», 1917. – 32 с.
3. Готовьтесь к выборам земских гласных! / РСДРП. – Пг. : Окр. ком. Петрогр. (губ.) организации Р.С.-Д.Р.П. (объединенный), [1917]. – 4 с.
4. Детские библиотеки : [рук. по дет. чтению] / под ред. Г. Г. Тумима. – 2-е изд., просм. и доп. – СПб. : Начатки знаний, 1919. – IV, 270 с.
5. К свету : [кн. для чтения]. – Пг. : Начатки знаний, 1918–1919. Ч. 1–3 (в соавт. с Г. Тумимом). Ч. 1. – 1918. – 96 с.; Ч. 2–3. – 1919. – 72 с. : ил.
6. Как устроить политический клуб. – М. : тип. Французова и Колукова, 1917. – 30, [2] с.
7. Как учить по букварю «К свету». – Пг. : Начатки знаний, 1920. – 13 с. : табл. (в соавт. с Г. Тумимом).
8. Народные выставки : значение и задачи народной выставки. Организация ее. Как вести объяснения на народной выставке. Темы народных выставок и экспонаты их. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1919. – 102 с. (в соавт. Е. Медынским).
9. Практика внешкольного образования в России : лекции, читанные на инструкторских курсах по внешкольному образованию в сент.-дек. 1918 г. – СПб. : Внешкольный отд. Нар. ком. по просвещению Петерб. окр., 1919. – 72 с.
10. Практика внешкольного образования в России. – 3-е изд., доп. и просм. – М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. – 245 с.
11. Руководительство детским чтением. – Пг. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1915. – [4], 75 с.
12. Что я читал : тетрадь для записи о прочитанных книгах. – Пг. : Н. Н. Карбасников, 1918. – 16 с. : ил. – Вып. 1. (в соавт. с Г. Тумимом).

Опубликовано: Сахаровские чтения: сб. ст. по матер. III междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 янв. 2012 г.) / СПбГУКИ; науч. ред. М.Н. Колесникова. – СПб., 2012. – С.128–131.

Н. С. Карташов

Николай Семенович Карташов (2011)

С Николаем Семёновичем Карташовым мы познакомились, ну, очень смешно. Я должен был ему сообщить, что назначен во ВСГИК, и назвать срок выезда.

Тогда на Главпочтамте можно было послать фототелеграмму с фотографиями, рисунками и т. д. Я отправился туда, составил телеграмму и поместил в ней свою паспортную фотографию. Очередь была большая, не зная, что делать, почему-то начал зачернять авторучкой усы чёрной пастой. Посмотрел, что получилось? Ужас! Стал похож на Бармалея из известного детского фильма про Буратино.¹⁸¹ Хотел переписать телеграмму и снять фото. Но было уже поздно. Подошла очередь, и я послал телеграмму в таком виде.

Потом мне рассказывали, что Николай Семенович бегал по институту, всем показывал телеграмму и кричал:

– Смотрите, фотографию прислал! Страшила усатый! Меня, моряка-черноморца Карташова, хочет напугать!

Николай Семёнович был силен в ненормативной лексике. Поэтому фраза сопровождалась несколькими довольно выразительными словами из этого его обширного арсенала.

Но по случайному стечению обстоятельств мы с Николаем Семёновичем познакомились лично раньше, и не в Улан-Удэ, а в Ленинграде, куда он неожиданно прилетел в командировку. Встретились (это было в конце 1964 года), пообщались, подружились на долгие годы. Вместе и улетели в Улан-Удэ. Мы нашли много общих интересов. Например, Николай Семенович очень любил Чёрное море. Как и я, уроженец черноморского города Батуми. Николай Семенович с гордостью называл себя черноморцем, моряком Черноморского флота. Дело в том, что после окончания МГИКА Николай Семёнович работал на одном из крейсеров Военно-морского Черноморского флота. Заправлял там всей культурно-просветительной работой. Нашлось много и других тем и проблем, интересующих обоих: библиотечное обслуживание, формы и методы библиотечной работы, эффективность библиотечной деятельности и др.

Те годы в Улан-Удэ были для нас бурными, насыщенными интересной работой. Молодой коллектив преподавателей во главе

¹⁸¹ Беларусьфильм, 1975. «Приключения Буратино». Бармалей – актер В.А. Этуш.

с замечательным и опытным организатором Даши Жалсаповичем Жалсабоном создавали новое высшее учебное заведение культуры – Восточно-Сибирский государственный институт культуры.

Николай Семёнович был в центре этой работы. Он заведовал одной из ведущих кафедр библиотечного факультета – кафедрой библиотековедения. Николай Семёнович был отличным организатором. Сплотил на руководимой им кафедре талантливых людей, имеющих опыт библиотечной работы. Сам читал один из основных курсов – «Работа с читателями». Читал интересно, привлекая и раскрывая студентам «секреты» обслуживания читателей, публиковал серьёзные статьи на темы курса, занимался исследовательской работой.

У Восточно-Сибирского института культуры был свой У КП в Хабаровске.

Заведовал У КП Никитин, бывший до этого вторым секретарём горкома КПСС в Комсомольске–на-Амуре. Работа шла успешно, организовано.

Единственная трудность – жильё для преподавателей. Где только нам не приходилось жить – и на дебаркадере, в котором было несколько гостиничных мест; в каких-то сомнительных горьковских ночлежках и т. д. В гостиницы удавалось, даже при связях Никитина, пробиться очень редко и то в общие номера...

И вдруг... Я был тогда деканом заочного отделения (именно так оно называлось) и однажды, просматривая документы абитуриентов, увидел справку, где было написано: место работы – старший администратор гостиницы «Амур». Я сразу ошалел. Стоп. Внимание! Что мы имеем – в руках живого администратора гостиницы «Амур» – одной из лучших в Хабаровске!

Пришёл Николай Семёнович. Обрадовался. Посоветовались. Пошли к Д. Ж. Жалсабону – нашему ректору. Объяснили ситуацию. Сработал авторитет Николая Семёновича. Даши Жалсапович в ответ только произнёс:

– Одобряю!

Сдала старший администратор экзамены, поступила к нам на заочное отделение. Оказалась очень милой женщиной, училась хорошо.

С этой поры проблема жилья для нас в Хабаровске была решена. Лучшие номера – в нашем распоряжении.

Это отразилось и на качестве работы. Преподаватели могли нормально работать в гостинице, проверять контрольные работы, готовиться к лекциям.

В дальнейшем, Николай Семёнович работал директором – вначале Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск), затем Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина – самой крупной и мощной в нашей стране.

Завершил свой рабочий путь он в МГУКИ, откуда и ушёл на пенсию.

У доктора педагогических наук, профессора Николая Семёновича Карташова была очень хорошая домашняя библиотека. Он всегда давал читать свои книги товарищам. Особенно улучшилась эта библиотека в Москве, ибо Николай Семёнович стал получать обязательный экземпляр книг, отобранных им по предварительному плану – списку книг по библиотечному делу.

Когда мы с семьёй вернулись в Санкт-Петербург, Николай Семёнович, посещая этот город, останавливался часто у нас дома. Приезжал в Санкт-Петербург всегда Николай Семёнович ранним поездом, и у нас сложился ритуал. Мы пешком в любую погоду шли по полупустынному утреннему Невскому в необыкновенную пирожковую (угол Невского и ул. Желябова), как раз напротив, где раньше был магазин часов и мастерская знаменитого Павла Буре, заказывали набор разных пирожков и кофе, беседуя, уплетали эту вкусную снедь. А потом на метро ехали ко мне домой на Гражданку (это район Санкт-Петербурга), где мы тогда жили с семьёй. Здесь моя жена ждала нас с завтраком и, когда мы садились за стол, удивлялась, какой у нас плохой аппетит (но «секрет» свой мы никому не открывали).

Николай Семёнович несколько раз выступал в нашем вузе перед студентами. Е.Я. Зазерский – ректор ЛГИК – представлял его так: библиотекарь № 1 страны – профессор Николай Семёнович Карташов.

Мы с А.Н. Ванеевым возили Николая Семёновича в г. Выборг посмотреть знаменитую библиотеку в парке – творение великого финского архитектора – Алвара Аалто (1898 – 1976). Николай Семёнович был в восторге. Как-то, в один из его приездов в Санкт-Петербург, нас – А.Н. Ванеева, Н.С. Карташова и меня – пригласила к себе в гости профессор И. А. Шомракова. Помимо того, что она является крупнейшим книговедом, блестяще владеет и таинствами кулинарии.

Была у Николая Семёновича одна страсть. Он обожал «грибную охоту», с наслаждением ел грибы в разном виде – от грибного супа до солёных и маринованных. Разглядывая со вкусом сервированный

стол, Николай Семёнович увидел хрустальную посудину с солёными грибами, заулыбался.

– Грибы – это здорово, – в Москве столько работы, что времени нет в лес сходить, – сказал он.

И тогда мы вспомнили, как, провожая Николая Семёновича с семьёй из Улан-Удэ на новую работу в Новосибирск, помогали с профессором Бато Бадмаевичем Батуевым, в поте лица, затащить в вагон огромный бидон с солёными грибами, собранными в обильных грибами и ягодами бурятских лесов.

Николай Семёнович был большим учёным – творческой личностью. Всегда старался брать новые и актуальные темы для глубокой и всесторонней разработки. Он создал и теоретически обосновал новое направление библиотековедения – региональное библиотековедение, которое сегодня успешно развивают его последователи, особенно профессор, доктор педагогических наук Л.А. Кожевникова. Помимо создания своих книг и статей он принимал участие и в коллективных ценных и весомых работах по библиотечному делу – в учебниках и учебных пособиях под ред. В. Ф. Сахарова (М., 1981) (его разделы в нём: 1.3.1, 1.3.3 – 1.3.6, 1.4, 3.6). Этот учебник сегодня считается специалистами классическим.

... Умер Н. С. Карташов 3 сентября 2011 г. Но и сегодня он остаётся среди нас – в своих книгах, делах, в памяти родных и коллег.

P.S. В научном журнале «Библиосфера» (Новосибирск, 2011. №2. с.3–10) мною обосновано предложение – активно изучать жизнь и творчество наших выдающихся учёных, в том числе, писать о них диссертации. Думаю, кандидатура Н.С. Карташова – одна из первых в списке имён таких учёных!

Опубликовано: Библиопанорама. – 2011. – № 2. – С. 19–21.

В. П. Леонов

Наш Шерлок Холмс не хуже! (2012)

Как-то вечером позвонил директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне – РГБ) Н. С. Карташов. Сообщил, что завтра утром будет в Ленинграде. Дел масса. Приедет он по заданию Министерства культуры в Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – РНБ) согласовывать вопросы, связанные с развитием библиотечного дела в стране. Затем ему надо минут на 30 встретиться с А.Н. Ванеевым, В.П. Леоновым и мной по вопросу об издании нового библиотечного справочника. Затем прекрасные дамы из Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина должны были отвезти его в театр и после спектакля проводить на вокзал, и он уезжал в Москву.

Попросил меня продумать, где лучше организовать ему встречу с Анатолием Николаевичем, Валерием Павловичем, мной, а также сообщить всем об этом месте (где, когда).

Сложность состояла в том, что в день приезда в Ленинград Николая Семёновича все трудились в разных местах: Анатолий Николаевич мог прийти из института, Валерий Павлович из библиотеки АН, где он проводил совещание, а я работал в Городской публичной библиотеке им. В.В. Маяковского. Значит, во-первых, надо было подобрать место, куда всем можно было быстро добраться, во-вторых, чтобы там было удобно, и никто не мешал. И, конечно, место должно было быть приятным, располагающим к важному, но короткому, разговору.

Думается, что выбрать удалось самое удобное во всех отношениях место.

Оно было расположено почти на одинаковом расстоянии от всех четырёх участников предполагавшейся встречи – на углу ул. Ракова (ныне Итальянская) и Садовой. Это было специфическое и знаменательное по тем временам учреждение. Называлось оно просто и понятно – «Коньяк в розлив».

Для представления места, где мы должны были встретиться – чистота, немного посетителей, любезные продавщицы... Здесь разливали только коньяк и его неизменного спутника – шампанское. Кстати, коньяк пили, как правило, без добавки. Но можно было: 50 г. коньяка + 50 г. шампанского. Это называлось у интеллигентов – «бурый медведь», или 50 г. водки + 50 г шампанского – «белый

медведь» (но в этом почтенном учреждении водку не продавали). Достопримечательность: «добавка» к спиртному – всегда тарелочка с ломтиками лимона, посыпанными сахарной пудрой....

Как вспоминают знатоки, выбор марочных коньяков здесь на полках был отменный. Армянский коньяк: «Арагат», «Энисели», «Ереван». Грузинский коньяк: ОС («очень старый»), КВБК («коньяк выдержанный высшего качества»), КС («коньяк старый»), «Тбилиси» и др.

...Итак, ожидая встречи, я работал в библиотеке В.В. Маяковского. Время текло быстро.

Интригу в этой истории создал мой новый чешский портфель, который мне подарили на кафедре в день рождения. Портфель – красавец. Не босяцкий, как у одного известного и уважаемого сатирика. Позорище! (имею в виду не содержание его портфеля, а только внешний вид!)

Директором библиотеки состояла моя хорошая приятельница – Римма Николаевна Сундушникова, однокашница, с которой вместе учились в библиотечном институте в одной группе.

Посмотрел на часы. Мне было пора уходить, и я попросил её дать мне до завтрашнего дня книгу, которая за пределы библиотеки не выдавалась.

– Ну, что с тобой делать – придётся нарушить правило и дать книгу. Но завтра, к открытию, она должна быть на месте!

– Будет, – уверенно сказал я. – А если нет, то оторвёшь мою голову и поставишь на полку вместо этой книги.

Положив книгу в свой новый кожаный портфель, я вышел из библиотеки...

Не всегда соблюдается приглашение приходить на мероприятие точно в назначенное время. А на нашу встречу все вошли в дверь одновременно! Вот какая тяга и интерес к библиотечной науке!

В заведении почти никого не было, крутился какой-то бомж. Несколько посетителей допивали свои рюмки.

Мы заняли удобное место и стали обсуждать свои проблемы. Всё шло нормально и уже подходило к завершению. Тогда я сказал:

– Пойду к бару, закажу по последней, и разбежимся по своим делам. Портфель поставил возле Николая Семёновича. Попросил посмотреть за ним.

– Конечно, конечно, – сказал Николай Семёнович, даже не посмотрев на него.

Я заказал коньяк, вернулся, посмотрел под ноги Николая Семёновича. Портфеля там уже не было!

– Ребята, катастрофа! Там библиотечная книга из закрытого фонда!

Ситуация стала критической. Все оцепенели.

Тогда Валерий Павлович, видя, какое складывается безвыходное положение, громко сказал:

– Время кончается... Беру роль координатора на себя. Будем рассуждать, а вы меня поправляйте, если с чем не согласны. У бомжа три пути отступления. Первый. Бежать к Троицкому мосту. Но дорога открытая, большая. Сразу поймают.

Второй. Двор у магазина. Здесь он может попытаться спрятать портфель. Прошу прочесать двор Анатолия Николаевича и Николая Семеновича.

Третий. Как мне кажется, самый верный путь – Невский проспект. Он мог побежать туда. Показалось мне, что бомж немного похрамывает. Это тоже наше маленькое преимущество! Я бегу на Невский по Малой Садовой, Владимир Семенович – по Садовой, а потом по Невскому, следовательно, друг другу навстречу. Начинаем! Время уходит!

И мы бросились выполнять порученную каждому задачу.

– После окончания операции встречаемся здесь! – крикнул нам вслед Валерий Павлович.

На Невский мы выскочили почти одновременно с разных сторон и сразу же увидели бомжа.

– Стоять! – закричал Валерий Павлович страшным голосом. Я тоже, подражая ему, крикнул:

– Стоять!

И добавил слова, вдруг пришедшие на память из дурацкого анекдота: «А-то заножу режиком!».

Видимо, бомж решил, что этот бредовый набор слов означает призыв к его линчеванию! Он ошалел от страха, бросил портфель, побежал на другую сторону Невского и растворился в толпе. Разумеется, мы за ним не гнались. Наша цель был портфель!

Валерий Павлович победоносно поднял портфель и спросил:

– Ну, как?

– Феноменально, – только и смог ответить я. Книга лежала на месте.

Так закончилось это детективное событие, план раскрытия которого был разработан Валерием Павловичем и фактически

реализован под его руководством. На несколько минут став Шерлоком Холмсом, Валерий Павлович блестяще сыграл эту трудную роль и добился положительного результата. Он спас меня. Помог мне сохранить право называться и быть человеком, выполняющим даваемое им слово. А главное – он «выручил» книгу.

Утром, когда открылась библиотека, я принёс книгу и победоносно вручил её Римме. Она, улыбаясь, поставила её на полку. Если бы она узнала всю эту «леденящую кровь» историю, не знаю, что с ней случилось бы!

Таким образом, книга была спасена. Совокупный фонд библиотеки г. Ленинграда не пострадал. Мы ликовали (а больше всех я, понимая, чем всё это могло кончиться для меня!).

Потом, во время разбора этой истории, Николай Семёнович, как всегда, поддел меня.

– Это он твоих усов испугался, Бармалей! Когда их сбреешь?

– Мы уже договорились, – смеясь, сказал я. – Ты должен со мной днём пойти на Бармалееву улицу и громко крикнуть: Бармалей, разреши Вовану сбрить усы! Если он промолчит, значит, согласен, и я сбрую усы.

– Так и сбреешь, – недоверчиво проворчал Н.С. – В следующий раз приеду, проверим!

В заключение хочу сказать, что портфель через некоторое время у меня, всё-таки, украли. Я поставил его рядом с собою в автобусе, возле левой ноги, а когда протянул руку за портфелем, чтобы встать и выходить, его и след простыл. Видимо, он ушел с другим... Ну, что делать, от судьбы не уйдёшь...

Опубликовано: Библиотечное дело. – 2012. – № 17. – С. 17–19.

В. А. Невский

В. А. Невский (1888–1974) (2010)

Работы В. А. Невского заинтересовали меня сразу, как я стал изучать библиотечное дело начала XX в. В них были: яркие мысли по методологии и методике науки и практики, инновационные идеи по развитию библиотечного обслуживания.

Но о нем, как о человеке, была нулевая информация. Куда он делся в конце тридцатых годов? Умер? Посадили? Обращался к старым сотрудникам Государственной библиотеки имени В.И. Ленина – какова его судьба? – никто ничего не знает. Предположение: наверное, посадили, когда сажали всех. Интересовался в Российской национальной библиотеке, спрашивал очень эрудированных и знающих людей – тот же результат... Как быть?

Зашел я как-то на почту и увидел почтовые адресные карточки (была раньше такая полезная почтовая услуга!). Купил я такую карточку, написал адрес: Москва, начальнику адресного стола. Указал, что знал о Невском: год рождения и старый домашний адрес (взял его из книги «Вся Москва», кажется, за 23 год), отправил, посмеялся над собой и забыл. А посмеялся зря! Через некоторое время я получил ответ: В. А. Невский – жив, здоров и живет по адресу... Где бы вы думали? По старому адресу!

Конечно, я немедленно ему написал. Сразу же получил ответ, завязалась оживленная переписка. Выяснилось, что странно, что его не арестовали, но запретили заниматься культпросветдеятельностью. И, чтобы не умереть с голоду (его в нашей сфере нигде не брали на работу), пошел в одно медицинское учреждение, где необходимо было составить капитальную медицинскую библиографию. Здесь он работал несколько лет, затем работал где придется, так и дожил до тех дней, когда я его разыскал, забытого всеми.

К сожалению, переписка с В. А. Невским не сохранилась. Но вот одно из первых писем, которое он мне прислал, свидетельствующее об огромной работе, проделанной этим человеком в его жизни:

«Многоуважаемый Владимир Семенович!

1. Прежде всего, посылаю Вам (с условием возврата через 1 месяц) основную часть моей автобиобиблиографии (стр. 1–143). Можете использовать эту автобиобиблиографию как вам угодно и в каких угодно целях.

Не худо было бы поместить отрывки из этой автобиобиблиографии в Трудах вашего института или в каком-либо другом месте (из главы III Внешкольное образование или IV Библиотечное дело), с соответствующими вашими комментариями и дополнениями?

2. Из приложений к моей автобиобиблиографии присылаю вам воспоминания о Н. К. Крупской (они нигде не были напечатаны. Может быть, в Ленинграде это сделать легче) и Хронологический список моих работ – то и другое безвозвратно.

3. Поскольку Хронологический список моих работ охватывает лишь основные из них, еще посылаю Вам (из основной части автобиобиблиографии – без возврата) специальный указатель 1143 номеров 78 журналов (по алфавиту их), в которых помещены мои более мелкие библиографические работы (библиографические списки, обзоры, аннотации и рецензии В. А. Невского в журналах).

4. Прилагаю мою фотографию (без возврата).

5. Какие пропуски обнаружите в моих библиографических списках и что, где написано обо мне, пожалуйста, мне сообщите.

С товарищеским приветом, В. А. Невский».

В дальнейшем В. А. Невский подарил мне полный текст своей «Автобиографии». Теперь она переплетена и хранится в фундаментальной библиотеке СПбГУКИ. Студенты и аспиранты часто обращаются к этой работе. Где еще есть такая автобиография – не знаю. Если ее нет в РГБ (он мне писал, что второй экземпляр хотел передать туда), то наш экземпляр – единственный.

Владимир Александрович Невский родился 1 (14) ноября 1888 г. в г. Костроме, в семье учителя. На его развитие и интересы оказал сильное влияние отец, человек образованный, отличавшийся весьма прогрессивными для своего времени взглядами (за что он, в период столыпинской реакции, был уволен со службы без права работы по ведомству Министерства просвещения и с лишением пенсии).

С 1904 г., обучаясь в Костромской классической гимназии, В. А. Невский начинает принимать активное участие в революционной борьбе. Ему поручают заведывание подпольной библиотекой общеученической организации РСДРП г. Костромы. В этом же году за участие в ученических волнениях он был уволен из гимназии, но продолжал вести пропагандистскую работу, трудился (получал сдельную оплату) в костромской губернской земской управе статистиком по народному образованию, занимался самообразованием.

В марте 1908 г. за антиправительственную деятельность был арестован и просидел в тюрьме до августа 1911 г. После выхода

на свободу неоднократно высылался властями из Костромской, Уфимской и Самарской губернии. В Уфимской губернии некоторое время работал заведующим земской народной библиотекой в селе Мелеуз.

В 1914 г. В. А. Невский публикует в журналах «Для народного учителя» и «Библиотекарь» две статьи, в которых излагает свои представления о комплектовании народных библиотек, о том, как с его точки зрения можно оживить их деятельность.

В октябре 1917 г. В. А. Невский возвращается в Кострому, где его назначают заведующим отделом народного образования. Несмотря на большую занятость практической деятельностью, он публикует в этот период несколько работ, посвященных различным вопросам библиотечного дела. Эти издания сыграли определенную роль в библиотечном строительстве в костромском крае. Исторический интерес представляет и его брошюра об агитационной работе и избах-читальнях, написанная по заданию губернского комитета РКП(б).

Костромской период деятельности В. А. Невского получил высокую оценку народного комиссара А. В. Луначарского, посетившего в 1919 г. Кострому.

В докладе В. И. Ленину от 11 мая 1919 г. о командировке в Кострому он назвал В. А. Невского «превосходным культурником», а в записке «В секретариат ЦК РКП тов. Стасовой «О костромской организации коммунистов» так характеризовал В. А. Невского: «Блестящим работником является заведующий Городским отделом народного образования тов. Невский. Человек он способный, разносторонне образованный и приведший при всех трудностях дела народного образования в Костроме (особенно, дошкольное, детские клубы и т. д.) в чрезвычайно удовлетворительное состояние. Вместе с тем, это прекрасный деятель коммунистического воспитательного дела»¹⁸².

Следующий период деятельности В. А. Невского связан с Москвой, куда он переезжает в марте 1921 г. Некоторое время он был членом коллегии Наркомпроса и работал начальником Главного управления социального воспитания. Здесь он встречается с В. И. Лениным и Н. К. Крупской.

¹⁸² В. И. Ленин и А. В. Луначарский : переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 408.

В первой половине двадцатых годов В. А. Невский уделяет много внимания вопросам комплектования библиотек, особенно военных и профсоюзных.

Особый интерес представляет деятельность В. А. Невского на поприще библиотечного образования. Он неоднократно выступал с лекциями по различным вопросам библиотечного дела на курсах подготовки и переподготовки библиотечных работников, проводившихся в Москве Главполитпросветом и Культотделом ВЦСПС. В 1926 г. В. А. Невский разработал материалы, предназначенные для проведения занятий в различных звеньях складывавшейся в те годы системы повышения квалификации библиотекарей. В. А. Невским была предложена методика изучения и раскрытия тем для каждого звена¹⁸³.

В 1928–1929 гг. Культотдел ВЦСПС издавал серию уроков для заочных курсов по переподготовке библиотечных работников профсоюзных библиотек¹⁸⁴. В этой серии В. А. Невскому принадлежат две интересные работы: «Библиотечарское изучение книги» (М., 1926) и «Работа с книгой, справочная работа и самообразование в рабочей библиотеке» (М., 1929).

В. А. Невский принимал участие в работе Заочных высших библиотечных курсов по психолого-педагогическим дисциплинам, существовавших при педагогическом факультете 2-го МГУ. Он составил первый выпуск этой серии «Предмет и методы современной психологии» (1930). Ему же принадлежат почти все библиографические материалы, содержащиеся во всех выпусках серии.

Оценивая работу этих курсов, А. В. Петровский писал: «Разумеется, подавляющее большинство этих работ устарело,... однако, в целом, библиопсихологические исследования сыграли свою положительную роль, привлекая внимание библиотекарей к психологии читателя, и способствуют изучению и расширению читательских интересов»¹⁸⁵.

В. А. Невский внес существенный вклад в развитие методологии библиотечных исследований, разрабатывая теорию наблюдения, эксперимента и других методов. Он стоял у истоков библиографии библиотековедения, выполнив в разные годы несколько десятков

¹⁸³ См.: В помощь библиотечным работникам. М. : ЦК СГ СССР, 1926. 122 с.

¹⁸⁴ Эта работа требует сегодня серьезного изучения, ибо тогда был накоплен огромный опыт.

¹⁸⁵ Петровский А. В. История советской психологии / А. В. Петровский. М., 1967. С. 176.

работ, хорошо известных библиотекарям тех лет. Отдельные библиографии не потеряли своего научного значения и сегодня, а методика составленных им пособий требует своего специального анализа. Нельзя в связи с последним не подчеркнуть, что он – первый ученый, применивший элементы контент-анализа для исследования библиотечных публикаций, содержащих результаты исследования читательской аудитории (1928).

Последняя важная работа В. А. Невского, связанная с библиотечным делом – его активное участие в Первой Всероссийской библиотечной переписи 1934 г.

В последующие годы В. А. Невский отошел от библиотечных вопросов и стал заниматься другими делами, в частности, медицинской библиографией, в области которой он выполнил ряд серьезных и капитальных работ.

В. А. Невскому принадлежит более 70 работ по библиотечному делу, в частности, 32 книги.

В отдельных своих работах В. А. Невский высказывал спорные суждения, например, воспроизводил в библиопсихологическом плане концепцию комплекса неполноценности, утверждая, что читатель интересуется в книгах именно тем, чем он в жизни никогда не занимался, «чем его жизнь обделила», что «переживания, возбуждаемые книгой, являются своего рода компенсацией неудовлетворенных потребностей; излагал противоречивые взгляды на роль индивидуальной работы: то призывал к совершенствованию индивидуальной работы с читателями, то звал отказаться от нее; давал нечеткие формулировки и не вытекающие из нужд библиотечной практики предложения, особенно в своей статье «Книжно-библиотечное дело на путях к будущему» (1930). В целом, его деятельность на библиотечном поприще сыграла свою положительную роль и требует внимательного изучения.

Умер В. А. Невский 7 июня 1974 г. на 86-м году жизни.

Опубликовано: Вторые Сахаровские чтения: всерос. науч.-практ. конференция (Санкт-Петербург, 22 янв. 2010 г.) / СПбГУКИ; кафедра библиотекovedения и теории чтения. – СПб., 2010. – С. 127–130.

С. А. Пайчадзе

Рыцарь книги. Воспоминания о С. А. Пайчадзе (2008)

Когда хочешь написать о человеке, которого хорошо знал и уважал, первая мысль, которая приходит в голову, а когда же ты с ним познакомился?

Дело в том, что, как это не звучит парадоксально, мы с Сергеем никогда не знакомились. Суть этого феномена в особенностях маленького города, каким являлся Батуми. Здесь все были знакомы друг с другом с рождения. Мы, например, с Сергеем родились и жили на одной улице, учились в одной школе, посещали одни и те же хорошие, по тем временам, библиотеки, гуляли по одним и тем же аллеям парка, купались в одной и той же излюбленной нами части залива Черного моря, у так называемого волнореза, дышали одним и тем же воздухом – чистейшим и звенящим. И где здесь, подскажите, найти это самое ритуальное действие под названием «знакомство»?

В этом теплом, чистом, добром, многонациональном и очень древнем городе была одна странная природная особенность. Батумцы помнят, что один эрудит как-то на банкете сказал: наш город хорош до последней капли. Но здесь, говоря о капле (в прямом смысле этого слова), эрудит глубоко ошибался и даже повредил репутации города. Дело в том, что в городе Батуми, «приятном во всех отношениях», был все же один порок, связанный с этой «каплей». Особенно этого порока страшились туристы. Наш город был самым влажным местом в бывшем СССР (не напрасно дальновидные англичане называли его «писсуаром Черного моря»).

Часто бывало так: только что грело и ласкало яркое теплое солнце, вдруг начинался противный дождь – вода и воздух смешивались в нечто общее. Но люди не успевали испугаться, так как неожиданно все заканчивалось¹⁸⁶. Появлялось солнце, начинал дуть тихий теплый ветерок, насыщенный букетом запахов, который очаровывал: здесь чувствовалось и пьянящее благовоение морских водорослей, пряное благоухание многотравья и бурно цветущих деревьев, густой дух магнолии и доносившийся из прибрежных кофеен пьянящий и привлекающий аромат турецкого кофе и каких-то еще соблазнительных пахучестей. Таковы субтропики...

¹⁸⁶ Если быть справедливым, то первое «состояние» – проливной дождь, и второе «состояние» – яркое теплое солнце, могли продолжаться неделями. Первое – чаще осенью и зимой, второе – весной и летом.

В этих краях далеко от глаз Москвы в иные времена поселялись и оседали самые несхожие интеллигенты-оригиналы (если говорить правду – то не только интеллигенты, и не только оригиналы). Всех их объединяло то, что они много думали (все о разном), громко говорили и особенно сосредоточенно читали хорошие и разные книги – разрешенные и запрещенные. Им нравилось жить здесь по разным причинам, они не хотели или не могли возвращаться туда, откуда их принес ветер перемен. Было много и своих местных самобытных личностей – книголюбов. Все они что-то читали, обсуждали, спорили, потом опять читали, ругались и мирились...

В этом далеком городе по-настоящему любили и понимали книгу. Человек без книги или газеты был редкостью. Создавалось впечатление, что сегодня каждый должен что-то обязательно прочесть. Дома, а лучше в парке, на чистом воздухе. Поэтому без книги или газеты, а также неразлучного спутника черного зонта на улицу было как-то даже неприлично выходить.

В солнечные дни аллея Приморского парка превращалась в читальный зал под открытым небом. Ну, а если вдруг неожиданный дождь? А для чего тогда невероятно огромные черные зонты?

В нашем классе литературу преподавала Р. А. Ильина, человек для которого существовали две реальные вещи – великая русская литература и мы, ее беспутные дети, в головы которых она стремилась вживить уникальную волшебную искру любви к этой литературе. И надо сразу сказать, что пожилая, одинокая, больная женщина сумела много сделать для нас: волшебство книги увело за собой в нелегкую, но интересную жизнь плеяду батумцев, например: С. А. Пайчадзе, В. Я. Аскарову и других достойных людей.

Думаю, что Сергей поступил в библиотечный институт не без моего примера. Тем более, я ему много рассказывал о нашем вузе.

А встречались мы в Батуми каждое лето. Для батумца – других мест отдыха не существовало, как не существовало другого солнца, дождя и нашего кусочка Черного моря, где всегда собирались приехавшие на каникулы наши мальчики и девочки и рассказывали, рассказывали...

В начале 60-х гг. в Ленинграде мы с Сережей стали жильцами нового общежития на пр. Смирнова, в аспирантском отсеке. Я учился в аспирантуре, а он заканчивал вуз. Вечерами часто встречались, беседовали о том, о сем и, конечно, о нашей профессии. Затем жизнь развела нас в разные стороны служить «книжно-библиотечному» делу.

Однажды в составе комиссии Министерства культуры мы приехали проверять деятельность Хабаровского института культуры.

Руководителем нашей группы был проректор Ленинградского института культуры Евгений Михайлович Ваханский, в группу также входил И. Е. Баренбаум и я.

Радости от встречи не было конца. Здесь я еще раз убедился, что кавказец везде кавказец. Кавказское гостеприимство и радушие не столько этническая черта жителей Кавказа, сколько дар Бога каждому, кому посчастливилось родиться в этом благодарном крае (от аджарца до якута, значения не имеет!). Этот дар надо носить в себе с честью, множить его и передавать другим.

Лариса и Сергей еще не получили квартиру и жили в общежитии. «Завтра по случаю приезда друзей у нас застолье». «Какое застолье в общежитии», – сопротивлялся я. «Застолье будет», – отрезал Сергей. И оно действительно состоялось. И по всем кавказским канонам: много чего-то ели, долго пили, витиевато говорили, в основном на так называемом «тостическом языке». Все прошло замечательно!

А утром произошло чудо! Нас пригласили в отдел редкой книги Хабаровской научной библиотеки! Как же! В Хабаровск приехал такой всемирно известный специалист, как И. Е. Баренбаум.

И. Е. Баренбаума, С. А. Пайчадзе и меня уже ждали. Мы медленно проходили возле стеллажей, иногда останавливались, любовались редкостями, иногда что-то говорили, как вдруг И. Е. Баренбаум замер и побледнел. «Снимите, пожалуйста, эту книгу», – дрожащим голосом сказал он. Книгу сняли. Это был грубо сделанный переплет, в который была вплетена, как Вы думаете, какая книга? «Острожская Библия» (1580–1581 гг.) Ивана Федорова.

И это действительно было так! А что было потом – ни в сказке сказать, ни пером описать! Для этого надо прочесть множество статей С. А. Пайчадзе, которые он опубликовал на тему находки в разных изданиях – «от Москвы до самых до окраин».

Последний раз мы с Сережей встречались в июне 2006 г. на защите докторской диссертации Ларисы Анатольевны Кожевниковой «Экономический потенциал библиотеки: анализ и диагностика развития». Сережа очень нервничал, но все обошлось благополучно...

Радостные Лариса и Сережа улетели в Новосибирск. Больше я его не видел...

Опубликовано: Рыцарь книги (о С. А. Пайчадзе) / В. С. Крейденко // Региональное книговедение : Сибирь и Дальний Восток : памяти С. А. Пайчадзе : сб. науч. ст. / Сиб. отд-ние РАН, ГПНТБ. – Новосибирск, 2008. – С. 45–48.

В. Ф. Сахаров

Интеллигентность как формула жизни (2008)

До сих пор амплитуда колебания в определении значения «интеллигент» в обществе весьма велика. От «интеллигент – это человек в шляпе», до «интеллигент – это душа и совесть нации». А какая судьба российского интеллигента? До революции – сидел и ждал, после революции – дождался и сидел. В «Энциклопедии» под этим грустным афоризмом – текст «автор неизвестен». Но я предполагаю, что придумал его сам составитель этой «Энциклопедии»¹⁸⁷.

Что же касается интеллигентности, то думаю, что это – особое состояние души и совести человека, который всю свою сознательную жизнь старается «сеять разумное, доброе, вечное» (Н. А. Некрасов «Сеятели»).

Это боль за каждого, стремление помочь, научить, как искать истину. Интеллигентность не дает спокойно спать человеку потому, что его мучает совесть. Он думает, что виноват за то плохое, что происходит на земле.

Этим качеством обладают, к сожалению, не все люди. И не связано оно только с какой-либо определенной группой или прослойкой общества.

Я встречался и контактировал со многими интеллигентами по духу и совести. Среди них были рабочие, крестьяне, даже, не пугайтесь, «воры в законе». Общался также с некоторыми интеллигентами «по статусу», у которых начисто отсутствовала интеллигентность.

Мне, приехавшему в Ленинград учиться из любимого, маленького, древнего, солнечного, полиэтнического, патриархального, приморского городка Закавказья, повезло. Моим первым учителем стал Василий Федорович – по настоящему интеллигентный человек (много лет спустя уже мой аспирант из Китая Линь Си сказал, что у них есть такая мудрая пословица: учитель – второй родитель). У Василия Федоровича интеллигентность была генетической (в ее основе – безусловные рефлексy, то есть врожденность).

Есть формула, которой много-много лет. Она была создана, когда еще не существовало слова «интеллигент», но предназначалось

¹⁸⁷ Борохов Э. Энциклопедия афоризмов : в мире мудрых мыслей / Э. Борохов. М., 2002. С. 206.

именно для этой категории людей». Кстати, ее мне подсказал именно Василий Федорович.

Разработал ее писатель, князь Одоевский. Вообще, у нас два писателя Одоевских, оба князя. Один – Александр Иванович (1802–1839 гг.) – поэт, декабрист. Другой – Владимир Федорович (1803, по другим данным, 1804–1869 гг.). Он писатель, философ, музыковед и литературный критик, популяризатор научных знаний, библиотекарь, наконец. Издавал даже журнал для крестьян «Сельское чтение» (1843–1848 гг.). Ему и принадлежит формула, которую я сейчас приведу. Вот эта формула: «... при всяком происшествии будем спрашивать самих себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке:

- 1-е место – человечеству;
- 2-е место – родине;
- 3-е место – кругу друзей или семейству;
- 4-е место – самим себе.

Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели. Что только полезно самим нам, то, отражаясь о семейство, о родину, о человечество, непременно возвратиться к самому человеку в виде бедствия»¹⁸⁸.

Как библиотекарь, рекомендую познакомиться с жизнью и творчеством этих князей. Получите удовольствие.

Вдумайтесь в эту формулу. Почему в ней такая последовательность «происшествий»? Наверное, интеллигентные люди должны стремиться жить по ней, но не всегда получается...

Проявлялась интеллигентность у Василия Федоровича, прежде всего, в книжности, в лучшем смысле этого магического для многих людей слова. Книжник – это не только продвинутый читатель, но и страстный пропагандист чтения и подлинной культуры.

У Василия Федоровича была удивительно умело подобрана профессиональная литература. Не было, пожалуй, такой редкой книги по специальности, которая не стояла бы у него на полке. А некоторые, особенно редкие издания, были у него в двух экземплярах. Когда я спросил у него, для чего, он ответил: «Иногда хорошему человеку полезно подарить такую редкую книгу».

¹⁸⁸ Одоевский В. Ф. Сочинения : в 2-х т. Т. 1 / В. Ф. Одоевский. М., 1981. С. 299. Блестящей иллюстрацией этой формулы, наглядно показывающей взаимосвязи и взаимозависимости природы и человека от малого до большого, является замечательный рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром» (Брэдбери Р. О скитаниях вечных и о Земле / Р. Брэдбери. М., 1987. С. 602–617).

Также была собрана исчерпывающая подборка всех журналов по библиотечному делу. Некоторых из них не было даже в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и других крупных библиотеках, или их просто не выдавали по разным причинам (в том числе, и по цензурным).

Стояли на полках и классики отечественной и зарубежной литературы, а также произведения начала XX в., особенно, 20–30-х гг. Были все издания произведений, которые обсуждались на вечерах рабочей критики с вложенными в каждую из них рукописными текстами. Видимо, это были заметки самого Василия Федоровича и части протоколов обсуждения.

«Из классиков у меня здесь только самые любимые», – как-то сказал он, – «часто я просто беру их в руки, а иногда какие-то куски перечитываю».

«Вообще, чтобы понять Россию, надо понять ее литературу, особенно Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого», – сказал он. Затем замолчал и задумался.

Он давал коллегам, аспирантам и некоторым студентам, которым доверял, свои книги для чтения. И очень радовался, что его книги «работают».

«Вот видите», – говорил он, – «мои книги не только стоят на полках, но и приносят пользу моим друзьям».

Василий Федорович любил книгу как живое существо. Он говорил: «Она живая, с каждым говорит на языке читающего, да и учит своему языку...».

Прежде чем допустить человека в свою библиотеку, сделать его постоянным читателем, он должен был убедиться, что избранник тоже любит книгу. Тогда двери квартиры открыты, и любая книга будет тебе дана, даже самая редкая...

Василий Федорович Сахаров хорошо знал русскую и зарубежную классику, следил за современным литературным процессом.

Когда к нему обращались коллеги, аспиранты или продвинутые студенты, он всегда серьезно подходил к этому. Сразу же отвечал, что знал. А затем, подумав, говорил, что еще посмотрит в своей библиотеке и записях.

На мой вопрос о том, что ему известно по теме «В. В. Маяковский на Кавказе», он через несколько дней предложил мне целый список работ и несколько ранних изданий В. В. Маяковского. Тогда я спросил:

– Василий Федорович, ведь Вы на эту кучу времени потратили?!

– Во-первых, не «кучу», – поправил он мой русский язык, – а во-вторых, у меня есть «быстрая система», называется «библиотечная эвристика»; а в-третьих, мой принцип – ни один вопрос о литературе не должен оставаться без ответа (кстати, это и для моих мозгов хорошая тренировка), – улыбнулся он.

Мне кажется, что слова Д. С. Лихачева о библиотекаре – ученом полностью подходят к В. Ф. Сахарову. Д. С. Лихачев называл библиотекаря ученым, который работает не над одной «своей» темой, а над многими «чужими» темами. «Это ученый, целиком отдающий себя другим. Слава и честь бескорыстным ученым!»¹⁸⁹.

Василий Федорович был страстным пропагандистом книги. Он справедливо считал, что человечество еще не изобрело средство, которое может заменить книгу. А что в ней главное? Не то, что человек ее читает, а то, что он во время чтения, сознавая это или нет, беседует с авторами, героями произведения, получает от них советы, или даже советует героям, рад, когда они поступают, как он предполагал, учиться у них...

Василий Федорович любил не только книгу, но и все, что к ней имеет отношение. Он низко кланялся типографам¹⁹⁰, книгоиздателям, книгопродавцам, библиотекарям, всем этим святым, как он считал людям, которые взяли на себя великий труд найти вместе с читателем и дать ему книги, которые ему очень нужны. Может быть, только на сегодня, а может, на завтра, и, может быть, на всю оставшуюся жизнь.

У Василия Федоровича были невероятно интересные коллекции, связанные с книгой.

Прежде всего, он коллекционировал писчую бумагу еще с ученических лет и с гордостью показывал, как она менялась.

Он собрал невероятно большую коллекцию книжных закладок.

«Книжная закладка – великий помощник книги. У каждой книги должна быть своя закладка, чтобы она как бы передавала частичку именно этой книжной души. А сколько вообще на закладке можно дать полезной информации о чтении этой книги», – загорался он, – «но мы ленивы».

¹⁸⁹ Лихачев Д. С. Одна из самых организованных / Д. С. Лихачев // Библиотекарь. 1964. № 11. С. 31.

¹⁹⁰ Он очень обрадовался, когда узнал, что мой дед Борис Крейденко и отец были полиграфистами (у деда была даже маленькая типография и переплетная мастерская в Керчи). «Вот видите», – весело сказал Василий Федорович, – «Вы тоже наш, книжный человек, даже в третьем поколении».

Была у него и подборка спичечных этикеток с изображением отдельных книг, с серией этикеток о роли библиотек! «Представляешь», – говорил он мне, – «миллион спичечных коробков, и на каждом – название хорошей книги или приглашение в библиотеку!».

Была у него и коллекция почтовых конвертов с изображением библиотеки, почтовые открытки с видами библиотек или их отделов, почтовые марки с изображением деятелей библиотечного дела (но надо быть справедливым: самая интересная и полная коллекция почтовых марок с изображением библиотек была у Г. Г. Фирсова).

«Вот какой молодец!» – восхитился Василий Федорович коллекцией Г. Г. Фирсова – «Какую красоту отгрохал! Равных не видел и не знаю!».

Мы разговорились с ним об утилитарном значении почтовых принадлежностей как пропагандистов книги: «Вот представьте себе: пришел на почту библиотекарь и на все письма, которые сегодня разносят адресатам, приклеил красивую картинку с приглашением прийти в библиотеку и текстом: «А у нас сегодня в библиотеке будет происходить интересное мероприятие (называет его), приходите в гости!» или «Мы получили интересную книгу (называет ее). Рекомендуем прочесть».

Была у Василия Федоровича коллекция библиотечных экслибрисов и экслибрисов личных библиотек, этих замечательных, маленьких, но больших произведений искусства! Невероятно большой и полной была у Василия Федоровича коллекция библиотечных плакатов, образцов пригласительных билетов, различных буклетов, памяток о библиотеке, о том, как правильно читать книгу. И все коллекции были в идеальном порядке...

«Содержание текста, его приметы, дела, вещи, описанные в книге, должны искусственно создаваться возле книги или усиливаться, если они уже есть, бытуют возле нее. В этом случае», – говорил он, – «как бы поле текста расширяется, становится ярче, становится частью реальной жизни, близкой читателю. Например, распространению книг Л. Н. Толстого помогали и его жизнь, и его издательство, которое было на виду, и, если хотите, даже толстовка¹⁹¹, которую носил Лев Николаевич, и которая стала тогда модной. Смотрите, любят читать Толстого, в знак этого уважают его интересы, вкусы. Например, носили толстовки. Все эти коллекции», – закончил мысль Василий Федорович, – «надо, ненавязчиво рекомендуя книги, показывать читателю, и увидите – эффект будет более сильным;

¹⁹¹ Толстовка – широкая и длинная мужская блуза в складках с поясом.

поэтому-то собираю эти коллекции не ради их самих, а для того, чтобы показать, в каком окружении может жить книга. Ведь эти книжные закладки, экслибрисы, списки литературы, фильмы по мотивам книги и т. д. тоже привлекают к книге. Это мир книги, в котором она живет, и этот мир должен быть разнообразным и всегда окружать и поддерживать книгу. Образы книги проникают в жизнь, привлекают к ней. Книга начинает жить более полной и разносторонней жизнью».

Василий Федорович любил и знал русскую культуру, пропагандировал ее везде. Но он также бережно и с большим интересом относился к культуре других народов, сравнивал, и если находил что-то интересное, полезное, брал на вооружение, обращал на это внимание студентов.

Особенно он интересовался постановкой библиотечного дела, обращал внимание на передовое и полезное для него.

Сегодня такое видение культуры, такая грамотность выделена из современной системы понимания грамотности в особый вид – «мультикультурную грамотность» («multicultural literacy»)¹⁹² – и справедливо относится вместе с «научной грамотностью» («scientific literacy») к высшим видам грамотности¹⁹³.

Вот малоизвестный пример из его жизни, иллюстрирующий это качество.

Василий Федорович любил ездить по разным странам и весям. Ездил и по стране, бывал неоднократно в Прибалтике, особенно, в Литве. В Литве он был знаком со многими преподавателями Университета, хорошо знал Витаутаса Якелайтиса, тогда заместителя министра культуры Литвы.

Как-то он пригласил Василия Федоровича на праздник песни. Василий Федорович был восхищен этими праздниками песни. «Весь народ поет», – говорил он, – «как это здорово! Песня объединяет, сближает, делает добрее. Мы у нас дома тоже часто пели вечерами по праздникам, а иногда и просто так...».

В конечном счете, Василий Федорович заставил Витаутаса (в полном смысле этого слова!) написать и защитить на эту тему в нашем вузе кандидатскую диссертацию. Он помог Витаутасу,

¹⁹² Это способность понимать и оценивать сходства и различия в обычаях, ценностях и верованиях собственной культуры и других культур в окружающем мире.

¹⁹³ См. Жукова Т. Д. Реализация целей образования через школьные библиотеки / Т. Д. Жукова, В. П. Чудинова. М., 2007. С. 20–21.

и защита состоялась в 1971 г.¹⁹⁴ А через несколько лет было подготовлено и защищено в нашем Совете две диссертации под его руководством.¹⁹⁵

В 70-х гг. нашему факультету удалось наладить связи с Чехословакией, Польшей и некоторыми другими странами, где имелись родственные факультеты.

Начался весьма полезный обмен студенческими группами. Часто со студентами ездил и Василий Федорович. В этих странах наши студенты знакомились с преподавателями на библиотечных факультетах, посещали лучшие библиотеки этой страны. Затем происходил ответный визит студентов той страны, где мы только что были, в нашу страну.

Это был очень полезный обмен опытом.

У Василия Федоровича появилось много друзей в тех вузах, где он бывал.

Василий Федорович обладал большим чувством юмора, и вот его рассказ в моем изложении – маленький эпизод из его жизни, связанный с одной из таких поездок со студентами в Чехословакию.

Подарки зарубежным друзьям

Василий Федорович очень любил делать подарки окружающим его людям: «Мне приятно видеть, когда люди радуются, получают удовольствие. Чем больше улыбок и радости, тем мир красивее и добрее! В таком мире жить интереснее!». Особенно ему нравилось дарить наши сувениры новым иностранным товарищам по профессии.

Поезд из Ленинграда пришел в Чоп без опоздания. Вообще, в те годы поезда почти никогда не опаздывали. Чоп – пограничная станция. Стоять надо несколько часов. Во-первых, надо было сместить под вагонами колеса. Ширина колеи нашей железной дороги не совпадает с шириной заграничной. Мы меняем на их ширину, когда едем к ним, они на нашу, когда едут к нам. Оказывается, процедура не трудная.

¹⁹⁴ Якелайтис В. В. Праздники песни в Литве : дис. в виде науч. докл. ... канд. пед. наук : 13.00.05 / В. В. Якелайтис. Л., 1971. 42 с.

¹⁹⁵ Гудялис Р. П. Хоровое пение как вид художественной деятельности в сфере досуга : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05 / Р. П. Гудялис. Л., 1976. 176 с. – Автореф. – 16 с.; Сургинене Л. А. Массовый праздник как фактор идейно-политического воспитания : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05 / Л. А. Сургинене. Л., 1977. 202 с. – Автореф. – 16 с.

А в это время пограничники и таможня, прежде чем дать добро, проверяют: кто едет туда, что везут туда, зачем едут туда. Того, кто едет в нашу страну, спрашивали: кто едет сюда, что везет сюда и т. д.

Василий Федорович нервничал, как пройдет проверка. Он человек гостеприимный, как я уже сказал, любил делать подарки. Так, в числе сувениров, везет «шпроты балтийские» (10 банок) и пять бутылок водки «Ленинградская». А ведь столько нельзя! О, пронеси...

Наконец, появился пограничный контроль. Впереди идет бравый майор. И вдруг он как-то странно посмотрел на Василия Федоровича и улыбнулся, через весь вагон пошел к нему.

«Ну, все, – с ужасом подумал Василий Федорович, – сейчас будет скандал. Не зря говорят, компетентные органы все знают. Скажут: граблю страну, поднимающуюся из руин. И везу «этим» нашу еду и питье. Кто же продал меня? Ведь никто не знает, кроме В. С. Крейденко. Неужели он, Брут? Неужели майор следил за мной от самого Ленинграда? Что-то знакомое в нем есть, сейчас начнет при студентах пытаться!».

– Вы меня не узнаете, Василий Федорович? – спросил майор, расплываясь в широкой улыбке.

«Радует, поймал меня и радуется, – с ужасом подумал Василий Федорович, – как опытно подходит к допросу, издали начина...

– Нет, не узнаю, – одними губами, без звука, но нахально сказал Василий Федорович. («Сейчас, наверное, вытащит револьвер», – замер он).

– Василий Федорович, я Толя Нечаев! Учился у Вас на первом курсе в группе, где были Володя Крейденко и Саша Мамонтов. Но меня забрали в пограничное училище. Вот, видите, теперь работаю.

К нему подскочил старший лейтенант.

– Разрешите начинать? – спросил он.

– Ничего начинать не надо. Я эту группу и их руководителя, профессора, хорошо знаю. Это наши люди. Переходите к другим группам.

У Василия Федоровича началась «медвежья болезнь», которой он мучался до самой Братиславы. Зато весь вагон с гордостью смотрел на него: «Какой важный человек едет с нами, даже сам майор отдал ему честь и отменил проверку его группы!».

А теперь, в заключение, несколько эпизодов («штрихов»), из которых и складывается «человек интеллигентный».

Как-то раз мне с Василием Федоровичем пришлось собирать в лесу грибы. До этого времени я никогда их не собирал. Шли мы вместе, и вдруг я увидел удивительно красивый гриб. Я показал его Василию Федоровичу:

– Вы нашли белый гриб. Берите, он Ваш.

Я нагнулся, чтобы вырвать его из земли.

– Что Вы делаете? Это преступление! – закричал Василий Федорович, – на этом месте после такой операции грибы больше никогда не вырастут. Это надо делать очень аккуратно, ножичком, не повредив корневую систему.

И он показал мне, как красиво и правильно это надо сделать.

– Ведь после нас на этом месте другие люди будут ходить и искать грибы. А если вырвать гриб так, как вы хотели, грибы вообще скоро исчезнут, – дружелюбно сказал он.

Для меня это был урок на всю жизнь.

Я спросил у Василия Федоровича, почему он всегда и сразу вскакивает, когда к нему в кабинет заходит женщина. Пожилая – это понятно, а вот студентка или кто-то с маленькой девочкой? Василий Федорович покраснел и сказал:

– Не знаю, так уж это само получается, – и развел руками.

Василий Федорович брился безопасной бритвой. Для станка он использовал лезвия «Нева». Использованные лезвия он клал в одно место. И когда собиралось их достаточно много, он оборачивал стопку лезвий в толстый слой бумаги и только после этого выбрасывал их в мусорный бак (на бумаге было написано: «Осторожно! Лезвия!»).

– Для чего Вы это делаете, Василий Федорович?

– Как для чего? Ведь кто-то может сильно порезаться. Весь мусор на свалке разбирают, сортируют и т. д.

Блестяще владел русским литературным языком, хотя публично выступать не любил и не умел.

Никогда не употреблял ненормативной лексики. Единственное ругательство, которое употреблял Василий Федорович, было «черт побери». Но произносил он его с разными интонациями, и означало оно в разных случаях разное.

Кстати, Василий Федорович коллекционировал изделия, где был запечатлен образ черта. Однажды мы с ним купили в Литве по глиняной пивной кружке, которую руками обхватил черт, а хвост его был сделан в виде ручки.

Стремился оказать помощь людям, попавшим в беду.

Никогда никого не называл на «ты»: ни преподавателей, ни студентов, ни аспирантов. Всех преподавателей и аспирантов называл только по имени и отчеству.

Он никогда не носил галстук. Среди студентов ходила байка, что будто бы гадалка ему нагадала, что его повесят на его собственном галстуке. На нем всегда была очень красивая рубашка – апаш – рубашка с открытым воротником. Однажды, когда Е. Я. Зазерский совершенно справедливо стал наводить порядок с одеждой студентов, которые стали одеваться вызывающе, он вызвал Василия Федоровича и попросил его начать носить рубашки с галстуками. На другой день все к своему удивлению впервые увидели на Василии Федоровиче галстук. Понятно, он был человеком потрясающей дисциплинированности.

Опубликовано: Первые Сахаровские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 12 ноября 2008 г.) / СПбГУКИ; кафедра библиотекovedения и теории чтения. – СПб., 2008. – С.41–49.

А. В. Соколов

Жизнь его – вечный поиск (2009)

В жизни бывает много встреч и расставаний, бывают встречи значимые, а бывают – просто так...

Моя встреча с Аркадием Васильевичем оказалась значимой. Она состоялась в 1960 г. Наши дороги пересеклись в аспирантуре ЛГБИ и переплелись на долгие годы. Иногда это «переплетение» шло рядом, иногда расходилось и проходило через разные города и веси.

Но всегда чувство аспирантского товарищества, память и уважение друг к другу сохранялись. И, встречаясь, мы вели себя так, как будто никогда не расставались.

После окончания аспирантуры я был направлен на работу в Улан-Удэ, в Восточно-Сибирский государственный университет культуры. В 1968 г. я с семьей вернулся в Ленинград, и мы опять встретились с Аркадием Васильевичем в родном институте. Начались частые встречи, воспоминания, обмен идеями и мыслями. Встречались в вузе, а также на страницах книг. Одна из первых книг, куда мы попали «под один переплет» была знаменательной для того времени – по авторскому составу, по теме и замыслу: «Библиотечные исследования: методология и методика» (М.: Книга, 1978. 248 с.).

Думается, эта книга во многом определила его дальнейший интерес к методологии. Кроме того, у Аркадия Васильевича еще появилось пристальное внимание к библиотечному делу, до этой книги он был «ортодоксальный» информатик. Мы часто обсуждали актуальные вопросы методологии, определяли ее предмет и значение для библиотечной отрасли, поднимали новые проблемы, «примеряли» их к библиотечному делу. Мне кажется, что именно с этого времени Аркадий Васильевич повернулся лицом к библиотечной науке, ощутил ее неиспользованные возможности и перспективы. Я не помню такого случая, чтобы при всей своей занятости, он отказал кому-то в помощи: написать рецензию, прочитать рукопись и дать развернутые и четкие рекомендации, выступить с докладом, прокомментировать книгу.... И всегда он делал это красиво: доброжелательно и с улыбкой. Он чувствовал «узкие места» в нашей науке, начинал их разработку, создавал основы (заделы для других) и переходил к новой теме.

Аркадий Васильевич – до мозга костей исследователь. Во всем, что бы он ни делал: занимался наукой или ел котлету. Запомнился такой пример. Сидя в студенческом буфете за столиком аспирантов, Соколов пытался нанизать «котлету студенческую» (да, так она называлась в меню!) на алюминиевую вилку, которая от твердости котлеты согнулась и превратилась в вопросительный знак. Изучая со всех сторон котлету, Аркадий Васильевич задумчиво спросил сам у себя:

- Из чего же они все-таки эти котлеты делают?
- Из шашлычного мяса, – ответил аспирант Михаил Орджоникидзе.
- Из какого, какого? – ворвался в разговор я.
- Что, глухой? Из такого шашлычного, которое не разжевывается и его выбраковывают, – нагло смотря на меня, сказал Миша.
- Хорошее слово – «выбраковывают», – произнес голодный Соколов.

Вернемся к библиотечной науке. Как мне кажется, Аркадий Васильевич внес выдающийся вклад в библиотековедение в качестве научного руководителя всесоюзного исследования «Библиотечная профессия сегодня и завтра» (1986–1990, головная организация – ЛГИК). Здесь блестяще проявились организаторские, методологические и творческие способности Аркадия Васильевича. Это исследование сыграло важную роль – способствовало углублению методологии библиотековедения. К сожалению, в то перестроечное время на него не обратили должного внимания. Думаю, что оно и сегодня заслуживает серьезного изучения, а его оригинальная методология и методика может стать надежным инструментом в познании библиотечной профессии. Целесообразно включить эти методические решения в состав вузовского курса «Методология и методика изучения библиотечной отрасли».

Длительное время мы вместе с Аркадием Васильевичем работали в Совете по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств. Сразу же подчеркну, что у него самая большая научная школа в Петербурге (имею в виду нашу специальность). Его аспиранты и докторанты успешно защитили свои диссертации в нашем и других Советах.

Всегда большим и интересным событием является выступление Аркадия Васильевича в качестве оппонента на защите докторских и кандидатских диссертаций. Каждое его выступление – это и научный

доклад о диссертации, ее достоинствах и недостатках, и произведение искусства одновременно! Причем выступления никогда не повторяются. Когда оппонирует А.В. Соколов – зал заседания переполнен. Утверждаю, что им создан оригинальный жанр научного оппонирования: логичный, без лишних слов, с юмором, системой рекомендаций и предложений. Аркадий Васильевич превратил этот вид квалификационного научного доклада в самостоятельное научное произведение с четко выраженной полемической направленностью; это всегда справедливое, доброжелательное и прогностическое выступление. Как сказал один диссертант, «после такого выступления оппонента хочется работать дольше и лучше». Отзывы А.В. Соколова полезны и интересны не только для автора диссертации, но и для других специалистов. Поэтому я предложил издательству «Профессия» издать выступления Аркадия Васильевича отдельной книгой.

В прошлые годы мы не только учили студентов библиотечным премудростям, но и каждый сентябрь отправлялись на полевые работы в наш подшефный совхоз под Колпино. Сбор моркови, свеклы и капусты становился нашим уделом на целый месяц, а иногда и больше. Сопровождал студентов профессорско-преподавательский состав – был начальник отряда, его помощник, «комиссар», и преподаватели – кураторы студенческих групп. С трепетным чувством вспоминаю эти «горячие» дни. Здесь рождалась студенческая дружба, коллеги лучше узнавали друг друга, укреплялись группы, выявлялись лидеры. Студенты охотно трудились на свежем воздухе, нормально питались в столовой. Закалялось студенческое братство, кроме лидеров, выявлялись и бездельники. Вечерами преподаватели собирались вместе, вели беседы, слушали стихи Аркадия Васильевича (это у нас называлось «колпинская осень с поэтом Соколовым»).

Мне пришлось несколько раз возглавлять этот отряд. Были и комичные ситуации, и весьма опасные. В совхозе происходили разные события, забавные и страшные. Например, среди страшных назову такие. Один раз мы чуть не попали в карантин в связи с дизентерией. В другой раз выносили из общежития вместе с Аркадием Васильевичем противоположную мину, которую один «любопытный» студент нашел в поле и притащил в лагерь (последнее могло бы кончиться тем, что не было бы сегодня ни мемуариста, ни «мемуарируемого»).

Расскажу и забавную историю. Однажды в группах студентов, которые курировал Аркадий Васильевич, появился доцент с очень

симпатичной импортной собачкой. Девочки были от нее без ума, и она от них тоже. Но вдруг все со слезами на глазах стали просить, чтобы эту собачку убрали. Выяснилось, что это была собака из породы «овечьих пастухов» (точного названия на «аглицком» языке я не помню). У таких собак развит рефлекс – наводить порядок в стаде. И когда овцы выходят из стада или какая-нибудь из них отстает, они с лаем загоняют их обратно. И вот, когда наши девочки пытались удалиться в лес по нужде, внимательно следившая за своим «стадом» собака, с лаем срывалась с места и загоняла их обратно на поле... Пришлось менять доцента.

Короче говоря, Аркадий Васильевич Соколов – человек надежный. С ним можно пойти в разведку и не только...

Опубликовано: Соколов А.В. Ретроспектива–75 / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 435–439.

Ю. Н. Столяров

Юрий Николаевич Столяров Эссе (2017)

*Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.*

«Песня о Москве» из к/ф
«Свинарка и пастух» (1941).
Муз. Т. Хренникова

О Юрии Николаевиче Столярове надо создавать не маленькое эссе, а большую монографию, а лучше кандидатскую диссертацию. Уж очень он мне нравится как хороший, добрый и отзывчивый человек. Кроме того, в ряду наших больших учёных он занимает не последнее место.

Но я всё же буду писать эссе, что тоже трудно, ибо отобрать малое яркое из большого яркого, не легче, чем создать большое яркое (видите, какую «философию» накрутил?)

...Итак, трудно начать, а там видно будет.

Узнал я о том, что есть такой библиотековед – Юрий Николаевич Столяров - задолго до того, как познакомился с ним лично. Рассказы моих товарищей, которые знали Юрия Николаевича; чтение его всегда глубоких и интересных произведений; нечастая переписка с ним и обмен книгами - все эти действия стали прологом к первой встрече. Накопленные в процессе сбора сведения о Юрии Николаевиче говорили, что он незаурядная личность, с которой необходимо быстрее встретиться и познакомиться!

Наша первая встреча, так сказать, «живьём», состоялась в начале 1992 г. в Москве, куда меня, как председателя диссертационного совета, вызвали в ВАК на совещание экспертной группы по специальности 05.25.03 для выяснения ряда вопросов, связанных с содержанием диссертации О.С. Острой, которая была защищена в нашем Совете.¹⁹⁶

Готовясь к поездке в ВАК, я ещё раз просмотрел диссертацию внимательно, несколько раз перечитал стенограмму защиты, переписал вопросы, которые задали диссертанту, поговорил с опытными людьми. Мне порекомендовали до посещения ВАКа встретиться

¹⁹⁶ Острой О.С. История искусствоведческой библиографии в России (нач. XX вв.) : дис. ... д-ра пед. наук: 05.25.03. / О.С. Острой; ЛГИК им. Н.К. Крупской; ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1991. 223 с. (Автореферат, 38 с.)

с Ю.Н. Столяровым и посоветоваться с ним.¹⁹⁷ Он уже накопил опыт работы в диссертационном Совете МГИК.

Позвонил ему по телефону, объяснил мою ситуацию.

– Давайте увидимся до заседания ВАКа, – сказал он. – С удовольствием встречусь с Вами!

Назначили место встречи. Честно говоря, ждал её напряжённо. Как встретит? Не рассердится ли, что отрываю от дел и т. д.

Встретились. Он на меня произвёл сразу же хорошее впечатление. Доброе, открытое лицо, улыбка, чувство юмора (что я особенно ценю в человеке). Он в общих чертах познакомил меня со стратегией моих действий при обсуждении заинтересовавших комиссию мест в диссертации, посоветовал как лучше ответить на те вопросы, которые передо мной поставил ВАК. Кроме того, описал мне внешность тех, «кто есть кто» в ВАКе, и тех, кто может оказаться на обсуждении. Причём описал каждого – чётко выделив их внешность, особенность действий, характер, так что я даже растерялся, когда пришёл на совещание: каждого «узнал», словно давно знаком...

Я понял, что не зря обратился к Ю.Н. Столярову перед совещанием в ВАКе. Он психологически подготовил меня к встрече с сотрудниками ВАКа. И это понятно, ибо Юрий Николаевич много лет отдал работе в диссертационном совете, вначале в качестве члена, а затем в должности его председателя. А работа эта нервная, трудная, ответственная и ювелирная. Надо учесть, что соискатели приходили на защиту разные, и надо было уметь отобрать настоящих учёных и преданных библиотечному делу людей, увидеть настоящую диссертацию и, если надо, то и показать, как её улучшить!

Я часто обращался к нему за советом в решении конкретных задач, и он всегда чётко и прямо отвечал на поставленный вопрос, советы давал деловые и реально выполнимые. Кроме того, у Ю.Н. Столярова были ещё свои докторанты и аспиранты.¹⁹⁸

Многие аспиранты и докторанты проходили через контроль Юрия Николаевича. Надо было прочесть, оценить, поставить перед диссертантами вопросы, помочь им – и своим, и пришедшим на защиту со стороны (из других вузов). Представляете, сколько приходилось читать готовых диссертаций? За 31 год руководства Советом – несколько сотен (в среднем 31х10), не считая тех, которые

¹⁹⁷ Это был мой первый вызов в ВАК, поэтому решил подготовиться как следует.

¹⁹⁸ У него защитилось 9 докторов и 39 кандидатов (дело сороковой по счёту аспирантки сейчас в ВАКе).

Юрий Николаевич отклонял до приёма в Совет. Плюс¹⁹⁹ ещё столько же, если не втрое больше – когда был экспертом ВАКа и в течение 12 лет через неделю ездил на его заседания. Плюс диссертации, присылаемые из ВАКа на дополнительные заключения. Плюс надо было прочитать все отзывы оппонентов, да и отклонить их, если не годились, а потом дважды, а то и трижды перечитать заново. Плюс как член диссовета в РГБ, читал и их диссертации или, как минимум, авторефераты. Плюс выступал в роли оппонента, в том числе и у нас в СПбГИК. Словом, работы этой хватило бы на несколько человек.

...Закончилось заседание ВАКа благополучно. Когда все расходились, ко мне подошёл зам. председателя экспертного совета.

– Молодец, – сказал он. – Выдержали хорошо! Да и на вопросы отвечали чётко. Сколько лет Вы председатель Совета?

– Совсем немного, – ответил я.

– Тогда у Вас, видимо, был опытный консультант...

– Вот именно, – улыбаясь, ответил я, «работая под дурачка». – Меня небеса поддерживали!

Когда вышел из ВАКа на улицу, там увидел, что напротив выхода на скамейке сидел Юрий Николаевич и читал газету.

«Молодец, какой, – подумал я. – Всё это время ждал меня. А это часа два!».

Я рассказал ему всё, как было, и назвал его опытным консультантом. Он даже застеснялся, покраснел... Мы пошли по улице, разговаривая.

Мужчины не договариваясь, идя по улице, знают интуитивно, куда они идут... За разговором незаметно оказались в Столешниковом переулке. Там в конце была популярная рюмочная, славившаяся закусками... Потом долго гуляли по Москве. Заглядывали во все книжные магазины, встречавшиеся по дороге. Купили много интересных книг. Юрий Николаевич проводил меня до вокзала, и я уехал на каком-то скором поезде...

Так началось наше знакомство, которое продолжается и сегодня: хорошие, добрые, товарищеские отношения.

Юрий Николаевич относится к очень редкой подгруппе «хомо сапиенс», которых называют «людьми интересующимися». Такие люди не пропускают ничего интересного, полезного и необходимого для развития общества в целом и каждого человека в отдельности. Он не просто «интересуется», а глубоко изучает вопрос и почти

¹⁹⁹ Обратите внимание, сколько плюсов получается!

всегда находит зерно или, как говорят умные философы, отбрасывает весь плевел.

Его интересует всё, что полезно библиотечному делу. И диапазон тем велик. От русской народной сказки до жизни и творчества Н. А. Рубакина. Все его работы глубоки и перспективны²⁰⁰.

Юрий Николаевич никогда не пропускал ни одного интересного совещания, где бы оно ни проходило – на Дальнем Востоке, в Крыму, Москве или в Ленинграде. И не только посещал, но всегда выступал с очень интересными инновационными доводами. Иными словами, используя известное крылатое выражение, можно сказать, что он сеял на поля библиотечного дела разумное, доброе и вечное!²⁰¹...

На некоторых из таких совещаний бывал и я, и слышал его выступления. Могу сказать, что почти всегда они проходили успешно и вызывали интерес у слушателей, а для некоторых его идеи становились началом работы над собственной темой...

Один раз в 2–3 года Юрий Николаевич приезжал в Санкт-Петербург. Или его вызывали по каким-то вопросам в РНБ, или наше заочное отделение приглашало его прочесть лекции для заочников²⁰².

Студенты боготворили Юрия Николаевича. Аудитории были переполнены. (Между прочим, наиболее думающие студенты дневного отделения и аспиранты тоже приходили на эти лекции.) А после лекций – вопросы, вопросы, ещё раз вопросы. На все из них интересующиеся получали чёткий и правильный ответ (но в этом ответе были мысли, зовущие опытного студента и аспиранта к разработке этого вопроса дальше).

Уставшие от занятий и дискуссий, мы собирались в деканате, в знаменитом историческом «Доме Плеханова» и отдыхали от работы...

²⁰⁰ Кстати сказать, Юрий Николаевич очень похож на Н. А. Рубакина! Своей хваткой, глубиной разрабатываемых тем, разнообразием их, связью с теорией и практикой и др. качествами (это сравнение двух больших учёных – Н. А. Рубакина и Ю. Н. Столярова – может стать интересной темой специального исследования!). В библиотековедении таких исследований – «Сравнение деятельности двух ученых» – я не видел.

²⁰¹ Выступал он не только с серьёзными докладами, но подчас придумывал и оригинальные игры, в которые начинали играть участники совещания (или конференции).

²⁰² Одно время была такая возможность у проректора по заочному обучению Ю. П. Кустова и декана заочного библиотечного факультета нашего института Н. Г. Донченко.

Во время одного из таких приездов Юрия Николаевича в Санкт-Петербург мне удалось «затащить» его к себе домой. Мы, два мужчины, просидели целый вечер, пили чай и закусывали питерским хлебом-солью²⁰³. Мы говорили о многих вещах: о жизни, о будущем библиотек, о кадрах, об аспирантах. Всё это было очень интересно и весьма полезно. Потом я проводил его до Невского проспекта, где он остановился в служебной квартире в здании РНБ.

До сих пор с тёплым чувством вспоминаю встречи с Юрием Николаевичем. Надеюсь, что увидимся ещё не раз с ним. Он обещал обязательно зайти, как только приедет в Санкт-Петербург...

Авторитет его в библиотечной среде велик. Известную сегодня во всём мире «Библиотечную энциклопедию» (они выпущены всего в пяти странах) готовили больше десяти лет и никак не хотели выпускать: руководство РГБ полагало, что она не разойдётся (её, мол, достаточно издать всего в трёх экземплярах для самых настырных ходяков), что издание слишком дорого, что её содержание устареет до того, как энциклопедия увидит свет и т. д., Ю. Н. Столяров, когда в одиночку, когда в небольшой группе таких же энтузиастов, обивал пороги «лиц, принимающих решения», и своего-таки добился! Сегодня «Библиотечная энциклопедия» – это венец всего российского библиотековедения. Между прочим, Юрий Николаевич (правда, не только он один) возражал против того, чтобы ограничить её профиль только отечественным библиотековедением. Результат: слово «русская» из наименования исчезло, и энциклопедия имеет мировой охват. Если надо решить вопрос о существовании Кабинета библиотековедения в РГБ, просят помочь Юрия Николаевича, и Кабинет оставляют в покое! Надо сделать ещё что-то «нерешаемое» начальством для библиотечного развития в стране – опять идёт Ю. Н. Столяров. И часто его аргументы снимают этот вопрос.

Опубликовано: Библиопанорама. – 2017. – № 1. – С.21–24.

²⁰³ Когда пишут, что двое мужчин пили только чай, не верьте им. Было, наверное, ещё что-нибудь. В данном случае словосочетание «хлеб-соль» – это способ «прибеднения» и проявления «скромности» хозяйки (точнее, хозяина) квартиры. (Примечание авт.)

И. И. Тихомирова

Неустанная подвижница чтения (2013)

Чтобы сказать доброе слово человеку, не обязательно ждать юбилея. Доброе слово всегда к месту... Оно помогает строить города, излечиваться безнадежно больному, делать невозможные научные открытия или выполнять свою обычную работу, но хорошо и с душой. Доброе слово всегда светится и сияет, а злое – может и город спалить....

Знакомясь с жизнью и делами Ирины Ивановны Тихомировой, видишь, что живет еще на Руси великой до сих пор подвижничество людей, которые занимаются добрыми делами – не за деньги и славу, а по велению чести и совести...

Одно из важных, нужных и сложных педагогических деяний, как нам кажется – это чтениеведение. Оно занимается «простым» (на первый взгляд!) делом – учит детей и взрослых правильно читать, умениям и навыкам извлекать из каждой книги самое главное в ней, суть, необходимую именно данному конкретному человеку.

Вообще время самоучек давно прошло. Надо по-настоящему учиться всему – и сеять хлеб, и водить самолеты, и делать спутники и всему остальному. Мы знаем, сколько бед приносят самоучки или плохо выученные специалисты в любой отрасли...

А уметь правильно читать не так легко. Смотреть в книгу – и видеть в ней не то, что написано, не просто вредно, но даже подчас опасно. Кроме того, откуда, как не из книг, можно получить глубокий, систематически изложенный, отредактированный специалистами материал.

Есть вузы, где учат правильному чтению. Называются они вузами культуры, где на библиотечно-информационных факультетах специально учат этому.

Одним из преподавателей такого вуза – одного из старейших в нашей стране – СПбГУКИ – и является И. И. Тихомирова, о которой хочу рассказать в этом кратком эссе.

Но вернемся к чтениеведению. Действительно ли специально надо учить правильно читать? Да. Это очень важно! Говорю ответственно, как специалист, давно работающий в этой отрасли! Движущей силой мышления, определяющей его возможности (используемые методы, приемы, операции и т. д.) развития, качество

результатов работы, является слово. Чем больше и богаче их запас у человека, тем во многом продуктивнее его мышление. Уже много раз доказано и передоказано, проверено и перепроверено, что человек, который перестает читать, перестает мыслить. Расставание с процессом чтения, замена чтения просмотром того или иного зрелищного ряда неизбежно ведет к утрате человеческим мышлением его важнейших функций, к его ослаблению. Возникает опасность деградации этих способностей, появляется опасность снижения человеческого интеллекта, сползания его обратно, на более низкую ступень умственного развития. Почему? Да потому, что важнейшим «материалом» развития сложного механизма мышления, повторимся, является слово. И чем их, слов, больше и чем они разнообразнее в «коробочке» у человека, тем он лучше может выразить свои мысли, строить их по правилам логики, по существу, красиво и т. д. Где брать эти слова? У Элочки-людоедки или лучше у Пушкина, Толстого, Достоевского, Гоголя и других великих?

Путь в профессию чтениеведа у Ирины Ивановны был не простым и открыт не сразу. Раздумья, мысли, подчас противоречивые и не стыкующиеся, на тему «кем быть?» были долгими. Закончив в 1950 году школу с серебряной медалью, она имела возможность без вступительных экзаменов поступать в любой институт. Но в какой? Для нее, как она рассказывала, все жребии были равны. Имея почти по всем предметам «отлично», она не знала, куда поступить. Поэтому пошла вместе с подругой в Горьковский медицинский институт. Но через месяц, как только побывала на занятиях в морге, она поняла, что врачом ей не быть. Воспользовавшись дополнительным приемом в Политехнический институт, она подала заявление на радиотехнический факультет. Но и там, проучившись полгода, она также поняла, что и это не для нее. Встретившись как-то на улице со своим школьным учителем по литературе – Георгием Климентьевичем, получившим гуманитарное образование еще до революции, они разговорились. Он напомнил, что ее сочинения по литературе и на свободные темы были одними из лучших, и он предполагал, что она пойдет именно по этому пути. Этот разговор запал ей в душу. Она вспомнила свой читательский дневник, который вела давно, записывая в него свои впечатления о прочитанных книгах. Вспомнила, как рыдала еще в начальной школе над «Зимовьем над Студеной» Мамина-Сибиряка, над «Ванькой» Чехова, над «Муму» Тургенева, а позже – над «Мартином Иденом» Джека Лондона, над «Красным и черным» Стендаля. Вспомнила, как увлечена была «Всадником

без головы» и романами Купера и Жюль Верна. Отыскав свой дневник, вновь перечитала его. Это толкнуло ее поступить на следующий учебный год в ЛГИК им. Н.К.Крупской, хотя о библиотечной профессии не имела представления, знала только, что это связано с книгами. Как вспоминает она – библиотечные дисциплины не увлекли ее и, закончив институт, она решила, что отработает два положенных года в библиотеке и расстанется с ней.

Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Ее рабочее место – заведующая читальным залом Юношеской библиотеки Смольнинского района Ленинграда – приманило ее своей возможностью разговаривать с посетителями о литературе в той свободной манере, какая присуща была ей. Она делилась своими впечатлениями со старшеклассниками о прочитанных книгах, а они – с ней. Эти разговоры были интересны, и она начала их записывать. Приехавшая в библиотеку Мария Давыдовна Смородинская (в то время курировавшая юношеские библиотеки в стране) познакомилась с этими записями, отражавшими живую жизнь, и посоветовала написать об этом в журнал «Библиотекарь». Так появилась в 1963 г. первая публикация. За ней последовали другие. С багажом 12 статей и при наличии к тому времени двух собственных детей, в 1967 г. И.И. Тихомирова поступила по приглашению Натальи Николаевны Житомировой и по совету Майи Алексеевны Чусовитиной – ее однокашницы по институту – в очную аспирантуру, которую закончила с рекомендацией диссертации к защите. Руководителем у нее была Наталья Николаевна Житомирова, которая до конца своей жизни поддерживала ее. Она была оставлена на кафедре детской литературы и библиотечной работы с детьми в качестве ассистента, а потом доцента. Проработав на этой кафедре почти полвека, она закончила свою профессиональную педагогическую стезю.

Но вернусь немного назад. Как уже было сказано, работа в библиотеке Ирину Ивановну увлекла своими индивидуальными беседами с читателями. Не случайно ей принадлежат главы «Индивидуальное руководство чтением» в учебниках «Руководство чтением детей в библиотеке» (третье (1976) и четвертое (1992) издания)). Однако, надо признаться, эти разговоры о литературе и ее чтении, на первых порах, как она сама считает, с ее стороны были дилетантскими. Они, возможно, такими бы оставались до сих пор, если бы не случай, какой ей подбросила жизнь. Этим случаем было знакомство с Александром Михайловичем Левидовым. Именно ему она обязана самой идеей творческого чтения применительно к художественной

литературе, подходу к ней как к человековедению. А. М. Левидов, живший неподалеку от библиотеки, приходил в читальный зал регулярно за новыми «толстыми» литературно-художественными журналами («Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и др.). По возвращении журналов он оставлял в них закладки с пометками, на какие абзацы или целые статьи, ей, как библиотекарю, полезно обратить внимание. Этот материал касался проблем восприятия литературных произведений. До его следующего прихода она прочитывала этот материал, и они потом его вместе обсуждали. Познакомившись с Александром Михайловичем поближе, она узнала, что этот человек по профессии врач и юрист, будучи на пенсии, серьезно занимается вопросом культуры чтения художественной литературы. Он разрабатывает основы научной дисциплины «Руководство к чтению художественных произведений», продолжая дело Виктора Петровича Острогорского и Николая Александровича Рубакина. Центральным звеном его труда является изображение и восприятие ЧЕЛОВЕКА в литературе, проникновение в его внутренний мир, в его психологию. Уходя из библиотеки, он каждый раз оставлял молодому специалисту для разгадывания «загадку», касающуюся поведения, мыслей и чувств персонажей классических произведений. Например: почему Раневская («Вишневый сад» Чехова), получив из Парижа телеграмму, комкает ее и бросает, а через некоторое время подбирает и разглаживает, почему Хлестаков («Ревизор» Гоголя) на протяжении пьесы говорит сначала громким и решительным голосом, позже, громким и не столь решительным голосом, а в конце голосом вовсе не решительным и не громким, почему положительная Соня в изображении Л. Толстого («Война и мир») нам не столь мила, как ошибающаяся и противоречивая Наташа Ростова? А. М. Левидов убедил И. И. Тихомирову, что проблема чтения художественной литературы только кажется простой, на самом деле она касается судеб людей, их жизни, сложности человеческих взаимоотношений, глубины психологии персонажей и сотворчества писателя с читателем. Левидов уверовал в могучую силу литературной классики и искусства в целом. И этой верой заразил ее. Уже после смерти Александра Михайловича она познакомилась с его рукописью и приняла участие вместе с его сыном в «пробивании» возможностей для издания ее. Книга под названием «Автор – образ – читатель» была издана в 1977 г. в издательстве ЛГУ, почти десять лет спустя после того, как не стало автора. И. И. Тихомировой совместно с профессором ЛГУ В. Г. Ивановым было написано предисловие к этой книге «Сквозь

призму художественного образа». Книга А. М. Левидова дала научные основы для разработки библиотечных проблем детского чтения, чем Ирина Ивановна активно занималась все последующие после смерти А. М. Левидова годы, продолжая его дело. В 1972 г. И. И. Тихомирова опубликовала о нем статью «Труд всей жизни» (Библиотеки СССР, вып.55), в 1980 г. статью «Научный подвиг» (Библиотекарь, 1980, № 4). Главная мысль, в которой убедил ее Левидов, и которая стала ее кредо: творчество писателя должно быть преобразовано читателем в собственное творчество. Этот подход бы заложен позже в курс «Психология чтения детей», который она сама разработала и читала долгие годы. Этот курс не только психологический, но и педагогический, ибо особенность детской книги – ее направленность на воспитание. Методическое пособие «Библиотечная педагогика или воспитание книгой» (2011) – это логическое продолжение и завершение разработанного ею курса. Именно это направление, как она полагает, и сделало курс востребованным в России, которая всегда стремилась развивать духовно своих детей. Это направление было подхвачено главным редактором журналов «Школьная библиотека», «Семейное чтение», «Читайка», «Крылья» Татьяной Дмитриевной Жуковой, которая ввела ее в редколлегия этих журналов. Журналы стали площадкой, где она могла общаться с библиотекарями России, неся идеи своего учителя, интерпретированные применительно к библиотечному профессиональному творчеству и нацеленные на воспитание детей.

За время работы на кафедре ею было опубликовано более 280 статей в библиотечных и педагогических журналах. Она принята в члены Санкт-Петербургского психологического общества, о ее научной направленности говорят названия созданных ею книг: «Школа развивающего чтения», «Чтение детей – эмоциональный тренинг», «Школа творческого чтения», Справочник «Психология детского чтения от А до Я». Ею составлена хрестоматия «Школа чтения. Опыт теории, размышления» и сборник статей «Как воспитать талантливого читателя» в 2-х частях.

С введением в 2013 г. статуса «педагог-библиотекарь» для школьных библиотекарей свои книги Ирина Ивановна стала адресовать именно этому специалисту. За эти годы вышли в свет учебно-методические пособия «Педагогическая деятельность школьного библиотекаря» (2014), «Добру откроем сердце» и «Родом из военного детства» (2015). Совместно с профессором Г. А. Ивановой создано пособие «Психология чтения школьников» (2016). Став

инициатором Всероссийского библиотечного конкурса «Читающая мама – читающая страна», она в этом же 2016 г. выпустила книгу дайджестов лучших конкурсных работ школьных библиотекарей «Читаем вместе с мамой». К Форуму школьных библиотекарей в июле 2017 г. готовится сборник её статей по руководству чтением художественной литературы «От чтения – к творчеству жизни», основанных на идеях Н.А. Рубакина.

Количество и география ее поездок с лекциями и мастер-классами, консультациями впечатляет: от Южно-Сахалинска и Камчатки до Калининграда и от Мурманска до Анапы. Список поездок состоит из названий почти ста городов России и ближнего зарубежья. И везде – занятия со школьными и детскими библиотекарями, учеба, анализ лучших книг, встречи с родителями и детьми.

Я очень ценю творчество Ирины Ивановны, ее целеустремленность в работе. Ее статьи и книги написаны на чистейшем русском языке. Она умеет логически развивать свою главную идею, просто, ясно, полезно, убедительно. Читая ее работы, начинаешь думать, как она, что надо поступать именно так, как советует этот опытный, эрудированный специалист. Если проанализировать публикации И. И. Тихомировой, то можно с полным основанием отметить, что почти весь основной круг детского чтения в той или иной степени рассматривается в ее книгах и статьях. Читатель получает из ее произведений массу интересного и важного материала для работы с детьми и пищу для профессиональных размышлений и опытов.

Я как-то от одного своего студента услышал такое выражение: Ирина Ивановна – сама университет детского чтения, где есть все, что надо для работы и размышлений. Только важно научиться находить тот ключик, которым можно открывать ту книгу, которая по данному вопросу больше всего нужна и полезна.

Идеи Ирины Ивановны развивают в разных городах кандидаты наук, защитившие диссертации под ее руководством, и неисчислимое множество школьных и детских библиотекарей России. Пожелаем ей дальнейших успехов в серьезном и большом деле, которым она неустанно занимается.

Опубликовано: Школьная библиотека. – 2013. – № 1. – С. 36–39.

Ю.А. Хараев

Ю.А. Хараев – друг и коллега (2011)

Перелистывая мысленно страницы замечательных лет, проведённых в столице Республики Бурятии – Улан-Удэ, неоднократно вспоминаю имя Юрия Антоновича Хараева, всплывают добрые эпизоды наших встреч, как на работе, так и в домашней обстановке.

Буквально сразу же, как прилетел в Бурятию, наши пути пересеклись и пошли рядом...

Постепенно, ненавязчиво, но интересно он знакомил меня и моих близких с Бурятией. С её удивительной природой, культурой, религией, добрыми и работающими людьми.

В том, что я и моя семья любили Бурятию, во многом заслуга Юрия Антоновича – настоящего пропагандиста, прирождённого краеведа и патриота своей Родины.

Поездка в Баргузинский район

В первые дни приезда на работу в Улан-Удэ в институте моё внимание сразу привлёк человек, достаточно высокий, крепкого телосложения, симпатичный, с добрым лицом.

Мы познакомились. Это был Юрий Антонович Хараев. Он был директором Национальной библиотеки Бурятии и по совместительству работал в нашем институте.

Разговорились. У нас оказалось много интересов и близких позиций. Во-первых, мы любили библиотечное дело, считали его важнейшим элементом культуры и чутким показателем развития страны, во-вторых, нас особенно интересовал такой раздел культуры как краеведение, без которого, мы были в этом убеждены, невозможно глубокое развитие подлинного патриотизма, в-третьих, книга была для нас святым атрибутом жизни, Божьим даром человеку, пользоваться которым должны учить педагоги и библиотекари и т. д.

На эти и другие профессиональные темы мы часто беседовали, спорили, высказывали различные гипотезы, в том числе, как надо развивать библиотечное обслуживание, что надо делать в первую очередь....

Юрий Антонович был генетическим педагогом-библиотекарем. Стремление сеять разумное, доброе, вечное, являлось, думается, элементом его крови, в конечном итоге – целью его жизни...

Когда моя семья получила квартиру на ул. Терешковой, наши встречи участились, так как здесь, поблизости, жила и семья Юрия Антоновича. Теперь мы могли общаться и в домашней обстановке.

В этом районе жили наши сотрудники: Стрельцовы, Бройтманы и некоторые другие. Мы со смехом называли этот участок улицы Терешковой – «микрорайоном института культуры». А напротив нас строился новый корпус института культуры. Новый во всех отношениях: первое специальное здание для подобного вида институтов в стране. Причём по индивидуальному проекту.

Для нас, приезжих сотрудников института, Юрий Антонович был живой энциклопедией по теме: «Бурятия: её история, природа и культура». Не было такого вопроса, на который он не мог ответить. Если сомневался, то честно говорил мне:

– Подожди, посмотрю, проверю, завтра скажу.

Кстати, мы очень часто беседовали о методах краеведческой работы библиотек. Юрия Антоновича этот вопрос очень интересовал (об этом я уже вспоминал выше). Как лучше донести эти богатства до читателей? Что эффективнее?

Интересовали его и возможные краеведческие темы для кандидатских диссертаций. Прямо он не говорил, но мне, казалось, что он планировал написать диссертацию о краеведческой работе библиотек; о проблемах ее исследования. Кроме того, однажды он поинтересовался, не знаю ли я, как можно в Министерстве получить места в целевую аспирантуру в ЛГБИ и МГБИ, чтобы отправить туда учиться двух-трёх библиотекарей, и кто мог бы быть их руководителем по краеведческим темам.

Первое наше совместное мероприятие, которое убедило меня в том, что на Юрия Антоновича можно положиться, что он человек слова и дела, была поездка со студентами в Баргузинский район. Он предложил провести такую экскурсию для лучших студентов. Познакомить их с несколькими интересными библиотеками и заодно с природой района.

Мы отобрали студентов. Прямо, можно сказать, настоящий конкурс провели за участие в поездке! Выбрали «лучших из лучших».

Поехали на автобусе. Побывали в некоторых библиотеках. Ю.А. Хараев по дороге рассказал об истории района, его уникальной природе, культуре.

Посещая библиотеки, мы видели, с каким уважением относятся библиотекари к Юрию Антоновичу. Подъезжая к отобранной для ознакомления библиотеке, он рассказывал студентам о ней так полно

и с такими подробностями, что казалось, что всю жизнь проработал в этой библиотеке.

Осматривая библиотеку, студенты задавали вопросы библиотекарям, делали записи. После небольшого отдыха мы ехали дальше.

В Баргузине нам устроили интересную экскурсию. Опытный экскурсовод, пожилая женщина, видимо, местная жительница, подробно рассказала о городе, его архитектуре, знаменитых людях, живших раньше. О нынешних баргузинцах. Постояли у стелы в память поэта В. К. Кюхельбекера, друга А. С. Пушкина, сосланного сюда после выступления декабристов.

В Усть-Баргузине воспользовались стареньким, но мощным паромом, который перевозил через реку Баргузин. Всё это было очень интересно и поучительно.

После отдыха повернули назад и вернулись в Улан-Удэ.

Студенты были в восторге от поездки, которая являлась для нас наглядным примером того, как можно распространять и внедрять в сознание важные библиотечные знания, развивая, тем самым, так называемое «краеведческое мышление»²⁰⁴.

После нашего отъезда из Улан-Удэ мы несколько раз встречались с Ю.А. Хараевым в Москве – то в Министерстве культуры, то – в ГБЛ у Н.С. Карташова. Юрий Антонович, как всегда, был переполнен идеями, мыслями о библиотечном оборудовании и его улучшении, о совершенствовании работы библиотек Бурятии. Рассказывал о своих планах. Много о чём он мечтал, потом было осуществлено.

Щука к нам пришла – икры принесла

Когда в Улан-Удэ, мы жили рядом с Ю.А. Хараевым, если возникали какие-либо вопросы, он всегда приходил к нам на помощь, рассказывал о местных особенностях, как надо поступать в разных условиях.

Однажды на рынке я увидел, как продавали щук. Были они сложены как поленья. Толстые, большие, длинные. Вспомнил, что, когда мы ездили семьями из института на Байкал с ночёвкой, то наши мужчины – сибиряки, настоящие рыбаки, поймали тоже большую щуку. Так вот, наш бухгалтер, выпивший до этого стопку спирта, взял голову этой щуки (обратите внимание! Щука уже была разрублена на куски!) и вложил свой указательный палец ей в рот. И, хотите, верьте, хотите,

²⁰⁴ О краеведческом мышлении, см.: Крейденко В.С. Библиотечное краеведение: терминолог. словарь / В.С. Крейденко, А.В. Мамонтов. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 1998. С. 37

нет, голова зажала челюсти, еле его палец вытащили, но он у него всю ночь кровоточил (ведь у щуки очень специфические зубы!).

...Вернёмся к рынку: в сумку купленная мной щука не помещалась. Спрятать было не куда. Тогда, как винтовку на параде, положил её на плечо и так донёс до дому. Люди на меня смотрели и улыбались:

– Сами поймали?

– Да, – отвечал я, – на рынке.

Оттаивала она долго, а когда оттаяла, стали её с трудом резать. У неё было очень подозрительно большое брюхо. Осторожно надрезал, а там икра. Набрали целую большую кастрюльку. Что делать? Не знаем. Побежали к Хараевым. Юра сразу же пришёл. Объяснил, как надо солить икру, чтобы она не портилась.

Икра получилась удивительно вкусной – раздали всем друзьям. Ю.А. попробовал и сказал:

– Ученики хорошие, всё сделали правильно. Мы будем ее есть тоже с удовольствием.

Ели мы эту щуку долго. Моя жена приготавливала из неё разные блюда – жареные, пареные, вареные, фаршированные ... Юрий Антонович многие из этих блюд дегустировал, уверял, что вкусно. Думаю, что он не льстил. Моя жена Анна Алексеевна была отменной кулинаркой.

Мы в шутку назначили Юрия Антоновича главным консультантом семьи по вопросам рыбоедения.²⁰⁵ Вообще, он был хорошим и добрым помощником в нашей адаптации в новом для нас и интересном крае.

После этого «рыбного периода» долго не могли смотреть на рыбные блюда – переели (ситуация как со мной в детстве: до сих пор не могу есть мандарины, потому что у нас в Батуми их во время войны не вывозили и один кг мандаринов стоил в 10 раз дешевле, чем один кг хлеба. Вот мы ими и питались и «напитались» до отвращения!).

... В дальнейшем, я ещё дважды пытался встретиться напрямую со щуками.

Первый раз в Литве в огромном озере возле деревни Покрято-не. Там с моим приятелем – Йонасом Бурбулявичусом, рыбака на лодке, пытались поймать щуку. Я поймал. Она была маленькая, как салака. Мы, будучи джентльменами, выпустили её обратно в озеро.

²⁰⁵ Он научил нас, например, как надо готовить омуля. Это чудо-рыба! Жаль, что её у нас теперь не купить.

Второй раз под Зеленогорском, в озере, которое так и называлось Щучье! Здесь вообще ничего не поймал, даже маленькую рыбёшку.

Тогда решил, что больше попыток делать не буду: зачем портить хорошую память об улан-удэнской чудесной щуке, о которой здесь написал. Слово держу до сих пор.

В тайге родилась ёлочка?

Как-то зашёл к нам Юрий Антонович и говорит:

– Получил лицензию на три ёлочки. Срубим в тайге такие, которые нам понравятся. Поедешь?

– Конечно, – сказал я. – Свежая ёлочка – это не те, которые продают на базаре.

Мои меня поддержали. Особенно радовалась наша дочка Катя.

– Отлично. Готовься. Оденься потеплее. Завтра утром и поедем.

Ровно в назначенное время Юрий Антонович приехал. Я посмотрел из окна – автобус «Кубань». Несколько слов об этом автобусе, ибо он главный «герой» этих воспоминаний. Автобус после войны стал выпускать Кубанский (Краснодарский) механический завод специально для учреждений культуры. Где только не встречал я этот небольшой, юркий, маневренный, устойчивый, надёжный автобус! Причём, он шёл по нашим дорогам²⁰⁶ уверенно и спокойно, а это иногда были дороги, как говорили северокавказские шутники, где и на ишаке не проедешь, а он проходил. Может быть, потому что был не конвейерной, а во многом штучной сборки?

Вот и опять встретился с ним в Бурятии. Здесь он тоже чувствовал себя хорошо, был ухожен и красив. На Северном Кавказе он успешно переносил жару. А как с морозами? На улице стояло – 40 градусов. Это предстояло оценить сегодня.

Долго ехали по узкой дороге, которую с двух сторон теснил лес. Встретились с лесничим, проверившим наше разрешение и рассказавшим как ехать.

Нашли место. Нам показалось, что здесь особенно красивые ёлочки. Долго выбирали. Срубили три средние по величине и довольные сели в машину.

Поехали вперёд, так как развернуться назад можно было только на специальных округлых площадках – разворотах, где для этого

²⁰⁶ «Наши дороги» – синоним: «плохие дороги».

были вырублены все кусты и деревья. Ехали долго. На «улице» – минус 42 градуса, а внутри греет электропечка. В автобусе было тепло.

– Купил печку у нас. Какой-то номерной завод выпускает, – с гордостью, небрежно сказал Юрий Антонович и взглянул довольный на неё.

Печка как будто услышала и тихо щёлкнула...

– Печка радуется, что ты её похвалил, – сказал я и посмотрел на Юрия Антоновича. Мне показалось, что вдруг он растерялся.

– Выключилась она, сломалась, видимо, – тихо сказал он.

Так и было. Скорее всего, печка не выдержала нагрузки и «приказала долго жить».

В автобусе стало холодать. А места для поворота всё не было и не было видно. Лесничий сказал, что поворот на дороге сделан через каждые 5 км. Возможно, мы заблудились.

Стало темнеть. Нас постепенно начало трясти от холода... «Плохо дело. Ещё если и автобус выйдет из строя, – подумал я». А Юрий Антонович говорил:

– Не падайте духом, скоро найдём поворот.

Действительно, поворот показался. С огромным трудом мы развернулись и, увеличивая скорость, поехали в Улан-Удэ. «Кубань» не подвела.

...Новый год мы встречали в новой квартире. В вазе расцвели ветки багульника. Пахло тайгой и манящим ароматом свежей ёлки. Выпили и за «деда Мороза» – Юрия Антоновича, который эту ёлочку нашим деткам подарил (правда, «детка» была только одна, наша маленькая дочка Катя). Позже забежал Юрий Антонович. Выпили ещё раз за нашу дружбу и расцвет библиотечного дела в стране!

За кедровыми шишками в тайгу

Охота на зверя есть; грибная охота есть; фотоохота за редкими явлениями флоры и фауны есть.... Но есть, как мне кажется, очень интересный и редкий вид охоты – охота на кедровые шишки. Все названные виды охоты осуществимы почти везде, кроме названной последней. Она уникальна и реальна в немногих местах, которых с помощью человека становится всё меньше и меньше...

Возможность принять участие в этом виде редкой охоты предоставил как-то мужчинам нашего вуза (по просьбе этих «трудящихся мужчин») Ю.А. Хараев. За что все ему были очень благодарны.

Но начну по порядку.

При охоте на кедровые шишки наше первое потрясение было вызвано необычной красотой. Роскошный, мохнатый и темно-зеленый, ошетилившийся иголками кедровый лес, богатейший букет запахов, испускаемых влажным мхом, разнообразной растительностью, который создавал какие-то неземные ощущения.

Вообще, эту прелесть трудно описать. Словно ты попал на другую планету, и вот-вот выйдут из-за деревьев инопланетяне и скажут:

– Ну, здравствуйте, люди, вы пришли с добром?

Я не знаю, как добывают шишки профессионалы. Но Юрий Антонович научил это делать так.

Надо собирать шишки при помощи «прибора», который в Бурятии называют «колот» (видимо, от русского слова колотить!). Он представляет собой огромный деревянный молоток длиной приблизительно 2–3 метра. Рукоятку молотка (думаю, правильнее сказать – молота) делают из ствола прочного, нетолстого дерева (отрезают в длину – 2–3 метра). Очищают его от коры и сучков. На получившуюся рукоятку под прямым углом насаживают деревянную колоду (круглую) или реже четырёхугольный брусок. Такие «колоты» разбросаны по всему участку кедрового леса.

Шишки снимают с одного дерева, как правило, три человека. Двое поднимают «колот» и ставят его перпендикулярно стволу кедрового дерева. Один держит за ручку, другой раскачивает, колот, чтобы он равномерно ударял по стволу кедрового дерева. Шишки отрываются от веток, и несутся вниз. Другие их собирают. У всех должны быть головные уборы типа ушанок на случай попадания шишки в голову. Без такого головного убора будет довольно болезненный удар.

Тут же в некоторых местах тайги стоят ручные металлические «шишкорубки» (так, что ли, их назвать?). Пропущенные через их колёса шишки ломаются и из них высыпаются орешки. Их и собирают. В этих местах стоит такой густой смоляной запах, что в первую минуту начинаешь чихать. Но потом привыкаешь, и даже становится приятно: полная дезинфекция лёгких!

Мы домой взяли шишки. Раздарили, а что осталось, разложили по комнатам. В те дни наши квартиры по запаху было почти не отличить от таёжного. Ну, прямо, тайга – тайгой!

Этот замечательный поход, знакомство с экзотическим промыслом, подаренные нам Ю.А. Хараевым, остались у меня в памяти и на фотографиях – на всю жизнь.

В тайге страшнее гнуса зверя нет или таёжное бедствие

На Байкал мы выезжали часто на выходные дни семьями. В нашем вузе было много поклонников рыбалки, грибников, ягодников, вообще любителей природы и чистого воздуха. А жить рядом с Байкалом, этим чудом света, иметь возможности его посещать и не делать этого, с моей точки зрения, глупость великая.

Однажды, во время одного из таких посещений Байкала, Ю.А. Хараев говорит:

– Пойдём, покажу тебе интересное место.

Когда отошли достаточно далеко от наших, вдруг утреннее солнце зашло за тучи, стало прохладно. Мы остановились на небольшой поляне.

– Идём, уже осталось совсем немного, минуты две ходьбы.

И в это время он замолчал и помрачнел...

Взглянув в ту сторону, куда напряжённо смотрел Юрий Антонович, увидел, что к нам на небольшой высоте летела чёрная туча-куча (иначе не знаю, как назвать), всё время меняя свои очертания.

– Гнус, – выдохнул Ю.А. – Быстро застегнись поплотнее, где только можно.

Я вскинул двустволку, готовясь в них выстрелить.

– Стрелять нельзя, грех. Они, всё-таки, живые существа. Не бери на душу лишнюю ошибку...

– А если они нас сожрут, тогда как? (так я сказал, потому что помнил фразу из статьи о гнусе «...в таёжных и тундровых зонах <...> гнус – настоящее бедствие. «Ну и гнусу летом у нас было! Ко ней заживо заедали»)²⁰⁷.

– Если начнут, тогда будем защищаться. Правда будет на нашей стороне. Лучше повесь на плечо ружьё, освободи руки, они тебе очень скоро понадобятся. И рот не открывай...

К нам летела мошкара – родственница комаров, слепней и оводов. Чаще всего всю эту группу называют гнусом. Иногда гнусом называют только мошкар. И это, видимо, вернее²⁰⁸, ибо из всего гнуса – самый гнусный гнус – это мошкара. Они самые мелкие (правда, комары, слепни, оводы – тоже не подарок!), но мошкара среди них

²⁰⁷ Этерлей Е.Н. Неизвестное в известном: рассказы о словах / Е.Н. Этерлей, О.Д. Кузнецова. Л.: Наука, 1979. С. 93.

²⁰⁸ См. Словарь С.И. Ожегова (1949). Он называет гнус так: «мелкие летающие кровососущие насекомые». Из перечисленных выше – они самые, что ни на есть маленькие, например, в несколько раз меньше самого маленького комара и больше всех подходят к этому определению.

самая страшная. Действует она не в одиночку, а сразу всей кучей, как бы подчиняясь одной для всех команде.

Не прошло и минуты, как эта куча врезалась в нас. Обволокла, стала залеплять глаза, залезать в уши, рот, нос, находить к телу лазейки в одежде. Стало трудно дышать. И везде, куда бы гнус не попадал, сразу же начиналось страшное жжение. Мы стали их давить, сбрасывать... Всё напрасно! И, вдруг, (как мне показалось) из-за тучи появилось солнце, они, как-то молниеносно собравшись, взлетели и унеслись в лес...

Нападение продолжалось, видимо, несколько минут, но все ощущения запомнились на очень длительный срок. Особенно какое-то непонятное колебание воздуха, чуть слышный шум, видимо от тысячи работающих крылышек и резкий, неприятный специфический запах. Глубоко вздохнув, вспомнил слова одного из героев романа В.А. Обручева «Плутония»: «И какое наземное животное могло бы выдержать укусы этого страшного гнуса?»

– Повезло. Словно нам кто-то помог, – с какой-то странной интонацией, загадочно произнёс Ю.А. Хараев.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Лица были словно смазаны подсолнечным маслом с чёрными точками, руки тоже. Это были следы раздавленного нами гнуса. Еле отмылись у ручья, и пришли к месту, которое хотел показать Юрий Антонович.

Потом мне сказали, что у Байкала гнус – редкое явление. Они не любят ветер, который дует здесь и размётывает их «кучи», а в отдельности они бессильны. Вот, видимо, инстинкт их и уводит от Байкала.

Но если они оказались у Байкала, напали на жертву, то почему же всё-таки так быстро и неожиданно улетели от нас? Спросил у умных людей. Высказывались разные версии. Одни говорили – гнус не выдерживает прямых солнечных лучей, другие – изменилось атмосферное давление, третьи – подул ветер с Байкала... Были и другие предположения. Но это всё не очень убедительно. До сих пор не могу понять. А может быть, был прав Юрий Антонович?

А затем он показал мне то, ради чего мы пошли – уникальную вещь – таёжное зимовье или проще – таёжную «гостиницу». Есть много таких в тайге. Заблудившиеся или долго находящиеся в тайге люди могут отдохнуть, а проголодавшиеся – даже что-нибудь поесть в этом месте.

Делают такие зимовья общими усилиями. Если увидят, что какая-то вещь в зимовье сломалась, любой побывавший в нём обязан

её починить, ибо это — коллективная собственность охотников и промысловиков, возникшая стихийно и вызванная необходимостью и чувством взаимопомощи друг другу.

Охотники, промысловики и вообще местные жители знают, где находятся такие зимовья и при необходимости посещают их.

Здесь есть лежанка и маленький столик, керосиновая лампа и бутылка керосина, а иногда и свечи. Почти всегда в зимовье имеется чай, сахар, сухари, разная крупа. Всё это подвешено в мешочках на потолке так, чтобы грызуны не могли достать. Есть маленькая печурка, чайник, металлические кружки, немного сухих поленьев для растопки.

Побывав здесь, уходя, ты тоже должен оставить что-нибудь, что может понадобиться другим путникам. Юрий Антонович, например, оставил пачку галет и конфеты.

Это фактически полуземлянка, две трети её под землёй, в специально вырытой траншее, крыша и маленькие окна на поверхности (но везде они делаются по-разному, в зависимости от местных условий и возможностей).

...Вернулись мы к своим друзьям уставшие, но довольные.

Опубликовано: Библиопанорама. — 2011. — № 2. — С.55–61.

О. С. Чубарьян

Дружина Чубарьяна

В добрых и интересных воспоминаниях Н.Е. Добрыниной одна глава названа «В тот золотой век Чубарьяна». Этот библиотечный «век», подготовленный и проходивший в условиях изменяющейся жизни в стране, берет свое начало в истории ГБЛ 1960-х г., когда был осуществлен качественный скачок вперед всей отрасли, выразившийся в улучшении и углублении библиотечного обслуживания.

Одним из главных «дирижеров», инициатором этого «скачка» был О.С. Чубарьян. Он сумел найти, собрать в единый кулак, обучить и направить на проведение этого «скачка» удивительный коллектив библиотекарей, в котором были «хорошие и разные» люди, объединенные единым порывом: изучить чтение и читателей в стране и использовать эти данные для дальнейшего улучшения работы библиотек.

На столе у меня сейчас лежит книга, которую я любовно храню много лет. Это подаренный мне экземпляр сборника «Советский читатель» (отв. ред. О.С. Чубарьян, ред.- сост. Н.Е. Добрынина и Е.Е. Троицкая). Эта книга была одним из первых изданий группы замечательных библиотекарей-исследователей во главе с О.С. Чубарьяном.

На книге дарственная надпись: «Многоуважаемому Владимиру Семеновичу Крейденко <...> от его друзей. 17/VI. 1968 г. С.П. Бачалдин, Н.Е. Добрынина, В.В. Нейман, С.М. Смирнова, О.М. Смирнова, В.Д. Стельмах, Е.Е. Троицкая».

Эти люди – ядро коллектива О.С. Чубарьяна. Я очень дорожу дружбой с ними и берегу подаренную книгу как частицу памяти об этих людях и их замечательных делах...

О.С. Чубарьян вместе со своими коллегами сумел во многом реализовать огромную цель – «нарисовать» качественно-количественную картину читательского поля страны и на этой основе разработать и опубликовать целую систему практических рекомендаций по улучшению библиотечного обслуживания.

С Чубарьяном мы встречались редко, как говорят, «на бегу»: на разных совещаниях, заседаниях, советах, семинарах. Он жил в Москве, я – вначале в Орджоникидзе (работая в Северо-Осетинской республиканской библиотеке), затем в Ленинграде (учась

в аспирантуре Института культуры), Улан-Удэ (работая в Восточно-Сибирском институте культуры), потом опять в Ленинграде (Институт культуры).

Но постепенно, многое узнавая об этом человеке, я стал уважать его по-настоящему. Причинами такого отношения стали три аргумента. Аргумент первый – личные, правда, немногочисленные наблюдения за его действиями в библиотечной сфере. Аргумент второй – восторженные отзывы коллег, работавших или встречавшихся с О.С. Чубарьяном. И, наконец, аргумент третий – публикации его работ, которые я внимательно изучал, Сразу же скажу, что они в своей основе не потеряли значения и сегодня (без этих работ нельзя стать профессионально образованным библиотекарем). Для меня – это, прежде всего, его труды по общему библиотековедению, где закладывались теоретико-методологические основы библиотековедения, по проблемам массового чтения и др. А также работы «Человек и книга: социальные проблемы чтения»; «Проблемы теории и практики библиотечного дела в СССР. Избранные труды», изданные посмертно. Они находятся в актуальной части моей специальной домашней библиотеки. Эти три аргумента укрепили меня во мнении, что Оган Степанович – это «настоящий мужик», с которым интересно и нужно сотрудничать для пользы библиотечного дела.

Но всё же основательных личных встреч у меня с ним было мало. Запомнились особенно три.

Первая встреча. Я закончил свою кандидатскую диссертацию, посвященную комплектованию библиотек в многонациональных республиках и областях изданиями на языках народов СССР. А защита откладывалась. Наш совет не работал. Возникли сложности. Где защищаться? Появились вопросы по изменению некоторых частей содержания, сомнения... Тема была в принципе новая и слабо разработанная в библиотечном деле. И вот, выезжая в командировку в Москву, зашел за благословением к ангелу-хранителю аспирантов – Надежде Ивановне Сергеевой, проректору по науке.

Поговорили, поделился с ней своими проблемами. И вдруг, как бы случайно, она мне говорит:

- А почему бы тебе не посоветоваться с умным человеком?
- С кем?
- С Оганом Степановичем Чубарьяном.
- Я его не знаю.
- Ничего, позвоню, он тебя примет, мы с ним в дружбе.

Принял меня Оган Степанович доброжелательно. Сразу нашли общий язык как кавказец с кавказцем (он родился в Ростове-на-Дону, я – в Батуми), да и тема моя была связана с Кавказом.

О.С. Чубарьян очень внимательно выслушал мой рассказ о теме, в чем я убедился, когда он начал задавать вопросы по существу и заинтересованно. Он дал мне несколько дельных советов и ценную информацию к размышлению. Помню его слова:

– Тема эта очень актуальная, перспективная, но весьма сложная. Люди двигаются по стране, некоторые оседают на новых местах – надолго или навсегда. Скоро многонациональных районов, областей и республик станет много. Возникнут разные межэтнические проблемы. Надо будет суметь, в том числе, и библиотечными средствами, создать позитивные установки к разным культурам, ценностям разных людей, проживающих вместе, развивать уважительное отношение к языкам, традициям, обычаям, особенностям поведения представителей разных народов, учить их дружно жить вместе. И книга здесь – важный инструмент. Особое внимание обратите на сбор, адаптацию, а также создание новых специальных методов изучения этой специфической проблемы. Настоятельно советую вам продолжать заниматься данной проблемой и дальше, – улыбнулся он своей обворожительной улыбкой, – говорю это как кандидат наук человеку, который тоже скоро станет кандидатом наук.

На такой «ноте» мы по-дружески расстались. И данному им совету я следую до сих пор.

Вторая встреча произошла тогда, когда Оган Степанович уже был директором Ленинки. Меня послали из Ленинграда в Москву по каким-то делам кафедры, и Б.В. Банк попросил передать О.С. Чубарьяну письмо и пакет с материалами своих исследований читателей 20-х гг. XX в. Видимо, эта посылка как-то была связана с предстоящей защитой Б.В. Банком кандидатской диссертации, которая планировалась на конец 1969 г.

Поблагодарив меня за привезенный материал, Оган Степанович произнес:

– Банк – эталон порядочности, аккуратности и точности!

Я охотно поддержал эту верную мысль (как точно он подметил эту «специфику» Б.В. Банка!) и, в свою очередь, добавил, что мы как раз этому учимся у Бориса Владимировича.

– Только этому? – улыбнулся Оган Степанович.

– Конечно, нет! Для нас вообще Борис Владимирович – живой классик, образ идеального библиотекаря-подвижника и настоящего ученого-труженика!

– Это так, – подтвердил Оган Степанович и неожиданно перешел на другую тему:

– Как у вас в ГПБ работает кабинет библиотекovedения?

– Очень хорошо! Заведует им мой давнишний приятель Юрий Петрович Ивков. Ему удалось превратить этот отдел в подлинный научно-информационный центр по проблемам библиотечного дела. Да и фонд богатейший. Много дореволюционных изданий.

Что знал сам, я рассказал об отделе, структуре справочно-библиографического аппарата кабинета (он тогда назывался не отделом, а кабинетом).

– Да, такой отдел очень важно иметь в хорошем состоянии, особенно при интенсификации научно-исследовательской деятельности библиотекарей. Много малотиражных изданий библиотек до нас не доходит, и мы ничего о них не знаем, – закончил О.С. Чубарьян свою мысль и что-то быстро записал в своей книжке. На этом мы расстались.

После этой встречи прошло несколько лет, и я 25 июня 1971 г. имел честь поздравить О.С. Чубарьяна с защитой докторской диссертации на ученую степень доктора педагогических наук по специальности «библиотекovedение». Защита проходила в самом красивом историческом зале Ленинградского государственного института культуры им. Н.К. Крупской – в Зале Совета.

О.С. Чубарьян сделал доклад на тему «Общее библиотекovedение: итоги развития и проблемы». Зал был переполнен. Блестящее, аргументированное выступление ученого и организатора науки, четкие и точные ответы на вопросы оппонентов, членов Совета и гостей вызвали всеобщее одобрение.

Третья встреча оказалась весьма символичной: она произошла не с человеком О.С. Чубарьяном, а с Арташатской районной библиотекой Армянской ССР, носящей его имя. Перефразируя известные строки В.В. Маяковского из стихотворения «Товарищу Нетте – пароходу и человеку», можно сказать, что О.С. Чубарьян «воплотился» в библиотеку, в книги и в другие добрые дела.

Произошла эта знаменательная встреча спустя несколько лет после того, как тяжелая болезнь оборвала жизнь О.С. Чубарьяна. Профессиональные интересы привели меня на большое всесоюзное совещание, которое проходило в Государственной библиотеке

Армянской ССР им. А. Мясникяна. Программой совещания предусматривалось посещение уникальной библиотеки – в нашей стране единственной, которой присвоено имя библиотекаря.

Наконец, после заседаний – ожидаемая поездка в библиотеку. Мы ехали на автобусе по красивейшим горным местам, вблизи Арташата – там находятся развалины древнего города, столицы Армении эллинистического периода.

Библиотека нам понравилась. Хорошая подборка книг на русском и армянском языках. Солидный справочно-библиографический аппарат. Чисто, уютно. А на свое «детище» смотрит с портрета О. С. Чубарьян, чуть загадочно улыбаясь... После экскурсии нас пригласили в дом заведующего библиотекой. За дружеским гостеприимным столом мы помянули О. С. Чубарьяна и, довольные, что побывали в такой редкостной библиотеке, поздно вечером вернулись в Ереван, а спустя несколько дней, самолетами отправились по домам...

Опубликовано: Творчество как формула жизни : страницы биографии О. С. Чубарьяна. – Москва, 2008. – С. 288–293. – (В кругу книг и друзей).

Библиографический список публикаций В. С. Крейденко

1954

1. И. А. Крылов. К 110-летию со дня смерти. 1844–1954 / [В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1954. – 4 с.

1955

2. Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930) : памятка читателю / К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 9 с.
3. Коцров Арсен Борисович / [К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 4 с.
4. Кукуруза в Северной Осетии : рек. указ. лит. / [сост. Я. В. Смольский, В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т. Сев.-Осет. респ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 21 с.
5. Материалы к оформлению библиотечного плаката «За здоровый быт советских людей!» / [сост. В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 12 с.
6. Материалы к оформлению библиотечного плаката «Как читать книгу» / [сост. В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 9 с.
7. Материалы к читательской конференции по повести С. Г. Георгиевской «Серебряное слово» / [В. С. Крейденко, В. В. Курдюкова] ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 14 с.
8. Нигер (Иван Васильевич Джанаев) / К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 4 с.
9. Отражение первой русской революции 1905–1907 годов в художественной литературе : [рек. список лит.] / [сост. В. С. Крейденко, К. Л. Ко-чисов] ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 14 с.
10. Северо-Осетинская республиканская библиотека им. С. М. Кирова : памятка читателю / [сост. В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. republ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1955. – 7 с.

1956

11. К. Л. Хетагуров (Методические указания и материалы в помощь работе библиотек) / [К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1956. – 12 с.
12. Коста Леванович Хетагуров (1859–1906) : памятка читателю / [К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1956. – 29 с.
13. Северо-Осетинская республиканская библиотека им. С. М. Кирова : памятка читателю / [сост. В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – 2-е изд., доп. – Орджоникидзе : [б. и.], 1956. – 10 с.
14. Яков Хозиев (1916–1938) : памятка читателю / [сост. К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1956. – 8 с. – (Писатели Северной Осетии).

1957

15. Дабе Хабиевич Мамсуров : памятка читателю / [сост. К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко]. – Орджоникидзе : [б. и.], 1957. – 24 с. – (Писатели Северной Осетии).
16. Заочные читательские конференции / В. С. Крейденко // Библиотекарь. – 1957. – № 12. – С. 17–19.
17. К выборам в местные Советы депутатов трудящихся Северо-Осетинской АССР : в помощь работникам б-к : метод. и библиогр. материалы / [сост. Т. Р. Итенберг, В. С. Крейденко,] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1957. – 25 с.
18. К 40-летию Великой Октябрьской Социалистической революции : в помощь б-кам Северной Осетии : сб. метод. и библиогр. материалов / сост. Т. Р. Итенберг, К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко [и др.] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1957. – 59 с.
19. Люби и изучай свой край (Природа. Народное хозяйство и история края) : краткий рек. указ. лит. / [сост. С. Ф. Григорович, В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1957. – 42 с.
20. Методическое объединение библиотекарей / В. С. Крейденко // Библиотекарь. – 1957. – № 1. – С. 41–43.
21. Опыт создания сводного каталога / В. С. Крейденко // Советская библиография. – 1957. – № 46. – С. 85–88.

1958

22. Сводный каталог периодических изданий, получаемых в 1957 году крупнейшими библиотеками г. Орджоникидзе : в помощь науч. работникам и специалистам. Ч. 1. Журналы / [сост. В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1957. – 105 с.

1958

23. Каждый грамотный житель села – читатель библиотеки / [В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1958. – 16 с. – (Из опыта работы библиотек Северной Осетии).
24. Навстречу декаде осетинской литературы и искусства в Москве : метод. советы в помощь работе массовых б-к по пропаганде осетинской лит. / [В. С. Крейденко]. – Орджоникидзе : [б. и.], 1958. – 12 с.
25. Наши замечательные земляки : материалы для проведения читательской конф. по повести Грекова А. «Хаджимрат Дзарахохов» / [сост. В. С. Крейденко ; Сев.-Осет. респ. б-ка им. С. М. Кирова]. – Орджоникидзе : [б. и.], 1958. – 14 с.
26. Наши замечательные земляки : материалы к библиотечному плакату : «Вы должны знать о жизни и деятельности Виктора Афанасьевича Гассиева – создателя первой в мире фотонаборной машины» / [сост. В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. респ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1958. – 16 с.

1959

27. За открытый доступ к осетинской литературе : метод. письмо / [сост. В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. респ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1959. – 16 с. – (Навстречу декаде осетинской литературы и искусства в Москве).
28. Искусство Северной Осетии : указ. лит. / [сост. К. М. Гудиева, В. С. Крейденко, Н. М. Пастухова] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1959. – 120 с.
29. Коста Хетагуров. К 100-летию со дня рождения, 1859–1959 : рек. указ. лит. / [сост. В. С. Крейденко, К. Л. Кочисов] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1959. – 92 с.
30. Коста Хетагуров : библиограф. очерк / В. С. Крейденко // Что читать. – 1959. – № 10. – С. 32.
31. Материалы для проведения литературно-художественного вечера, посвященного 100-летию со дня рождения

- К. Л. Хетагурова / [сост. К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко] ; Республ. б-ка им. С.М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1959. – 29 с. – (Навстречу декаде осетинской литературы и искусства в Москве. В помощь работе библиотек.).
32. Новая библиография о Коста Хетагурове / В. С. Крейденко // Советская библиография. – 1959. – № 6. – С. 79–81. – Рец. на кн. : Цховребов А. Э. Коста Хетагуров. 1859–1906. – Сталинири : [б. и.], 1959. – 98 с.
33. Осетинская советская драматургия : указ. лит. / [сост. В. С. Крейденко, К. Л. Кочисов] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1960. – 120 с.
34. Пропаганда сельскохозяйственной литературы (в Ардонской районной библиотеке) / В. С. Крейденко // Сельское хозяйство Северного Кавказа. – 1959. – № 8. – С. 90.

1960

35. Выступление по вопросам краеведческой работы национальных библиотек / В. С. Крейденко // Краеведческая работа библиотек : материалы Всесоюз. совещания б-к по вопросам краевед. работы (Москва, 25–28 янв. 1960 г.) / [ред. А. Н. Бученков, Л. М. Вадиловская] ; Гос. б-ка им. В. И. Ленина. – Москва, 1960. – С. 115–117.
36. Конференция по библиографии общественно-политической литературы / В. С. Крейденко ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова // Советская библиография. – 1960. – № 4. – С. 108.
37. Насущные вопросы библиографии национальной художественной литературы / В. С. Крейденко // Советская библиография. – 1960. – № 1 (59). – С. 45–49.
38. Новое в библиотечном деле / В. С. Крейденко // Библиотекарь. – 1960. – № 10. – С. 23.
39. Прими любовь Осетии свободной : переводы произведений Т. Г. Шевченко на осет. яз., 1939–1959 гг. : указ. лит. / [сост. К. Л. Кочисов, В. С. Крейденко] ; Сев.-Осет. республ. б-ка им. С. М. Кирова. – Орджоникидзе : [б. и.], 1960. – 57 с.
40. Теоретическая конференция библиотекарей (Северо-Осетинской АССР) / В. С. Крейденко // Новое в библиотечном деле. – Москва, 1960. – Вып. 4. – С. 12–13.

1961

41. Некоторые вопросы работы с фондами национальной литературы (в условиях открытого доступа). Из опыта работы сельских

библиотек / В. С. Крейденко // Библиотеки СССР : опыт работы : сб. — Москва, 1961. — Вып. 15. — С. 111–122.

42. Обсуждение вопросов сельского хозяйства на заочных читательских конференциях / В. С. Крейденко // Библиотеки СССР : опыт работы : сб. — Москва, 1961. — Вып. 18. — С. 85–95.

1962

43. Роль русских ученых в издании книг на языках народов Северного Кавказа (XVIII в. — 1917 г.) / В. С. Крейденко // Тезисы докладов X конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научных работ 17–19 декабря 1962 г. / Ленингр. гос. библ. ин-т им. Н. К. Крупской. — Ленинград, 1962. — С. 42–43.

1963

44. Комплектование библиотек в многонациональных республиках и областях изданиями на языках народов СССР : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. С. Крейденко ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — Ленинград : [б. и.], 1963. — 20 с.
45. Комплектование библиотек многонациональных районов : (к вопросу о роли библиотек во взаимообогащении и сближении национальных культур) / В. С. Крейденко // Первая научная конференция аспирантов : тез. докл. / Моск. гос. библ. ин-т. — Москва, 1963. — С. 43–45.
46. Халимат Байрамукова : памятка читателю / [сост. Л. М. Пияшева ; ред. В. С. Крейденко] ; Карачаево-Черкесская обл. б — ка. — Черкесск : [б. и.], 1963. — 16 с. — (Писатели Карачаево-Черкессии).

1964

47. Изучение национального состава населения — одна из основ комплектования книжных фондов библиотек (по материалам библиотек автономных республик и областей Северного Кавказа) / В. С. Крейденко // Библиотеки СССР : опыт работы. — 1964. — Вып. 25. — С. 41–55.

1965

48. О некоторых источниках комплектования национальных библиотек художественной литературой народов СССР / В. С. Крейденко // Труды Восточно-Сибирского государственного института культуры. — Улан-Удэ, 1965. — Т. 3. — С. 68–84.

1966

49. Место и роль эксперимента в библиотечном исследовании / В. С. Крейденко // Первая научная конференция профессорско—

преподавательского состава : тез. докл., февраль 1966 г. / Вост. – Сиб. гос. ин-т культуры. – Улан-Удэ, 1966. – С. 37–42.

1967

50. Некоторые вопросы применения эксперимента в библиотечном деле / В. С. Крейденко // Библиотеки СССР : опыт работы. – 1967. – Вып. 35. – С. 96–107.
51. Руководство чтением в условиях открытого доступа на абонементе массовых библиотек / В. С. Крейденко // Библиотека и коммунистическое воспитание трудящихся : материалы 1-й обл. науч.-практ. конф. – Иркутск, 1967. – С. 73–80.
52. Читательское назначение произведений печати в руководстве чтением / В. С. Крейденко // Вторая научная конференция профессорско-преподавательского состава : тез. докл. / Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры. – Улан-Удэ, 1967. – С. 37–42.

1968

53. Некоторые вопросы проведения эксперимента в библиотечном деле / В. С. Крейденко // Библиотеки СССР : опыт работы : сб. – Москва, 1968. – Вып. 40. – С. 49–63.
54. Опираясь на авторитет читателей / В. С. Крейденко // Библиотекарь. – 1968. – № 9. – С. 28–30.

1970

55. Исследование по истории изучения читателей / В. С. Крейденко // Библиотекарь. – 1970. – № 5. – С. 58. – [Рец. на кн. : Банк Б. В. Изучение читателя в России. – Москва : Книга, 1969. – 262 с.].

1971

56. Новое издание учебника / В. С. Крейденко // Научные и технические библиотеки. – 1971. – № 4 (96). – С. 39–40.
57. Самообразовательное чтение как социальное явление / В. С. Крейденко // Научная конференция, посвященная проблемам психологии чтения и читателя : 29 октября – 2 ноября 1971 года : краткие тез. докл. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1971. – С. 15–18.
58. Устные методы массовой пропаганды литературы и их классификация / В. С. Крейденко // XVI научная конференция профессорско-преподавательского состава Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, 1–3 марта 1971 г. : тез. докл. – Ленинград, 1971. – С. 38–40.
59. Фундаментальное исследование / В. С. Крейденко // Библиотекарь. – 1971. – № 11. – С. 50–53. – [Рец. на кн. : Специалист – библиотека – библиография. – Москва : Книга, 1971. – 446 с.].

1972

60. Выбор оптимального метода устной массовой пропаганды литературы / В. С. Крейденко // XVII научная конференция профессорско–преподавательского состава, 30–31 марта 1972 г. : краткие тез. докл. / Ленингр. гос. библ. ин-т им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1972. – С. 51–52.
61. Работа с читателями : учеб. пособие для студентов фак. универс. б-к по курсу «Методика работы с читателями» / В. С. Крейденко, Б. Г. Умнов ; ред. В. Ф. Сахаров ; Ленингр. гос. ин-т культуры, каф. библиотековедения. – Ленинград : [б. и.], 1972. – 37 с.

1973

62. Методы изучения чтения / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов : проект для обсуждения / Рос. гос. б-ка им. В. И. Ленина, науч.-исслед. отдел библиотековедения и теории библиографии; науч. ред. Л. В. Беляков. – Москва, 1973. – Вып. 4 : Работа с читателями. – С. 24–26.
63. Организация учебного процесса и методика преподавания курса «Работа с читателями» / сост. В. С. Крейденко, Б. Г. Умнов // Учебно-тематический план курсов повышения квалификации преподавателей библиотековедения институтов культуры. – Ленинград, 1973. – С. 7–19. – (Работа с читателями).
64. Сборник материалов в помощь научно-исследовательской деятельности областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек. Вып. 3 : Эксперимент в библиотековедении / сост. В. С. Крейденко ; Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Ленинград : [б. и.], 1973. – 89 с.
65. Сборник материалов в помощь научно-исследовательской деятельности областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек. Вып. 7 : Наблюдение – метод библиотековедческого исследования / сост. В. С. Крейденко ; Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Ленинград : [б. и.], 1973. – 92 с.
66. Читательская конференция / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов : проект для обсуждения / Рос. гос. б-ка им. В. И. Ленина, Науч.-исслед. отдел библиотековедения и теории библиографии ; науч. ред. Л. В. Беляков. – Москва, 1973. – Вып. 4 : Работа с читателями. – С. 55–56.

1975

67. Эксперимент в исследованиях работы с читателями / сост. В. С. Крейденко // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры

им. Н.К. Крупской. — Ленинград, 1975. — Т. 26 : Научная организация труда и управления в учреждениях культуры. — С. 79—86.

1976

68. Внестанционарное обслуживание читателей / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов / ред. О. С. Чубарьян ; [сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова]. — Москва, 1976. — С. 37.
69. Громкие чтения / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов / ред. О. С. Чубарьян ; [сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова]. — Москва, 1976. — С. 43—44.
70. Диспут библиотечный / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов / ред. О. С. Чубарьян ; [сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова]. — Москва, 1976. — С. 49.
71. Дифференцированное обслуживание читателей / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов / ред. О. С. Чубарьян ; [сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова]. — Москва, 1976. — С. 49.
72. Заочный абонемент / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов / ред. О. С. Чубарьян ; [сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова]. — Москва, 1976. — С. 52.
73. Изучение чтения / В. С. Крейденко // Словарь библиотечных терминов / ред. О. С. Чубарьян ; [сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова]. — Москва, 1976. — С. 54.
74. Сборник материалов в помощь научно-исследовательской деятельности областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек. Вып. 17. Метод экспертных оценок в библиотековедческих исследованиях / сост. В. С. Крейденко ; Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Ленинград : [б. и.], 1976. — 67 с.

1977

75. Методология и методика библиотечного исследования : учеб. пособие по курсу «Библиотековедение» для студентов библиотечного факультета / В. С. Крейденко ; ЛГИК им. Н. К. Крупской. — Ленинград : ЛГИК, 1977. — 81 с.
76. Некоторые теоретические аспекты индивидуальной и массовой работы с читателями / В. С. Крейденко // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской. — Ленинград, 1977. — Т. 33 : Теоретические проблемы руководства чтением. — С. 72—87.
77. Применение метода контент-анализа в библиотековедческих исследованиях / В. С. Крейденко // Преобразование информации в библиотековедческих исследованиях : сб. тр. / ред. А. Л. Гольдберг ; Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Ленинград, 1977. — С. 9—71.

1978

78. Контент-анализ / В. С. Крейденко // Библиотечковедческие исследования. Методология и методика / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ; Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Москва, 1978. – С. 101–105.
79. Методы экспертных оценок / В. С. Крейденко // Библиотечковедческие исследования. Методология и методика / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ; Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Москва, 1978. – С. 150–159.
80. Научное наблюдение / В. С. Крейденко // Библиотечковедческие исследования. Методология и методика / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ; Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Москва, 1978. – С. 105–116.
81. Перспективы развития научных библиотек / А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко / Советское библиотечковедение. – 1978. – № 6. – С. 77–79. – Рец. на кн. : Карташов Н. С. Формирование библиотечно-территориальных комплексов. – Новосибирск : Наука, 1978. – 240 с.
82. Эксперимент / В. С. Крейденко // Библиотечковедческие исследования. Методология и методика / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ; Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Москва, 1978. – С. 116–126.

1980

83. Б. В. Банк : [К 80-летию со дня рождения одного из основателей сов. библиотечковедения] / В. С. Крейденко // Советское библиотечковедение. – 1980. – № 4 – С. 102–105.
84. Комплексный подход как методологический принцип идейно-воспитательной работы библиотек : (тезисы доклада) / В. С. Крейденко // Воплощение идей В. И. Ленина в практике библиотечного строительства в развитом социалистическом обществе : тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, 25–26 марта 1980 г. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – Москва, 1980. – С. 16–19.
85. Основы научных исследований библиотечной работы : программа для студентов библиотечного фак. ин-тов культуры : проект / [сост. В. С. Крейденко] ; Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1980. – 18 с.
86. Терминологический анализ – один из методов повышения эффективности и качества библиотечковедческих исследований / В. С. Крейденко // Проблемы повышения эффективности и ка-

чества работы библиотек : сб. тр. / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Ленинград, 1980. — С. 42–61.

1981

87. Анализ документации / В. С. Крейденко, Б. Г. Умнов // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 148–154.
88. Библиотекарь — помощник читателя / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 82–86.
89. В. Ф. Сахаров [один из основателей советского библиотековедения] : основные печатные работы / В. С. Крейденко, Н. В. Лепнинова // Советское библиотековедение. — 1981. — № 5. — С. 108–111.
90. Заключение / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 288–289.
91. Индивидуальный подход в методах работы с читателями / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 161–170.
92. Классификация методов изучения / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 129–132.
93. Классификация методов устной массовой работы библиотек / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 190–191.
94. Комплексная пропаганда литературы / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 228–238.
95. Комплексный подход к работе с читателями / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 35–39.
96. Критико-аналитические методы / Е. А. Горш, В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 192–198.
97. Научное наблюдение / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1981. — С. 137–140.

98. Опрос / В. С. Крейденко, Б. Г. Умнов // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1981. – С. 144–146.
99. Повышение эффективности и качества научных исследований : (заоч. конф.) / В. С. Крейденко // Советское библиотековедение. – 1981. – № 1. – С. 7–8.
100. Позитивно-иллюстративные методы / Е. А. Горш, В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1981. – С. 198–200.
101. Рекомендательно-информационные методы / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1981. – С. 200–202.
102. Эксперимент / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1981. – С. 140–144.
103. Экспертные оценки / В. С. Крейденко // Работа с читателями : учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1981. – С. 146–148.

1982

104. Библиотекарь – консультант по работе с читателями / сост.: В. А. Бородина [и др.] // Организатор библиотечного дела – методист. Организатор фондов и каталогов ЦБС. Библиотекарь – консультант по работе с читателями : метод. разработ. для студентов 4–5 курсов по функционал. специализациям / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1982. – С. 26–41.
105. Значение и некоторые особенности комплексной пропаганды литературы среди молодых читателей массовых библиотек / В. С. Крейденко // Эффективность методов руководства чтением молодежи в массовой библиотеке / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1982. – С. 65–76.
106. Из опыта работы ЛГИК им. Н. К. Крупской по чтению учебного курса «Основы научных исследований» / В. С. Крейденко // Развитие творческой активности у студентов вузов Министерства культуры РСФСР : материалы к Всерос. совещ. проректоров по науч. работе и рук. НИРС вузов культуры и искусств, 13–14 окт. 1982. – Москва, 1982. – С. 40–41.
107. Метод операционализации понятий в исследованиях библиотечно-информационной практики (Общая характеристика метода) / В. С. Крейденко // Методологические аспекты изучения

процессов функционирования библиотечных систем / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Ленинград, 1982. – С. 36–53.

108. Общенаучные и специальные методы книговедения, библиотекведения, библиографоведения и информатики / И. Е. Баренбаум, В. С. Крейденко, В. П. Леонов // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1982. – Т. 68 : Связь библиотечно-библиографических дисциплин с информатикой. – С. 47–69.
109. Теоретическое, методологическое и организационное обоснование практики УИРС и НИРС на библиотечном факультете : метод. указания / В. С. Крейденко. – Ленинград, 1982. – 14 с.

1983

110. Библиотечные исследования : науч. основы : учеб. пособие / В. С. Крейденко. – Москва : Книга, 1983. – 142 с.
111. Будущим библиотекарям – исследовательские умения и навыки (к постановке вопроса) / В. С. Крейденко // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград : ЛГИК, 1983. – Т. 83: Формирование научного мировоззрения студентов вуза культуры. – С. 107–116.

1984

112. Из опыта работы по внедрению учебного курса «Основы научных исследований» / В. С. Крейденко // Развитие творческой активности студентов вузов культуры и искусства : межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры. – Москва, 1984. – Вып. 59. – С. 111–117.
113. Научно–практическая конференция по проблемам функционирования ЦБС (29 сент. 1983 г.) и вопросы идейно-воспитательной работы библиотек (25 нояб. 1983 г.) / В. С. Крейденко, Н. В. Лепнинова // Советское библиотековедение. – 1984. – № 4. – С. 121–123.

1985

114. А. Н. Ванеев [60 лет со дня рождения] / В. С. Крейденко // Советское библиотековедение. – 1985. – № 2. – С. 113–116.
115. Б. В. Банк : биогр. справка : основные печ. работы Б. В. Банка / А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко // Труды / ЛГИК ; ред. Б. В. Банк, В. С. Крейденко. – Ленинград, 1985. – Т. 101 : Комплексный подход к руководству чтением и пропаганде литературы. – С. 171–175.
116. Изучение интересов читателей / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – Москва, 1985. – С. 104–105.

117. Использование наглядности в преподавании курса «Работа с читателями» / В. С. Крейденко // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. — Ленинград, 1985. — Т. 98 : Использование технических средств обучения в вузах культуры и искусства. — С. 156–158.
118. Комплексный подход к работе с читателями / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. — Москва, 1985. — С. 103–104.
119. Массовая работа библиотеки / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. — Москва, 1985. — С. 108–112.
120. Работа с читателями : метод. разраб. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской ; [сост. Т. В. Воронова и др.]. — Ленинград, 1985. — 35 с.
121. Тесты в библиотековедческих исследованиях (к постановке вопроса) / В. С. Крейденко // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. — Ленинград, 1985. — Т. 101 : Комплексный подход к руководству чтением и пропаганде литературы. — С. 118 – 133.

1986

122. Методологическая культура библиотекаря УНБ (Некоторые вопросы развития) / В. С. Крейденко // Вопросы управления библиотечными системами / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Ленинград, 1986. — Вып. 7 : Проблемы функционирования библиотечных систем. — С. 77–88.

1987

123. Пропаганда литературы и ее методы в структуре руководства чтением / В. С. Крейденко // Руководство чтением в библиотеке : учеб. пособие / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. — Ленинград, 1987. — С. 30–49.

1988

124. Исследовательские методы в библиотековедении : современное состояние и пути повышения эффективности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Крейденко Владимир Семенович ; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. — Москва, 1988. — 34 с.
125. Курс «Основы научных исследований» в подготовке библиотечных кадров / В. С. Крейденко // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. — Ленинград, 1988. — Т. 118 : История и перспективы библиотечного образования. — С. 104 – 116.
126. Методика пропаганды общественно-политической литературы // Планы учебных занятий по специальным дисципли-

нам / сост. В. С. Крейденко ; Ленингр. гос. ин – т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1988. – С. 18–24.

127. Научные методы в библиотековедении / В. С. Крейденко // Библиотековедение : общий курс : учебник / под ред. К. И. Абрамова, Н. С. Карташова. – Москва, 1988. – С. 54–57.

1989

128. Основы НИР : альбом наглядных материалов / В. С. Крейденко, А. Т. Ужовский ; ЛГИК им. Н.К. Крупской. – Ленинград : [б. и.], 1989. – 25 с.

1991

129. Новые исследовательские методы как важный показатель прогресса библиотековедения и резерв повышения эффективности НИР / В. С. Крейденко // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1991. – Т. 126 : Методы исследований в библиотечной теории и практике. – С. 84–98.

1992

130. Библиотечно-библиографическое обслуживание читателей : альбом наглядных материалов / В. С. Крейденко, А. Т. Ужовский ; СПбГИК. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1992. – 44 с.

1993

131. Библиотека в системе национально-языковых отношений : некоторые подходы к разработке концепции обслуживания читателей в полиэтнических регионах Российской Федерации / В. С. Крейденко // Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров / Рос. нац. б-ка. – Санкт-Петербург, 1993. – Вып. 2. – С. 30–50.
132. Библиотеки в системе языково-этнических отношений / В. С. Крейденко // Библиотека : инновационные процессы в подготовке кадров : тез. докл. науч.-практ. конф. 28 июня – 13 июля 1993 г. / Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры. – Улан-Удэ, 1993. – С. 11–15.
133. Библиотечное краеведение : учеб. прогр. и учеб.-метод. материалы для студентов IV курса библиотеч. фак. / сост. А. В. Мамонтов, В. С. Крейденко ; Санкт-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург, 1993. – 32 с.

1994

134. Вместо предисловия : теория и методология – связи и различия / В. С. Крейденко // Труды / С.-Петерб. гос. акад. культуры. – Санкт-Петербург, 1998. – Т. 144 : Проблемы методологии и методики изучения библиотечной отрасли : учеб. пособие / науч. ред. В. С. Крейденко. – С. 3–18.

135. Конструирование экспериментов для исследования библиотечной отрасли / В. С. Крейденко // Труды / С.-Петерб. гос. акад. культуры. – Санкт-Петербург, 1998. – Т. 144 : Проблемы методологии и методики изучения библиотечной отрасли : учеб. пособие / науч. ред. В. С. Крейденко. – С. 100–109.
136. Самообразование библиотекарей / В. С. Крейденко, О. П. Зыков // В практику библиотек : (материалы обл. мероприятий по повышению квалификации библиотечных работников). – Тюмень, 1994. – Вып. 10. – С. 37–45.

1995

137. Библиотечная диагностика читателей как область библиотечного знания / В. С. Крейденко // Библиотечные фонды в контексте современного библиотековедения : сб. науч. тр. / Рос. нац. б-ка. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 90–105.

1996

138. Библиотечное краеведение : учеб. программа и учеб.-метод. материалы / сост. А. В. Мамонтов, В. С. Крейденко. – Санкт-Петербург : СПбГАК, 1996. – 35 с.
139. Система учебно-методических изданий на базе подготовки специалистов в высшей школе / В. С. Крейденко, Л. П. Москаленко // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в вузах культуры. – Санкт-Петербург, 1996. – 126–128.
140. Чтение библиотекарей : значение, нерешенные вопросы / В. С. Крейденко // Что мы читаем? Какие мы? : сб. науч. тр. – Санкт-Петербург, 1996. – Вып. 2 : Чтение библиотекарей. – С. 9–22.

1997

141. Библиотерапия : возможности использования в общедоступных библиотеках / В. С. Крейденко // Современное библиотечно-информационное образование : учеб. тетр. / С.-Петерб. гос. акад. культуры. – Санкт-Петербург, 1997. – Вып. 2. – С. 32–51.
142. Библиотечное обслуживание : учеб. прогр. ; учеб.-метод. материалы / [сост. В. С. Крейденко] ; С.-Петерб. гос. акад. культуры. – Санкт-Петербург, 1997. – 94 с.
143. Введение в квалификацию : учеб. прогр. ; учеб.-метод. материалы / [сост. В. С. Крейденко] ; С.-Петерб. гос. акад. культуры. – Санкт-Петербург, 1997. – 27 с.
144. Защита диссертаций в Санкт-Петербургской академии культуры в 1996 г. / В. С. Крейденко, Г. И. Позднякова // Информационный бюллетень РБА. – Санкт-Петербург, 1997. – Вып. 8. – С. 101–105

145. Методология и методика изучения библиотечной отрасли : учеб. прогр. ; учеб.-метод. материалы / [сост. В. С. Крейденко, А. С. Павлова] ; СПбГАК. – Санкт-Петербург, 1997. – 28 с.
146. Роль библиотек в возрождении и развитии культуры народов России / В. С. Крейденко // Возрождение культуры России. – Санкт-Петербург, 1997. – Вып. 5 : Книжно-библиотечное дело. – С. 27–34.

1998

147. Библиотечное краеведение : терминолог. слов. / сост. А. В. Мамонтов, В. С. Крейденко. – Санкт-Петербург : СПбГАК, 1998. – 85 с.
148. В диссертационном совете Санкт-Петербургской государственной академии культуры / В. С. Крейденко, Г. И. Позднякова // Информационный бюллетень РБА / Рос. библиот. ассоц. – Санкт-Петербург, 1998. – № 11. – С. 114–120.
149. Старый учебник как источник новых знаний / В. С. Крейденко // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в вузах культуры : тез. выступлений на конф. преподавателей СПбГАК 20 апр. 1998 г. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 222–224.

1999

150. Аттестация научных кадров по специальности «Библиотековедение и библиографоведение». Работа диссертационного совета Д. 092.01.02 в 1989–1998 гг. / В. С. Крейденко // Библиотеки – обществу : на пороге нового века : к 10-летию библиот. демократ. движения в России : сб. ст. / сост. : Б. Ф. Володин, А. В. Соколов. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 206–208.
151. В диссертационном совете Санкт-Петербургского государственного университета культуры / В. С. Крейденко, И. А. Шомракова // Информационный бюллетень РБА / Рос. библиот. ассоц. – Санкт-Петербург, 1999. – № 14. – С. 106–111.
152. Введение / В. С. Крейденко // Методология исследовательской работы / СПбГУКИ. – Санкт-Петербург, 1999. – № 1. – С. 4–8.
153. Кафедра социологии и психологии чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры / В. С. Крейденко // Информационный бюллетень РБА / Рос. библиот. ассоц. – Санкт-Петербург, 1999. – № 14. – С. 101–103.
154. О человеке читающем замолвим слово / В. С. Крейденко // Акмеология чтения : идеи и решения : материалы науч.-практ. семинара, 21 апр. 1999 г. – Санкт-Петербург : Изд-во Петров. акад. наук и искусств, 1999. – С. 13–14.

2000

155. Адаптационная функция общедоступных библиотек как деятельностьная характеристика практики / Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко // Информационный бюллетень РБА. – Санкт-Петербург, 2000. – № 16. – С. 243–250.
156. Акцентируемые личности. Специфика общения с «трудными читателями» / В. С. Крейденко [и др.] // Библиотекарь и читатель : проблемы общения / В. С. Крейденко [и др.] ; сост. О. С. Либова ; ред. С. А. Давыдова. – Санкт-Петербург, 2000. – Вып. 2 : Выбор оптимальных способов общения с читателями в условиях муниципальной библиотеки. – С. 46–55.
157. Анатолию Николаевичу Ванееву 75 лет / Е. П. Сударикова, Л. В. Трапезникова, В. С. Крейденко // Мир библиографии. – 2000. – № 4. – С. 52.
158. Анис – новый журнал по библиотечному делу (Республика Таджикистан). Теоретические проблемы методологии книги – диссертация М. П. Елюникова на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. С. Крейденко // Методология исследовательской работы. – Санкт-Петербург, 2000. – № 4. – С. 33–34.
159. Библиотекарь отдела обслуживания : учеб. прогр. ; учеб.-метод. материалы / сост. В. С. Крейденко ; СПбГУКИ, библиотеч.-информ. фак. Заоч. отд-ние. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2000. – 20 с.
160. Библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 135–143.
161. Библиотечные услуги / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 143–146.
162. Возможности нейролингвистического программирования – в практику библиотечного обслуживания / М. И. Губанова [и др.] // Библиотекарь и читатель : проблемы общения / В. С. Крейденко [и др.] ; сост. О. С. Либова ; ред. С. А. Давыдова. – Санкт-Петербург, 2000. – Вып. 2 : Выбор оптимальных способов общения с читателями в условиях муниципальной библиотеки. – С. 56–68.
163. Выставочная работа. Составление тематических подборок и дайджестов / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 160–162.
164. Групповое и фронтальное (массовое) библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник

- библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 154–160.
165. Изучение библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 176–180.
166. Индивидуализация общения как неперенное условие работы с читателями / В. С. Крейденко, О. С. Либова // Библиотекарь и читатель : проблемы общения / В. С. Крейденко [и др.] ; сост. О. С. Либова ; ред. С. А. Давыдова. – Санкт-Петербург, 2000. – Вып. 2 : Выбор оптимальных способов общения с читателями в условиях муниципальной библиотеки. – С. 8–16.
167. Индивидуальная беседа с читателями / В. С. Крейденко, О. С. Либова // Библиотекарь и читатель : проблемы общения / В. С. Крейденко [и др.] ; сост. О. С. Либова ; ред. С. А. Давыдова. – Санкт-Петербург, 2000. – Вып. 2 : Выбор оптимальных способов общения с читателями в условиях муниципальной библиотеки. – С. 16–45.
168. Когда мы были молодые... / В. С. Крейденко // Взгляд сквозь годы : сб. воспоминаний / сост. С. А. Езова. – Улан-Удэ, 2000. – С. 26–30.
169. Краеведческая составляющая библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 162–167.
170. Методы изучения / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 180–184.
171. Основные направления библиотечно-библиографического обслуживания. Индивидуальное библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 146–150.
172. Позитивное мышление библиотекарю и пользователю библиотек : материалы к лекции и практ. занятиям / В. С. Крейденко // Современное библиотечно-информационное образование : учеб. тетр. / С.-Петерб. гос. акад. культуры. – Санкт-Петербург, 2000. – Вып. 5. – С. 71–94.
173. Психология и социология библиотечно-информационной деятельности и подготовка библиотечных кадров / В. С. Крейденко // Информационный бюллетень РБА. – Санкт-Петербург, 2000. – № 20. – С. 160–165.

174. Ретроспективное интервью. К конструированию специального метода для изучения библиотечной отрасли / В. С. Крейденко // Методология исследовательской работы / СПбГУКИ. – Санкт-Петербург, 2000. – № 3. – С. 11–18.
175. Формирование информационной культуры / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 169–176.
176. Чтение как труд и стимулирование творческого развития личности / В. С. Крейденко // Проблемы научного и технического творчества и системы культуры : докл. и тез. науч. конф., 26–27 янв. 2000 г. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 70–72.

2001

177. Библиотерапия – важный помощник в борьбе с недугами / В. С. Крейденко // Библиотерапия: задачи, подходы, методы : [сб. ст.] / сост. О. Л. Кабачек. – Москва, 2001. – С. 12–24.
178. Библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 139–147.
179. Библиотечное обслуживание полиэтнического населения региона : учеб.-метод. материалы для студентов библиотеч.-информ. фак. и библиотекарей общедоступных б-к. Вып. 2 / [сост. Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко]. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУКИ, 2001. – 72 с.
180. Библиотечные услуги / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 147–150.
181. Выставочная работа. Составление тематических подборок и дайджестов / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 167–171.
182. Групповое и фронтальное (массовое) библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 162–167.
183. Десятый год на службе читателеведению / В. С. Крейденко // Культура чтения в контексте модернизации российской школы : материалы науч.-практ. конф. 10 дек. 2001 г. – 10 янв. 2002 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 70–71.

184. Изучение библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 184–188.
185. Краеведческая составляющая библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 171–176.
186. Методы изучения / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 188–192.
187. Методы исследования пользователей русскоязычных ресурсов Интернет / И. Г. Васильев, В. С. Крейденко, О. Р. Старовойтова // Методология исследовательской работы. – Санкт-Петербург, 2001. – № 6. – С. 4–10.
188. О кодексе профессиональной этики исследователя библиотечной отрасли : материалы для обсуждения / В. С. Крейденко // Методология исследовательской работы / СПбГУКИ. – Санкт-Петербург, 2001. – № 6. – С. 23–25.
189. Основные направления библиотечно-библиографического обслуживания. Индивидуальное библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 150–157.
190. Позитивное мышление библиотекаря и пользователя библиотек / В. С. Крейденко // Школьная библиотека. – 2001. – № 2. – С. 9–14.
191. Позитивное мышление библиотекаря и пользователя библиотек / В. С. Крейденко // Школьная библиотека. – 2001. – № 3. – С. 25–27.
192. Позитивное мышление библиотекаря и пользователя библиотек / В. С. Крейденко // Школьная библиотека. – 2001. – № 4. – С. 20–24.
193. Формирование информационной культуры / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 178–184.
194. Чтение как труд и творчество / В. С. Крейденко // Психология и социология библиотечно-информационной деятельности и подготовки библиотечных кадров : материалы II-й регион. науч.-практ. конф., 16–17 окт. 2001 г., Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 2001. – С. 47–53.

2002

195. Десять лет на службе читателеведения / В. С. Крейденко // Петербургская библиотечная школа. – Санкт-Петербург, 2002. – № 2. – С. 3–6.
196. Введение / В.С. Крейденко // Домашняя библиотека : справ. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 7–12.
197. Виды и функции домашних библиотек / В. С. Крейденко // Домашняя библиотека : справ. / авт.-сост. Н. Абу-эль-Хасан [и др.] ; [под общ. науч. ред. А. Н. Ванеева]. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 12–23.
198. Книжная культура Бурятии / В. С. Крейденко, Г. В. Варганова // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – Москва, 2002. – № 3 : Сохранность и доступность библиотечных фондов – основа развития единого социокультурного пространства. – С. 71–73.
199. Ксерокопии, вырезки, выписки и препринты в домашней библиотеке / В. С. Крейденко // Домашняя библиотека : справ. / авт.-сост. Н. Абу-эль-Хасан [и др.] ; [под общ. науч. ред. А. Н. Ванеева]. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 127–133.
200. Личный архив в домашней библиотеке / В. С. Крейденко // Домашняя библиотека : справ. / авт.-сост. Н. Абу-эль-Хасан [и др.] ; [под общ. науч. ред. А. Н. Ванеева]. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 122–126.
201. Справочный аппарат домашней библиотеки / В. С. Крейденко // Домашняя библиотека : справ. / авт.-сост. Н. Абу-эль-Хасан [и др.] ; [под общ. науч. ред. А. Н. Ванеева]. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 221–227.

2003

202. Библиотечное обслуживание полиэтнического населения региона : этнологическая грамотность библиотекаря : справ. пособие / [сост. Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко] ; науч. ред. В. А. Щученко. – Санкт-Петербург : РНБ, 2003. – 91 с.
203. Библиотечное обслуживание в полиэтнических регионах : терминолог. слов. / сост. Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко. – Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 2003. – 100 с.
204. Библиотечное обслуживание полиэтнического населения региона : этнологическая грамотность библиотекаря : справ. пособие / [сост. Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко] ; науч. ред. В. А. Щученко. – Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 2003. – 91 с.
205. Приглашая к размышлениям / Г. В. Варганова, В. С. Крейденко // Библиотековедение. – 2003. – № 6. – С. 108–110. – [Рец. на кн. :

Культурная политика в Европе : Выбор стратегии и ориентиры : сб. материалов / М-во культуры Рос. Федерации ; Рос. нац. б-ка ; сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. – Москва : Либерия, 2002. – 240 с.]

2004

206. Защита диссертаций в 2004 году в Диссертационном совете при СПбГУКИ / В. С. Крейденко, И. А. Шомракова // Информационный бюллетень РБА. – 2004. – № 33. – С. 56–60.
207. Социология консалтинговой и переговорной деятельности библиотек и информационных служб : учеб.-метод. пособие / Н. В. Збаровская, В. С. Крейденко, О. Р. Старовойтова. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2004. – 44 с.
208. Телегонический эффект книги / В. С. Крейденко // Современное библиотечно-информационное образование : учеб. тетр. / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств ; науч. ред. А. Н. Ванеев ; ред.-сост. В. С. Крейденко. – Санкт-Петербург, 2004. – Вып. 7. – С. 118–143.
209. Телегонический эффект книги : фрагм. из учеб. пособия / В. С. Крейденко. – Санкт-Петербург : Академпринт, 2004. – 40 с.

2005

210. Анатолию Николаевичу Ванееву – 80 лет : штрихи к портрету / В. С. Крейденко, Г. В. Варганова // Библиотековедение. – 2005. – № 1. – С. 76–80.
211. Библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 168–177.
212. Библиотечные услуги / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 177–180.
213. Выставочная работа. Составление тематических подборок и дайджестов / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 198–201.
214. Групповое и фронтальное (массовое) библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 192–198.
215. Изучение библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред.

- А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 216–220.
216. К разработке концепции обслуживания читателей в полиэтнических регионах Российской Федерации / В. С. Крейденко // Поликультурная образовательная деятельность : методология и методика : сб. ст. / Дагестанс. гос. ун-т ; науч. ред. А. Н. Дулатова, К. О. Омаров, В. Н. Сатуров, ред.-сост. З. К. Лошаковская. – Махачкала, 2005. – С. 108–113.
217. Краеведческая составляющая библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 201–208.
218. Крупнейший библиотековед современности / В. С. Крейденко, Г. В. Варганова // Анатолий Николаевич Ванеев : библиогр. указ. тр. / сост. Г. В. Варганова. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 4–9.
219. Методы изучения / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 220–225.
220. Основные направления библиотечно-библиографического обслуживания. Индивидуальное библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 180–186.
221. Персона и память о ней – важный патриотический фактор культуры края и страны / В. С. Крейденко // Библиотечное обслуживание полиэтнического населения региона : сб. ст. / РНБ. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 7–34.
222. Телегонический эффект книги : фрагм. из учеб. пособия / В. С. Крейденко // Школьная библиотека. – 2005. – № 1–2. – С. 56–59.
223. Телегонический эффект книги : фрагм. из учеб. пособия / В. С. Крейденко // Школьная библиотека. – 2005. – № 4. – С. 34–37.
224. Телегонический эффект книги : фрагм. из учеб. пособия / В. С. Крейденко // Школьная библиотека. – 2005. – № 5. – С. 16–19.
225. Теория чтения : по пути к новой дисциплине / В. С. Крейденко // Библиотечное общение : традиции, инновации : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 27 июня 2005 г.) /

ВСТАКИ ; сост. и авт. предисл. С. А. Езова ; отв. ред. Т. А. Немчинова. – Улан-Удэ, 2005. – С. 78–82.

226. Формирование информационной культуры / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. – 3-е изд, испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 210–216.

2006

227. Методика составления родословной [лаборатория краеведа] / В. С. Крейденко // Юный краевед. – 2006. – № 2. – (Вклейка между страницами 24–25, всего 15 страниц).
228. Потекстовое ретроспективное интервью : к конструированию метода для изучения библиотечной отрасли / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2006. – № 1. – С. 35–39.
229. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко, А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2006. – № 1. – С. 39–45.
230. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко, А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2006. – № 2. – С. 73. – Начало в № 1, 2006 г.

2007

231. Библиотерапия / В. С. Крейденко // Библиотечная энциклопедия. – Москва, 2007. – С. 170–171.
232. Библиотечные исследования : учеб.-метод. пособие / В. С. Крейденко. – Москва : Изд-во Рус. шк. библ. ассоц., 2007. – 351 с. – (Профессиональная библиотека школьного библиотекаря : прил. к журн. «Шк. б-ка». Сер. 1).
233. Библиотечные исследования / В. С. Крейденко // Общее библиотечное краеведение : в 2 ч. – Москва, 2007. – Ч.1. Теоретические основы : хрестоматия. – С. 339–360.
234. Вершины Валентины Бородиной / В. С. Крейденко, А. Н. Ванеев // Библиотечное дело. – 2007. – № 15. – С. 24.
235. Методология библиотечного краеведения / В. С. Крейденко // Библиотечная энциклопедия. – Москва, 2007. – С. 644–645.
236. Методы исследования пользователей русскоязычных ресурсов Интернет / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2007. – № 2. – С. 21–24.
237. Новые исследовательские методы как важный показатель развития потребностей изучения практики / В. С. Крейденко // Библиотечное дело. – 2007. – № 12. – С. 8–12.

238. Тематические подборки : электронный дайджест / В. С. Крейденко // Электронные документы : справ. / ред. Р. С. Гиляревский, Г. Ф. Гордукалова. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 530–531.
239. Теория и технология чтения в преподавании библиотечных дисциплин / В. С. Крейденко // Чтение в системе социокультурного развития личности. – Москва, 2007. – С. 12–28.
240. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко, А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2007. – № 1. – С. 47–55. – Начало в № 1, 2006 г.
241. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2007. – № 2. – С. 49–53, 70–71, 76–77. – Начало в № 1, 2006.
242. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2007. – № 3. – С. 48, 69, 72, 75, 77. – Начало в № 1, 2006.
243. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2007. – № 4. – С. 14, 22, 30, 35, 74, 82, 85. – Начало в № 1, 2006.
244. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2007. – № 5. – С. 16, 23, 25. – Начало в № 1, 2006.

2008

245. «Библиотечное обслуживание полиэтнического населения региона» как новая учебная дисциплина / В. С. Крейденко, Л. Д. Данильянц // Проблемы межкультурных коммуникаций в содержании социогуманитарного образования : состояние, тенденции, перспективы : материалы междунар. науч. конф., Казань. 17–18 апреля 2008 г. : в 2 ч. / КГУКИ ; сост. П. П. Терехов, науч. ред. Л. Е. Савич. – Казань, 2008. – Ч. 2. – С. 214–217.
246. В Диссертационном совете СПбГУКИ / В. С. Крейденко, И. А. Шомракова // Информационный Бюллетень РБА / Рос. библиот. ассоц. – Санкт-Петербург, 2008. – № 48. – С. 104–109.
247. В. Ф. Сахаров – педагог, ученый, практик / В. С. Крейденко // Первые Сахаровские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 12 ноября 2008 г.) / СПбГУКИ. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 6–9.
248. Виды и функции домашних библиотек / В. С. Крейденко // Семейное чтение в год семьи : сб. / сост. Т. Д. Жукова. – Москва, 2008. – С. 84–95. – (Профессиональная библиотека школьного библиотекаря : прилож. к журналу «Шк. б-ка». Серия 1 ; вып. 5–6).

249. Дружина Чубарьяна / В. С. Крейденко // Творчество как формула жизни : страницы биографии О. С. Чубарьяна. – Москва, 2008. – С. 288–293. – (В кругу книг и друзей).
250. Евразийское библиотечное пространство как объект библиотекведения / Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – Москва, 2008. – № 1: Евразийский информационный и библиотечный конгресс. – С. 92–93.
251. Интеллигентность как формула жизни. Воспоминания о В. Ф. Сахарове. Штрихи к портрету / В. С. Крейденко // Первые Сахаровские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 12 ноября 2008 г.) / СПбГУКИ. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 41–49.
252. Рыцарь книги (о С. А. Пайчадзе) / В. С. Крейденко // Региональное книговедение : Сибирь и Дальний Восток : памяти С. А. Пайчадзе : сб. науч. ст. / Сиб. отд-ние РАН, ГПНТБ. – Новосибирск, 2008. – С. 45–48.
253. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2008. - № 1. – С.12, 21, 28, 52, 71. – Начало в № 1, 2006.
254. Терминологический словарь [Библиотечное краеведение] / [сост. В. С. Крейденко А. В. Мамонтов] // Хроники краеведа. – 2008. – № 2. – С. 29. – Начало в № 1, 2006.

2009

255. Библиотечное обслуживание полиэтничного населения региона. Культурная компетентность библиотекаря : справ. пособие / сост. Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко ; науч. ред. В. А. Щученко. – Санкт-Петербург : РНБ, 2009. – 166 с.
256. Введение / Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко // Библиотечное обслуживание полиэтничного населения региона. Культурная компетентность библиотекаря : справ. пособие / сост. Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко ; РНБ. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 4–6.
257. Жизнь его – вечный поиск / В. С. Крейденко // Ретроспектива–75 / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 435–439. – О А. В. Соколове.
258. Методы научного познания в авторефератах докторских диссертаций. Специальность 05.25.03 «Библиотекведение, библиографоведение и книговедение» / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2009. – № 1. – С. 3–9.

259. Об объекте и предмете библиотечных исследований / А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2009. – № 3. – С. 3–6.

2010

260. Бато Бадмаевич Батуев / В. С. Крейденко // Батуевские чтения. История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (посвященной 85-летию со дня рождения д. и. н., профессора Б. Б. Батуева, 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 50-летию ФГОУ ВПО ВСГАКИ), г. Улан-Удэ, 21 мая 2010 г. – Улан-Удэ, 2010. – С. 3–7.
261. Библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 223–233.
262. Библиотечные услуги / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 233–236.
263. В. А. Невский (1888 – 1974) / В. С. Крейденко // Вторые Сахаровские чтения : всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 22 янв. 2010 г.) / СПбГУКИ. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 127–130.
264. Введение / В. С. Крейденко, Л. А. Кожевникова // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотечного обслуживания (по материалам журнала «Библиосфера») : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2010. – С. 4–6.
265. Выставочная работа. Составление тематических подборок и дайджестов / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 254–257.
266. Групповое и фронтальное (массовое) библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 248–254.
267. Изучение библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 273–277.
268. Классификация библиотечных научных исследований – важный организационный и эвристический источник развития методологии / В. С. Крейденко // Современное

- библиотечно-информационное образование : учеб. тетр. – Санкт-Петербург, 2010. – Вып. 10. – С. 61–74.
269. Книга – её мультимедийное поле : возможности библиотек / В. С. Крейденко // Вторые Сахаровские чтения : всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 22 янв. 2010 г.) / СПбГУКИ. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 81–86.
270. Краеведческая составляющая библиотечно-библиографического обслуживания / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 257–264.
271. Методы изучения / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 277–282.
272. Методы исследования пользователя русскоязычных ресурсов Интернета / И. Г. Васильев, О. Р. Старовойтова, В. С. Крейденко // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера») : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2010. – С. 328–335.
273. Методы научного познания в авторефератах докторских диссертаций. Специальность 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» / В. С. Крейденко // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера») : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2010. – С. 14–26.
274. Об объекте и предмете библиотековедческих исследований / А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера») : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2010. – С. 42–49.
275. Однажды на курсах / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2010. – № 1. – С. 114–117.
276. Основные направления библиотечно-библиографического обслуживания. Индивидуальное библиотечно-библиографическое обслуживание / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 236–242.
277. Потекстовое ретроспективное интервью: к конструированию метода для изучения библиотечной отрасли / В. С. Крейденко // Современное состояние методологии научных исследований

- в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера») : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2010. – С. 241–249.
278. Терминологический словарь / сост. Л. А. Кожевникова, В. С. Крейденко // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера»). – Новосибирск, 2010. – С. 373–377.
279. У Вас случайно нет с собою Конфуция? / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2010. – № 2. – С. 119–125.
280. Формирование информационной культуры / В. С. Крейденко // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 266–272.

2011

281. Б. В. Банк (1900–1984) / А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко // Банк Б. В. Избранное / БАН. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 3–14.
282. В гостях у Алвара Аалто или как довериться интуиции / В. С. Крейденко // Библиотечное дело. – 2011. – № 15. – С. 24–25.
283. Выдающиеся библиотековеды, библиографоведы и книговеды как объект исследования. А почему бы и нет? / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2011. – № 2. – С. 3–10.
284. Н. С. Карташов / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2011. – № 2. – С. 19–21.
285. Ю. А. Хараев – друг и коллега / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2011. – № 2. – С. 55–61.

2012

286. Б. В. Банк как редактор / В. С. Крейденко // Петербургская библиотечная школа. – 2012. – № 1. – С. 30–32.
287. В. А. Зеленко – первый ректор нашего вуза / В. С. Крейденко // Сахаровские чтения : сб. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 янв. 2012 г.) / СПбГУКИ ; науч. ред. М. Н. Колесникова. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 128–131.
288. Люди и судьбы : воспоминания о Б. В. Банке / В. С. Крейденко // Петербургская библиотечная школа. – 2012. – № 1. – С. 3–5.
289. Методология библиотековедения как раздел библиотековедения / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2012. – Спец. выпуск. – С. 51–54.
290. Наш Шерлок Холмс не хуже! / В. С. Крейденко // Библиотечное дело. – 2012. – № 17. – С. 17–19.
291. Наш Шерлок Холмс не хуже! / В. С. Крейденко // Петербургская библиотечная школа. – 2012. – № 3. – С. 12–14.

- 292. Новые научные методы исследования библиотечной отрасли / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2012. – № 1. – С. 3–8.
- 293. Плавники / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2012. – № 2. – С. 113–116.
- 294. Предисловие / В. С. Крейденко // Петербургская библиотечная школа. – 2012. – № 1. – С. 3–5.
- 295. Предисловие / В. С. Крейденко // Методология регионального библиотековедения : проблемы и перспективы / Л. А. Кожевникова. – Новосибирск, 2012. – С. 7–10.
- 296. Путь к вершине : юбилей В. А. Бородиной / В. С. Крейденко // Библиотечное дело. – 2012. – № 20. – С. 43–44.

2013

- 297. Маленький «рекбус» о тайнах человеческого существования / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2013. – № 1. – С. 103–106. – Об аспирантах.
- 298. Методология библиотековедения / В. С. Крейденко // Библиотековедение. Общий курс : учебник для бакалавров / С. А. Басов, [и др.]. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 64–87.
- 299. Монография, которую необходимо прочитать всем библиографоведам / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2013. – № 3. – С. 71. – [Рец. на кн. : Михеева Г. В. История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.). Ч. 2 / Г. В. Михеева. – Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ки, 2012. – 622 с.]
- 300. Неустанная подвижница чтения / В. С. Крейденко // Школьная библиотека. – 2013. – № 1. – С. 36–39. – Об И.И. Тихомировой.
- 301. Специальные методы исследования в библиотековедении : необходимость изучения, развития и применения / В. С. Крейденко // Библиотечное дело. – 2013. – № 13. – С. 22–27.
- 302. Человек из книжного мира / В. С. Крейденко // Труды / СПбГУКИ ; под общ. ред. И. А. Шомраковой, Г. В. Михеевой. – Санкт-Петербург, 2013. – Т. 201 : Книжное дело: вчера, сегодня, завтра. – С. 261–265.
- 303. Ю. А. Меженко (1892–1969) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2013. – № 2. – С. 120–123.

2014

- 304. В. Ф. Сахаров – сподвижник методологии библиотековедения / В. С. Крейденко // Сахаровские чтения–2014 : сб. ст. по материалам IV междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 4–5 декабря 2014 г. / СПбГУКИ ; науч. ред. М. Н. Колесникова. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 34–36.

305. Важный штрих к портрету А. Н. Ванеева // Анатолий Николаевич Ванеев : биогр. науч. и пед. деятельности / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол. В. В. Брежнева, Г. В. Варганова, С. А. Владимирова. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 10.
306. Выдающийся учёный, педагог, практик, общественный деятель / В. С. Крейденко // Василий Фёдорович Сахаров (1901–1986): биобиблиогр. указ. / СПбГУКИ ; сост. Е. В. Бахтина ; ред. М. Н. Колесникова. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 3–5. – (Ученые Университета культуры и искусств).
307. Вятские пельменные посиделки как бренд гостеприимства семьи Ванеевых / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2014. – № 2. – С. 109–112.
308. Забытый методический семинар / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2014. – № 2. – С. 48–50.
309. Замолвите слово о методе бедном, специальном / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2014. – № 1. – С. 16–19.
310. К вопросу о научных школах в библиотековедении / В. С. Крейденко [и др.] // Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 3–12.
311. Книга – лучший подарок, или зри глубже! / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2014. – № 2. – С. 16–22.
312. Книга прошлого как источник новых знаний / Л. А. Кожевникова, В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 13–16.
313. Структура научно-исследовательского метода и терминологическая трактовка её элементов / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2014. – № 1. – С. 9–12.
314. Чары книжной кулинарии / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2014. – № 1. – С. 129–132.
315. Книга прошлого как источник новых знаний / Л. А. Кожевникова, В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 13–16.

2015

316. Как И. Г. Моргенштерн и студентка вошли на экзамене в РАЖ (мини-мини эссе) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2015. – № 2. – С. 105.
317. Ораниенбаумец – ораниенбаумца – узнают издалека! (мини-эссе-шутка) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2015. – № 2. – С. 106–107.
318. Кактусы на библиотечной выставке... (эссе) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2015. – № 2. – С. 108–111.
319. Леонид Борисов / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2015. – № 2. – С. 112.

320. Избранные труды. К 85-летию со дня рождения автора / В.С. Крейденко. Санкт-Петербург : ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2015. – 419 с.

2016

321. Профессионал с большой буквы / В. С. Крейденко // Библиосфера. – 2016. – № 2. – С. 96–98.
322. Королева шампиньонов (элегическое эссе) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2016. – № 2. – С. 34–36.
323. Вновь о гигиене книги / Ванеев А. Н., Крейденко В. С. // Библиопанорама. – 2016. – № 1. – С. 15–17.
324. Римские каникулы в Улан-Удэ (эссе-репортаж) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2016. – № 1. – С. 71–75.
325. Юрий Николаевич Столяров (эссе) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2016. – № 1. – С. 21–24.
326. Отдых на берегу Байкала: игры, шутки, забавы (эссе) / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2016. – № 1. – С. 96–99.
327. Характеристика основных видов библиотечно-информационного обслуживания / Крейденко В.С., Чурашева О.Л // Библиотечно-информационное обслуживание: учебник / Ю. Ф. Андреева, О. Ф. Бойкова, В. А. Бородина и др.; науч. ред. М. Я. Дворкина. – Санкт-Петербург: Профессия, 2016. – (Учебник для бакалавров). – С. 62–87.

2017

328. Современное состояние и перспективы развития методологии библиотечной деятельности / Л. А. Кожевникова, В. С. Крейденко // Книга: Сибирь – Евразия : тр. I Междунар. науч. конгр. В 3 т. Т. 1 / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. И. В. Лизунова. – Новосибирск, 2017. – С. 57–62.
329. Крейденко В. С. Профессор Юрий Владимирович Григорьев. Краткое эссе, показавшее суть настоящего человека-ученого / В. С. Крейденко // Библиопанорама. – 2017. – № 1. – С. 100–102.
330. Рыцарь книги / В. С. Крейденко // Аскарлова Виолетта Яковлевна : биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. ин-т культуры; сост. Т. Н. Моковая, Ю. В. Гушул, Ю. Б. Разина, О. В. Бессмертная. – Челябинск, 2017. – С. 83.
331. Работа + два дня Римских каникул / В. С. Крейденко // Библиотечное дело. – 2017. – № 14. – С. 79.

332. Методология социокультурного исследования: библиотечная отрасль : краткий понятийно-терминологический словарь / Л. А. Кожевникова, В. С. Крейденко, И. А. Вальдман. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 65 с.

Зарубежные публикации работ В. С. Крейденко

1979

333. Knižničnovedne výskumy. Metodologia a metodika : z rus orig. (Bibliotekovedeckeskiye issledovaniya. Moskva : Kniga, 1978) / prel. M. Ďurovčíková a D. Slížova. – Martin : Matica slovenská, 1979. – 327 s. – На словац. яз. – Авторство В.С. Крейденко – Ч.2. Гл. 2, § 3; Гл. 3–4; Гл. 6.

1985

334. Anatolij Nikoiajevič Vanejev / V.S. Krejdenko // Knihovnictvo a bibliografia. – 1985. – № 5. – S. 93–95. – На словац. яз.
335. Bibliothek und Gesellschaft / [Anatoly N. Vaneev u. a.]; verf. von Helmut Kubitschek. – Dresden : Zentralstelle für d. Hochschulfernstudium, 1985. – T.1 : Das Dokumentenkommunikationssystem und seine Struktur und Funktions. – 80 S. – Пер. загл. на рус. яз. : Библиотека и общество. – В соавт. с А. Н. Ванеевым, В. П. Леоновым, В. М. Мотылевым, В. С. Сидоренко, А. В. Соколовым, Ю. Н. Столяровым, Г. Кубичеком, П. Штебером. – На нем. яз.
336. Bibliothek und Gesellschaft / [Anatoly N. Vaneev u. a.] ; verf. von Helmut Kubitschek. – Dresden : Zentralstelle für d. Hochschulfernstudium, 1985. – T.2 : Objekte und Gegenstä der Bibliothekswissenschaft und der Bibliographie. – 59 S. – Пер. загл. на рус. яз. : Библиотека и общество. – В соавт. с А. Н. Ванеевым, В. П. Леоновым, В. М. Мотылевым, В. С. Сидоренко, А. В. Соколовым, Ю. Н. Столяровым, Г. Кубичеком, П. Штебером. – На нем. яз.

1986

337. Knižničné výskumy. Vedecké základy / V.S. Krejdenko ; z rus. orig. prel. D. Slížova. – Martin : Matica slovenská, 1986. – 153 s. – На словац. яз.
338. Túshū guān yánjiū : Kēxué yījù = Библиотечные исследования : научные основы / V. S. Kreydenko. – Běijīng, 1986. – Переиздание пособия: Библиотечные исследования : научные основы / В. С. Крейденко. – Москва : Книга, 1983. – 142 с. – На китайск. яз.

1988

339. Методология социалистического библиотековедения : современное состояние и перспективы развития в СССР / В. С. Крейденко // *Knihovna vědecko teoretický Slovník*. – Praha, 1988. – С. 82–110. – На русск. яз.
340. Yǐ dúzhě gōngzuò = Работа с читателями. – Běijīng, 1988. – 355 Yè. – Переиздание учебника: Работа с читателями. – 3-е изд., перераб. и доп.; под ред. В. Ф. Сахарова. – Москва : Книга, 1981. – 355 с. – На китайск. яз.

Научное издание

В. С. Крейденко
Избранное

Редакторы М. Е. Лисовская, А. С. Шитова

Подписано в печать 30.10.2018. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 22,25. Уч.-изд. л. 22,25. Тираж 100 экз. Зак. 84495.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры»
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2. Тел. 8 (812) 318 97 16
Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У